След в Истории

МАРИЯ МЕДИЧИ

МИШЕЛЬ КАРМОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Марии Медичи (1573–1642) пришлось пережить бурные времена, будучи супругой знаменитого Наварры. После его смерти она была объявлена регентшей при малолетнем короле Людовике XIII и правила страной в течение семи лет, сохраняя относительный мир и спокойствие.

Ее образ всегда был как бы затушеван, завуалирован по сравнению с другими выдающимися женщинами Истории. Насколько это справедливо, судить читателю. Рассказ о жене Великого Повесы и матери своего августейшего сына, имевшей кроме него еще четверых детей, напомнит о том, что сильные мира сего в личном плане мало чем отличаются от простых смертных…

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

- М. Кармона Мария Медичи
  - Глава I
    - Марсель, 9 ноября 1600 года
    - Детство принцессы
    - «Незнатная» невеста для Европы
    - Брак по расчету
    - Война в Савойе
    - Памятная свадьба
    - Прощай, Тоскана!
    - Из Ливорно в Марсель
    - Путешествие в Лион
    - Генрих IV в 1600 году
    - Франция в 1600 году
  - Глава II
    - Резиденции
    - День королевы
    - Свита королевы: организация и должности
  - Глава III
    - Дети
    - Фавориты: Леонора
    - Фавориты: Кончино Кончини
    - Подруги королевы
    - Жемчуга, бриллианты и делячество
    - Мария и любовницы короля
    - Распавшаяся семья
  - Глава IV
    - Католики и протестанты

- Иезуиты
- Набожность Марии Медичи
- Католическая партия
- Покушения и заговоры

○ Глава V
- Политическая ситуация в Европе
- Тщательная подготовка
- Наследство Клевское и Жюлье
- Любовь и политика: последние похождения Генриха IV
- Мрачные предсказания
- Коронация Марии Медичи

○ Глава VI
- Убийство Генриха IV
- Равальяк
- Знамения
- Прево из Питивье
- Компромат на королеву?
- Суд и казнь Равальяка
- Провозглашение регентства
- Траур королевы
- Похороны Генриха IV
- Вдова

○ Глава VII
- Заветы Генриха IV
- Социальные классы
- Католическое пробуждение
- И тогда пришел Малерб
- Париж: особый мир, особая столица
- Первый урбанист Парижа

○ Глава VIII
- Управление Францией
- Управление Францией
- Правление Кончини
- Коронация Людовика XIII
- Военная экспедиция в Жюлье
- Возвращение принцев
- Проблема режима
- 1611-й
- Уведомление об испанских браках
- Трудности с Савойей. Английский брак
- Могуществе Гизов
- Мантуанское наследство (1613 г.)
- Взятие Мезьера и договор в Сен-Менеульд (15

мая 1614 г.)
- Поездка в Нант
- Глава IX
  -
  - Объявление совершеннолетия Людовика XIII
  - Созыв Генеральных штатов
  - Работа Генеральных штатов
  - Закрытие Генеральных штатов
  - Испанские браки: за или против
  - Испанские браки
  - Луденский мир (8 мая 1616 г.)
  - Конде возвращается
  - Арест Конде (1 сентября 1616 г.)
  - Последние волнения
  - Обобранная страна
- Глава X
  - Детство Людовика XIII
  - Конфликтные отношения
  - Людовик XIII и Люинь
  - Кончини: бесстыдство и неосторожность
  - Государственный переворот 1617 года и смерть Кончини
  - Суд и смерть Леоноры Галигаи
- Глава XI
  - Люинь
  - Государственные мужи
  - «Пражская дефенестрация»
  - Белая Гора (8 ноября 1620 г.)
  - Вальтелина
  - В Беарне
  - Первая религиозная война Людовика XIII и смерть Люиня
- Глава XII
  - Отставка королевы-матери
  - Блуа
  - Первая война Матери и Сына
  - Что было в Анжере?
  - Вторая война Матери и Сына
  - Примирение
- Глава XIII
  - Возвращение к власти
  - Люксембургский дворец
  - Рубенс
  - Людовик — Ришелье — Мария: безоблачное

    - согласие
  - Глава XIV
    - Причины разногласий
    - Мантуанское наследство (1628–1629 гг.)
    - Фонтенбло, сентябрь 1629 года
    - Январь — октябрь 1630 года:
    - День одураченных
    - Репрессии и проявления дурного настроения
    - Компьень
    - Ложный отъезд, который оказался окончательным
  - Глава XV
    - Испанские Нидерланды
    - Первые шаги в Бельгии
    - Где нашелся Гастон Орлеанский
    - Лотарингские интриги. Гастон в Брюсселе
    - Недовольство в Лангедоке и бунт герцога де Монморанси
  - Глава XVI
    - Валленштейн
    - 1633-й: печальный год для королевы-матери
    - Разногласия среди эмигрантов. Гастон уезжает во Францию
    - Война с Испанией
    - Гастон и граф де Суассон
    - Волнения во Франции
    - Кампании 1637–1638 годов
    - Мария Медичи покидает Испанские Нидерланды
  - Глава XVII
    - Разрыв с Испанией
    - Переезд в Голландию
    - Генриетта, дочь моя
    - Оскорбления и грубость
    - Англия. Перед революцией
    - Кельн, 3 июля 1642 года
    - Смерть украдкой
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Дети Генриха IV и Марии Медичи
    - Хронология
    - Иллюстрации[9]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9

М. Кармона Мария Медичи

Каролине

Глава I
«НЕЗНАТНАЯ» НЕВЕСТА ДЛЯ ЕВРОПЫ

Марсель, 9 ноября 1600 года

Сегодня в городе праздник: ждут новую королеву Франции. Позавчера она была в Антибе, вчера в Тулоне, а сегодня в Марселе заканчивается ее двадцатитрехдневное плавание из Ливорно. После вступления в брак с Генрихом IV по доверенности 5 октября в соборе Флоренции Мария Медичи, дочь покойного великого герцога Франческо-Марии I Тосканского, племянница правящего Великого герцога Фердинанда I, его брата, официально стала королевой Франции.

Какого только терпения и упорства ни потребовалось флорентийской принцессе, чтобы этого добиться. Она родилась 26 августа 1573 года — следовательно, ей уже исполнилось 27 лет. Никто не будет отрицать, что время для первой любви уже прошло. Впрочем, любовь занимала слишком мало места в жизни принцессы: закончилось ее не особенно веселое детство, и она сразу же стала ставкой в политике брачных союзов — и политики вообще — великих держав христианской Европы.

Детство принцессы

Мать Марии Медичи, эрцгерцогиня Жанна Австрийская, умерла, когда принцессе исполнилось только пять лет, оставив своему мужу Франческо-Марии I Медичи четверых детей: сына Филиппа и трех дочерей — Элеонору, Анну и Марию. Через два месяца после смерти Жанны Франческо-Мария женился на своей любовнице Бьянке Капелло и, оставив своих детей во дворце Питти, обосновался вместе с ней в имении Пратолино.

Мария Медичи не выносила присутствия Бьянки рядом с отцом: позже она признается, что глубоко презирала его за то, что после первого брака с Жанной Австрийской он женился на вдове простого флорентийца. Желая показать неодобрение, Мария, любившая веселье и роскошь, отказывалась посещать праздники, охоты, балы и спектакли, которые организовывала Бьянка.

Эти годы остались в памяти как череда несчастных случаев и траура. Три раза в ее комнату ударяла молния. От землетрясений качался дворец Питти. Как-то принцесса чуть было не утонула недалеко от Пизы. В 1583 году она теряет брата Филиппа, в начале 1584 года от продолжительных носовых кровотечений внезапно умирает старшая сестра Анна — веселая и жизнерадостная девушка, ей было всего 15 лет. Через несколько месяцев другая сестра, Элеонора, покидает дворец Питти, выйдя замуж за герцога Мантуанского. Одиннадцатилетняя Мария остается одна, почти без родственников, без друзей.

Ее воспитанием занималась Франческа Орсини, состоявшая с Медичи в родстве: она должна была воспитать Марию в благочестии, почтении к отцу и, главное, скромности. Великий герцог согласился, чтобы ее кузен Вирджинио Орсини воспитывался вместе с ней. Он станет первой любовью принцессы и много лет спустя вызовет ревность Генриха IV. Об этой юношеской идиллии практически ничего не известно: только намеки Сюлли и принцессы де Конти.

Занятия поглощают большую часть времени принцессы: девушка изучает историю, любит химию и ботанику, сильна в математике. Она с жаром занимается живописью, скульптурой, гравюрой. Ее страсть — музыка, игра на гитаре и лютне. Любимое развлечение — концерты, бывшие в большой моде при дворе Великого герцога. Принцесса прекрасно разбирается в драгоценных камнях — впрочем, как и всех Медичи, более прочих ее волнуют бриллианты и жемчуг.

Кроме Вирджинио Орсини у нее появляется подруга, на пять

лет старше, — Леонора Галигаи. Она не знатного происхождения, кажется, дочь плотника, по характеру «приятная и забавная». Мария Медичи очень полюбила Леонору, которая с ней проводит все время, слушает ее, ей советует. Леонора привязалась к Марии и преданна ей. Между собой девочки очень рано привыкли говорить друг другу «ты».

19 октября 1587 года Великий герцог Тосканский внезапно умирает — ему было только 47 лет. На следующий день умирает Бьянка Капелло. Поговаривали об убийстве, отравлении. Франческо-Марии, не имевшему сына, наследует его брат — тридцативосьмилетний кардинал Фердинандо, который оставляет кардинальский сан, чтобы стать Великим герцогом Тосканским под именем Фердинанда I. Он очень любит свою племянницу Марию. 30 апреля 1589 года он женится на Кристине Лотарингской — племяннице Екатерины Медичи. Великой герцогине, как и Марии, 16 лет. У них пока прекрасные отношения, и праздники сменяют друг друга во дворце Питти.

«Незнатная» невеста для Европы

Мария Медичи представляла собой прекрасную партию. Медичи были главными банкирами Европы, и принцесса Тосканская могла претендовать на брак с самыми могущественными суверенами христианского мира. Кандидатов предлагала Испания: сначала Алессандро Фарнезе, герцога Пармского, друга и союзника Испании, одного из великих военачальников своего времени, но у того были свои матримониальные планы; потом — герцога Брагансу, наследника бывшей правящей фамилии в Португалии. Его имя одно из самых известных, но Португалия — всего лишь провинция в составе Испании. Фердинанд хочет для своей племянницы гораздо более выгодной партии и не может согласиться на брак, который сведет ее до уровня всего лишь одной из знатных дам, не более.

Мадридский двор предлагает великолепную партию: эрцгерцог Матьяш (Матвей) — наследник и брат правящего императора Рудольфа II. Великий герцог необычайно польщен, но переговоры о браке настолько затянулись, что, отчаявшись, Фердинанд начал искать другого претендента.

Его жена, Великая герцогиня Кристина, будучи сама из семьи могущественной и влиятельной при Французском дворе, подумала об одном из своих родственников — принце де Водемоне. Фердинанд готов уступить настояниям жены, как вдруг разражается страшный скандал — Мария Медичи не согласна. Однако с каких это пор девица на выданье противится воле своего отца или законного опекуна?!

Причина упрямого и окончательного отказа — предсказание. Одна сиенская монахиня, Пасситея, предсказала Марии Медичи, что она станет королевой, а это значительно сузило поле поиска: в Англии уже правила королева Елизавета, поэтому оставались только Франция и Испания. Леонора считала, что Франция — лучше. Поэтому упрямая Мария решила, что она станет королевой Франции и никакой другой страны.

Великая герцогиня с большим неудовольствием восприняла отказ Марии и чуть было не выгнала Леонору. Но та выторговала разрешение остаться, пообещав принять сторону Великого герцога; оценив ум маленькой Галигаи, он решил, что девчонка может быть ему полезна.

Но вскоре стало ясно, что в дураках оказался сам Великий герцог: Леонора опять поддерживала Марию в решении отказаться от нового, более чем почетного, предложения: речь шла о самом императоре Рудольфе или его наследнике.

Привлеченные большим приданым Марин, они не хотели, чтобы все уплыло к принцу де Водемону. Если бы Мария вышла замуж за Рудольфа, Фердинанд дал за ней 600 000 экю приданого, и только 400 000, если бы она вышла замуж за его брата. Предложение это, хотя и странное, было весьма заманчивым, и Фердинанд согласился.

Мария снова отказалась, и герцог едва не наказал Леонору за предательство, но выяснилось, что Леонора и Мария были правы, не доверяя Вене.

Рудольф совсем не торопился назвать будущего мужа Марии. Он даже отказывался назначить день свадьбы. В конце концов Великий герцог пришел к убеждению, что уклончивость венского двора не случайна: единственной целью было помешать ему выдать племянницу замуж против желания дома Габсбургов. Так и не получив четкого ответа от императора, Фердинанд забрал свое слово и принялся искать новую партию, выгодную и соответствующую амбициям Марии Медичи.

Предсказание Пасситеи начало сбываться: вскоре начались переговоры с Французской короной.

Следует объяснить, каким образом Великий герцог пришел к мысли о браке с королем Франции — еретиком и уже женатым.

Прежде всего, не следует забывать о давних и тесных связях Франции и Тосканы. Екатерина Медичи, ставшая женой Генриха II, привлекла во Францию множество флорентийцев. Кроме того, Великие герцоги Тосканские были главными банкирами французского короля. К 1599 году Франция задолжала Медичи астрономическую сумму — 1 174 147 золотых экю.

Собственно, из-за денег в 1592 году и послал Генрих IV кардинала де Гонди, флорентийца по происхождению, к Великому герцогу. Но начавшиеся по поводу нового займа переговоры перешли на почву политики. Теперь Генрих взял управление страной в свои руки, много говорили о его обращении: это радовало Великого герцога и он даже охотно согласился использовать свое влияние, чтобы ускорить получение папского отпущения грехов для короля-еретика.

Гонди воспользовался этим, чтобы сделать несколько замечаний личного порядка, касающихся Генриха IV. Уже двадцать лет тот состоял в браке с Маргаритой де Валуа. Но у них не было детей, и все знали, что уже долгое время они живут отдельно друг от друга. Король намерен теперь обеспечить будущее династии. Он хочет просить папу о расторжении брака с Маргаритой де Валуа. Не может ли Великий герцог в этом помочь, и почему бы затем не обсудить возможность брака его

племянницы и короля Франции?

В этом месте Великий герцог стал более внимателен к словам кардинала: он пообещал свою помощь при папском дворе, мимоходом дал несколько советов, как бороться с лигой, а под конец в общих чертах набросал вместе с Гонди проект брачного договора между Генрихом IV и Марией Медичи. Речь шла о приданом в миллион экю. Великий герцог с удовольствием согласился на выплату Францией своего долга, но Гонди предпочитал, чтобы крупная сумма была выплачена наличными. Все эти разногласия были незначительными: главное, было достигнуто принципиальное согласие по поводу самого брака.

Генрих IV был удовлетворен результатами миссии Гонди и через своего чрезвычайного посла де Ла Клиеля выразил официальное согласие относительно пунктов, по которым договорились Великий герцог и Гонди.

Великий герцог очень серьезно воспринимает возникшее сближение и начинает все более и более активно вмешиваться в дела Французского королевства. Мальтийский рыцарь Джакопо Гиччардини, поступивший на службу в армию Генриха IV и регулярно переписывающийся с Фердинандом, дает тому совет принять католичество.

Но Фердинанд не ограничивается только добрыми словами: по просьбе короля, он открывает ему кредит у своего представителя во Франции Жерома Гонди. Великий герцог был одним из первых суверенов, которым король сообщил о своем обращении.

Затем Фердинанд сыграл значительную роль в переговорах со святым престолом. Несмотря на то, что папа был из семьи Альдобрандини, имевшей давние разногласия с Медичи, он был еще и флорентийцем: солидарность земляков в таком важном деле, как примирение короля Франции с католической церковью, оказалась сильнее мелких распрей. Папа хотел, чтобы в обмен на отпущение Генрих согласился вернуть во Францию иезуитов. Однако король отказался. Но Фердинанд смог добиться от папы в сентябре 1595 года безусловного отпущения, несмотря на сильный нажим, которому подвергался понтифик со стороны испанцев.

Как раз в 1595 году отношения между Парижем и Мадридом ухудшились настолько, что Генрих объявил Испании войну. А это значило новые расходы, новые займы, которые Фердинанд поспешил обеспечить. Положение французского короля стало критическим. Сильная испанская армия вступила в Бургундию, губернатором которой был герцог Майеннский, он немедленно присоединил свои силы к испанскому войску. В Бретани бунтовал

герцог де Меркер. Границам в Пикардии угрожала еще одна испанская армия. Генрих поручил Арлею де Сансе, которому он полностью доверял, привезти из Флоренции 100 000 экю под конвоем пяти рот всадников и 200 пеших солдат.

О браке с Марией Медичи уже забыто, и настроение Великого герцога начинает портиться. Пусть хотя бы вернут ему долги! Но Французское королевство обескровлено. Война с Испанией, гражданская война против остатков лиги.

В 1596 году с лигой покончено. Все ее предводители, в том числе герцог Майеннский и герцог де Меркер, стали союзниками Генриха IV в обмен на щедрые вознаграждения. «Операция по покорению» обошлась королю в 32 миллиона ливров. Естественно, флорентийским банкирам придется подождать. В 1597 году после потери Амьена финансовое положение становится настолько катастрофическим, что великому герцогу ничего другого не остается, как в качестве залога захватить замок Иф и острова Поммег и Ратонно.

Под угрозу поставлена честь французского короля. Но правительство решает проглотить свою гордость и попытаться договориться с Фердинандом. Его снова просят помочь в расторжении брака Генриха IV и Маргариты де Валуа.

Министры короля во главе с Сюлли не зря вытащили на свет божий старый план брака Марии Медичи и Генриха IV. Необходимо срочно осуществить его, потому что король решительно настроен жениться на Габриэль д'Эстре, от которой у него двое сыновей — Сезар и Александр де Вандом. Это было бы грубой политической ошибкой. Избранница короля не особенно родовита. Традиции французского дома требуют, чтобы король взял себе в жены принцессу из правящей европейской фамилии. Сама Маргарита готова согласиться на развод, но не желает, чтобы ее место заняла Габриэль д'Эстре — она даже тайком написала папе, прося его чинить препятствия при процедуре расторжения ее брака. Но Генрих IV держался стойко и приказал начинать приготовления к свадьбе с Габриэль, как вдруг 10 апреля 1599 года она умирает, скорее всего, отравленная, к чему явно приложил руку банкир Дзаметто — друг Генриха IV.

Нет никаких сомнений в том, что существовал заговор с целью устранения Габриэль. В судорогах, она требовала позвать короля с такой настойчивостью, что были вынуждены послать гонца в Фонтенбло за Генрихом. Он вскочил на лошадь и помчался в Париж. В нескольких лье от столицы другой гонец, выехавший ему навстречу, сообщил, что его любовница умерла, а спутники короля уговорили его вернуться в Фонтенбло. Но

Габриэль была жива еще три дня.

Эта смерть решала многие проблемы. Прежде всего она ускоряла расторжение брака короля. С другой стороны, давала возможность успешно закончить переговоры о браке Генриха IV с Марией Медичи.

Брак по расчету

Сен-Симон прекрасно сформулировал то, что лежало в основе правления Генриха IV: «Крупные суммы, взятые в долг у Великого герцога, и надежда получить новые займы, уважение к его персоне в Европе, недостаток принцесс на выданье скрыли, как могли, первый пример мезальянса, который Генрих показал будущим поколениям». Главное заинтересованное лицо высказывается по этому поводу совершенно определенно: «Я отношусь к тем людям, которые полагают, что удачный брак должен покрыть часть их долгов», — писал Генрих своему послу в Англии.

Фердинанд поспешно отвечает на предложения Франции: во-первых, потому что ищет ее поддержки, чтобы противостоять союзу своих давних соперников — семьи Альдобрандини и Испании, а во-вторых, потому что Марии Медичи уже исполнилось 27 лет — в то время это был критический возраст для вступления в брак. Кроме того, Великий герцог боялся, что уже не сможет найти ей достойную партию.

В мае 1599 года Генрих IV отправляет Гонди во Флоренцию. Великий герцог в принципе согласен. Разногласия начинаются, когда речь заходит о деньгах. Гонди помнит, что разговор шел о сумме в миллион экю. Фердинанд же считает, что приданое его племянницы не должно превышать 500 000 экю, из которых 400 000 пойдут в счет уплаты долга, а 100 000 будут выплачены наличными. Великий герцог уточнял, что наличные будут выплачены в Марселе, куда он отправит Марию Медичи за свой счет, и будущая королева Франции отправится в путь из Ливорно со свитой в 24 галеры.

Узнав о требованиях Великого герцога, Генрих заявил, что не пойдет ни на какой компромисс и требует миллион экю, поскольку это достойно его титула. Сумма была определена еще в 1592 году. В таких обстоятельствах он готов отказаться от брака. Окружение короля в Париже было готово пойти на уступки: их тревожило, что через несколько недель после смерти Габриэль д'Эстре Генрих попал в сети к новой любовнице — Анриетте д'Антраг. Генрих собственноручно написал обещание, заверенное министрами, что женится на ней, если в течение полугода она забеременеет и у нее родится сын.

Гонди, со своей стороны, пытается добиться понимания от правительства Флоренции. После продолжительного торга, великий герцог предложил сумму приданого в 600 000 экю, на

которую Генрих, не моргнув глазом, согласился: 250 000 пойдут в уплату долга, а 350 000 будут выплачены наличными.

В итоге сделка оказалась не так уж плоха и Сюлли с полным правом мог заметить, что еще ни одна королева Франции не приносила своему супругу такого большого приданого. 30 декабря 1599 года Генрих согласился заключить брак на этих условиях.

Последнее слово по поводу делового брака принадлежит Сюлли: «Не подобает человеку вашего ранга брать жену ради денег, равно как и Великому герцогу не приличествует покупать ваш союз за определенную сумму».

7 марта 1600 года в Париже, в доме коннетабля Монморанси, канцлер Помпонн де Бельевр, сеньор де Криньон, и Максимильен де Бетюн, сеньор де Рони (оставшийся в истории под именем Сюлли), каноник Баччо Джованнини и его секретарь из флорентийского посольства от имени короля Франции и великого герцога Тосканского подписали конвенцию о финансовых условиях брака между королем и принцессой Марией, в соответствии с которой брак принесет королю Франции 350 000 экю наличными и избавит его от части долга в размере 250 000 экю по отношению к Великому герцогу. Брачный контракт повторяет положения конвенции и кроме прочего предусматривает следующее:

— бракосочетание будет произведено по доверенности во Флоренции;

— принцесса отказывается от всех прав на наследство своих родителей;

— король Франции обеспечит королеве ежегодную ренту в 200 000 золотых экю, гарантированных различным заложенным с этой целью имуществом.

В других положениях предусматриваются формы возвращения приданого, если Мария Медичи будет отослана во Флоренцию, гарантии в этой связи, права детей.

25 апреля 1600 года Брюлар де Сильери подписывает контракт от имени короля Франции с Великим герцогом Тосканским и Марией Медичи. Осталось определить дату и город, где Генрих встретится с Марией.

Генрих IV видел Марию только на портрете, семнадцатилетней. Теперь ей 27. Картина Рубенса «Представление портрета королевы Генриху IV» — одна из самых прекрасных в его серии «История Марии Медичи». Лицо Генриха выражает удивление и восхищение при виде будущей супруги:

глаза игриво блестят, бородка воинственно вздернута — все это красноречиво свидетельствует о чувствах Великого Повесы.

Желая побольше узнать о принцессе Тосканской, Генрих просит Шарля де Невилля, сеньора д'Алинкура, посланного с миссией в Рим, заехать во Флоренцию и со всей тщательностью рассмотреть Марию. Д'Алинкур не скупится на похвалы: Мария Медичи высокого роста, взгляд высокомерный, благородная стать, у нее лицо с крупными чертами, светлая кожа и двойной подбородок, что по канонам той эпохи считалось очень красивым. Дородность при ее росте придает ей величественность и внушительность. Генрих, можно сказать, попался: пышные формы принцессы гораздо приятнее впалых ребер повелительницы его чувств Анриетты д'Антраг!

Довольный отчетом д'Алинкура, Генрих направляет счастливой избраннице письмо с официальным предложением. Сквозь условности стиля ясно выражено нетерпение познакомиться с этой, если верить д'Алинкуру, полной прелести женщиной. Генрих дает ей обещание хранить верность, хотя будущее покажет, насколько оно недолговечно. Но пока он искренне в это верит и полон желания заключить союз — прочный и основанный на доверии.

Война в Савойе

Обострение отношений с герцогом Савойским становилось неизбежным, и это в немалой степени способствовало быстрому подписанию соглашения между Францией и Савойей: состояние королевской казны после тридцати лет войны было таково, что снова приходилось прибегать к помощи флорентийских банкиров.

Савойей в те времена называли княжество, состоявшее из трех территориальных блоков: первый, между Бургундией и Роной, объединял Бресс со столицей в Бурге, Бюже, частично Жекс, Вальроме. Второй блок составляла собственно Савойя со столицей в Шамбери и двумя находящимися в подчинении провинциями — Тарантез и Морьенн. Третий блок был расположен в Италии и включал в себя Пьемонт со столицей в Турине.

Франция и Савойя враждовали из-за маркграфства Салюс. Во время религиозных войн герцог Савойский захватил эту территорию Франции на равнинах Северной Италии. Вервинский договор 1598 года, заключенный между Францией и Испанией и ратифицированный самим герцогом Савойским, признавал права Франции на Салюс и обязывал герцога вернуть маркграфство. Но только после угроз Генриха IV герцог отправился в Париж, где между Францией и Савойей был подписан Парижский договор, по которому герцог мог выбирать одно из решений: либо вернуть маркграфство, либо сохранить его, отдав взамен принадлежащие ему Бресс, Бюже, Жекс и Вальроме. Воспользовавшись пребыванием в Париже, герцог заручился поддержкой одного из ближайших соратников короля — Бирона, с которым составил заговор против Генриха IV.

Герцог возвращается в Савойю, а в это время в Париже Бирон доказывает, что Салюс Франции не нужен и лучше от него отказаться сразу и безоговорочно. Таким образом, герцог выигрывает время, что позволяет ему, удерживая Салюс, дать возможность губернатору испанского Миланского герцогства собрать армию в 40 000 человек.

У Генриха практически не оставалось выбора: либо не обращать на это внимания и таким образом проявить слабость в отношении принца второго порядка в Европе, рискуя при этом мятежами в подвластной Бирону Бургундии, либо потребовать от герцога выполнения положений Парижского договора, а это значит — война. Генрих выбирает второе (стремясь при этом нанести двойной удар: заставить герцога выполнить договор и уничтожить в зародыше заговор Бирона) и поручает Сюлли

готовить военный поход против Савойи: к июню тот собрал в Лионе 30 000 солдат, 40 пушек, тысячи ядер и сотни тысяч фунтов пороха.

Срок ультиматума истек в июне, а герцог не торопился выполнять условия договора — он надеялся на успех заговора Бирона, который должен был избавить его от короля Франции в ближайшие недели. Тогда Генрих отправляется в Лион вместе с Бироном — главным маршалом. Чтобы не вызывать подозрений Бирона, Генрих доверяет ему часть армии и окружает безгранично преданными королю офицерами.

Герцог Савойский встревожился и направил в Лион послов с предложениями по договору, но дал им тайные указания затянуть переговоры до зимы, когда любые военные действия в гористой Савойе становятся невозможны. Сначала Сюлли, а потом Генрих поняли хитрость послов герцога Савойского, и 11 августа король издал манифест об объявлении войны.

Поглощенный подготовкой к войне, Генрих тем не менее не забывает о Марии Медичи. Его письма становятся более живыми, более раскованными. Он сообщает будущей супруге о делах королевства: «Герцог Савойский хитрил до последнего, но я так давил на него, что не оставил ему никакого выхода. И если он не выполнит мои требования, то следующее письмо к вам я направлю из Шамбери». А дальше «старина Генрих» непринужденно продолжает: «Раз уж Вы так печетесь о моем здоровье, то советую Вам заботиться о Вашем, чтобы, когда Вы приедете, мы смогли сделать красивого ребенка, который заставит радоваться наших друзей и плакать — наших врагов. Вы хотели знать, как одеваются во Франции, — посылаю Вам кукол и пришлю очень хорошего портного. Я уже пишу Вам свободно, поступайте и Вы так же, потому что мы связаны узами, которые даже смерть не сможет разорвать».

Все еще жива память о рыцарях, а Генрих IV — прямой наследник тех королей, что шли на войну под знаменем с гербом дамы сердца.

А вот теперь — война! Генрих доверяет Бирону армию, с которой тот, вопреки своей воле, захватывает город Бург! Только крепость сумела устоять перед яростным натиском французов.

Основное наступление на Монмелиан и Шамбери ведет армия Ледигьера, к которой присоединился король. 17 августа сдается город Монмелиан, а 20-го и 21-го — город и крепость Шамбери. Ничто не может остановить продвижение королевских войск: во всей Савойе верность герцогу сохраняют только три крепости: Бург-ан-Бресс, Монмелиан и форт св. Екатерины.

24 августа Генрих из Шамбери снова пишет Марии: «Если мне придется вступить в бой за Вашу любовь, я буду драться на шпагах. Я думаю, что Вы избавили бы меня от необходимости предоставлять такое доказательство моей любви, но в том, что касается войны, я не прошу советов у женщин».

Каков тон! Это король Франции! Влюбленный, галантный, но при этом властный и не позволяющий навязывать ему манеру поведения. Женщины могут быть красивыми, нежными, влюбленными, но не имеют права вмешиваться в войну — привилегию мужчин. Это и нетерпеливый муж, спешащий закончить формальности брака по доверенности и увидеть свою жену.

Савойская война вступила в свою финальную стадию. Теперь герцог надеется только на Бирона, который и сам жаждет отомстить королю. Вместе они договариваются организовать покушение на короля. Но в последний момент Бирона обуяли угрызения совести, и он обо всем рассказал Генриху IV. Король простил его в обмен на обещание прекратить всякие отношения с герцогом Савойским.

В ноябре крепость Монмелиан и форт св. Екатерины сдаются — герцог не решился вступить в бой с Генрихом. В начале декабря у герцога остается только крепость Бург. Он вынужден просить мира. Условия просты и соответствуют положениям Парижского договора — герцог всего лишь оттянул его исполнение на год. Кроме того, он отдает королю Франции все оружие, которое тот захватил в качестве трофеев, а за свои хитрость и двуличие выплачивает 300 000 ливров, что с лихвой покрывает все издержки Генриха на военную кампанию. Мирный договор подписан 17 января 1601 года в Лионе, где Генрих вот уже месяц ожидает приезда новобрачной.

Памятная свадьба

20 сентября в Ливорно прибывает герцог де Бельгард в сопровождении сорока дворян, составляющих цвет французской знати. Он привез документы, необходимые для заключения брака по доверенности. Папа, который столько сделал для его осуществления, хотел было провести свадебную церемонию сам, но чтобы не откладывать ее, он отправил племянника, кардинала Альдобрандини, от его имени благословить брак во Флоренции.

Кардинал прибыл в столицу Тосканы 4 октября 1600 года. У ворот города его встречал Великий герцог. В свите шли монахи и белое духовенство, за ними — городские герольды, придворные и офицеры великого герцога, сам Великий герцог и кардинал. Далее — пятьдесят всадников, лучники, группа флорентийских дворян, багаж кардинала, еще группа флорентийских дворян, затем шестнадцать прелатов в сопровождении представителей самых благородных фамилий Рима. Заключали шествие пятьдесят дворян из личной охраны Великого герцога. У дверей собора кардинал преклонил колени на ступеньках и поцеловал протянутое ему распятие, после чего вместе со свитой направился во дворец Питти, где его ждал двор Великого герцога.

На следующий день в соборе Флоренции состоялась церемония бракосочетания. Кардинал занял место под золотым балдахином справа от алтаря. Мария Медичи — напротив кардинала рядом с дядей, великим герцогом, под другим балдахином слева от алтаря. Затем Бельгард подвел ее к кардиналу, а Великий герцог стал слева от него. Фердинанд показал доверенность короля Франции, позволяющую от его имени вступить в брак с принцессой Марией. Кардинал показал доверенность папы на проведение брачной церемонии. Два прелата громко огласили оба документа. Затем кардинал услышал «да» от Марии Медичи и Фердинанда и объявил их связанными брачными узами. По всему городу раздавались залпы пушек и стреляли из мушкетов.

Вчерашняя «незнатная невеста для Европы» теперь должна выполнить поставленные перед ней Великим герцогом, Испанией и папой задачи: родить детей Генриху IV, чтобы укрепить католическую партию во Франции и окончательно возвратить королевство в лоно римской апостольской церкви.

В вихре пышных празднеств, сменяющих друг друга, практически незамеченными проходят два события: дают первую в истории музыки оперу — *Эвридика* Пери, а герцог Мантуанский, женатый на Элеоноре, сестре Марии Медичи, представляет новой

королеве Франции молодого и необыкновенно талантливого художника, которого он принял к себе на службу — Питера Пауля Рубенса. Никто и не подозревает, что через двадцать пять лет он напишет для Марии Медичи знаменитую серию картин, представляющих хронику ее жизни.

Во дворце Питти состоялся грандиозный бал, за которым последовал роскошный и чрезвычайно утонченный ужин. Мясо подавалось выложенным в форме редких животных: слонов, жирафов, крокодилов. С оливковых деревьев свисали яблоки, сливы и самые редкие фрукты. Когда настало время подавать десерт, стол для почетных гостей разделился на две части и между ними как из-под земли появился еще один стол с фруктами и сладостями. Затем исчез и этот стол и на его месте появился другой, сверкающий драгоценными камнями, за ним третий — с фруктами и фонтанчиками по краям, а в это время в зал было выпущено около тысячи птичек. Хор славил добродетели Генриха IV и новой королевы Франции.

Прощай, Тоскана!

13 октября Мария Медичи выехала из Флоренции в Ливорно, где она сядет на корабль, который увезет ее в Марсель. За несколько часов до отъезда прибыл нарочный из Франции с письмом от Генриха: «Женушка, любите меня, и тогда Вы будете счастливейшей из женщин».

Марию сопровождают Великая герцогиня Кристина, государственный секретарь Великого герцога Белизарио Винта, ее личная камеристка Леонора Галигаи и молодой флорентийский дворянин Кончино Кончини, свита в 2000 человек и, конечно же, 350 000 экю приданого.

Мария Медичи навсегда покидает родную Тоскану. Слово *флорентиец* так и осталось до сих пор синонимом двуличия и изворотливости. Не зря же во Флоренции родился Макиавелли. История княжества, и особенно захватившей в нем власть семьи Медичи, — это череда интриг, убийств и разврата. Медичи всегда стремились к союзу с Габсбургами — только император, теоретический сюзерен Италии, мог утвердить их титул великих герцогов, который они незаконно присвоили. Даже далекая от политики Мария всегда в глубине души считала Испанию и Австрию правомочными сюзеренами среди других стран Запада.

Тоскана — всего лишь маленькое княжество, но личное состояние семьи Медичи позволили Тоскане достойно выглядеть в ту эпоху на общем фоне. Это был мир, в котором все покупалось: убеждения, жизнь врага, дружба главы более сильного государства. У Марии Медичи все останется в памяти, когда после смерти Генриха IV она станет регентшей Французского королевства. Если воздействие оказывалось неэффективным, оставался последний довод — убийство. Семья Медичи прославила себя большим количеством такого рода деяний: дядя Пьетро, например, заколол кинжалом жену Элеонору, Паоло Джордано Орсини, герцог Браччано, задушил жену Изабеллу — тетку Марии, о недостойном поведении Изабеллы поведал ее мужу ее же брат — герцог Франческо-Мария I, отец Марии, любовница которого, Бьянка Капелло, ставшая впоследствии его второй женой, стремясь привязать к себе Великого герцога, купила трех еще не родившихся детей у их матерей: двое первых оказались девочками, которых она приказала задушить, а третьего — мальчика — предъявила Великому герцогу как его.

Таким образом, скрытность и отсутствие угрызений совести еще больше, чем знание изящной литературы и живописи, стали тем багажом, с которым Мария Медичи готовилась отправиться во Францию. Становится понятно, почему, рассматривая кандидатуры принцесс вместе с Сюлли, Генрих был особенно сдержан, когда речь зашла о Марии: «Говорят, что у герцога Флорентийского весьма красивая племянница, но она из самых незначительных княжеских домов христианского мира: всего шестьдесят или восемьдесят лет назад ее предки были лишь именитыми горожанами. Она из того же рода, что и королева Екатерина, которая принесла Франции и мне столько несчастий. Я опасаюсь этого брака: боюсь, что он принесет мне, моей семье и государству много зла». Скорее всего, эта встреча проходила в 1598 году. Спустя два года принцесса Тосканская, ставшая королевой Франции, направляется из Ливорно в свою новую страну.

Из Ливорно в Марсель

9 ноября 1600 года новая королева прибыла в Марсель. Марсельцы бесконечно обрадовались прибытию Марии Медичи в их город. На пристани в ее честь были развернуты красные ковры. Мария была несколько разочарована: Генрих ее не встречает. Хотя она знала, что, скорее всего, его не будет, она все-таки надеялась. Затем состоялся грандиозный и бесконечный прием в городской ратуше; балы, пиры, шествия заставили Марию забыть об отсутствии короля.

Великая герцогиня Тосканская официально передала принцессу и ее приданое, после чего отбыла в Ливорно. Белизарио Винта отправится в Лион, чтобы обсудить с королем и его министрами организацию двора королевы и некоторые политические и финансовые проблемы, заботившие Великого герцога Тосканского.

Путешествие в Лион

По дороге в Лион была сделана остановка в Экс-ан-Провансе. 6 ноября 1600 года Марии Медичи представили почти неизвестного поэта Франсуа Малерба. Он подарил государыне *Оду на счастливое прибытие королевы во Францию:*

Народы, наденьте на головы
Венки из всех цветов земли;
Народы, пусть этот прекрасный праздник
Навсегда заставит умолкнуть наши рыдания;
Вот она, прекрасная Мария,
Чудо Этрурии,
Она заставила солнце признаться,
Что во все времена,
С неба, в которое оно поднимается,
Никогда не сходило ничего подобного.

В поэме мы найдем поэтическое эхо пожелания забеременеть:

Вы родите нам дофина,
И вы сами однажды увидите,
Как всей земли хозяином
Сделают его любовь или оружие.

После такой изящной поэтической интермедии королева и ее свита продолжили свой путь в Лион. В дороге не обходится без неприятностей: при переходе вброд Дюранса утонул лакей, несколько знатных особ — среди них был посол Флоренции — потеряли равновесие и их сбило с ног течением. Целый день свита Марии Медичи переправлялась через реку, и в итоге основной багаж остался на южном берегу реки.

В Авиньоне Марии был оказан теплый прием. Здесь ее встречали иезуиты, изгнанные из королевства, — ее приезд нес им надежду.

Теперь Мария спешит в Лион, где она встретится с королем. В Валансе она получает письмо от Генриха, где он извещает ее о своем приезде в Лион 9 декабря.

3 декабря 1600 года Мария Медичи торжественно вступает в Лион. У городских ворот ее встречают губернатор и все именитые жители. Дома знати украшены гобеленами и золотым сукном.

Вечером город светится от огней и факелов.

Взятием форта св. Екатерины закончилась война в Савойе. Теперь Генрих может ехать в Лион. Вечером 9 декабря он отправляется к коннетаблю де Монморанси и посылает предупредить королеву о своем приезде. Уже около восьми часов вечера.

В это время Мария ужинала в компании дона Антонио (сына, купленного Бьянкой Капелло), своего кузена дона Вирджинио, каноника Баччо Джованнини, посла Флоренции и мадам де Немур, которая рассказывала королеве о французских нравах.

Спрятавшись за спинами обершталмейстера и де Бельгарда, Генрих наблюдает за Марией. Ей сообщают о том, что король здесь. Она тут же встает и удаляется в свои покои.

Тогда Генрих выходит вперед и стучит к ней в дверь, говоря, что он король. Ему открывают, и взволнованная Мария падает к его ногам. Но Генрих подхватывает ее, обнимает, прижимает к себе и покрывает поцелуями ее лицо. После чего просит представить ему присутствующих, Леонору же он целует «по-французски».

Вскоре король заявляет, что хочет пить. Ему подают напитки и собранный наспех ужин. Отведав поданные яства, он галантно заявляет королеве, что своей красотой она превосходит портрет, который ему представили, а кроме того, создается впечатление, что «черты ее свидетельствуют о твердости и мудрости». Рассказывает о войне с герцогом «Несавойским».

Во время всей этой сцены королева, приглашенная за стол короля, наслаждается словами супруга, который выглядит именно так, как она и мечтала, — настоящий солдат, полный величия и достоинства, в кругу подданных, обнаживших перед ним голову.

Ужин закончен. Генрих дает понять Марии, что он устал, и приглашает проследовать в ее спальню. Еще несколько минут с приглашенными, после чего те откланялись и Генрих IV остался с королевой один на один.

На следующий день королева доверительно сообщает мадам де Немур и своему врачу, что «в конечном итоге, все прошло хорошо». Король не скрывает своего удовлетворения. Утром Мария Медичи представила ему Винту, который, в соответствии с протоколом, целует колено Генриха IV, приветствуя от лица Великого герцога и Великой герцогини Тосканских, поздравляет его с победами и просит официальной аудиенции для выполнения своей миссии.

Теперь оставалось провести «настоящую» церемонию

вступления в брак, потому что во Флоренции был освящен брак по доверенности. Для этого в Лион приехал кардинал Альдобрандини.

Вот что Винта рассказывает о свадебной церемонии: «В воскресенье, 17 декабря, легат отслужил торжественную мессу. Со всего города собрался народ. В соборе присутствовали великий канцлер со всеми советниками и государственными секретарями, папский нунций, послы Испании, Венеции. Легата сопровождали кардиналы де Жуайез, де Гонди, де Жевр в парадном облачении, расположившиеся на скамье, покрытой коврами, чуть ниже легата, восседавшего под балдахином.

Торжественно явились король и королева. Их кресла стояли под балдахином, напротив алтаря. Король был в очень изящном белом камзоле жениха с вышитым воротничком, пахнущим духами и заколотым золотой брошью с бриллиантами, на голове маленькая изящная шапочка с пером цапли, расшитая драгоценными камнями. Поверх камзола накинут черный бархатный плащ, скрепленный золотыми цепями двух рыцарских орденов — св. Михаила и св. Духа. Король был очень красив, выглядел радостным и благочестивым, что, впрочем, не мешало ему с живостью и любезностью смотреть по сторонам, дабы почтить каждого милостью своего приветствия.

Королева была прекрасна в королевской накидке, на голове корона, украшенная сверкавшими камнями. Лиф ее платья весь кружевной, а само платье расшито золотыми лилиями по фиолетовому бархату. Королева держалась очень скромно, но с большим достоинством, была весела и любезна со всеми. Она общалась с принцами и принцессами очень учтиво, и по всему было видно, что ей привычно одаривать окружающих своей милостью с утонченной приветливостью, не унижая при этом сана.

Что до меня лично, то я не променял бы подобное зрелище на все золото мира. Когда месса закончилась, король и королева, рука об руку, опустились на колени перед легатом, прочитавшим над ними молитвы. После чего Их Величества, легат и кардиналы отправились обедать. Обед затянулся до самого ужина, а потом во дворце начались танцы.

Королеве еще три раза доведется надеть корону — во время вступления в Париж, на коронации в Сен-Дени и когда она умрет. Я прошу Господа, чтобы этот последний раз настал после многих лет счастливой жизни. Народу так хочется, чтобы у нее были дети: говорят даже, что она беременна. Король был без короны: ему надлежит надевать ее только два раза — на церемонии миропомазания и коронации и на похоронах».

Праздники и веселье не дали забыть о политике: кардинал Альдобрандини привез мирные предложения герцога Савойского. Был заключен Лионский договор, который положил конец итальянским притязаниям Франции.

21 января Генрих IV уехал из Лиона. Он направился в Фонтенбло, где его ждала Анриетта д'Антраг, решительно настроенная напомнить ему обещание жениться и потребовать объяснений по поводу брака с флорентийкой, которую всегда считала выскочкой. Но упреки и препирательства явно сменились на нечто прямо противоположное, потому что 27 октября 1601 года, ровно через месяц после того, как 27 сентября 1601 года Мария Медичи родила дофина Людовика XIII, Анриетта д'Антраг тоже родила сына.

Генрих IV в 1600 году

В 1600 году Генриху IV исполнилось 47 лет. Сражения и заботы преждевременно посеребрили его бороду и волосы. Даже в порванной, грязной и покрытой пылью дорожной одежде он сохраняет ту величавость, по которой сразу узнаешь в нем короля Франции. Он способен поставить на свое место тех, кто не выказывает ему должного уважения.

Сознавая свой королевский долг, тем не менее признает свои недостатки: «Неудивительно, что воспитанный в распутстве военных лагерей, я приобрел некоторые пороки. Слабости свойственны людям». Но при этом сама мысль, что он позволит им взять верх, возмущает короля: «Я брошу любовниц, собак, замки, празднества и удовольствия, но никогда не упущу ни единой возможности снискать почести и славу и сделаю все, чтобы меня не перестали любить мои подданные, которых я люблю как своих собственных детей».

В глубине души он очень мягок и вежлив, его непринужденность естественна. Самое большое удовольствие — прогуляться по ярмарке Сен-Жермен, поговорить с торговцами. Он обожал ходить в гости и всегда был душой общества. Не боялся, когда в ответ на свои подначки получал отпор, иногда даже грубый. Его чувство юмора было общеизвестно. Однажды пешком со свитой дворян он направлялся в Лувр и встретил женщину, ведшую корову. Он спросил, сколько стоит корова, и женщина назвала цену. Генрих сказал: «Это много, но я вам столько заплачу». Крестьянка кивнула на его разряженную свиту: «Сир, я же вижу, что вы не торговец скотом». На что Генрих с живостью возразил: «Да почему же мне не быть им, кумушка? Вы что, не видите всех этих телят, которые за мной идут?»

У посла Рудольфа II Габсбурга он спросил, есть ли у императора любовницы. «Если они у него и есть, — ответил тот, — император держит это в тайне». Генрих нисколько не смутился: «Правду говорят, что некоторые мужчины имеют так мало достоинств, что вынуждены прятать свои недостатки».

Под постоянной веселостью Генриха скрывалась некоторая меланхолия. Он любил иногда уединиться в кабинете. Сознавая ответственность короля, сказал однажды, что государи «рождаются не для самих себя, а для государств и народов. В этом бурном море у них есть только одно прибежище — могила, и поэтому смерть должна застать их за работой».

Генрих IV — человек образованный. Он очень хорошо знает

историю, говорит по-испански и по-итальянски. Любит читать. Когда в 1609 году появляется *Астрея,* он незамедлительно приходит в восторг и распоряжается читать себе по нескольку страниц во время еды. Он мог бы стать в ряд лучших французских писателей: у него бодрый и импульсивный, иногда поэтический стиль. Государственным делам Генрих посвящает только два часа в день перед утренней мессой. Но министров восхищает глубина его суждений; у него живой и ясный ум, который умеет сразу найти самое лучшее решение в любом запутанном деле.

Самое, наверное, большое удовольствие для него — физические упражнения. Война была важным событием в его жизни, когда же установился мир, он заполнил время охотой и ездой верхом. Из всех французских королей Генрих IV лучше всех знал собственное королевство, проехав его вдоль и поперек. Охота и поездки верхом стали для него как бы продолжением боевой юности. Он не обращал внимания на усталость, был способен спать где угодно и когда угодно, что восхищало Сюлли: «Он бодрствовал и спал, когда хотел, и столько, сколько сам того хотел».

С возрастом здоровье этого неутомимого человека значительно расшаталось. Чревоугодие повлекло за собой приступы подагры, впервые проявившейся в 1602-м. Вскоре его мучения стали невыносимы. В 1605 году Генрих писал Сюлли, что боли настолько сильны, что «если даже речь пойдет о том, что я потеряю половину моего государства, то все равно не буду способен выслушать до конца и принять мало-мальски разумное решение».

Нечистоплотность короля вошла в историю. Часто из соображений экономии он ходил в порванной одежде, нимало не заботясь о чистоте тела: терпеть не мог стричься, как, впрочем, и мыть голову. Эту черту Людовик XIII унаследовал от своего отца, в связи с чем установилась мода на длинные волосы. Поэтому нет ничего удивительного, что от короля дурно пахло. Его любовница Анриетта д'Антраг не раз говорила ему в лицо, что от него «воняет падалью». У него ужасно пахло под мышками. По этому поводу даже шутили. Агриппа д'Обинье как-то сказал: «Настоящего дворянина находят по запаху». Приближенные короля утверждали, что в этом отношении Генрих IV действительно был первым дворянином королевства.

Мария Медичи, задыхаясь от запаха, начнет усиленно пользоваться духами, которые если не уничтожат его, то хотя бы несколько смягчат.

В остальном же Генрих IV — добрый отец, дружелюбный,

легкий в общении человек, очень деликатный, нежный, внимательный. Его бурная жизнь оставила на нем свой отпечаток, но он был снисходителен, как человек, который многое пережил. Он любил жизнь, женщин, людей. К несчастью для него самого и Марии Медичи, их характеры были абсолютно не схожи. Принцесса Тосканская в свои 27 лет видела только ограниченный мир дворца Питти, своих камеристок, компаньонок, ее больше интересовали сплетни, разговоры о нарядах и драгоценностях, чем стремление развивать свой ум или обогащать себя опытом повседневной жизни. Конечно, Генрих IV далек от ходячей добродетели. Дамский угодник, он слитком часто попадался в ловушки собственных страстей. Однако к другим был снисходителен. Так почему же он не имеет права на подобную привилегию?

Для новоиспеченной французской королевы общение с королем-всадником, быстрым в любви, ветреным по своей природе, оказалось делом очень трудным. В королевских противоречиях, как в зеркале, отразилось положение Франции 1600 года, которую Мария Медичи открывала для себя с некоторым удивлением.

Франция в 1600 году

Строгая нравственность не являлась отличительной чертой Генриха IV и его двора. Вскоре Мария Медичи разделила точку зрения нунция при дворе французского короля: Франция — это «настоящий бордель». Не будем придираться к словам. Диалог Бассомпьера и герцога де Вандома, например, не содержит ничего необычного: «Вы, наверное, примете сторону де Гиза, раз уж вы е… его сестру?» — осведомился герцог. Ответ Бассомпьера: «Ничего подобного, я е… всех ваших теток, но это не значит, что я стал вас любить».

То был грубый мир солдат, который отводил слишком мало времени на словесные прелюдии к любви. Им постоянно угрожала опасность — будь то внезапная смерть по неизвестным причинам, болезнь, с которой врачи пытались справиться только кровопусканием и слабительным, опасность быть убитым на парижских улицах, где каждое утро подбирали до пятнадцати трупов, или, наконец, угроза от вездесущего непознаваемого.

Чтобы защитить себя от сглаза, задобрить судьбу или просто добиться расположения красавицы, использовались всевозможные приворотные зелья, но если они оказывались неэффективными, то всегда оставалась в запасе возможность вступить в сделку с дьяволом. За колдовство наказывали сплошь и рядом, и нужно быть только таким еретиком, как Генрих IV, чтобы для развлечения устроить маскарад ведьм. Большим успехом пользуются труды знаменитых демонологов, и даже будущий кардинал де Берюй написал трактат о формах одержимости и подсчитал воплощения сатаны. Отрицать реальность существования дьявола было так же невозможно, как отрицать существование Бога: и тот и другой были одинаково неприкосновенны.

Ореол святости окружал особу короля Франции. Он не просто человек, такой как все, — ему нет равных даже среди других государей. По своей божественной природе и через миропомазание, которое происходит в день коронации, он получает сверхъестественные способности, лечить золотушных, например. Он больше, чем священнослужитель, он посланник Господа на земле. Его воля — это воплощение воли Божьей во французском королевстве. Когда он открывал рот, все замолкали. Нельзя найти лучшего объединяющего начала для нации, чем король, которому не сидится на месте. Он появляется в самых отдаленных провинциях и делает для объединения французов

больше, чем все речи и трактаты вместе взятые.

В то время интеллектуалы развивали идею родины, избранности французов: все более сильным становилось осознание принадлежности к нации, непохожей на все остальные. Но слишком много мешало этому.

Прежде всего, языковая разобщенность: половина подданных короля говорили на местных диалектах. Нормативная французская речь после принятия Франциском I в 1539 году эдикта Вилле-Котре ограничивались только судебными актами.

Кроме того, большие расстояния: новости доставлялись со скоростью движения всадника, то есть 10–15 лье в день. Почтовое дело при Генрихе IV, конечно, развивалось, но отправить письмо из Парижа в Мадрид составляло примерно то же самое, что бросить бутылку в море с тонущего корабля. Французы, по большей части, никогда не удалялись от своей деревни дальше, чем на расстояние двух лье.

Как видите, нет ничего удивительного в том, что все слои французского общества живут обособленно, цепляясь за особые права и привилегии, установленные в каждой общности: жители города — большого или малого, ремесленники, не говоря уже о дворянстве или духовенстве.

Королевство состоит из по очереди присоединившихся провинций. Шесть «областей штатов» (провинций) — Бургундия, Дофине, Прованс, Лангедок, Бретань и Нормандия — сохранили собственные органы управления. Они сами определяют размер налогов в королевскую казну или даже решают вопросы, затрагивающие политические интересы провинции: так, в 1599 год штаты Лангедока решали, признавать или не признавать Генриха IV законным королем.

Во всех провинциях существуют парламентские ассамблеи, политико-административное назначение которых состоит в рассмотрении королевских эдиктов. Они имеют право изменить их или не принять.

Высший государственный орган — Генеральные штаты — представляет всю страну в соответствии с тремя традиционными сословиями: духовенство, дворянство, третье сословие. Их собирают каждый раз, когда речь идет о будущем страны или кризисе общественных финансов.

Монархия постоянно пытается найти новые средства для нужд армии, дипломатии, выплаты субсидий иностранным государям, чтобы заручиться их поддержкой и дружбой. Деньги нужны для содержания двора и выплаты пенсий дворянам. Их требуют восстановление страны, опустошенной тридцатью годами войны, выплата долгов, сельское хозяйство и финансовая

система. Не говоря уже о «модернизации» государства: строительстве каналов и дорог, развитии мануфактурного дела.

Король вправе рассчитывать на преданность своей администрации. Должности покупаются и смогут передаваться по наследству в случае выплаты ежегодного налога.

Но феодальные отношения и мышление до сих пор живы: для дворянства король прежде всего сюзерен, а уже потом суверен. Королю приходится постоянно проявлять политическую смекалку и вести переговоры со своими вассалами, вместо того чтобы приказывать и объявлять свою волю. Монарх выносит решения на голосование Королевского совета, даже если последнее слово остается за ним.

Политический строй при Генрихе IV — система далеко не централизованная и монархическая. Здесь все продается: прямые налоги с провинциями и казначеями, косвенные налоги с финансистами, которые их получают от имени короля. Торг ведется с дворянами, чтобы удержать их в подчинении суверену, мятежниками, чтобы добиться их повиновения, вельможами, чтобы умерить их аппетиты, со всеми — а таких очень много, — у кого есть привилегии. Торг, искусство компромисса доведены до совершенства.

Глава II
КАК ЖИЛА КОРОЛЕВА ФРАНЦИИ

Резиденции

Лувр

9 февраля 1601 года поздно вечером, проехав по узким улочкам, Мария Медичи в первый раз вошла в Лувр. Нынешней колоннады, выходящей на Сен-Жермен л'Оксерруа, еще не было, на ее месте находились ворота с башнями, образующие такой узкий проход, что в него едва могла проехать карета. Как это не похоже на прекрасные дворцы в Италии!

В свете факелов Мария осмотрела затхлые и пришедшие в запустение комнаты, где уже лет десять никто не жил. Сначала она восприняла это как шутку: никак нельзя допустить, что разрушенный дворец и есть Лувр. Вернувшись туда днем, она увидела, что все не так плохо, достаточно лишь обновить обивку, поставить несколько перегородок и Лувр станет пригодным для жилья.

Апартаменты Марии находились на втором этаже. Они состояли из пяти комнат анфиладой, выходивших окнами во двор и на Сену. Двор Лувра в то время занимал всего лишь четверть нынешнего Квадратного двора.

В первой комнате располагалась охрана, дальше столовая, где хранили серебряную посуду, потом гостиная, где Мария Медичи принимала гостей. На полу турецкий ковер. Из мебели — кресла, стулья, изящные безделушки, сундуки эбенового дерева, четыре серебряных подсвечника и серебряные подставки для дров в камине.

Самая красивая комната — спальня. Деревянная обшивка, резная и позолоченная, потолки и лепные украшения со вкусом расписаны. Кровать, стоявшая на возвышении, закрывалась пологом, оберегая королеву от нескромных взглядов. От другой части комнаты ее отделяла массивная перегородка из серебра. На стенах Мария приказала развесить портреты членов семьи Медичи. По комнате были расставлены сундуки, в которых королева хранила свои ценности: украшения, золотые вазы. Здесь же редчайшая вещь — бюро, изготовленное в Китае, отделанное перламутром и жемчугом, инкрустированное серебром. Оно подарено королеве иезуитами в 1608 году.

Последняя комната — кабинет. Там стоит небольшая кровать, на которой Мария спит, когда нет Генриха. Там же дверь, что ведет прямо в спальню короля. Везде безделушки, коробочки, зеркала, подсвечники. На столе железная шкатулка, где королева

хранит свои личные бумаги.

Большой интерес вызывает обивка и ковры. Генрих IV и Мария Медичи многое сделали для развития во Франции обойного ремесла. Королева снабжала заказами своих обойщиков и приказывала отыскивать в Европе редкие образцы и снимать с них копии.

Что касается сундуков, в те времена еще не было шкафов, и все накидки, платья, юбки, рубашки королевы хранились там. Сундуки оставалось всего лишь перенести в повозку, если королева отправлялась в путь.

Фонтенбло

Каждый год, в сентябре или октябре, Генрих IV и Мария Медичи уезжали за город, в Фонтенбло, а в это время Лувр проветривали и мыли.

Мария так любила это место, что уезжала одна — на Пасху, в мае, июне. Ее покои выходили в сад Дианы и располагались по соседству с овальным салоном, названным позже салоном Людовика XIII, именно там она родила всех своих детей. Мария любит гулять в парках, смотреть, как ловят карпов, и кормить птиц. Правда, сам замок не очень удобен — почти не обставлен, поэтому королева привозит с собой все свои сундуки и любимые гобелены. Если приглашает друзей, то те непременно должны являться со своей мебелью.

Монсо-ан-Бри

Если Мария Медичи не едет в Фонтенбло, она отправляется в Монсо-ан-Бри — замок, построенный для Екатерины Медичи итальянцем Приматиччо. Генрих подарил его Габриэль д'Эстре, но после смерти любовницы выкупил его. Когда родился дофин, он подарил замок Марии. Замок не очень большой. Постройки обветшали, но с 1602 года там вели работы сначала придворный архитектор дю Серсо, а потом Саломон де Бросс — в будущем архитектор Люксембургского дворца, построивший зал для игры в мяч и большие конюшни на 50–60 лошадей.

Королева обставила свой любимый загородный дом и приобрела оборудование для сцены — там дают комедии и балеты. Особенно внимательно следит она за обустройством и содержанием садов, приглашая лучших пейзажистов и выписывая из Италии отборные семена.

День королевы

Обычно Генрих IV спит у Марии Медичи. По вторникам, четвергам и пятницам, когда проходят заседания совета, он поднимается в 7 утра. В другие дни просыпается позже, и самые близкие имеют право войти в спальню до его пробуждения. Но полог кровати опущен, и поэтому, чтобы привлечь к себе внимание, им приходится устраивать возню. Мария Медичи не любит просыпаться рано: она поворачивается на другой бок, делая вид, что спит. Когда Их Величества просыпаются, им приносят в постель на завтрак бульон. Король поднимается первым, и самый знатный вельможа подает ему рубашку.

Затем Генрих IV отправляется в свои апартаменты, где происходит утренняя церемония. В это время камеристки королевы надевают на нее расшитую золотом полотняную или шелковую рубашку, шелковые чулки. Затем из сундуков достают нижние юбки, и королева выбирает ту, которую она сегодня наденет. Затем она набрасывает накидку: в таком наряде она принимает своих приближенных, интенданта, казначея, пришедших получить распоряжения.

Затем приступает к своему туалету. Она не купается — это действо происходит, в основном, вечером, до ужина. Ей приносят хрустальную вазу с водой и миску с королевской губкой особого размера — счетные книги уточняют, что за нее плачено 6 ливров. Королева моется, потом причесывается — сама или с помощью Леоноры Галигаи. У нее высокая прическа «на итальянский манер».

Очередь за платьем. Растерянная Мария никак не решается сделать выбор. Ее гардеробом заведует Леонора, она же покупает ткань на новые платья и выбирает фасон. У королевы есть личный портной — итальянец Джакомо Дзокколи, он, кроме того, и ее доверенный человек для деликатных поручений.

Затем украшения: обычно это кольцо, несколько золотых браслетов, длинные серьги, часы. Она любит жемчужное ожерелье — свадебный подарок Генриха.

Выбор духов. Марии они безумно нравятся, поэтому она часто отправляется в особняк Леоноры посмотреть, как готовят новые смеси. Особенно ее привлекает запах жасмина, роз, душистого горошка, амбры, мускуса.

Наконец утренний туалет закончен. Остается прикрепить воротничок и надеть туфли.

Начинается королевский рабочий день. Мария дает

аудиенцию в большой гостиной. Здесь находятся вельможи, друзья, иностранцы, иногда поэты, например Малерб. По обычаю, королева должна целовать принцев и герцогов, но Мария отказалась это делать и король поддержал ее. Королеву приветствуют торжественно: в трех-четырех шагах от нее — реверанс с глубоким поклоном, у ее ног опускаются на колено, подносят к губам край ее платья. Королева дает знак подняться и протягивает руку для поцелуя со словами: «Добро пожаловать». Все признают, что Мария Медичи держится с большим достоинством. Люди громко разговаривают, смеются, толкаются, спорят и шумно обмениваются тумаками. Только тогда королева проявляет недовольство и громко заявляет, что отправит в Бастилию, нарушителей спокойствия в ее апартаментах.

Наступает час мессы. Королева предпочитает церковь Сен-Жермен л'Оксерруа. Она выбирает требник, их два и оба очень ценные: один из них — книга XV века, украшенная сорока миниатюрами. Другой, перед тем как попал в руки Марии Медичи, принадлежал Франциску I, Екатерине Медичи, Луизе Лотарингской. В нем пятьдесят восемь портретов принцев из Дома Валуа.

После мессы время обеда. Обычно супруги, если не ссорятся (что происходит частенько), обедают вместе. Королева часто опаздывает, а Генрих посылает ее поторопить или подать ему фрукты и вино, если он очень голоден. Никто больше не имеет права сидеть за столом короля и королевы. Они моют руки в чаше из позолоченного серебра, и королева подает королю салфетку.

Еда всегда тяжелая, обильная, однообразная. Подают четыре блюда с закусками, четыре вида супа с вареным мясом (говядиной, бараниной, каплуном, телятиной, цыпленком), жареное мясо — баранину, каплуна, дичь, телятину, цыплят, голубей. В постные дни мясо заменяется на щуку и карпа. Генрих ест быстро и много, пачкая все вокруг, брызги летят то на платье королевы, то на скатерть. Сыра нет, а десерт составляет варенье или фрукты из Прованса: яблоки, апельсины, виноград, лимоны, иногда абрикосы, а в сезон — дыни, которые Генрих ест в огромном количестве, отчего у него случаются страшные желудочные расстройства.

Король много пьет. В обязательном порядке проверяют, не отравлено ли вино. Особенно он любит мускат, кларет — красные или белые бордоские вина, более легкие, чем бургундские.

Во время обеда присутствующие здесь дворяне без стеснения разговаривают с королем. Запрещается только говорить о делах. Короля развлекают пикантными историями. Звучит музыка.

После обеда король и королева удаляются каждый в свои апартаменты. Король отдыхает или отправляется на охоту. Королева в своем кабинете. Книги ее не привлекают, потому что она близорука и не любит читать. Иногда она пишет. Обычно убивает время, устраивая лотереи с друзьями. Есть вечные неудачники — например, Бассомпьер, который всегда проигрывает и вечно в долгах. Сама королева от проигрыша приходит в ужас. Кончини и его жена Леонора чаще удачливы.

Во второй половине дня Мария Медичи иногда навещает свой зоопарк: обезьян, попугаев, собак самых разнообразных пород — от комнатных до гончих и борзых, которых она продает.

Мария очень любит гадать на картах, слушая музыку. Часто в Тюильри дают концерты: придворные принцессы и дамы оспаривают друг у друга право на них присутствовать.

В хорошую погоду королева отправляется гулять в сад Лувра или Тюильри, где с удовольствием стреляет по воронам.

В город она выезжает в своей роскошной золоченой карете, обитой красным бархатом, в которую запряжена шестерка белых лошадей, без охраны — улицы настолько узкие, что эскорт только создавал бесполезные пробки. Конечно, это небезопасно. Как и все знатные дамы, королева выезжает исключительно в маске.

Куда же она едет? У нее есть прелестный дом в Шайо. Чаще всего, правда, королева отправляется к своим друзьям Гонди и реже — к Сюлли, туда она всегда едет вместе с Генрихом.

Генриху безумно нравится выезжать на ярмарку в Сен-Жермен: она длится первые две-три недели поста, туда приезжают купцы со всей Франции, и даже иностранные. Там продают украшения, ткани, посуду, книги. Это место встреч, развлечений, но также интриг и распутства. Во времена безумной любви к Габриэль д'Эстре Генрих любил с ней там гулять запросто, под руку. С 1601 года он водит туда Марию Медичи. Генрих любит поболтать с людьми о том о сем. Пока длится ярмарка, он приходит туда каждый день, и никакие государственные заботы не могут ему в этом помешать. Часто он и Мария играют в лотерею и проигрывают. Иногда Генрих с мужчинами отправляется купить непристойные эстампы Аретинца, а Мария в это время выбирает безделушки для детей и подарки для итальянских родственников.

В воскресенье супруги садятся в карету и едут в замок Сен-Жермен-ан-Ле навестить детей. Иногда заезжают в Исси, к королеве Маргарите, у которой с Марией Медичи хорошие отношения. Однажды такая поездка в Сен-Жермен чуть было не закончилась трагически: при переправе через Сену карета не

смогла точно въехать на паром и опрокинулась в реку. Королеву вытащил из воды один храбрый дворянин. Всех привело в восторг ее хладнокровие.

К концу дня все возвращаются в Лувр. Королева отдыхает, ест фрукты, выпивает капельку вина, переодевается и приводит себя в порядок. Снова начинаются аудиенции. О делах уже не говорят, главное — показаться в окружении королевы. В семь часов король и королева ужинают. Повторяется дневной ритуал. Иногда король и королева являются к кому-нибудь на ужин, оказывая этим честь хозяину.

Чаще всего они ездят к флорентийскому банкиру Дзаметто — старому другу Генриха. Он в самых лучших отношениях с Марией. В 1603 году его назначают главным суперинтендантом свиты королевы. Когда Генрих остается в Париже один, он часто ужинает и ночует в роскошном особняке Дзаметто в Марэ. То же и Мария: она часто навещает друга Дзаметто, если Генрих в отъезде.

Супруги часто бывают у Сюлли, живущего в Арсенале. Это одновременно склад боеприпасов и оружия, маленькая кузница, где королева с интересом наблюдает, как делаются пушки, и очень красивый сад со множеством деревьев, днем обычно открытый для посещений публики. Сюлли дает в честь короля и королевы великолепные обеды. Во время трапезы он почтительно стоит за спиной королевы. Зная ее пристрастия, он часто доставляет ей удовольствие концертами.

После ужина королева прощается с присутствующими. Уходят все, кроме особо приближенных: принцессы де Конти, герцогини де Гиз, нескольких самых знатных дам, из мужчин это обычно Бассомпьер, Бельгард, Жуанвиль. Они беседуют, играют в шахматы, ставят по крупному в карты. Так развлекаются до 11 часов, после чего все откланиваются. Мария отправляется в свой маленький кабинет писать письма — этого занятия она очень не любит. Закрываются ворота Лувра, и к ней приходит Леонора Галигаи: королева и ее наперсница могут беседовать хоть до самого рассвета.

Иногда вечером, после ужина, дают комедию или балет или устраивают танцы. Спектакли не всегда забавны, и Генриху случается вздремнуть посреди представления. Мария предпочитает итальянскую комедию и каждый год выписывает из Италии труппу, которая раз в неделю играет спектакль при дворе, а остальные дни — в городе. Королева очень любит эти представления и смеется каждой реплике, хотя не все разделяют

ее восторг.

Балеты обычно проходят в Арсенале. Их постановки стоят дорого. Королева сама выбирает сюжет. Она с интересом играет роль, участвует в репетициях, но на сцене появляется исключительно в маске. Особенно запомнились два балета: *Нимфы Дианы* на сюжет Малерба — на его репетициях Генрих безумно воспылал к Шарлотте де Монморанси, — другой обошелся в 30 000 ливров. Толчея была такой, что Мария Медичи вспылила и хотела было уехать. После того как гвардейцы разогнали всех лишних, она согласилась остаться и все разошлись только под утро.

По четвергам и воскресеньям после ужина зажигают канделябры и король с королевой дают бал. Это старая традиция. Танцуют в хороводе бранль под мелодию самой популярной песенки *На авиньонском мосту* и другие более затейливые танцы — куранту и гальярду. Королева много танцует, но ее кавалер никогда не подает ей руки — это значило бы проявить неуважение: он поддерживает ее за край свисающего рукава. Правда, ни Генрих IV, ни Мария Медичи не в восторге от балов — они устраивают их, скорее, по привычке.

Так заканчивается день королевы. У нее всегда есть чем заняться, и она начинает скучать, если остается одна. Больше всего Мария любит проводить время с Леонорой: они вспоминают о друзьях из Флоренции, обсуждают прически, туалеты, но главное — денежные дела.

Свита королевы: организация и должности

Во Франции королю и королеве служили поколениями, поэтому при дворе Марии Медичи было очень мало итальянцев. За предыдущий век выработалась строгая и четкая система организации свиты королевы, где у каждой семьи было свое место и функции. Личная преданность королеве была выше долга повиновения королю как суверену, поэтому в своей насыщенной жизни Мария Медичи всегда могла рассчитывать на верность людей из своей свиты: конюших, гвардейцев, камеристок, казначея.

11 ноября 1631 года, в День одураченных, когда Мария попросит у Людовика XIII отставки Ришелье, а тот вдруг появится в покоях, где происходит разговор, что скажет королева-мать кардиналу, павшему к ее ногам? «Вы самый неблагодарный из людей! Я возвеличила вас. Вы принадлежали к моей свите. Я просила короля сделать вас кардиналом, ввести в свой совет. Я дала вам должность, золото. А вы сегодня нарушили долг верности». Ришелье сносит этот выговор и признает свою вину: «Прежде всего я принадлежу вам, а потом уже королю. Приказывайте, я повинуюсь».

В 1606 году в штате королевы состояло 464 человека, из которых 456 получали жалованье, а 8 исполняли почетную неоплачиваемую службу. 201 человек находился при королеве ежедневно, остальные — в течение трех месяцев в году. Такую систему придумал Генрих IV. У нее было много преимуществ: во-первых, одну и ту же должность могли исполнять несколько человек и так можно было облагодетельствовать большее число людей. С другой стороны, сократив время службы, можно было уменьшить и без того большие расходы двора. К тому же по мере возможности Генрих IV хотел, чтобы дворянство не забывало о корнях и, проводя девять месяцев в году на своих землях, сохраняло связь с жителями провинций.

Такова была цель. Сомнительно, правда, что она была достигнута, потому что никакая сила не могла заставить придворных покинуть двор после выполнения своих обязанностей. За все время правления Генриха IV и Марии Медичи между жадными до должностей и титулов придворными и провинциальным дворянством, чей образ жизни скорее был похож на крестьянский, весьма далекий от утонченности придворной жизни, пропасть только увеличивалась.

Личная служба королевы

Ею руководила *первая статс-дама* королевы. В 1600 году это была мадам де Гершевиль. Она была придворной дамой королев Екатерины Медичи и Луизы Лотарингской. Когда-то Генрих усиленно за ней ухаживал, но она оказала мягкое, но решительное сопротивление. Король очень уважал ее за спокойный и властный характер, и поэтому, женившись, доверил ей должность первой статс-дамы королевы, которая составляла бюджет свиты, подписывала расходы, делала заказы поставщикам. Первое лицо в свите Марии, она обладает привилегией нести шлейф королевской мантии. Ее жалованье составляет 1200 ливров в год. Мария Медичи регулярно выплачивает ей дополнительно 1600 ливров на Новый год плюс ежегодное содержание в 6000 ливров, не считая подарков. Королева никогда не сделает ее наперсницей и близкой подругой, но по достоинству оценит спокойную властность и верность.

Вторую ступеньку занимает *камерфрау*. Эту обязанность будет исполнять Леонора Галигаи вплоть до «государственного переворота» Людовика XIII 24 апреля 1617 года, в результате которого она окажется сначала в тюрьме, а потом на эшафоте. По должности место Леоноры рядом с королевой, в ее ведении прически, духи, обновление гардероба.

Фрейлин десять. Все знатного происхождения. Их служба при королеве естественным образом заканчивается удачным браком. Девушки живут в Лувре, их одевает и кормит за свой счет королева. Она же выплачивает им жалованье — 200 ливров в год на карманные расходы. Их хорошенькие лица должны радовать королеву — в этом заключается служба фрейлин. Мария Медичи очень строга относительно того, что касается их поведения.

Мужчины

Прежде всего это *духовники.* В штате Марии Медичи около пятидесяти духовников, исповедников, проповедников, капелланов. Они служат мессы и вечерни и благословляют пищу.

Главный духовник обязательно епископ. Он получает жалованье 300 ливров в год, а вознаграждений — на 4500 ливров. Последним, кто будет исполнять эту должность при Марии Медичи, будет не кто иной, как епископ Арман Жан дю Плесси де Ришелье.

При королеве Франции постоянно находится *почетный кавалер,* который повсюду ее сопровождает. Он живет в Лувре, во

время торжественных церемоний находится справа от королевы. По словам Марии, этой должности может быть достоин только обладатель «голубой ленты и серебристой бороды». Голубую ленту ордена Святого Духа имели представители самых знатных родов в королевстве. Первым эту должность занимал Жером Гонди, а последним — Брюлар де Сильери, командор Мальтийского ордена, один из главных помощников и доверенных людей королевы.

Следующим в иерархии стоит *первый мажордом королевы* — это в некотором роде глава обслуживающего персонала. Он устанавливает правила и следит за их соблюдением, определяет наказания и проверяет работу всех и каждого — от первого конюшего до последнего поваренка. От него зависят выплата жалованья, штрафы, увольнения, понижение в должности. Почти всегда королева прислушивается к его мнению. С 1605 по 1608 год эту должность занимал Кончини. Жалованье у него было весьма скромное — 800 ливров в год, но косвенные вознаграждения увеличивали его доходы в 50 или 100 раз.

Во время еды королеве прислуживают дворяне: *хлебодар, стольник и виночерпий.* Они же выполняют разнообразные поручения: носят письма, записки, подарки.

Слуги

Элиту составляют *камеристки,* которых у Марии около десятка: француженки, по традиции прислуживающие королеве Франции, и итальянки, оставшиеся с ней после свадьбы. Итальянки Катарина Фордзони, «грубиянка», сопровождавшая Марию во время ее побега из Блуа, и Катарина Сальваджа, организовавшая это бегство, были предметом бесконечных споров между Генрихом IV и Марией Медичи. Король так никогда и не сможет согласиться с ролью и влиянием этих женщин, спавших в комнате королевы. Их жалованье достаточно скромное — 120 ливров в год. Но Мария щедра: в один прекрасный день мадам Сальваджа получит 9000 ливров. Она будет находиться около Марии в ее последние минуты. У камеристок весьма любопытный источник доходов: они делят между собой имущество живших во Франции иностранцев, после смерти не оставивших наследников.

В круг приближенных королевы входят чета карликов итальянского происхождения, негритянка, которую королева удачно выдала замуж, дав за ней приданое в 1800 ливров, шут Пьер Наварр, прачка — единственная, кто имеет право стирать белье королевы, штатный носильщик «делового стула» королевы.

Список слуг продолжают Гаспар — юноша, ухаживающий за птицами камеристок, шутиха Матюрина, которая давала пищу для острот памфлетистов той эпохи, часто использовавших ее имя.

Далее следуют *привратники.* Это не дворяне, но их преданность является образцовой. Их задача — обеспечить порядок в апартаментах королевы. Они делали обходы, выгоняли чужих, следили, чтобы никто не садился на сундуки, стоявшие вдоль стен, и не пытался поживиться их содержимым, что иногда случалось. Швейцар кабинета королевы должен был обладать отличной памятью и талантом физиономиста: в его обязанности входило впускать к королеве только приятных ей людей.

Лакеи. Они приходят в Лувр в пять часов утра: зимой зажигают огонь во всех каминах, в течение всего года убирают дворы, лестницы, комнаты. Они приносят королеве на завтрак бульон. Он должен быть определенной температуры, не жирный, не холодный. Они стелят постель королевы, зажигают свечи — количество определено в счетах мажордома, следят, не коптят ли, и уносят на рассвете.

У королевы пять *врачей,* которым помогают *аптекари, хирурги и цирюльник.* Жалованье врачей достаточно высоко. Это люди ученые, профессора медицины с дипломами университета Монпелье, считавшегося лучшим во Франции. Королева обращается также к итальянцам и испанцам, но особенно к португальскому еврею Филотею Монтальто, который сыграет значительную роль на процессе Леоноры в 1617 году. Он останется верным Марии и Леоноре, несмотря на указы о высылке, формально запрещавшие евреям проживать во Французском королевстве.

Часть персонала свиты имеет право на бесплатную и постоянную медицинскую помощь. Существует список отмеченных этой привилегией и определены случаи предоставления услуг. Слуга, к примеру, должен заболеть в часы службы; постыдные болезни не давали права на медицинскую помощь. Лекарства должны были состоять «только из того, что необходимо для поправки здоровья». Рецепты врачей передавались аптекарям, которые их отмечали, ставили дату и записывали имя больного и его должность.

Мария безгранично верила своим врачам и после смерти Кончини сделала их политическими советниками. Вотье сыграл решающую роль в ее окончательной ссоре с Ришелье. Мишле по этому поводу высказался весьма саркастически: «Старой королевой… руководил некий провансалец из Арля, проходимец, музыкант, который сделался врачом, чтобы управлять

государыней, и научился астрологии, чтобы окончательно ее задурить. Соперниками великого человека [Ришелье] в Европе не были ни Спинола, ни Валленштейн, ни Оливарес. Только Вотье. Королева-мать теряет обладание и плачет из-за него. Главный вопрос состоит в том, заменит ли Вотье Ришелье сначала в свите королевы-матери, потом в государстве и, наконец, в правительстве?»

После медицины — питание. Кухни находятся вне Лувра. Доступ туда посторонним категорически запрещен, боятся отравления. 14 человек готовят блюда исключительно для королевы. *Общая кухня* готовит еду для членов свиты королевы в соответствии с их должностями.

Столы сервированы серебром. Каждый получает хлеб и вино. Королева имеет право на семь с половиной литров вина в день! Опоздание к столу воспринимается с неодобрением: опоздавшему никогда не поднесут блюдо, которое уже разносили. Запрещается что-либо забирать со стола после окончания еды. Остатки передают для переработки и продают, поэтому ничего не пропадает. Все готовится на углях. Помещения отапливаются дровами.

Конюшни находятся вне Лувра — недалеко от церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа. В них 30 пристяжных лошадей, 10 верховых и 20 мулов. Любая лошадь, выставленная на продажу в Париже, не может быть продана, если ее предварительно не предложили конюшим королевской четы.

У Марии Медичи семь карет: «штатная карета», обитая красным бархатом, запряженная восьмеркой лошадей, «драгоценная карета», обитая красным бархатом и позолоченная, парадная карета, обитая алым бархатом, расшитым золотом и серебром, запряженная четверкой, четыре кареты для свиты королевы.

Конюхи одеты в цвета королевы — голубой и белый.

Обершталмейстер заведует конюшнями королевы. Это знатный дворянин и его должность постоянна. Ее исполняли Кончини, Брюлар де Сильери.

Пажи — двенадцать юношей из знатных семей, доверенных духовнику-наставнику, занимающемуся их нравственным и религиозным воспитанием, берейтору (он обучает их искусству верховой езды), учителю танцев. Вместо того чтобы соответствовать рангу безупречных молодых дворян во время службы в пажеском корпусе, они своим поведением скорее оправдывают его отвратительную репутацию: богохульство, игра в

карты, оскорбительное поведение по отношению к женщинам, потасовки в коридорах и другие безобразия. Гвардейцам приходится сурово наказывать сорванцов, которые ничего не боятся. Но стоит им вскочить на своих прекрасных коней — какая выучка, какая стать, какой идеальный порядок! Они тоже одеты в цвета королевы: атласные камзолы, бархатные штаны, белые шелковые чулки, на боку шпага.

Приехав во Францию, Мария попросила, чтобы Генрих подарил ей галеру. В этом капризе принцессы явственно ощущается ее флорентийское происхождение. Но королева никогда не поднимется на борт *Регины.* Потеряв к ней всякий интерес, она оставит красивую и изящную галеру медленно гнить в старом порту Марселя.

Административные службы

Свита королевы подобна хорошо отлаженному средних размеров предприятию. Чтобы руководить несколькими сотнями служащих, покупками, расходами, ей нужны счетоводы и управляющие. Главой административной службы, *суперинтендантом, или интендантом свиты и финансов королевы,* были последовательно Себастьяно Дзаметто, с которым у королевы были самые лучшие отношения, Клод Барбен, а с 1619 года — Ришелье.

Юридические проблемы королевы решает *канцлер.* Бессменным канцлером Марии Медичи будет Потье де Бланмениль, президент судейских в Парижском парламенте. Он был весьма полезен: осуществлял связь между королевой и парламентом. Раз месяц под его председательством проходило собрание, в котором участвовали казначей королевы, ее главный адвокат и некоторые советники, где обсуждались юридические действия или текущие процессы. Количество процессов постоянно росло по мере увеличения владений королевы и сутяжнических настроений той эпохи.

Главный казначей для королевы, у которой вечно не хватало денег (случай Марии Медичи), был гораздо важнее канцлера, хоть и в придворной иерархии располагался ступенькой ниже. Он руководил бухгалтерией королевы и регулировал расходы в соответствии с суммами, которые каждый месяц ему передавал казначей короля. *Главный контролер* следил за тем, чтобы ежемесячные и ежегодные расходы королевы оставались в рамках запланированных трат и ни в коем случае их не превышали.

Свита королевы функционировала как тщательно

отлаженный и хорошо смазанный механизм.

Управление финансами

В момент вступления в брак ежегодный бюджет Марии Медичи был определен в сумме 400 000 ливров. Но эти деньги королева не могла тратить бесконтрольно. Все было запланировано заранее. Нельзя было своевольно увеличивать количество персонала.

Бюджет определялся в декабре. Главный казначей представлял его на подпись королеве, а потом направлял в совет по финансам, который проверял равновесие между доходами и запланированными тратами: бюджет с дефицитом представить было нельзя. Совет может внести изменения в бюджет. Принятый бюджет передается королю на одобрение, а потом — управляющему королевской казной. После этого он может быть принят к исполнению. В конце каждого месяца казначей королевы получает двенадцатую часть общей суммы. Мария — великая мотовка: всегда появляются какие-нибудь непредвиденные траты. Она выровняла свой бюджет только один раз — в 1602 году! Обычно происходило следующее: после большого дефицита на следующий год недостача уменьшалась — либо королева была более осторожной в своих расходах, либо Генрих IV и Сюлли своей властью их сократили. У королевы никогда не бывало карманных денег, и чтобы подать милостыню у церкви или на улице, она всегда просила кого-нибудь из своей свиты занять ей монету. Причина вечной нехватки денег была одна: ее разоряла неумеренная страсть к драгоценностям.

Глава III
ПРИВЯЗАННОСТИ МАРИИ

Дети

XVII век не любит детей — они наводят на него тоску. Их много рождается, много умирает в младенчестве. Жизнь и смерть настолько проворны, что не хватает времени привязаться к самым маленьким. Детей крестят только к 6–7 годам, когда детская смертность уже хорошенько подчистила ряды, а у оставшихся в живых появились реальные шансы повзрослеть. Взрослыми становятся, напротив, очень рано, с 15–16 лет. В этом возрасте способны уже на многое: трудиться, обеспечивать продолжение рода, руководить армиями, представительствовать при дворе и в обществе. Именно в этот момент определяются привязанности, а чувство семьи проявляется особенно сильно.

В отношениях с детьми Мария во всем следует традициям своего века. Она плодовита. Ей повезло, что из шестерых детей в раннем детстве умер только первенец герцог Орлеанский, Николя. Осталось два мальчика и три девочки, особой привязанности к которым она не чувствовала, выделяя только младшего — Гастона, герцога Анжуйского, позже ставшего герцогом Орлеанским. Три дочери — всего лишь товар для матримониальных сделок.

В своем поведении Мария Медичи — прежде всего мать или теща. Только что убили Генриха, Мария пока еще этого не знает, но чувствует, что произошло непоправимое: «Мой сын!» — восклицает она. Ее первая мысль — о сыне, дофине. В 1631-м, окончательно поссорившись с неблагодарным Людовиком XIII, бежавшая в Испанские Нидерланды Мария взывает к остальным своим детям в пользу незаслуженно оскорбленной матери. Она обращается к Гастону, просит помощи у своих зятьев — короля Испании, короля Англии и герцога Савойского. Опасна королева-мать, неустанно плетет канву бесконечных заговоров.

Отношения Марии и Людовика XIII, отразившиеся в хронике тридцатилетней истории Европы, приобретают эпический размах. Это не просто обыденная семейная ссора — это главная тема французской политики и драма на общеевропейском уровне. Кажется, что ее участники заново переживают трагедию Атридов, Эдипа и Медеи вместе взятых. Разногласия вылились в «войну Матери и Сына».

Напрашиваются аналогии в духе Фрейда. Людовик XIII — это Людовик Нелюбимый. Его баловал Генрих IV, который испытывал особенные чувства к своим детям, что было исключением в ту эпоху, тем более к маленькому дофину. Но отец умер, когда

дофину было всего восемь с половиной лет, и мальчик остается с бессердечной и черствой по отношению к нему матерью. Генрих давно подметил признаки будущих разногласий между матерью и сыном. Поскольку мыслей о смерти у него не было, во всяком случае, он надеялся дожить до совершеннолетия дофина, то происходящее лишь забавляло Генриха. Тем не менее он поручил его Сюлли, находя безразличие королевы «странным» и обвиняя ее «в бесчувствии по отношению к своим собственным детям».

Письма Марии Медичи к дофину или о нем хотя и банальны, но выдержаны в духе протокола. Она считает, что воспитывать Людовика надо в строгости и дисциплине — за любое нарушение полагается плеть.

Второй сын — Николя, первый герцог Орлеанский, меньше всего беспокоил мать. Он появился на свет, когда в королевской семье не стихали домашние бури. Беременность протекала тяжело, и мальчик родился больным и очень слабым: огромная голова и несоразмерно маленькое тельце. Судороги терзали его в течение двух недель, по прошествии которых он умер. Мария недолго горевала об утрате.

Гастон, герцог Анжуйский, в 1626 году получил титул герцога Орлеанского, под которым и вошел в историю. Генрих назвал сына в честь своего предка Гастона де Фуа. Мария Медичи особенно привязалась к нему после смерти герцога Орлеанского: ведь он становился наследником трона в случае смерти Людовика XIII. Очень милый и приветливый, по характеру он совершенно не похож на мрачного старшего брата. Мария очень быстро установит с ним отношения, которые приведут к открытому заговору против Людовика XIII. Его крестным был кардинал де Жуайез — брат мадам де Монпансье, одной из лучших подруг королевы. Крестная — Маргарита де Валуа, первая жена его отца, бывшая в наилучших отношениях с Марией. Они соревновались в том, кто больше избалует маленького мальчика. Для содержания его свиты выделен бюджет в 200 000 ливров. Гувернером был один из лучших государственных деятелей де Брев — посол в Риме. Другим гувернером — де Мансан, капитан французских гвардейцев, который командовал войском, отвечавшим за безопасность королевских детей в замке Сен-Жермен. Он был племянником де Брева, как и Пюилоран — наставник принца. Оба отличались безграничной преданностью.

Старшая дочь Елизавета, по природе мягкая и милая, была подругой по играм дофина. В 13 лет ее выдали замуж за короля Испании, и она навсегда покинула Францию.

Вторая, Кристина, выйдет замуж за князя Пьемонтского. Переговоры о браке велись, когда Мария Медичи находилась в ссылке в Блуа. Она была уязвлена, что ее не допустили к этим переговорам — по крайней мере, так оправдывала свой побег из Блуа.

Третья, Генриетта, — очень робкая и нерешительная. Мария Медичи хотела забрать ее с собой в ссылку, но Людовик XIII этому воспротивился. Ей не исполнилось и 10 лет, когда начались переговоры о браке с принцем Гэльским, ставшим позже королем Англии Карлом I. Генриетта вернется во Францию, чтобы просить помощи для своего мужа в борьбе с Кромвелем. После суда над королем и последовавшей казни ее примет Людовик XIV, при дворе которого она закончит свои дни.

По решению Генриха, в замке Сен-Жермен должны будут вместе воспитываться законные и пятеро незаконнорожденных детей короля: трое от Габриэль д'Эстре — Сезар, герцог де Вандом, Александр де Вандом — рыцарь Мальтийского ордена и Великий приор Франции, Екатерина Генриетта де Вандом — будущая герцогиня д'Эльбеф; а также два ребенка от Анриетты д'Антраг, маркизы де Верней: маркиз де Верней, который станет епископом Меца, и Габриэль де Верней — она выйдет замуж за маркиза де Ла Валет, сына герцога д'Эпернона.

Законы наследственности подшутили над этими детьми: оба сына нежной Габриэль д'Эстре характером властные и абсолютно невыносимые, а дети высокомерной и резкой Анриетты д'Антраг, напротив, очень милы и любят Марию Медичи. Впрочем, она сама привязалась к Вернеям, называя их своими «племянниками». С младшим маркизом де Вернеем больше всего любил играть Людовик XIII: он даже захотел стать его крестным, хотя был всего лишь на месяц старше маркиза!

При дворе детей называли «стадо». Генрих обожал их навещать. Он играл с ними, они смеялись, толкались, шалили. Посол Испании рассказал, как однажды был допущен на аудиенцию к Генриху IV, когда тот стоял на четвереньках, а на спине восседали двое детей.

Время от времени в Сен-Жермене детям устраивали праздники, на которых присутствовали король, королева и некоторые приближенные.

Мария очень рано начала думать о браках для своих детей. Еще в 1602 году она задумала женить дофина на маленькой инфанте Анне Австрийской — старшей дочери Филиппа III Испанского, которой было почти столько же лет, сколько и

Людовику. Папа тоже поощрял этот брак: он видел в нем способ объединить в единой католической вере два главных королевства Запада, положив этим самым конец братоубийственным войнам, длящимся десятилетиями. Заключение этого брака стало вершиной политики Марии Медичи.

Первый герцог Орлеанский должен был жениться на мадемуазель де Монпансье, дочери герцога и герцогини де Монпансье — самой богатой наследнице королевства. Брачный контракт был подписан в 1608 году, когда Марии де Монпансье было два года, а принцу — год! В нем перечислялись все владения семьи де Монпансье-Бурбон, которые должны были достаться второму сыну короля: герцогство Монпансье, герцогство Овернь, Комбрей, Домб, Божоле, герцогство Сен-Фаржо и др.

Вскоре умирает отец мадемуазель де Монпансье, а в 1611 году — герцог Орлеанский. Но Марию не остановить: в письме к опекунам мадемуазель де Монпансье она сообщает о смерти маленького герцога и тут же просит о заключении брака по всей форме с третьим сыном — Гастоном, герцогом Анжуйским. Такая настойчивость будет вознаграждена: свадьбу отпразднуют в Нанте в 1626-м, когда мадемуазель де Монпансье исполнится 21 год. А Гастон Анжуйский в связи с этим станет Гастоном Орлеанским — герцогство Орлеанское будет передано ему в апанаж.

Рука Елизаветы — ставка в политической игре. Савойский или испанский брак? В 1612-м, после долгой борьбы с принцами, Мария Медичи объявит о двойном испанском браке: Людовика XIII с Анной Австрийской, Елизаветы с принцем Астурийским, будущим королем Испании Филиппом IV.

Марии Медичи было отказано участвовать в браках Кристины с князем Пьемонтским, наследником герцогства Савойского, и Генриетты с королем Карлом I Английским: она уже находилась в ссылке.

Фавориты: Леонора

Еще обсуждая организацию свиты королевы, Сюлли старался, насколько возможно, ограничить число итальянцев, которым будет разрешено остаться при новой королеве Франции. На самом же деле Марии нужен был только один человек — Леонора Галигаи.

Баччо Джованнини говорил о ней Генриху IV: «Королева привезла с собой молодую девушку по имени Леонора, которая постоянно при ней. Только она имеет право прикасаться к ее голове и оказывать другие услуги в том, что касается ее туалета. Королева желает, чтобы она продолжала исполнять ту же службу». Винта просит для нее титул камерфрау. Генрих соглашается: «Мы желаем, чтобы она причесывала королеву и никто кроме нее не смел касаться головы Ее Величества. Мы будем ей покровительствовать и облагодетельствуем ее. Мы желаем того же, что и королева». Но категорически противится сделать Леонору камерфрау: этот титул он уже обещал француженке, и к тому же Леонора не замужем и неблагородного происхождения — *cittadina, горожанка.* Правда, она собиралась замуж за дворянина Кончино Кончини.

Винта считал, что для камерфрау, в обязанности которой входило повсюду возить за королевой ее ленты и цветы для прически, не обязательно быть дворянкой. Но Генрих не уступил и пригрозил отослать Леонору во Флоренцию.

Кто же такая Леонора Галигаи, присутствие и положение которой в королевской семье вызвало первую из многочисленных последующих ссор? Вот как описывает Мишле первую встречу короля и Марии Медичи в Лионе: «У входа в покои королевы днем и ночью пребывала некая черная карлица со зловещим взглядом, глаза ее горели как адский пламень. Но это вовсе не дьявол. Особа эта играет очень важную роль при дворе — молочная сестра королевы, синьора Леонора Дози, дочь плотника, украсившая себя благородной фамилией Галигаи. Ей не откажешь в уме…».

Отец Леоноры купил фамилию Галигаи — очень известную во Флоренции, ее упоминает Данте в *Раю* — у последнего разорившегося отпрыска этой семьи.

Ее служба при королеве незаметна. Никто не видит, как она проходит по галереям Лувра — дверь из ее небольших трехкомнатных апартаментов ведет прямо в покои королевы. Леонора живет скромно.

Как камерфрау королевы она получает 6000 ливров жалованья в год плюс 972 ливра на питание, разбогатела благодаря милостям Ее Величества.

Королева привыкла к ежедневным свободным беседам с ней наедине, которыми Галигаи пользовалась, чтобы руководить королевой, давать ей советы и помогать в ее делах.

Со временем в сундуки Леоноры потекли рекой редчайшие ковры, стулья и кресла, покрытые алым бархатом и полосками золотой ткани, зеркала в рамах из эбенового или розового дерева, дюжины платьев и рубашек, серебряная посуда, драгоценности, страсть к которым была неумеренной.

Леонора сначала сняла, а потом купила особняк Пикиньи на улице Турнон и поручила итальянскому архитектору Франческо Бордони его роскошно отделать. Позже она купила земли и замок Лезиньи.

Несмотря на предубеждение, Генрих время от времени вознаграждал ее: в 1609 году он согласился передать в ее распоряжение только что созданные финансовые пошлины. Он явно не знал стоимости подарка, сделанного им. Но услышав через некоторое время, что это принесло Леоноре 90 000 ливров, он громогласно пообещал, что «она будет ими распоряжаться не более четырех лет и больше от него ничего не получит».

У Леоноры очень слабое здоровье. В ноябре 1604 года даже подозревали водянку. Мария Медичи распорядилась читать молитвы за ее здоровье в церквях Парижа. Леонора уехала на воды в Форж, вернулась поправившейся, но потом снова тяжело заболела, ее мучили частые обмороки. Она даже начала подумывать о возвращении во Флоренцию — воздух Франции был явно вреден для ее здоровья, — но этому решительно воспротивился Кончини, понимавший, что без Леоноры с его влиянием в Париже будет покончено.

Она постоянно ссорится с мужем. Ришелье, который началом своего возвышения был обязан семье Кончини, описывает в своих *Мемуарах* ссоры, в результате чего они, собственно, и расстались. Кончини признавал, что необычайный успех пришел к нему стараниями жены, но добавлял, «что она содрала с него за это хорошенькую плату». Он даже подумывал объявить ее сумасшедшей и упрятать в Канский замок. Во время их встреч королеве частенько приходилось вмешиваться, чтобы не допустить крайностей.

Королева сама страдала от все более мрачных настроений Леоноры. Ришелье писал: «Все эти семейные неприятности с мужем, желания которого не совпадали с ее собственными, и

придворные тоже чрезвычайно подорвали ее здоровье, и она несколько повредилась рассудком. Леонора вообразила, что все, кто на нее ни посмотрит, околдовывают ее; все это настолько печалило, что она стала избегать общества других людей и даже перестала видеться со своей доброй повелительницей, а когда с ней встречалась, то оскорбляла ее, называя „неблагодарной“ и „тупицей“».

Леонора держала королеву в своей власти, потому что своим живым умом превосходила ее — несколько ленивую, не очень умную и в глубине души легковерную, но при этом необыкновенно корыстную. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Леонора этим широко пользовалась, а вместе с ней — ее муж Кончино Кончини, которому она обеспечила состояние и карьеру.

Фавориты: Кончино Кончини

В отличие от Леоноры Кончино Кончини был благородного происхождения, что удостоверялось в записке Великого герцога Тосканского, переданной Генриху IV: «Кончино Кончини, из графов де ла Пенна, оказавших важные услуги Великому герцогу Тосканскому и королеве. Он принадлежит к семье, пользующейся расположением Их Высочеств, и хотел бы обосноваться во Франции, стать верным и прилежным слугой и снискать милость Ее Величества, служа ей повсюду и даже в бою. Его Высочество был бы весьма признателен за хороший прием».

Кончино Кончини учился в университете Пизы, но по молодости вел весьма беспорядочную жизнь. В своих *Мемуарах* Бассомпьер приводит беседу, которая состоялась за несколько месяцев до его смерти: «Если бы вы не знали, насколько низко я пал [Бассомпьер жил во Флоренции в 1596–1597 гг.], то мне пришлось бы это от вас скрыть. Но вы видели меня живущим в распутстве, то в тюрьме, то в ссылке, чаще всего без денег. Я рожден дворянином и от хороших родителей, но когда приехал во Францию, у меня не было ни единого су, а долгов — на восемь тысяч экю [или 24 000 ливров]».

Дядя Кончини был могущественным государственным секретарем Великого герцога Тосканского. Именно он вел переговоры о браке Марии Медичи и пытался навязать своего племянника в свиту королевы. Именно навязать, потому что, по правде сказать, Великий герцог был крайне враждебно настроен к нему. Пришлось прибегнуть к помощи Великой герцогини Кристины: Кончини пообещал никогда больше не возвращаться во Флоренцию и поклялся, что едет во Францию «сделать состояние или умереть». Этот последний довод сломил сопротивление Великого герцога.

Молодой Кончини отличался хорошим сложением, имел прекрасные манеры и был чрезвычайно умен. Обворожительный мужчина, он знал, что поездка во Францию — это последний шанс изменить жизнь. На корабле он было заскучал, но увидев, какое важное положение при Марии Медичи занимает Леонора, тут же начал усиленно за ней ухаживать. Когда в Марселе они сошли на берег, то считались уже помолвленными.

Генрих IV относился с предубеждением к Кончини, затем недоверие сменилось глубоким отвращением. Узнав в Лионе о проекте брака Леоноры и Кончини, Генрих решительно этому воспротивился и заявил, что Леонора должна выйти замуж за

француза, если желает остаться во Франции.

Вскоре Леонора и Кончини поймут, что им необходимо сделать своей союзницей могущественную любовницу короля Анриетту д'Антраг. Леонора убедила ту, что только она в состоянии заставить Марию терпеть при дворе присутствие любовницы. Анриетта пообещала Леоноре поддержку. В результате 5 апреля 1601 года Генрих назначил Леонору камерфрау, дал разрешение на брак с Кончини и пообещал последнему титул придворного в свите короля. Он выразил Винте сожаление по поводу того, что был слишком долго сдержан по отношению к его племяннику, «но его извиняет то, что лично он его не знал и ему о нем рассказывали много дурного. Но теперь, когда он больше не заблуждается, он хотел бы, чтобы маркиз повсюду следовал за его особой».

Откровенно говоря, Генрих всегда будет пренебрежительно отзываться об этой чете. О Леоноре: «Она годится только для того, чтобы заставить плакать мою жену». И о Кончини: «Я не хочу давать денег королеве, потому что все перейдет в кошелек синьора Кончини». И если он уступил, то только потому, что почти ни в чем не отказывал властной маркизе де Верней.

12 июля 1601 года Леонора и Кончини отпраздновали скромную свадьбу. И когда практически все итальянцы были отосланы домой, они остались хозяевами положения. Их признательность Анриетте д'Антраг проявилась в роли примирителей королевы и любовницы короля.

Так началось восхождение семейства Кончини. Муж становится первым мажордомом королевы. В 1602 году чета получает от короля вознаграждение в размере 3000 ливров, а с 1603-го Мария определяет Кончини ежегодное содержание в 25 000 ливров и становится крестной их сына Анри, а крестным — граф де Суассон.

После раскрытия заговора д'Антрагов началась открытая война между Марией Медичи и любовницей короля. На какое-то время Генрих вынужден был прервать свои отношения с Анриеттой — слишком уж тяжелы были выдвинутые против нее обвинения. В королевской семье воцарился мир, и чета Кончини перестала раздражать Генриха. Он даже дал Кончини рекомендательное письмо к Великому герцогу Тосканскому и отправил с поручением в Италию.

Кончини оставался в Италии с марта по сентябрь 1606 года, а когда вернулся, отношения Марии и Генриха окончательно разладились: король снова попал под влияние Анриетты. Кончини использовал эту ситуацию с выгодой для себя: стремясь

сделать его своим союзником, король осыпал его милостями и знаками расположения. Он разрешил Кончини купить должность обершталмейстера, польстив ему этим: отныне у Кончини, как и у принцев крови, была привилегия въезжать во двор Лувра верхом или в карете.

В мире все покупается. Генриху хочется, чтобы Мария не противилась возвращению Анриетты д'Антраг ко двору. Он оказывает Кончини честь: сажает его в свою карету, чтобы вместе с королевой ехать ужинать в его особняк на улице Турнон. Всем ясно, что Кончини становится приближенным короля. Когда в семье Кончини в 1608 году родилась дочь, ее крестной становится принцесса Конде, а крестным — сам король Франции. Поэтому по мере возможности Кончини вместе с Леонорой придется оказывать давление на Марию Медичи, чтобы установить в королевской семье хотя бы видимый мир.

Такой успех способен вызвать не зависть даже, а скорее ненависть. Влияние Кончини раздражает Великого герцога Тосканского, который сам хотел бы влиять на Марию, чтобы иметь возможность вмешиваться в дела Франции.

Подруги королевы

Леонора была единственной подругой королевы из Флоренции. Очень скоро Мария Медичи подружилась с тремя самыми знатными дамами Французского королевства: герцогиней де Гиз, принцессой де Конти и мадам де Монпансье.

Герцогиня де Гиз была лучшей подругой королевы после Леоноры. Почтенную вдову Генриха Меченого, герцога де Гиза, убитого в Блуа по приказу Генриха III, жизнерадостную и веселую, Генрих любил за язвительный ум и чудные пикантные рассказы о дворе последних Валуа. В окружении короля и королевы считают, что дружба со старой лигисткой — дурной тон. Генрих нисколько не верит в ее преданность и подозревает, что она ведет двойную игру между Марией Медичи и Анриеттой д'Антраг.

Когда в 1613 году Мария была уже регентшей, сын герцогини убил на дуэли дворянина. Мария собиралась наказать его, но герцогиня защищала своего сына. Очень быстро в споре герцогиня начала говорить грубости. Вынужденная призвать ее к порядку маркиза де Гершевиль напомнила ей, что королева ее повелительница, сказанное привело ту в еще большую ярость: она заявила, что ее повелительницей может быть только Дева Мария.

Тем не менее Мария Медичи ее очень любила и, стремясь удержать ее подле себя, предоставила ей в Лувре апартаменты — как раз над своими собственными.

С принцессой де Конти королева была почти настолько же дружна, как и с ее матерью — герцогиней де Гиз. Луиза Маргарита де Гиз вышла замуж поздно, в 28 лет, за принца де Конти — троюродного брата Генриха IV — глухого, заику и, по единодушному мнению, глупца. Единственная дочь их умерла в младенчестве. Сам же принц отошел в мир иной в 1614-м, предоставив жене свободно продолжать любовные похождения. Одно время Генрих IV увлекался ею и даже в какой-то момент встал вопрос о браке. Могла бы возникнуть достаточно пикантная ситуация: Генрих IV женится на дочери герцога де Гиза, убитого по приказу его предшественника Генриха III. Поэтому проект не имел продолжения. Но принцесса, должно быть, была неплохо осведомлена, потому что в 1652 году она опубликовала *Любовные похождения Великого Алькандра,* переизданные позже под названием *История любовных похождений Генриха IV*, которые содержат массу весьма точных и часто скандальных подробностей о личной жизни Доброго Короля Генриха.

Принцесса решила завоевать милость и доверие новой королевы и отправилась встречать ее в Марсель. Чтобы закрепить свой успех, ей следовало в любое время быть любезной, сдержанно-преданной и скромной, придерживаться мнения королевы и всегда принимать ее сторону: так была завоевана симпатия Марии.

В Лувре у принцессы тоже есть апартаменты. Мария Медичи любит слушать, как она читает. Луиза образованна, знает многих писателей, рассказывает королеве последние сплетни из литературных кругов. Ее уважают поэты, в частности Малерб. Тонкий наблюдатель придворной жизни, он однажды написал: «Принцесса управляет королевой». Это мнение разделял Генрих, что крайне его беспокоило: под диктовку королевы принцесса писала самые личные письма; король приказал за ней следить — он полагал, что она оказывает на королеву самое отвратительное влияние и «отравляет ее ум».

Мадам де Монпансье была лишена недостатков, присущих дамам из семейства Гизов. Анриетта-Екатерина де Жуайез слыла женщиной очень мягкой и милой. Ее переписка с Марией Медичи изобилует рассказами о болезнях и недомоганиях. Она замужем за герцогом де Монпансье из рода Бурбонов. У нее единственная дочь — мадемуазель де Монпансье — самая богатая наследница в королевстве. С самого ее рождения Мария демонстрировала к ней чрезмерную привязанность: мы уже видели, каким образом она выдала ее замуж за своего сына Гастона.

Мадам де Монпансье была очень близка к королеве. Во время родов королева требовала, чтобы подруга была рядом с ней, облегчая ей страдания своим спокойствием и мягкостью.

Жемчуга, бриллианты и делячество

Во время церемонии крестин дофина в Фонтенбло в 1605 году на Марии было надето платье с нашитыми на нем *32 000 жемчужин и 3000 бриллиантов*. Это не выдумка мемуариста: цифры фигурируют в официальном отчете о церемонии. Очевидцы же заметили: платье было настолько тяжелым, что королева походила на башню и передвигалась с большим трудом. Но никто не отрицает, что королева была ослепительна.

Ни одна из королев Франции не любила настолько драгоценные камни. Биограф королевы Луи Батиффоль пишет, что в этом она не знала никакой меры.

Во время вступления Марии Медичи в Лион от имени короля ей было поднесено необыкновенное жемчужное ожерелье, которое современные хроникеры непочтительно назвали «большим ошейником». Королю оно обошлось в сущие пустяки — 450 000 ливров — четверть приданого Марии Медичи! В 1602 году Генрих приказал доставить в Париж для своей жены драгоценности Наваррской короны. Но Мария была ненасытна. Она приказала изготовить для себя браслет из бриллиантов, который стоил 360 000 ливров.

Мария легко поддавалась искушению, и ювелиры об этом знали. В числе ее поставщиков были практически все ювелиры Парижа, а также фламандцы, немцы, англичане, флорентийцы. Покупали уже готовые драгоценности или отдельные камни, которые потом вставлялись в браслеты, шкатулки, рамки для портретов, серьги. Домашний ювелир Марии Николя Роже следил за ее покупками и давал ей советы, обрабатывал новые камни и хранил ключи от сундуков с ценными шкатулками.

Настоящей страстью Марии Медичи были бриллианты. Существует «Отчет о покупке королевой бриллиантов», который составлялся в течение всей ее жизни во Франции. Однажды, например, она купила два бриллианта за 21 000 ливров. На следующий день тот же ювелир предложил ей еще четыре за 30 000 ливров. Казначей королевы Флоран д'Аргуж предупредил ее, что Счетная палата неодобрительно воспримет эти постоянные траты. Но королева взяла бриллианты и подписала приказ Счетной палате оплатить покупку. Правда, на господ из палаты это не произвело особого впечатления, потому что год спустя эти бриллианты так и не были оплачены.

Королева заставляла испытывать ужас тех, кто оказывался обладателем какого-нибудь красивого бриллианта: она изводила

их до тех пор, пока ей не уступали желанный камень, но немногие счастливчики получали за них деньги без осложнений. Так, например, у банкира королевы Жана-Андре Люманя оказывается великолепный обработанный бриллиант, который он в 1612 году под нажимом королевы уступает ей за 18 000 ливров. Через два года после многочисленных проволочек ему удалось получить половину суммы, второй же половины он так и не увидел. В 1615 году Себастьяно Дзаметто продал королеве бриллиант за 15 000 ливров, но этих денег не получил. В том же году, после десятилетних усилий, Дзаметто получил 75 900 ливров за огромный бриллиант, который он продал Марии Медичи в 1605-м!

Другие драгоценные камни гораздо меньше интересовали Марию Медичи: кольцо с рубином за 600 ливров, необработанная бирюза, обработанный гиацинт за 240 ливров, золотой крест с десятью изумрудами, золотое кольцо с огромным сапфиром. Практически ничего не известно о судьбе всех этих камней. Возможно, некоторые из них находятся в музее Лувра. Но большую их часть Мария Медичи вывезла из страны, когда в 1631 году бежала из Компьена, и продала, обеспечив себе достойный образ жизни. Некоторые были заложены или проданы в Амстердаме, чтобы оплатить военную экспедицию Гастона Орлеанского на юге Франции в 1632 году.

У Марии не было необходимых средств на все эти покупки, но любовь к бриллиантам брала верх над любыми другими соображениями. Поэтому королева без колебаний прибегала к разным уловкам. И тогда на сцену выходила Леонора Галигаи. Каждый раз, когда создавалась новая должность, кто-то хотел получить право на габель в провинции или кому-то грозил суд, через мадам Кончини можно было найти решение за небольшую компенсацию. Она в совершенстве владела искусством делать деньги из всего в угоду своей доброй хозяйке, не забывая при этом и себя, разумеется. Пятнадцать таких сделок принесли всего два миллиона ливров. Вспомним для сравнения, что годовой бюджет королевы составлял 400 000 ливров, а всего королевства — около 20 000 000 ливров.

Сделки такого рода накапливались и в конце концов дискредитировали режим. Несмотря на терпимость эпохи, это никак не могло улучшить репутацию Марии Медичи. Королева-мать оказалась досадным образом замарана этими грязными делишками, что в итоге разрушило образ, который со временем только тускнел.

Мария и любовницы короля

История, которая знает все, приписывает Генриху IV 56 официальных любовниц. Вечный волокита был явно неравнодушен к прекрасному полу.

Среди разнообразных и многочисленных вспышек случались и настоящие пожары: Коризанда во время религиозных войн, прекрасная Габриэль д'Эстре, которую Генрих увел у своего соратника и друга Бельгарда и на которой хотел жениться. После смерти Габриэль Генрих был в трауре целых три месяца: печаль была глубокой и, как ему казалось, окончательной. Он писал: «Корень моего сердца засох, он более не даст побегов». Но как-то летом 1599 года королю вздумалось отведать блуаских дынь. Путь из Фонтенбло в Блуа пролегал мимо замка Мальзерб, владельцем которого был Франсуа де Бальзак д'Антраг, прозванный Орлеанским королем, потому что он женился на любовнице Карла IX Мари Туше, родом из Орлеана, бывшей единственной любовью короля, отдавшего приказ о начале варфоломеевской резни. От Карла IX Мари Туше родила сына — графа д'Овернь. От г-на д'Антрага у нее было две дочери, старшей из которых, Анриетте, исполнилось в ту пору 18 лет. Скорее хорошенькая, чем красивая, умная и острая на язычок, она сразу же очаровала Генриха. Принцесса де Конти, которая вовсе не любила ее, тем не менее, отдает ей должное: «Девушка очень красивая, правда, не так, как Габриэль, но моложе и гораздо веселее».

Осознав, что королю нравится его дочь, Франсуа д'Антраг начинает эксплуатировать его страсть. 11 августа 1599 года он добивается для себя маркизата Верней. Через несколько дней повышает цену: 100 000 ливров — или король не получит его дочери. Король повинуется. Но и этого мало: Генрих IV должен дать официально заверенное письменное обещание жениться на Анриетте, если через шесть месяцев она родит сына. В это время шли переговоры о флорентийском браке, и срок, казалось бы, давал преимущество Анриетте, которая уже была беременна. Но Бог был на стороне Марии: в комнату Анриетты ударила молния и она родила мертвого мальчика. Генрих ее любит, но не останавливает переговоров о браке, не осмеливаясь сказать об этом своей любовнице. Вокруг этих переговоров Сюлли устроил настоящий заговор молчания, чтобы «взбалмошная д'Антраг не пронюхала, потому что придет в ярость и преподнесет какую-нибудь пакость Его Величеству».

Узнав о заключении брака и поняв, что ее обманули,

Анриетта тем не менее подавила свой гнев. Она осознавала единодушную враждебность министров по отношению к ней, отдавала себе отчет в том, насколько Генриху был нужен брак по расчету, который давал ему деньги на войну с Савойей и союз с папой для примирения с католиками, понимала, насколько необходима для Франции принцесса Тосканская. Поэтому она ждала своего часа.

С юридической точки зрения, письменное обещание Генриха IV позволяло ей расстроить брак с Марией Медичи. Но для этого нужно было родить сына. К счастью для нее, Генрих не преминул об этом позаботиться. Выше мы уже упоминали, что королева и Анриетта д'Антраг забеременели с разницей в месяц.

В феврале 1601 года Мария Медичи прибыла в Париж и остановилась во дворце Гонди, где Генрих представил ей самых знатных придворных. После принцев крови, вельмож, главных сановников и судейских, дам, прибывших поцеловать руку королевы и опуститься перед ней в поклоне, все с удивлением восприняли появление высокой молодой женщины во всем блеске 20 лет, опиравшейся на руку старой герцогини де Немур. Это была Анриетта д'Антраг. Король вышел вперед и игриво сказал королеве: «А эта была моей любовницей». Посчитав, что Анриетта склонилась недостаточно низко, король резко заставил ее склониться к самому низу платья королевы и поцеловать его край. Представление двора было безнадежно испорчено. Послы поспешили отправить своим правительствам отчеты об этом инциденте, который был явно не в пользу короля.

Бедный Генрих IV! Он не собирался поступать дурно: все, чего он хотел, — это чтобы обе женщины жили в полном согласии с приоритетом законной супруги, разумеется.

27 сентября 1601 года Мария родила дофина, будущего Людовика XIII. 27 октября 1601 года Анриетта родила Гастона-Анри де Вернея. Генрих IV воскликнул: «Мы произвели на свет господина и слугу».

Теперь Анриетта д'Антраг открыто ненавидит Марию Медичи. Она считает, что Генриха прощает только огромное приданое, и называет Марию «флорентийкой», «банкиршей», «вашей толстухой банкиршей». Любовница заявила королю, что она — его настоящая жена, а ее сын — настоящий дофин. Именно Анриетта воспротивилась королевской воле воспитывать всех детей вместе в замке Сен-Жермен: «Я не хочу, чтобы мой сын воспитывался с бастардом флорентийки».

Но ведь Генрих сам двусмысленным поведением предоставил Анриетте свободу действий. Преследуемый мыслями о заговорах

и покушениях, он для себя решил, что если вдруг дофин умрет, то у него будет Гастон-Анри де Верней — про запас. Сначала он безумно обрадовался рождению дофина, но увидев через некоторое время маленького Вернея, переменил мнение, по свидетельству его слуги де л'Этуаля: «Госпожа маркиза де Верней родила мальчика, которого король поцеловал и приласкал, называл своим сыном и говорил, что он красивее сына королевы, его жены, похожего на всех Медичи — смуглого и толстого; говорят, что когда королеве об этом донесли, она сильно плакала».

Ответом на слезы королевы было удовлетворение и гордость Анриетты. Несчастье Генриха IV состояло в том, что он не мог обойтись без этой властной и резкой женщины. Возможно, его любовь к Анриетте была менее нежной, чем та, которой он любил Габриэль д'Эстре, но слепая страсть сжигала его. Всех современников поражала слабость Генриха в этом отношении, который, однако, всегда был хозяином своего рассудка и своих чувств.

Летом 1604 года, когда разразился скандал в связи с заговором д'Антрагов, Генрих IV, явно стремясь забыть маркизу де Верней, принялся ухаживать за Жаклин де Бюэйль — родственницей принцессы де Конде. Последняя, заметив это, увезла Жаклин. Разъяренный Генрих вызвал молодого принца де Конде, которому отдал приказ для его матери вернуться ко двору и привезти мадемуазель де Бюэль. Обеим дамам пришлось повиноваться. При дворе вельможи возмущались распутством Его Величества, и нашлись даже такие, которые во всеуслышание говорили, что со шпагой в руках защитили бы честь своих дочерей от похотливого короля.

Однако некоторые министры считали благотворной связь короля и мадемуазель де Бюэйль, если только она поможет ему освободиться от Анриетты д'Антраг. Поэтому девице советовали уступить. Впрочем, она не особенно сопротивлялась при условии, если ей будет обеспечен достойный брак и приданое: в итоге Генрих выдал ее замуж за графа де Море со 150 000 ливров, получив таким образом ее расположение. От этой связи родился сын, граф де Море. Он был в очень прекрасных отношениях со своим сводным братом Гастоном Орлеанским и погиб в армии принца при Кастельнодари.

Но Генриху быстро наскучила графиня де Море, и он вернулся к Анриетте д'Антраг, фавор которой продолжался до 1608 года. Правда, ей пришлось делить короля с Шарлоттой Дезэссар, у которой от Генриха родятся две дочери.

С начала 1605 года в окружении Генриха вновь появляется королева Маргарита — его первая жена, и делает дофина своим наследником. Сначала она гостит в Монсо-ан-Бри у Генриха и Марии Медичи, потом живет в небольшом Мадридском замке под Парижем, а затем Генрих передает в ее распоряжение Шенонсо. Вокруг нее образуется небольшой двор, не такой пышный, как раньше, но такой же утонченный, как некогда двор Валуа. Здесь можно встретить многих литераторов.

Теперь Маргарита де Валуа располнела, лицо покрылось красными пятнами, волосы повисли как мочало. Но она по-прежнему блистает умом и заводит любовные интриги. Прекрасные отношения с Марией Медичи и глубокую привязанность к королевским детям Марго сохранит до самой смерти в 1615 году.

Распавшаяся семья

Когда Мария Медичи прибыла во Францию, она была наслышана об Анриетте д'Антраг, но решила терпеливо сносить ее присутствие, надеясь своим вниманием, покорностью и нежной привязанностью отдалить Генриха от его любовницы. Правда, высказывания Анриетты по поводу законности ее брака она снести не могла.

С 1603 года положение только ухудшалось, несмотря на усилия четы Кончини и советы Сюлли, который считал влияние Анриетты вредным для интересов Франции.

Мария только раздражает Генриха своими увещеваниями по поводу заботы о его здоровье и поддержания репутации. В свою очередь король намекает, что, возможно, она сама не безупречна в своем поведении, и начинает выказывать ревность — искреннюю или деланную, но явно необоснованную, — к Вирджинио Орсини, Бельгарду, Гонди, Кончини.

В начале 1604 года, выведенный из себя упреками Марии и высказанным ею желанием отомстить, король покидает двор и уезжает к Анриетте. После увещеваний Сюлли он возвращается как ни в чем не бывало, но требует, чтобы королева изменила свое отношение к нему.

Он считает, что Мария вечно ворчит и недовольна, когда он хочет ее поцеловать, приласкать и посмеяться вместе с ней, враждебно настроена по отношению к его внебрачным детям, даже к тем, кто родился еще до брака с ней, она — мотовка, у нее вечно не хватает денег, слишком доверяет Кончини и окружающей ее итальянской клике. В отличие от нее Анриетта д'Антраг всегда мила и приятна, всегда у нее найдется словцо, чтобы его рассмешить — а от своей жены он никогда не получал ни радости, ни утешения, ни доброго участия.

Все ждут, что Генрих вот-вот отошлет Марию Медичи во Флоренцию. Анриетта торжествует и уже считает себя почти королевой. Но далее она совершает непростительную ошибку, приняв участие в заговоре своего отца и сводного брата против короля. В 1604 году Генрих сначала решительно отказывался в это поверить, но под напором доказательств вынужден начать преследование заговорщиков и посадить Анриетту под арест в ее замке. Казалось, бурная четырехлетняя связь на этом закончилась, и торжествовала уже Мария, хотя король, который не мог жить без любовницы, поспешил заменить Анриетту на Жаклин де Бюэйль.

Но недолго пришлось королеве радоваться: в феврале 1605

года Генрих простил Анриетту и снова попал в ее сети. Это прощение оказалось политической ошибкой, потому что маркиза решила, что может безнаказанно плести интриги, чтобы заставить признать своего сына законным наследником короны. Но Мария снова поступает неумно: она злится на всех и вся, обвиняет министров в укрывательстве, а особенно жалуется на Сюлли, хотя его меньше, чем кого бы то ни было, следовало подозревать в сообщничестве с Анриеттой. Она пишет Великому герцогу Тосканскому, что все французы предатели, на что тот ей резко отвечает, что она сумасшедшая, если оскорбляет народ, королевой которого является. Теперь сцены между Марией Медичи и Генрихом не прекращаются, а между ними снует Сюлли, выслушивая их бесконечные взаимные упреки.

Ришелье позже напишет, что, если верить Сюлли, вплоть до смерти короля недели не проходило, чтобы супруги не поссорились. В 1606 году Мария бросилась на короля с кулаками. Сюлли едва успел встать между ними и перехватить ее руку так грубо, что королева заявила, будто он хотел ее ударить. Сюлли побледнел: «Вы с ума сошли, мадам, он может приказать отрубить вам голову в какие-нибудь полчаса». Генрих IV покинул комнату, а Мария рыдала и кричала, что Сюлли поднял на нее руку.

На этот раз король решил без промедления отправить Марию во Флоренцию. После долгих и упорных уговоров Сюлли удалось его разубедить. Но каждый раз после очередной сцены Генрих будет возвращаться к мысли о разводе. А Мария уже привыкла жить в атмосфере вечной озлобленности и скандалов.

Такова была супружеская жизнь в последние четыре-пять лет. На этом основании история безоговорочно осудила Марию Медичи — «ничтожную, высокомерную, необузданную, которая нисколько не любила короля, да и он любил ее не больше, бывшую его семейным несчастьем, привезшую с собой жадное итальянское отребье, которое ею управляло и плело бесконечные заговоры».

Как сурово по отношению к Марии Медичи! Но с учетом всего вышесказанного следует принимать в расчет характер и поведение самого Генриха. Скорее всего, он был искренне влюблен в обеих женщин и больше всего на свете хотел, чтобы внутри «королевского гарема», как некоторые говорили, царил мир. Несчастье в том, что если и одна, и другая были, возможно, готовы с этим согласиться в нравственном плане, то одна из них была королевой, а другая — нет, и при этом считала, что имеет достаточно прав, чтобы занять место другой. А это уже все меняет. Соперничество Марии Медичи и Анриетты д'Антраг не

было простым соперничеством в любви, это было политической проблемой наследования престола.

В этой ситуации Мария Медичи, королева Франции, имела все привилегии, положенные ее сану, и нисколько не собиралась лишаться их без борьбы. Вступая в брак с Генрихом IV, она представляла интересы католической, преданной папской курии и происпанской партии. Именно через интересы этой партии и возникнут трудности в отношениях между Марией и Генрихом IV и положении Марии как королевы Франции в последние годы их совместной жизни.

Глава IV
ПАРТИЯ КОРОЛЕВЫ

Католики и протестанты

13 апреля 1598 года Генрих IV подписал Нантский эдикт, положивший конец религиозным войнам. Это был эдикт терпимости, признававший существование протестантской религии и разрешающий личное отправление культа в любых местах во имя свободы совести. Теперь у гугенотов есть право собирать политические ассамблеи по предварительному разрешению короля и в течение восьми лет, с 1599 года, сохранять около 200 крепостей и среди них Ла Рошель, Монтобан, Монпелье. Впоследствии Генрих увеличит срок удержания этих городов — до 1611 года. По приказу Генриха, было подсчитано, что из десяти французов один являлся гугенотом.

В отличие от протестантства, замкнувшегося в рамках догмы, католицизм очищается, обновляется, делая упор на чувства, становится ближе к повседневной жизни и поэтому начинает привлекать многих протестантов.

Пробуждение католичества стало великой реальностью начала XVII века, что выявилось в расцвете религиозной литературы. Появление большого количества значительных фигур в области веры дало право назвать XVII век «веком святых».

Особенно важную историческую роль сыграл святой Франциск Сальский, епископ Женевский. Он долгое время поддерживал переписку с Генрихом IV и Марией Медичи и внес большой вклад в развитие религии, основанной на мягкости и спокойной набожности, которую он ввел в моду в правящих кругах общества.

Еще одна яркая личность — благочестивая госпожа Акари. Она занималась благотворительностью в Париже и интересовалась всеми формами обновления веры. Ее необычайно привлекал орден кармелиток, который она сумела внедрить во Франции, благодаря материальной помощи Марии Медичи во Франции были построены два первых монастыря.

Успеху католического пробуждения во Франции способствовала Мария Медичи, несокрушимо верная миссии привилегированного защитника католицизма во Франции, шла ли речь о том, чтобы вернуть иезуитов, или защитить их от нападок, или помочь отцу Берюллу внедрить во Франции орден ораторианцев, или оказать политическую поддержку католической партии.

Иезуиты

Отличительной чертой иезуитов было безусловное повиновение папе. Ультрамонтанство[1] стало причиной их изгнания из части Французского королевства после покушения Жана Шателя на Генриха IV в 1594 году. В стратегии папы брак короля Франции и принцессы Тосканской составлял исключительную возможность для возвращения ордена во Францию, что стало первой и ближайшей политической задачей, поставленной Марии Медичи, когда она ехала во Францию, и залогом примирения Франции и Святого Престола.

Рождение дофина 27 сентября 1601 года позволяет Марии Медичи укрепить свои позиции: счастливое событие при дворе Франции доказывает действенность призывов церкви и иезуитов к божественной милости, а потому следует, чтобы еще подчеркнуть роль Господа в этом, просить папу стать крестным будущего Людовика XIII. Частые болезни короля в 1602–1603 годах (дизентерия, задержка мочи, снова дизентерия) Мария напрямую связала с отсрочкой возвращения иезуитов во Францию и постоянно донимала короля просьбами в связи с этим.

По правде говоря, не просьбы Марии Медичи убедили Генриха. Он решил, что иезуиты могут оказаться ему полезны в качестве сдерживающего фактора и стать если не друзьями, так союзниками. Он учел предостережения Сюлли, что это люди «не только ловкие, но хитрые и неискренние, едва они получают ничем не ограниченную свободу». Парламент Парижа и его председатель де Арлэ отказались зарегистрировать эдикт Генриха IV, напомнив королю, что иезуиты прежде всего подчиняются папе, а потом уже королю и исповедуют учение, согласно которому папе разрешено отлучать королей от церкви, а также претендуют на роль наставников молодежи. Но Генрих заявил, что «он управлялся и с более трудными делами», и приказал парламенту зарегистрировать его эдикт о возвращении иезуитов с января 1604 года. После легального водворения иезуитов во Франции прекратились покушения на короля. Они сумели сыграть роль сдерживающего фактора, которую им отводил Генрих IV.

Набожность Марии Медичи

Мария еще в юности строго соблюдала все религиозные обряды. Ее набожность можно считать образцовой. Каждый день она слушает мессу, участвует в ежегодной процессии в праздник Тела Господня. Еще со времен ее жизни во Флоренции у нее есть свои любимые святые: Иоанн Креститель, Франциск Ассизский, Доминик, Тереза, Магдалина, Екатерина, Цецилия, Урсула, Людовик де Гонзаг, Иероним. После смерти Генриха появляется новый культ — Людовика Святого. Очевидна политическая подоплека этого выбора: Людовик IX должен стать образцом для Людовика XIII, а Мария в данном случае уподобляется Бланке Кастильской — матери Людовика Святого, которая была регентшей до совершеннолетия этого короля. Чтобы об этом знали все, по приказу Марии Медичи распространялись уведомления, в которых проводилась параллель между двумя регентствами.

Во время поездок Мария не пропускала ни одного монастыря и ни одной церкви. Такой формальный характер набожности свидетельствует о том, насколько королева стремилась завоевать расположение Господа.

Большое место в бюджете королевы занимали всевозможные пожертвования монастырям, больницам, бедным, которым Мария омывала ноги в Великий Четверг, и раздача милостыни на Рождество.

Строгая в том, что касалось нравственности, Мария Медичи вместе с Маргаритой де Валуа основала три дома призрения для бродяжек, нищих и падших девушек с целью их перевоспитания трудом.

Она взяла под свою защиту неимущих студентов, естественно, приличного поведения: в основном, студентов-теологов и наиболее отличившихся студентов в коллегиях иезуитов. Каждый год обеспечивает приданое тринадцати бедным девушкам, которых лично выбирает из представленного ей списка, и выдает их замуж. Церемония происходит 15 августа: сумма приблизительно 300 ливров вручается счастливым избранницам в присутствии королевы, они благодарят ее и обещают за нее молиться.

Кроме того, у королевы вошло в привычку освобождать посаженных в тюрьму за долги: 50–70 человек в зависимости от повода — страстная неделя или роды королевы. Каждый из них получает до 25 ливров и обязуется, выйдя из тюрьмы, молиться в соборе Парижской богоматери за Марию Медичи.

Мария оказывает регулярную помощь монастырям кармелиток и урсулинок. Когда она станет регентшей, то с таким рвением будет поощрять развитие и увеличение количества монастырей, что Генеральные штаты выскажут в 1614 году свое недовольство.

Посол Франции в Константинополе регулярно присылает ей во Францию турецкие семьи, согласившиеся обратиться в католическую веру. Им обеспечивают содержание и работу в мастерских по восточной вышивке. Когда Мария Медичи купила Люксембургский дворец, в нескольких комнатах она разместила таких девушек-вышивальщиц, работой которых восхищался двор.

Католическая партия

Марию Медичи окружают стражи религии: одни больше заняты религиозными аспектами защиты католицизма, другие — политическими.

К первым прежде всего относится Пьер де Берюлл, будущий кардинал, покровитель кармелитов, впоследствии — основатель ордена ораторианцев. Его мать, Луиза Сегье, была теткой будущего канцлера Сегье, который прославится в правление Людовика XIII. Она воспитывала будущего кардинала в атмосфере ранней набожности. Он был учеником иезуитов, изучал теологию в Сорбонне. Восстановление иезуитов в правах — а Берюлл был что-то вроде их неофициального агента в Париже — способствовало его проникновению в ближайшее окружение Марии Медичи.

Всю свою энергию и силы он посвятил основанию ордена кармелитов, настоятелем которого стал, а потом — ораторианцев.

В 1606 году ему предложили стать наставником дофина, но он отказался, став одним из приближенных Марии, которая никогда не отказывала ему в помощи, когда он об этом просил. Королева оценила его деятельность в пользу иезуитов. Сама Мария Медичи поддержала канонизацию иезуитов — святого Игнатия Лойолы, святого Франциска-Ксавье, а также святого Филиппа Нери — флорентийца, основателя ордена ораторианцев.

В окружении Марии Медичи Берюлл нашел помощников в лице активного семейства Марильяков — лидеров католической партии, своим усердием и рвением поощрявших Марию проявлять интерес к католической религии и использовать свое влияние во имя ее дела.

В этом же направлении ее подталкивали послы Тосканы и папский нунций. Их цели прежде всего касались внешней политики Франции: речь шла о сближении короля Франции и папы — в духовном плане, и в светском — с Габсбургами, что было очень сложной задачей.

Поэтому Мария Медичи становилась как бы весталкой в священном храме, столкнувшейся с королем, прошлое и настоящее поведение которого понимается весьма сдержанно истинными защитниками дела католицизма.

Покушения и заговоры

Генрих IV неоднократно жаловался Сюлли, что королева шпионит за каждым его жестом и поступком с помощью своих приближенных. На него постоянно организовывались покушения: в 1594 — Жан Шатель, студент коллегии иезуитов; в 1596 — Жан Гедон, адвокат из Анжера; в 1597 — парижский обойщик; в 1598 — монах-картезианец из Нанта Пьер Уэн (следствие установило, что его подкупил испанский шпион). В 1598 — два монаха-якобинца получают инструкции и деньги из Брюсселя, Рима, Мадрида, чтобы убить короля, в 1599 — их дело продолжил капуцин Ланглуа из епархии Туля. Все попытки провалились и исполнители были казнены. В 1600 — Николь Миньон пытается отравить короля, а в 1602 — Жюльен Гедон — заколоть. В 1603 году короля решили убить священник и дворянин из Бордо.

С 1603 года покушения прекратились, но стало больше всевозможных заговоров: заговор маршала Бирона; герцога де Буйона и графа д'Оверня — сводного брата Анриетты д'Антраг. Казнь Бирона не останавливает других заговорщиков — принца де Жуанвиля, сына герцога де Гиза, соперничавшего в любви с Генрихом и поэтому подписавшего союзнический договор с Испанией и Савойей. Но принц слишком молод, и король ограничивается всего лишь ссылкой.

Заговор д'Антрагов оказался намного опаснее. Он основывался на пресловутом обещании Генриха жениться на маркизе де Верней. С юридической точки зрения это обещание ничего не стоит, но в глазах многих оно давало маркизе больше прав, чем Марии Медичи, быть супругой короля и тогда маленький Гастон-Анри де Верней становился законным наследником короны. Мария прекрасно осознает опасность ситуации и требует, чтобы Генрих вернул себе этот ценный документ. Угрозами король заставляет графа д'Антрага, отца Анриетты, вернуть его. Но д'Антраги — граф, Анриетта и ее сводный брат граф д'Овернь — уже оказались замешаны в серьезном заговоре вместе с Испанией.

Они собирались увезти детей Анриетты в ближайшие к Парижу владения Испании или в Нидерланды, а в это время их сообщники убили бы короля. Граф д'Овернь, последний представитель дома Валуа, в качестве внебрачного сына Карла IX провозгласил бы маленького Вернея королем Франции, которого признали бы Испания, герцог Савойский и принц де Буйон. Некоторые знатные вельможи пообещали — более или менее определенно — предоставить свою поддержку заговорщикам:

герцог д'Эпернон в Меце, герцог де Монморанси в Лангедоке, Бельгард в Гиени, губернаторы Дофине, Пуату и некоторые другие.

Два неудачных покушения несколько отрезвили короля. Граф д'Овернь оказался в Бастилии, Анриетта арестована, граф д'Антраг — в Консьержери. Но король не решается предать их суду, находя любые отговорки. Тогда министрам приходится прибегнуть к помощи Марии Медичи. Она выступает как мать дофина: доказывает королю, что в случае его преждевременной смерти неизбежны бунты, а страна и дворянство окажутся разделены на два враждующих лагеря. Она добивается, чтобы заговорщики были осуждены. 1 февраля 1605 года графу д'Антрагу и графу д'Оверню вынесен смертный приговор, а Анриетта осуждена на пожизненное заключение.

Но Генрих IV сумел сохранить твердость всего лишь четыре дня, в течение которых он был в состоянии подавить в себе безумное желание видеть Анриетту. Он бросился к ее ногам, умоляя принять помилование. Ловкая маркиза была освобождена и добилась помилования своего отца. Лишь граф д'Овернь останется в Бастилии до 1616 года. А более удачливые граф д'Антраг и маркиза де Верней не замедлили появиться при дворе.

Неисправимый заговорщик герцог де Буйон из своего княжества Седан подбил на бунт южные провинции и основные регионы, где были сильно влияние протестантов: Лимузен, Перигор, Лангедок, Марсель, Тулон, Нарбонн, Безье. Но Генрих оказался на этот раз суров. Дворяне-подстрекатели были обезглавлены, а Сюлли приказал осадить княжество Седан, где предусмотрительно спрятался герцог де Буйон. Последний сдался на милость короля и отдал Генриху ключи от цитадели. Король увез в Париж непоседливого Буйона.

Все это произвело большое впечатление, и на три года заговоры прекратились. Но неизбежная война против Испании и империи внесет смятение в умы некоторых французов-католиков, которые будут разрываться между верностью королю и своими религиозными чувствами.

Глава V
ЗАВТРА ВОЙНА

Политическая ситуация в Европе

На одном из витражей в Гентском соборе изображен Карл V, верховный суверен Европы, которого как простые вассалы окружают главные короли христианского мира: его брат Фердинанд — император Священной Римской империи, будущий император Германии, повелитель Австрии, Богемии и Венгрии; его сын Филипп — будущий король Испании Филипп II, повелитель Англии в результате брака с королевой этой страны; его шурин Франциск I — король Франции; король Португалии — тоже его шурин.

После смерти Карла V королевства и титулы были поделены: Фердинанд стал императором и основателем ветви венских Габсбургов, а Филипп II Испанский забрал себе герцогство Миланское, Испанские Нидерланды, американские владения, к которым позже добавилась Португалия. Разделение дома Габсбургов на две ветви нисколько не нарушило фактического единства, установившегося между обоими государями. Единое стремление поддержать перевес дома Габсбургов в Европе, общая принадлежность к воинствующему католицизму сближали их взгляды и координировали политику. Гармония, царившая в отношениях Венского и Мадридского дворов, резко контрастировала с разбродом христианского мира и многим казалась залогом реального воплощения идеала объединения в пользу католической церкви.

Разрыв религиозного единства христианской Европы был другой основной характеристикой политической ситуации в первые годы XVII века. Германия разделилась на государства католические и протестантские, новая разновидность протестантской религии — кальвинизм — завоевывала Германию, Швейцарию, Голландию и прочно закрепилась во Франции, в протестантском лагере оказалась Англия. Но католическая церковь не собиралась сдаваться. Мечом святого престола в этой борьбе стало могущество и сопротивление ереси дома Габсбургов.

Против претензий Габсбургов выступили два государства, проявив чувство национального самосознания: Англия и в меньшей степени Франция. Разгром Непобедимой армады, посланной в 1588 году Филиппом II, чтобы вернуть Англию в католическую веру, укрепляет английское национальное чувство (даже у католиков) против Испании. Во Франции окончательное поражение лиги заставило даже самых строгих католиков заявить, что корона Франции ни в коем случае не может перейти

к суверену иностранного происхождения.

Поэтому естественно и даже неизбежно то, что Габсбурги считают своей целью усмирить оба непокорных королевства. Но при Якове I и Генрихе IV Англия и Франция неожиданно проявили сопротивление, а в самых северных испанских владениях начался бунт их подданных (в большинстве своем кальвинистов) против ненавистного испанского господства. Тщетные усилия Мадрида подавить бунт исчерпали ресурсы огромной империи.

Трудности оказались козырями для Генриха IV: его целью было сломать кольцо опасной испанской территориальной блокады на севере, юге и востоке и вместо режима господства Испании установить равновесие между европейскими державами средних размеров, ни одна из которых не могла угрожать существованию других.

Действовать Генрих мог в Нидерландах, Италии, Германии.

В Нидерландах речь шла прежде всего о том, чтобы заставить Мадрид признать независимость голландских кальвинистов. Но Генрих решил этим не ограничиваться: завоевание Артуа и увеличение территорий королевства на севере остаются одной из самых главных его забот.

В Италии Венецианская республика, окруженная владениями обеих ветвей Габсбургов, традиционно опирается на союз с Францией и Швейцарскими кантонами, в большинстве своем протестантскими. Великий герцог Тосканский, зависящий от Вены и Мадрида, тоже был озабочен поддержанием определенного равновесия в Италии. Даже папа — верный союзник Габсбургов — очень подозрительно относился к любому чрезмерному проявлению их могущества на полуострове. Теперь он уже вел себя не как духовный лидер католического мира, но как итальянский государь, имевший те же проблемы, что и другие правители Италии.

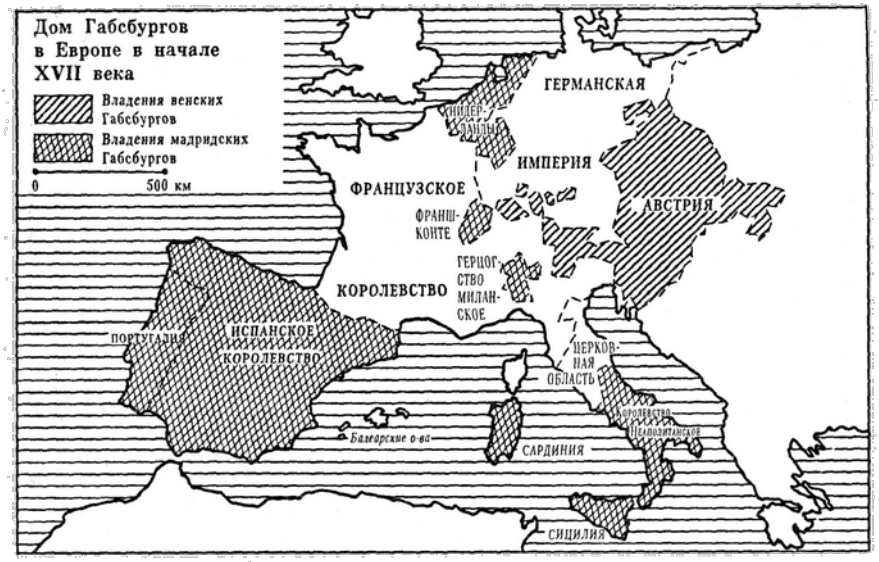
Территорию Германии делят между собой три конфессии: католическая, лютеранская и кальвинистская, но только две первые определили правила отношений между собой, третья является при этом дестабилизирующим фактором, чем не преминул воспользоваться Генрих IV. Тем более, что император Германской империи избирается четырьмя светскими государями и тремя церковными — четыре католика против трех протестантов. Поэтому дипломатическим путем вполне можно лишить Габсбургов императорской короны, которая им принадлежит фактически, а не законно.

В первые годы XVII века Европы наций, как и Европы

государств, пока еще не существовало, и политическая структура и менталитет составляющих ее народов были еще очень близки средневековым. Но стремление к европейскому равновесию было сильно в Европе у всех тех, кто национальную идею ставил выше имперского идеала.

Тщательная подготовка

По религиозным причинам или из стремления к независимости Венеция, Савойя, Англия, Нидерланды и протестантские государи Германии объединились против короля Испании и германского императора. Уверенный, что Габсбурги просто так не откажутся от своих надежд на гегемонию в Европе, Генрих IV тщательно готовился к неизбежной войне.



Самым уязвимым местом испанской монархии были Нидерланды в связи с начавшимся там бунтом. Вервинский договор 1598 года, положивший конец войне между Францией и Испанией, обязывал обе страны прекратить всякую помощь и поддержку их взаимным врагам. Генрих IV, видевший руку Испании в происках герцога Савойского и во всех заговорах и покушениях против него лично и, кроме того, понявший, что в мае 1601 года Филипп III Испанский пока еще не нашел времени утвердить Вервинский договор, позволил себе в этой ситуации продолжать поддерживать Голландию оружием, деньгами и людьми, что повлекло за собой все более частые неудачи Испании. 23 января 1608 года король Франции заключил договор с оборонительной лигой Нидерландов, по которому взял их под свое покровительство и обязался поставить им не менее 10 000 солдат, дать оружие, оказать финансовую поддержку и начать переговоры с Мадридом с целью найти основу для установления справедливого мира.

Филипп III осознал необходимость посредничества Франции

и был вынужден подписать 9 апреля 1609 года перемирие сроком на двенадцать лет. Не признавая независимость Нидерландов, Испания пообещала прекратить любые военные действия против своих бывших территорий и их жителей, разрешила торговлю с испанской Индией и подчинилась контролю Франции и Англии над соблюдением положений договора. 26 июня 1609 года был подписан союзнический договор между Голландией и Англией.

В антииспанской политике короля Англия всегда занимала особое место. После смерти его верной союзницы Елизаветы к власти пришел Яков I Стюарт, объединивший под своей властью два королевства — Англию и Шотландию, став в результате еще более могущественным и влиятельным, чем его предшественница, в решении европейских проблем.

30 июля 1603 года Генрих IV подписал с Англией оборонительный договор против Испании в Хэмптон-Корте. Через два года Яков I предложил Генриху превратить оборонительный договор в наступательный и распространить его действие на австрийскую ветвь Габсбургов. В 1609 году оба короля — Франции и Англии — договорились женить принца Гэльского, наследника Английской короны, на второй дочери Генриха IV.

На протяжении многих лет Франция вела переговоры с суверенами Дании и Швеции, имевшими владения на территории Германской империи, склоняя их вступить в борьбу с Австрией. Они пообещали вступить в коалицию, предоставив войска. В 1600 году, с другой стороны, союз протестантских князей Германии решил прибегнуть к помощи короля Франции в решении разногласий с императором.

На финансирование помощи союзников в борьбе против Испании и Австрии Франция истратила около 20 % своего ежегодного бюджета.

Наследство Клевское и Жюлье

25 марта 1609 году умер, не оставив прямого наследника, герцог Киевский и Жюлье, и в связи с этим встал вопрос о будущем шести владений, ему принадлежавших: герцогств Жюлье, Клеве, Берг, графств Ла Марк и Равенсберг, поместья Равенштейн. Эти богатые владения занимали стратегическое положение в непосредственной близости от Франции, Голландии, Испанских Нидерландов, прирейнской Германии. Равновесие между католиками и протестантами в Германии зависело от того, кому из основных претендентов будут принадлежать эти территории. Среди них были курфюрст Саксонский, протестант, преданный, правда, Австрийскому дому, курфюрст Бранденбургский и курфюрст Пфальцский, тоже протестанты, но при этом ревностные сторонники независимости князей, боровшиеся с проявлением гегемонизма Австрии.

Как сюзерен император Рудольф, что и ожидалось, в качестве охранительной меры наложил секвестр на все шесть княжеств, составлявших наследство. Это было абсолютно законно, и никто не мог бы оспорить такие действия. Но он отправил огромное войско, чем вызвал подозрения, что в его план входит лично завладеть этими землями. Тогда Франция, Голландия и некоторые немецкие князья помогли курфюрстам Бранденбургскому и Пфальцскому вступить во владение княжествами до конца 1609 года.

Против Австрийского дома был заключен наступательный союз немецких князей (галльская уния) и Франции, которая обязалась предоставить им субсидии в размере 400 000 ливров.

Таким образом, Франция собрала значительные силы для борьбы с испанскими и австрийскими Габсбургами.

Любовь и политика: последние похождения Генриха IV

В конце 1608 года сердце Генриха IV было подобно пустыне. Анриетта д'Антраг сделала достаточно для того, чтобы ее венценосный любовник пресытился. Полуизгнание, в котором находилась маркиза де Верней после заговора д'Антрагов, смогло сделать то, в чем оказались бессильны увещевания и просьбы: любовь короля к Анриетте постепенно угасла. Но как же печально жить без любви!

Может быть, жизнь предоставила шанс для Марии Медичи? Король пытался сам себя в этом убедить. При малейшей возможности он навещал королеву, доверял ей свои планы и сомнения. В результате сближения супругов 24 ноября 1609 года в замке Фонтенбло родится их шестой ребенок — Генриетта.

Но король так и не смог найти желанного покоя. Тень маркизы де Верней по-прежнему витала где-то рядом, а Мария нисколько не была расположена снисходительно относиться к последним мимолетным увлечениям короля. Ее излюбленной мишенью стала Жаклин де Бюэйль, графиня де Море, эта «вымогательница». Знаки внимания короля по отношению к жене дают Марии возможность добиться безусловной капитуляции мужа в том, что касается как личной жизни, так и католических дел. Больше никаких любовниц, равнение на Испанию — так можно было бы обобщить условия, поставленные королевой. Если по первому пункту Генрих IV был готов пообещать все, что от него требовали, даже если он и не сдержит обещания, то в области политики он охотно делится с королевой своими замыслами, спрашивает ее мнение и беседует с нею, но нисколько не собирается при этом разрушать свои союзы и передавать королевство в руки Габсбургов.

Возраст начинает сказываться. В 55 лет Генрих достаточно стар, а Мария в 35 — королева уже восемь лет и мать пятерых красивых детей (скоро их станет шесть), великолепно сознает свои права и готова за них бороться. Неизбежность преждевременной смерти короля уже перестала быть запретной темой, и королева впервые заговорила о необходимости своей торжественной коронации для укрепления ее престижа в том случае, если ей придется принять на себя регентство.

В январе 1609 года Мария решила, по обыкновению, устроить балет. Официальный придворный поэт Малерб должен написать либретто. Будут ставить *Нимфы Дианы* — возможность в

подражание античности явить себя в полуобнаженном виде, что выгодно подчеркнет достоинства придворных красавиц. Роли предназначены для дам и девиц из королевского окружения, и уже начались всевозможные интриги и ухищрения за право появиться в этом балете. Список счастливых избранниц составляет Мария Медичи. Это настоящая головоломка: предосторожности из политических соображений, выбор места по рангу, равномерное распределение между разными кланами, которые «держат» двор. Мария показывает список королю, однако в нем нет ни маркизы де Верней, ни графини де Море — крошечная месть оскорбленной супруги. По поводу отсутствия первой король ничего не говорит, но вторая слывет хорошенькой женщиной, и он просит, чтобы Жаклин де Бюэйль была включена в список. Мария ничего и слышать не хочет. Король уходит, хлопнув дверью, и больше уже не присутствует на репетициях, как он это обычно делал.

Но это не помогло — королева осталась непреклонна.

Однажды вечером, выходя из своего кабинета, Генрих наткнулся на полуодетых нимф, спешивших в апартаменты королевы. Одна из девушек ничуть не смутилась и забавляясь направила в сторону короля позолоченную стрелу, которую она держала в руках, — необходимый атрибут любой нимфы. Вечный Повеса попросту остолбенел. Внезапность происшедшего, изящество полуобнаженной девушки потрясли короля. Генрих IV влюбился без памяти. И в кого же? В четырнадцатилетнюю девочку — Шарлотту де Монморанси.

Нимфы убежали на репетицию, а досужие языки тут же донесли об этом Марии. Впрочем, уже со следующего дня король не пропустил ни одной репетиции.

Старикашка влюбился в девчонку! Двор смеялся. Но он — король, а Шарлотта, несомненно, польщена вниманием и ухаживаниями государя. Не влюблена, конечно, но это ее развлекало. Теперь надо подыскать снисходительного мужа. Но Шарлотта уже помолвлена, кандидатура же будущего супруга несколько смущает Генриха. Это Франсуа де Бассомпьер — один из его лучших друзей и один из самых великих придворных соблазнителей.

Выход из затруднения нашел герцог де Буйон: королю следует расторгнуть помолвку и выдать Шарлотту замуж за принца Конде, не имевшего состояния, родившегося в тюрьме после смерти отца, которого отравила его мать. Говорили даже, что он сын не своего отца, а какого-то гасконского дворянина или даже самого Генриха IV. По характеру мрачный и нелюдимый, он

был к тому же гомосексуалистом.

Генриха такое решение вполне устраивало. Он вызвал Бассомпьера и сказал ему, что Шарлотта будет его последним утешением, а Бассомпьеру дадут мадемуазель д'Омаль и титул герцога. Бассомпьер беспрекословно повиновался. Шарлотта де Монморанси впоследствии призналась, что была несколько удивлена той легкостью, с которой жених отказался от нее.

Выдав Шарлотту за Конде с приличным приданым в мае 1609 года, Генрих вынужден прибегать к немыслимым уловкам увидеть возлюбленную, потому что принц, несмотря на небольшой интерес к женщинам вообще и к своей жене в частности, совершенно не был склонен играть отведенную ему роль и ревниво следил за супругой. Королю приходится переодеваться в лакея, дровосека, бродягу, надевать маски. Шарлотта посылает венценосному воздыхателю записки, призывы о помощи, предлагает тайные свидания и даже свой портрет, что только разжигает страсть короля.

Генрих IV вызывает Конде и упрекает, что того не видно при дворе. Когда Конде заговорил о недобрых намерениях короля и чести своего имени, тот саркастически напомнил ему об отце. Двор веселился, но в конце 1609 года принцу и принцессе все-таки пришлось появиться в Фонтенбло, потому что Мария Медичи была беременна, а по этикету принцы крови должны были сопровождать королеву во время всей беременности. Но пыл короля нисколько не утих, и принц вместе с женой отправляется назад в свои владения. Придворный поэт Малерб сначала воспевал радость государя в связи с возвращением его красавицы ко двору, теперь же ему пришлось изливать жалобы Генриха IV.

Выведенный из себя Конде заговорил о разводе, король ухватился за представившуюся возможность и приказал начать переговоры: впрочем, Шарлотта и сама просила об этом. Развязка оказалась неожиданной: 29 ноября принц увез свою жену в Испанские Нидерланды и попросил приюта у эрцгерцога Альбрехта и инфанты Изабеллы.

Король хочет перехватить их у границы, Шарлотта умоляет о помощи, Альбрехт советуется с Мадридом и получает указания предоставить убежище принцу, ставшему жертвой козней короля, направленных против его чести. Весной 1610 года Конде вступает в испанскую армию Ломбардии.

Теперь дело принимает политический оборот: первый принц крови готов поднять оружие против своего короля. Генрих IV попытался организовать похищение Шарлотты, но неудачно: узнав об этом, ревнивая Мария предупредила посла Испании в

Париже, а тот, в свою очередь, — эрцгерцога.

Мрачные предсказания

Генрих IV не предпринимал никаких особых мер предосторожности, считая, что король принадлежит народу, и в том, что касалось его безопасности, полагался на Господа.

Конечно же, он понимал, что не умрет в собственной постели. Слишком многим мешал король Генрих. Даже обращенный в католичество, он вызывал недоверие у Испании, папы и всех тех, кому еще были дороги воспоминания о временах лиги. Апологеты тираноубийства оправдывали осуждение и смерть короля, подозревавшегося в неверности католичеству.

Сплошь и рядом появлялись сочинения и астрологические предсказания о смерти короля в 1610 году на пятьдесят девятом году жизни. В 1609 году испанский теолог Олива в книге, посвященной королю Испании Филиппу III, объявил, что в 1610 году Генрих IV умрет.

В общем, как пишет Мишле, «можно было спокойно предсказывать, что он будет убит. Каждый в это верил, так думал и действовал в соответствии с этим. По сути дела, предсказание отражало реальность, оно предлагало фанатикам идею и укрепляло в исполнении неизбежного — якобы того, что было предписано свыше».

С 1603 года прекратились заговоры против жизни короля, однако в 1609 году смутные времена лиги, казалось, снова вернулись. Иезуиты призывают католиков к оружию и постоянно обвиняют короля в «сговоре» с протестантами. Яснее ясного, зреет новый заговор. Становится известно, что гонец от герцога д'Эпернона — Равальяк, заявил, будто убьет короля. Иезуит отец Алагон — племянник первого министра Испании — поклялся убить короля на охоте.

Генриху IV донесли обо всех приготовлениях. Несмотря на беззаботность, он принял-таки некоторые меры предосторожности и попросил Сюлли приготовить ему апартаменты в Арсенале. Мишле возмущался: «Государь, которого боялась вся Европа, дошел до того, что не спал у себя дома». Всегда очень веселый король все больше мрачнел. К тому же в феврале-марте 1610 года Мария Медичи несколько ночей подряд видела сон, что короля убивают двумя ударами ножа. Генрих ограничился отговоркой, что не стоит верить снам, но кожей чувствовал роковую неизбежность.

Он долго сопротивлялся неоднократным просьбам Марии

короновать ее. Единственной выгодой отсюда было укрепление власти Марии Медичи в случае регентства, но даже мысль о регентстве была для короля невыносимой. Он считал, что, согласившись с вероятностью преждевременной смерти, собственноручно выроет себе могилу. Но неожиданно для всех король вдруг согласился на коронацию королевы и даже ускорил ее подготовку. Его отъезд в армию, назначенный на 19 мая, в любом случае заставлял передать гражданскую власть Марии, которая будет править страной в его отсутствие. Поэтому какая разница? Регентство из-за отъезда на войну или регентство в связи с кончиной… После нескольких переносов коронация Марии Медичи была назначена на 13 мая 1610 года.

Коронация Марии Медичи

Для Марии это был, вероятно, один из самых прекрасных дней в ее жизни. «Я хотела бы, чтобы ты присутствовал, — сказала она после смерти короля чрезвычайному послу Великого герцога Тосканского, — потому что это лучше всего могут делать во Франции. Как будто находишься в раю».

До последнего дня король сомневался. Он говорил Сюлли о предчувствиях, что коронация приведет к крови и трауру. Но во время церемонии в Сен-Дени он был странно весел. Можно было подумать, что король смотрит представление.

Торжественность обстановки несколько нарушили неприятные происшествия: перед началом церемонии разбилась плита, закрывавшая вход в королевскую усыпальницу, во время самой церемонии чуть было не упала корона, а в следующую ночь над окнами королевских апартаментов летала и ухала сова.

В эти предзнаменования король вложил и свою лепту. Во время церемонии он взял дофина на руки и сказал, показав присутствующим: «Господа, вот ваш король». Позже вспомнят, что семь или восемь раз он как бы между прочим назвал королеву «Мадам регентша».

Глава VI
НОЖ РАВАЛЬЯКА

Убийство Генриха IV

Генрих IV страшился ночи с 13 на 14 мая 1610 года, которая, по предсказаниям астрологов, была для него крайне опасна.

Всю ночь 13-го он никак не мог успокоиться. 14-го утром его навестил сын Вандом. Он был встревожен. Некий Лаброс предсказал, что Генрих IV сегодня же умрет. Король деланно рассмеялся. Вандом рассказал Марии Медичи о своих опасениях и умолял короля никуда не выходить.

Днем Генрих не знал, куда себя деть: нерешителен, рассеян, едва выдавливает слова, ходит взад-вперед. После обеда сон к нему не идет. Бьет четыре часа. Гвардеец советует ему прогуляться. Король приказывает запрягать, потому что решает навестить больного Сюлли в Арсенале.

Но вдруг передумывает. Он не решается ехать. «Я не знаю, что со мной, — говорит он королеве, — но я не могу отсюда выйти». Три раза он прощался с Марией Медичи, целуя ее, и три раза возвращался в смятении. Королева попыталась его удержать: «Останьтесь, умоляю вас, вы завтра поговорите с г-ном де Сюлли». Но Генрих ответил, что не заснет, пока не выскажет ему все, что у него на сердце.

Наконец карета выехала из ворот Лувра. Внезапно Генрих опять передумал: он поедет к Сюлли позже; все думают, что он решил навестить дочь финансиста Поле — рыжеволосую ослепительную красавицу, прозванную Львицей: он хотел сделать ее любовницей своего сына Вандома, гомосексуальные наклонности которого крайне огорчали короля.

Погода хорошая, верх кареты открыт. Генрих сидит в глубине, между Монбазоном и герцогом д'Эпернoном, он читает письмо. На улице Ферронри карета остановилась — пробка.

От самого Лувра за каретой шел человек. Это был Равальяк. Догнав экипаж, он вскочил на каменную тумбу и ударил Генриха IV ножом.

«Я ранен!», — воскликнул король, подняв руку. Этот жест оказался роковым — Равальяк нанес королю второй удар, поразив его сердце. Генрих IV умер на месте. Д'Эпернон прикрыл его плащом и, крича, что король всего лишь ранен, повернул карету назад в Лувр.

В половине пятого тело Генриха внесли в его небольшую спальню на втором этаже.

В это время мигрень держала Марию Медичи в ее кабинете. С королевой беседовала мадам де Монпансье. Никому не пришло в

голову предупредить дам. Услышав шум в соседней комнате — спальне короля, — королева просит мадам де Монпансье выяснить, в чем дело. Та открывает дверь и, немедленно поняв, что происходит, резко захлопывает ее. Понимая, что произошло великое несчастье, королева восклицает: «Мой сын!». Мадам де Монпансье пытается ее удержать, говоря: «Ваш сын жив!» Но Мария грубо отталкивает ее, идет в комнату и видит на постели тело Генриха. Лицо короля стало уже восковым. Мария едва не потеряла сознание.

Мадам де Монпансье вместе с камеристкой с трудом уводят королеву в ее кабинет и хотят уложить в постель. Входит герцог д'Эпернон, падает на колени перед королевой и уверяет, что, возможно, король не умер. К королеве устремляются Бассомпьер, герцог де Гиз и обершталмейстер Бельгард. Все на коленях и по очереди целуют ей руку. Мария рыдает, и нет ничего, что могло бы ее успокоить.

Но надо взять себя в руки. Пришедшие тем временем канцлер Вильруа и Жаннен советуют ей, какие из приказов следует отдать и какие меры принять.

Это одна из версий. Согласно другой, Мария Медичи узнала новость, услышав: «Он убит!», брошенное Кончини. Сен-Симон утверждает, что «всем известно, с каким самообладанием королева и ее приближенные узнали сразившую их роковую весть, сообщенную им столь холодно и по меньшей мере без соблюдения каких бы то ни было приличий».

До девяти часов вечера все будут думать, что король ранен. Д'Эпернон, генерал-полковник от инфантерии, укрепил Лувр и расставил гвардейцев на Новом мосту и на подходах ко Дворцу правосудия. В сопровождении герцога де Гиза он отправляется в парламент. Скоро пробьет час Марии Медичи.

Около шести вечера сообщили маленькому дофину. Теперь он король Людовик XIII. Узнав о смерти отца, малыш заплакал и воскликнул: «Ах, если бы я был там с моей шпагой, его бы не убили!» Мария оставляет его спать в своей спальне. Сын с нею, и все спокойно в потрясенном Париже.

Завтра Мария станет регентшей.

Равальяк

Франсуа Равальяк родился в Ангулеме в 1578 или 1579 году. Лакей парламентского советника, он стал позже, как и его отец, ходатаем в суде. На какое-то время он поступил в монастырь фельянов, но бьющая через край религиозная экзальтация, видения, кликушеские, но бессвязные высказывания явились причиной, по какой его через несколько месяцев выставили за ворота. В Ангулеме он слыл человеком странным. Мягкость в поведении резко контрастировала с физиономией висельника. Физически сильный и высокий, крепкого телосложения, с руками молотобойца, жесткими волосами и густой бородой черного цвета с рыжеватым отливом. Лицо аскета с горящими глазами дополняет дьявольский вид. Из-за такой внешности его однажды обвинят в убийстве, через год он выйдет из тюрьмы, с него будут сняты все подозрения, но вскоре снова попадет туда, потому что погрязнет в долгах.

В тюрьме изучает теологию, пишет мистические стихи, его продолжают посещать видения. Он мучительно ищет ответ на вопрос: в каких случаях христианин имеет право убить короля, врага папы?

Вышедший из тюрьмы Равальяк становится местной знаменитостью. Герцог д'Эпернон, губернатор Ангулема, заинтересовался его судьбой и отправил в Париж выступить ходатаем на своем столичном процессе. По дороге он заезжает в замок Мальзерб взять письма у графа д'Антрага. Маркиза де Верней тоже передает ему письма в столицу.

В Париже Равальяк два месяца живет у компаньонки Анриетты, Жаклин д'Эскоман, занимается процессом д'Эпернона, гуляет по городу, ходит в церковь. В 1608 году на улицах обсуждали приезд чрезвычайных посольств из Испании и Голландии, чтобы король рассудил бесконечный конфликт Мадрида и его подданных кальвинистов, восставших против его власти. Некоторые одобряли расположение короля к протестантской Голландии. Другие были возмущены помощью короля Франции, который называет себя католиком в этой нации еретиков, в борьбе против католической Испании.

В церквях бесчинствовали проповедники, осуждая нарушение Нантского эдикта: он запрещал гугенотам проводить богослужения менее чем в пяти лье от Парижа. Но король разрешил построить им свой храм в Шарантоне — у самых ворот Парижа. На протесты парламента король небрежно заметил, что отныне Шарантон находится в пяти лье от столицы. Позже

Равальяк скажет, что к покушению на жизнь короля его подтолкнули «слышанные мной проповеди, из которых я узнал причины, по которым надо убивать королей».

В 1609 году Равальяк уже готов убить короля. Но одновременно с этим испытывает некоторые сомнения и угрызения совести. Тем не менее за год до преступления он принял решение выполнить любой ценой миссию, которая ему уготована свыше.

Он следит за поездками короля. Однажды подошел к нему около кладбища Невинноубиенных. На суде он скажет, что в этот день собирался не убивать короля (не был вооружен), а просто спросить, правда ли, что Генрих хочет воевать с папой и гугеноты готовят избиение добрых католиков. Перед тем как совершить убийство короля, он должен был из его уст собственных услышать признание о дурных намерениях.

Позже он хотел было отказаться от своего замысла и снова поступить к фельянам или к иезуитам, но его не приняли. Ближе к Пасхе 1610 года Равальяк возвращается в Ангулем. Но нет мира в душе его. Он чувствует, как невидимая сила отбрасывает его от алтаря. Теперь у него не осталось сомнений: только убийство короля, по воле Господа, вернет его в лоно церкви, и он устремляется в Париж выполнить свою миссию. В апреле его снова одолевают сомнения, возвращают назад в Ангулем. Но увиденное по дороге распятие напоминает ему о долге. Он возвращается в столицу. 14 мая 1610 года около четырех часов пополудни на улице Ферронри Франсуа Равальяк бросился к королю и убил его двумя ударами ножа.

Многие соглашались, что не обошлось без иезуитов, которые еще 200 лет назад провозгласили тезис о законности тираноубийства.

Знамения

Странные знамения сопровождали смерть короля. В своих *Мемуарах* Ришелье приводит их с особой скрупулезностью.

14 мая монахиня аббатства святого Павла, около Бовэ, не явилась в трапезную обедать. Ее обнаружили в своей келье, заплаканную, потрясенную видением, предвещавшим неминуемую гибель короля. Во время вечерни видение повторилось: монахиня утверждала, что сию минуту видела короля, убитого ножом.

В тот же день в монастыре капуцинок одна из сестер, вдруг услышав звон колоколов, разрыдалась и сказала подбежавшим к ней монахиням, что колокола предвещают смерть короля. Все увидели, что монастырский колокол действительно звонил сам по себе.

В день убийства юная пастушка из Патэ (между Шатодуном и Орлеаном) пасла овец, как вдруг услышала голос, возвестивший ей, что в это мгновение убили короля. 14-летняя девочка даже не знала, какой такой король. Позже она приняла монашеский сан и стала настоятельницей монастыря госпитальерок в Париже.

Разумеется, видения никак не доказывали наличия заговора. Просвещенные люди той эпохи, и среди них Ришелье, толковали их как знамения, ниспосланные Провидением.

Прево из Питивье

В несколько ином свете видится дело прево из Питивье. В день убийства короля он наблюдал партию игры в мяч и после особенно удачного удара сказал с видом человека, который многое знает: «Сегодня последует удар получше». Позже он спросил, который час, и громко объявил: «Осталось недолго, если уже не свершилось».

Когда стало известно о смерти короля, люди, слышавшие эти слова, углядели связь между событием, потрясшим королевство, и высказываниями прево. Об этом донесли канцлеру, который его арестовал и заключил в парижскую тюрьму. Наутро прево был найден в своей камере повешенным на шнурке, перекинутом через балку. Далее выяснилось, что у прево было два сына иезуита, а сам он был связан с цирюльником д'Антрага и маркизы де Верней.

Мертвые не говорят. Более серьезными оказались разоблачения Жаклин д'Эскоман, в результате которых возникло подозрение в возможном участии Марии Медичи в заговоре с целью убийства короля, ее мужа.

Компромат на королеву?

Знала ли Мария о заговоре против Генриха IV? Если да, какова ее роль — стороннего наблюдателя или активного участника? Некоторые не колеблясь сразу же начали подозревать Марию Медичи.

Сюлли утверждает, будто летом 1609 года Генрих говорил ему, что «Кончини ведет переговоры с Испанией, Пасситея, приставленная Кончини к королеве, заставляет ее короноваться, а он прекрасно понимает их планы, которые увенчаются успехом только в случае его смерти, и, наконец, он совершенно точно знает, что его убьют».

8 мая 1616 года королева-мать и юный Людовик XIII подписывают с бунтующими принцами Лоденский мир, в одной из статей которого предусматривается пересмотр дела о смерти Генриха IV. Это доказывает, что, во-первых, проведенное в 1610 году следствие считалось неудовлетворительным, а во-вторых, потребовалась гражданская война, чтобы заставить Марию Медичи возбудить пересмотр этого дела. Кого она хотела прикрыть? Были ли у нее личные причины для беспокойства? Но дело так и не было возбуждено.

В мае 1617 года на процессе Леоноры Галигаи среди прочих судьи внезапно начали задавать ей вопросы о смерти короля. Знала ли она о заговоре против Генриха IV? Не желала ли она и ее муж смерти короля? Защита Леоноры была весьма ловкой, и судьи многого не добились. Но раз спустя семь лет после убийства в ближайшем окружении королевы искали нити, которые могли бы привести к настоящим преступникам, то это значит, что огромное подозрение пало на саму Марию.

В более поздние времена самый большой вклад в развитие этой точки зрения внес Мишле, не любивший Марию Медичи. Два с половиной века спустя он описывал эту эпоху со страстной ненавистью по отношению к итало-испанской ультрамонтанской партии, в которой главным действующим лицом считал Марию — нечто вроде Троянского коня при Генрихе IV. Когда речь шла о женщинах, король Генрих терял обычную ясность суждений. Поэтому почти всего можно было добиться через его жену: возвращения иезуитов, франко-испанских браков, предательства германских князей-протестантов, безусловного возврата Франции в лоно церкви.

Убийство Генриха становилось выгодно, прежде всего, Испании, папе и Марии, которую объявили регентшей.

В «странной смерти Генриха IV» следовало бы вести два

следствия по делу Равальяка и Марии Медичи.

Обвинение строится на показаниях Жаклин д'Эскоман, приютившей Равальяка в Париже. Узнав из его откровений о намерениях убить короля, она попыталась немедленно предупредить Марию Медичи лично, но все ее попытки оказались неудачными (королева согласилась ее принять, но вдруг уехала из Парижа), потом через иезуита — духовника короля, потом через Маргариту де Валуа. Последняя говорила с королевой и герцогом д'Эперноном. Когда д'Эскоман начала обвинять Анриетту д'Антраг и герцога д'Эпернона в организации заговора против короля, ее арестовали и препроводили в Консьержери, где немедленно допросили. Она обвинила Анриетту д'Антраг в убийстве прево из Питивье, потом доказала, что маркиза принимала убийцу короля у себя в замке Мальзерб, встречалась с герцогом д'Эперноном, из замка Мальзерб шли письма в Испанию, наконец, герцог лично знал Равальяка и давал ему поручения. Но дама так и не смогла показать записку, в которой Анриетта просила ее приютить Равальяка в Париже. Поэтому мнения разделились и сторонники герцога подвергли заявления д'Эскоман осмеянию. В середине 1611 года вынесен приговор: д'Эскоман приговорили к пожизненному заключению, несмотря на давление со стороны герцога д'Эпернона, который добивался вынесения смертного приговора за лжесвидетельство. В 1618 году после убийства Кончини Люинь перевел даму из тюрьмы в монастырь, где она и умерла.

Через некоторое время после этих событий Анриетта д'Антраг появилась при дворе, где Мария Медичи приняла ее весьма милостиво. В 1618 году дело д'Эскоман сгорело во время пожара во Дворце правосудия, а в 1622-м дочь Анриетты д'Антраг вышла замуж за сына герцога д'Эпернона: церемония бракосочетания происходила в присутствии Марии Медичи.

Доказывает ли это, что Мария действительно была замешана в заговоре герцога д'Эпернона и Анриетты д'Антраг? Даже враждебно настроенный по отношению к ней Сен-Симон не осмеливается этого утверждать и высказывает весьма осторожное сомнение: «Говорили, что Мария Медичи, в своей яростной ревности подталкиваемая Кончини, дошла до союза с мстительной любовницей, причем обе они находились под испанским влиянием, а Генрих IV стал их жертвой».

Суд и казнь Равальяка

Д'Эпернон приказал не убивать Равальяка, а арестовать и препроводить в особняк Реца. Но пленник оказался слишком болтлив, и его перевели в Консьержери. Во время следствия допросы чередовались с пытками испанским сапогом. Собственно, все было ясно, но следовало лишь установить, были ли у него сообщники или подстрекатели иностранцы. Равальяк твердил, что действовал в одиночку. После вынесения смертного приговора его в телеге для перевозки мусора должны были доставить к месту казни — на Гревскую площадь (ныне площадь городской ратуши).

Сначала убийца короля со свечой в руке был отведен в собор Парижской богоматери для публичного покаяния. На Гревской площади в присутствии огромной, враждебно настроенной толпы его привязали к решетке, серой сожгли кисть, в которой он держал нож, затем рвали тело каленными щипцами: только тогда он застонал. Потом в раны залили кипящую смесь воска, серы и свинца. Под радостные вопли толпы Равальяк вдруг осознал роковую ошибку своего деяния: «Я от всего сердца раскаиваюсь в своем поступке. Я был совершенно уверен, что моя жертва будет с благодарностью принята народом, а он предлагает лошадей, чтобы меня разорвать». Равальяк просил отпущения грехов. Потом его привязали к лошадям для четвертования. По окончании казни толпа завладела частями тела преступника, их разрубили на куски и сожгли.

Провозглашение регентства

У Генриха IV были намерения учредить Регентский совет под председательством Марии Медичи, но его убили и никакого решения принято не было. В таких неопределенных обстоятельствах все зависело от решимости окружения королевы. Главную роль здесь сыграл герцог д'Эпернон. Он и герцог де Гиз обеспечили порядок в городе, а затем д'Эпернон выступил в парламенте: он заявил советникам, что король неоднократно высказывал намерение доверить регентство своей жене, отправляясь на войну. Его заявление одобрил председатель парламента д'Арлэ, и тут же был составлен указ, по которому регентство во Франции до совершеннолетия короля передавалось Марии Медичи, королеве-матери.

На следующий день 15 мая 1610 года маленький Людовик XIII был разбужен в половине седьмого утра, отведен к мессе, а затем в парламент. Он ехал верхом на маленькой белой кобыле в сопровождении принцев, герцогов, епископов и дворян. Огромная толпа приветствовала его криками: «Да здравствует король!» В большом зале монастыря августинцев его ждали 124 советника, представлявших все палаты парламента.

Здесь же его мать в глубоком трауре, черная вуаль скрывает лицо. Когда Людовик XIII поднимается на возвышение, она опускается перед ним в реверансе: отныне он — король. Мальчик садится на трон. Ступенькой ниже располагаются принцы крови: Копти и шестилетний герцог д'Энгиен, сын графа Суассона. Отсутствие в Париже принцев Суассона и Конде облегчило провозглашение регентства, но потом очень тяжело скажется на правлении Марин Медичи и спокойствии в королевстве. Еще ниже сидят герцоги Гиз, Монбазон, Сюлли и коннетабль Монморанси, в самом низу — маршалы Франции.

Первой взяла слово Мария Медичи. Ее речь кратка и тщательно продумана: «Господу было угодно призвать к себе нашего доброго короля. Я привела к вам короля, моего сына, чтобы просить вас заботиться о нем, как велит вам ваша обязанность и ваш долг по отношению к Памяти его отца и стране. Я желаю, чтобы в своих делах, он следовал вашим добрым советам и предостережениям, которые я прошу вас ему давать в согласии с вашей совестью».

Теперь настала очередь Людовика XIII. Он произносит несколько фраз, которые его наставник де Сувре заставил выучить по приказу Марии: «Господу было угодно призвать к себе

нашего государя и отца. Мы пришли сюда по совету королевы, нашей матери, чтобы всем вам сказать, что в ведении всех наших дел мы желаем следовать вашим добрым советам, надеясь, что Господь милостиво разрешит нам воспользоваться примером нашего государя и отца. Мы просим высказывать ваши мнения и сразу же вынести решение по поводу того, что мы поручили изложить г-ну канцлеру». Королю только восемь с половиной лет, это его первое появление на публике и он несколько запинается и мямлит. Присутствующие без особого к нему почтения начинают болтать и постепенно шум заглушает голос маленького короля.

Тишина восстанавливается, когда слово берет канцлер Сильери: он излагает причины, по которым регентство передается Марии Медичи, и просит парламент утвердить вынесенный накануне указ.

Затем д'Арлэ произносит панегирик в честь Генриха IV и Марии Медичи и в заключение говорит о необходимости передачи регентства Марии. Последним слово берет главный адвокат Сервен: он напоминает об указе, составленном в парламенте накануне вечером, предлагает его утвердить и разослать по всем округам.

Затем на трибуну возвращается канцлер и начинается голосование: начиная с маленького Людовика XIII, каждый сообщает ему свое решение. Присутствующие единодушно утверждают указ о регентстве: «Король доверяет своей матери королевство, чтобы она заботилась о его воспитании и столе и руководила делами королевства, пока он является несовершеннолетним».

Королевство пребывает в опасности, в монастыре августинцев царит тревожная атмосфера. Происходит единение герцога д'Эпернона и Сюлли, которые были в ссоре, герцога де Майенна и маршала де Бриссака, которые не разговаривали со времени вступления Генриха IV в Париж в 1594 году. Герцог де Гиз торжественно дает клятву верности королю и государству.

Председатель парламента д'Арлэ, поблагодарив присутствующих и поздравив Людовика XIII и королеву-регентшу, объявил заседание закрытым.

Мария Медичи возвратилась в Лувр, где парижане проходили перед телом Генриха IV, а маленького короля отвели в собор Парижской богоматери. По пути и в самом соборе многотысячная толпа горожан, ремесленников и бедноты приветствовала Людовика криками: «Да здравствует король!». После печали, в которую повергла народ весть о смерти Генриха IV, французы приободрились, объединившись вокруг живого маленького короля, символизирующего стабильность монархии.

За хрупким символом стоит Мария. У нее развязаны руки. Теперь она регентша и может править. Для нее настал момент невиданного торжества: какой реванш после стольких унижений от маркизы де Верней, публичных оскорблений от грубияна Сюлли! Теперь она подчинит себе Францию. Впереди ее ожидает почти семь лет практически безраздельного правления.

С помощью бывших министров своего мужа — Вильруа, Сильери и Жаннена — Мария Медичи уже взяла в свои руки бразды правления. Ко всеобщему удивлению, жизнь шла как обычно. Правительство работает, дело, начатое королем, продолжается как ни в чем не бывало, заканчиваются приготовления к военному походу в Клеве и Жюлье. С самых первых мгновений Мария Медичи правит так, что никто ни в чем не может ее упрекнуть.

Действительно, по мнению многих, она не слишком взволнованна после внезапной гибели Генриха IV. Современник замечает, что в день, когда тело короля выносили из Лувра для захоронения в Сен-Дени, Мария, наблюдавшая из окна за похоронной процессией, не была особенно печальна.

Траур королевы

Внешне Мария Медичи блюла все приличия траура. Она приказала отправить депеши государям, князьям или родственникам, чтобы лично уведомить их о смерти короля. «Моя скорбь и отчаяние таковы, что пока ничто не может меня утешить», — писала она герцогине Мантуанской. Говорили, что она не спала девять ночей подряд.

Мария решила, что в течение сорока дней она не будет выходить из Лувра и будет видеться только с теми, кого она обязана принимать, будучи главой государства. В течение этих сорока дней покойному королю прислуживали так, как если бы он был жив, оказывая обычные почести его восковому изображению.

В это время вдруг вспомнили, что прах Генриха III до сих пор не был захоронен в Сен-Дени. Около двадцати лет его тело находилось в Компьене, где его оставили по приказу Генриха IV: тот боялся давнего пророчества, что будет погребен в Сен-Дени через неделю после его предшественника. Правительство Марии Медичи решило перенести тело Генриха III в склеп королевской базилики.

Этот перенос дал, впрочем, повод для трагифарса, подобных которому было немало в истории той эпохи. Герцогу д'Эпернону, бывшему миньону Генриха III, было поручено привезти прах последнего Валуа из Компьена в Сен-Дени. Он привез тело к базилике. Но монахи отказались его забрать, поскольку не было официальных похорон, хотя и разрешили слугам герцога перенести тело к церкви. Все это происходило среди бесконечных пререканий, в продолжение которых свита герцога отправилась освежиться (с гробом!) в кабачок «Королевская шпага». Когда споры наконец закончились, герцог приказал челяди внести тело в базилику. Но его люди были настолько пьяными, что уронили гроб со страшным грохотом как раз посреди церкви.

Генрих III теперь находился в Сен-Дени, и ничто больше не мешало похоронам его преемника. Оба захоронения произошли с разрывом в неделю. Пророчество сбылось.

Похороны Генриха IV

10 июня в одном из залов Лувра восковая фигура Генриха IV положена в гроб, а его тело — на катафалк. В пятницу, 15 июня, после мессы Людовик XIII со свитой направляется в зал, где по-прежнему находится прах его отца, и брызгает на гроб святой водой. Ничто не выдает его волнения. Младшие братья Николя и Гастон плачут в течение всей церемонии.

29 июня при огромном стечении народа гроб из Лувра перенесен в собор Парижской богоматери. Восковую фигуру на носилках сопровождает епископ Парижский. Ему удалось вырвать их в результате получасовой драки с господами из Парижского парламента, за которой невозмутимо наблюдал Людовик XIII. Ночью в соборе над телом короля читали молитвы каноники и бодрствовали парижские буржуа и беднота.

На следующий день в Сен-Дени направляется процессия, состоящая из лучников, священников всех парижских приходов, членов всех парижских инстанций, идущих впереди тела короля, дворянина, несущего знамя с гербом королевского дома. За телом следуют гвардейцы, пажи в парадных костюмах, конюшие, несущие на подушках шлем, щит, рукавицы, шпоры и кольчугу Генриха IV. Затем идут аббаты, духовники, 14 епископов в митрах, послы Савойи, Венеции и Испании, папский нунций, кардиналы, другие важные сановники. Члены Парижского парламента идут впереди носилок с восковой статуей короля, которую, как и накануне, сопровождает епископ Парижский. За ними — принцы крови, герцоги, десятки дворян, потом еще пажи, шествие замыкают четыре роты гвардейцев.

Фасады домов затянуты черной тканью. Над каждой дверью горит факел и чередуются изображения гербов Франции и Парижа. По словам Пьера де л'Этуаля, на улицах толпа была настолько плотной, что некоторые люди оказывались задавленными насмерть. У заставы Сен-Дени останки короля были переданы монахам из Сен-Дени: король навсегда покинул свою столицу. Кортеж распался: одни вернулись в Париж, другие отправились ночевать в Сен-Дени, чтобы назавтра быть на месте погребения.

Великолепие и пышность церемонии произвели большое впечатление на присутствующих. После мессы посреди хора церкви в открытую могилу опускают тело короля. В яму к гробу спускается герольд и громким голосом называет королевские знаки отличия: по очереди несшие их выходят вперед и бросают на гроб короля. Затем по очереди вызывают дворян свиты короля

и офицеров, они бросают оружие и жезлы — знаки их должностей. После этого из могилы герольд трижды прокричал: «Король умер! Король умер! Молитесь Господу за его душу!» Потрясенные присутствующие плачут или с трудом сдерживают свои слезы. Проходит еще несколько мгновений и тот же герольд голосом, исполненным радости, трижды кричит: «Да здравствует король Людовик XIII, милостью Божьей король Франции и Наварры!» Как эхо вторит ему голос из глубины хора, играют трубы и бьют барабаны. Гром приветственных возгласов раздается под сводами базилики. Герольд выходит из могилы, ее закрывают. Базилика опустела. Погребение окончено.

Официальные лица переходят в большой зал аббатства Сен-Дени, где подан торжественный обед. Генрих IV умер и похоронен. Теперь Мария Медичи, королева-регентша, правит Францией от имени своего сына Людовика XIII.

Вдова

В течение двух лет после смерти короля Мария Медичи соблюдает все правила великого траура: никаких праздников, приемов, развлечений. Она одета исключительно в черное. Ее апартаменты тоже задрапированы черным: стены, паркеты, зеркала. И только вышитые серебром слезы и черепа выделяются на фоне этой черной симфонии.

В годовщину смерти Генриха IV по приказу Марии служат заупокойные мессы. На это она выделяет 300 ливров в год.

Сердце короля передано иезуитам для захоронения в часовне их Коллегии в Ла-Флеш. На церемонии рядом с урной, содержавшей сердце короля, находилась другая, пока еще пустая, предназначенная для сердца его жены, которое займет в ней свое место через тридцать три года. Сердца Генриха IV и Марии Медичи, соединившись после смерти, до сих пор находятся там.

Глава VII
12 МИЛЛИОНОВ ФРАНЦУЗОВ

Заветы Генриха IV

После смерти Генрих IV оставил более обширное королевство, чем получил от Генриха III.

Но при этом Французское королевство занимало только $^4/_5$ нынешней территории Франции.

На юге не хватало Руссильона, принадлежавшего Испании. На юго-востоке Ницца и Савойя были иностранными территориями. Между Лионом и Марселем в долину Роны врезаются земли папы — Авиньон и Конта-Венессен, княжество Оранское принадлежит семье Нассау — будущей правящей династии Голландии.

Корсика — это генуэзская колония. В центре Франш-Конте принадлежит Испании, Эльзас — империи, а Лотарингия независима. «Три епископства» Мец, Туль и Верден являются французскими владениями на бывших тогда иностранными землях.

На севере Артуа принадлежит Испании.

Активным центром Франции был атлантический фасад: Нант и Бретань, Шаранта, Аквитания, Тулузский юг. Эти предприимчивые регионы иногда охватывают религиозные волнения: здесь сильны позиции протестантов и здесь же находится Ла-Рошель — одна из четырех самых укрепленных крепостей Франции. Но близкая и уязвимая восточная граница была постоянным поводом для беспокойства Генриха IV, а потом Людовика XIII и Людовика XIV: эти короли будут постоянно стремиться к увеличению своих владений и защите Парижа, открытого для нападений с севера или северо-востока.

На этой территории живет двенадцать миллионов подданных — население разнородное и пока еще не объединенное чувством национального единства.

Франция Генриха IV — это еще средневековая Франция «наций», то есть групп, объединенных одним языком или говором, гордящихся своими обычаями, чувствующими себя, прежде всего, бретонцами, нормандцами, а не членами французской общности, которая пока для них остается совершенно абстрактным понятием. Использование французского языка в юридических актах стало обязательным только после эдикта Вилле-Котре, принятого Франциском I в 1539, а семьдесят лет спустя добрая половина населения Франции по-прежнему не признавала французский как язык повседневного общения.

Невозможно было считать себя членом национальной общности при том, что существовали буржуа и селяне; финансово-податные округа, подчинявшиеся центральной власти

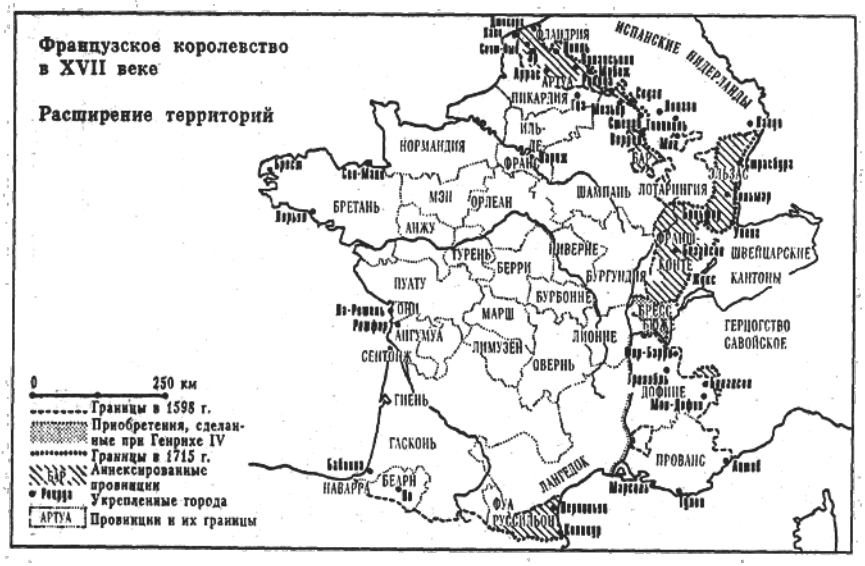
и штатам; провинции, вошедшие в состав государства, но сохранившие при этом свои права; города со своими привилегиями; территории, подчинявшиеся только крупным феодалам; места, где протестанты имели или не имели политических и религиозных привилегий.

В то время в брак вступали поздно: в 25 лет мужчины, в 26 — женщины, поэтому Мария Медичи ничем не отличалась от большинства своих современниц, выходя замуж за Генриха IV в 27 лет. Мужчина должен был быть в состоянии прокормить свою семью, и так как дети рождались с завидной регулярностью каждый год, поздний брак женщины определенным образом ограничивал рождаемость. До вступления в брак французы и француженки оставались целомудренными: Генрих IV показал пример потрясающего безразличия в отношении святости законов брака, но если дама, занимавшая его, не была замужем, он прежде всего подыскивал ей снисходительного супруга. Единственным исключением была Анриетта д'Антраг, потому что король пообещал жениться на ней.

Детская смертность была высокой, а продолжительность жизни невелика. Когда Мария Медичи впервые встретила Генриха в 1600 году, 47-летний король Франции был личностью весьма неприглядной, а в 57 лет, когда он был убит, то и вовсе считался стариком!

Экономика этой пока еще средневековой Франции была примитивна. Многие земли не обрабатывались: болота между Луарой и Гаронной, Гасконские ланды, пустынные незаселенные пространства на северо-востоке, опустошенные постоянными прохождениями войск Пикардия, Шампань. Но в то время земли Франции совершенно справедливо считались одними из самых плодородных: выращивали пшеницу, которую продавали в другие страны, овес, гречиху. В Шампани, долине Луары, на берегах Соны, в Бордоле, вдоль Гаронны и на всем средиземноморском побережье выращивали виноград.

Фламандцы и голландцы осушали болота и отвоевывали земли у моря в Вандее, Шаранте, окрестностях Бордо, устье Сены.



Улучшались и становились безопасными дороги, что позволяло развивать связи между регионами: пшеницу меняли на ткани Нормандии и Анжу, каштаны Лимузена, орехи Перигора, вишни и сливы Аквитании; полотно из Бретани или Вандеи продавалось на паруса испанских кораблей.

Страна богатела. Генрих IV стремился стимулировать развитие сельского хозяйства и поощрял создание мануфактур, отдав монополию подрядчикам: так возникли цеха, где ткали шелк и атлас, хрустальные заводы, ковровые мануфактуры Гобеленов и Савонри в Шайо.

Но результаты, достигнутые к 1610 году, были очень непрочными, и усилиям покойного короля нисколько не помогут бунты во время регентства Марии Медичи и гражданские войны при Людовике XIII.

Социальные классы

Дворянство

Существовало, скорее, две разновидности дворянства: знать — настоящие властители, жадные и воинственно настроенные феодалы, набитые деньгами, с бесчисленными владениями и должностями, составляющие заговоры или уходящие в раскол по любому поводу; и мелкое дворянство — обедневшие и разорившиеся в связи с наступлением мира дворянчики, у которых был выбор либо прозябать в нищете в своих пришедших в запустение замках, либо податься на службу к королю или какому-нибудь могущественному вельможе. Между ними пролегла бездна, но было и то, что их объединяло: гордость своим происхождением и чувство чести, которое толкало стольких из них драться на дуэли: 2000 погибнут в одном только 1606 году!

Поучительно поведение дворян по отношению к королю. Некоторые присоединились к Генриху Наваррскому еще в те времена, когда он завоевывал себе королевство — такие как Бирон и Сюлли. Бирон считал, что Генрих IV обязан ему за верную помощь, и, самый верный среди верных, немедленно начал устраивать заговоры, как только наступил мир, за что и поплатился головой.

Что касается Сюлли, то он всегда сохранял образцовую преданность по отношению к Генриху IV, что не мешало ему быть крайне чувствительным в вопросах чести, и Генриху приходилось вмешиваться, чтобы предотвратить ссоры.

Вельможи постоянно оспаривали друг у друга право первенства. Принц крови, граф де Суассон покинул двор с большим скандалом как раз накануне коронации Марии Медичи. Поэтому его не было в Париже в момент смерти Генриха, и он не присутствовал при объявлении регентства. Причина была достаточно веской: Генрих IV разрешил жене герцога Вандомского, одного из своих внебрачных сыновей от Габриэль д'Эстре, надеть на коронацию королевы платье, расшитое лилиями — эту привилегию имели только принцессы крови. Графиня де Суассон не смогла снести подобное оскорбление. Король заупрямился, уязвленным Суассонам оставалось отправиться переживать оскорбление в свои поместья. Вскоре вспыхнет ссора между их сыном, молодым графом де Суассоном, и принцем Конде, его троюродным братом: кому принадлежит

честь подавать салфетку королю за столом? Кузены насмерть поссорятся и по этой причине окажутся в разных лагерях.

Нельзя за несколько лет избавиться от устоявшихся в течение веков правил поведения. И в 1610 году Мария столкнется с глубоко феодальной в этом отношении Францией.

Во время религиозных войн очень близко к трону оказались Гиз и его брат Майенн, а такие как д'Эпернон становились союзниками Генриха, если того требовали обстоятельства. Поэтому в мирное время Генрих IV не колеблясь черпал из своих шкатулок драгоценности, чтобы купить спокойствие, — впрочем, Мария Медичи будет вынуждена делать то же самое. В 1611 году 4 миллиона ливров — пятая часть бюджета! — пошли на выплату содержания знатным вельможам. В обычаях Генриха IV было удовлетворять ненасытный голод, назначая членов их семей на доходные церковные должности. Семья Ришелье владела, таким образом, «самым бедным и самым грязным во Франции» епископством Люсон, как скажет о нем великий кардинал. Но чтобы сохранить его в семье, молодому Арману дю Плесси придется оставить военную карьеру и в 1606 году стать епископом Люсона. Впрочем, он окажется не самым худшим епископом своего времени.

Провинциальное дворянство не представляет непосредственной опасности для монархии. Разоренные снижением доходов от аренды (от 10 до 20 % крестьян погибли, а опустошенные земли стали менее урожайными), они вынуждены продавать оставшиеся права или привилегии сеньоров. Поэтому крестьяне постепенно освобождаются от рабства или полурабства и становятся свободными собственниками. Последний способ поправить дела — продать земли или обеспечить брак с девицей из семьи зажиточных буржуа.

Генрих IV попытался сделать невозможное — удержать французское дворянство на его землях. Мелкопоместным дворянам незачем искать состояние при дворе, как бы верно они ни служили королю. Такой способ действий экономил средства, но, с другой стороны, провинциальному дворянству нечем было заняться, и оно от безделья поступало на службу к иностранному принцу, дворяне-гугеноты воевали в Нидерландах против Испании, другие спешили на помощь герцогу Мантуанскому в его столкновениях с Савойей, промышляли разбоем.

Со временем французское дворянство растеряло свои добродетели, отдав все силы борьбе за право носить шпагу, не снимать шляпу, занимать первую скамью в церкви. Даже его

военные качества вырождаются. Обнищавшее и сварливое дворянство буквально отравит регентство Марии Медичи и правление Людовика XIII постоянными волнениями.

Буржуазия

Буржуазия охвачена страстным стремлением к знаниям. Прилагаются все усилия, чтобы отправить сына к иезуитам, а дочь — к урсулинкам.

В своей массе буржуазия трудолюбива и жадно стремится к интеллектуальному и социальному успеху. Средним классам дороги порядок и спокойствие, мир и правосудие. Они покупают должности на службе у короля, и поэтому нападки на продажу должностей затрагивают их классовые интересы и ценные для них прерогативы. Именно они представляют третье сословие в Генеральных штатах или в Ассамблее нотаблей. Но они умеют совмещать защиту своих интересов и защиту суверенной власти короля, составляя единое целое с монархией в борьбе против знати, нарушающей гражданский мир, и прожорливого дворянства.

Простой народ

Стремления и занятия городского населения и буржуазии пока еще во многом сходны: нет особого разделения между хозяевами ремесленных мастерских и их компаньонами, мастеровыми и купцами или людьми, состоящими на королевской службе. Все они живут в одних и тех же домах, и поэтому простой народ в городах проникся теми же идеалами, что и буржуазия: ему дорого общественное благо, он монархист и враждебно настроен по отношению к смутьянам. Значительной силой являются профессиональные корпорации.

Простые горожане — иногда спорщики, фрондеры и упрямцы — страстно преданы личности короля и идее родины, которую он собой воплощает. Они яростные националисты, считающие себя добрыми французами, но при этом непосредственные и непостоянные, как, впрочем, вся нация, которую считают легкомысленной и непостоянной в своих убеждениях и привязанностях.

В сельской местности эти недостатки проявляются меньше. Деревенские ремесленники — люди серьезные, лишнего не болтают. Многие умеют читать и обучают своих детей. Собрав

достаточную сумму денег, они покупают низшую должность для своих сыновей или землю. Среди сельской элиты развито чувство принадлежности к французской родине. В результате религиозных войн и постоянных мирных путешествий короля Генриха выковалось национальное сознание и верноподданнические чувства. Сколько раз из-за этого будут злиться бунтовщики, когда перед ними окажутся закрытыми ворота маленьких городов.

Крестьяне

За все правление Генриха IV была только одна война, а мир способствовал развитию сельского хозяйства, вовлечению деревни в отношения обмена. Крестьяне уже не так, как раньше, привязаны к земле.

Крестьянские сыновья могут подниматься на более высокую социальную ступень. Городские новости быстрее доходят до самых отдаленных границ королевства. Спокойствие покидает крестьян, когда они узнают о новых налогах. Тогда начинаются народные волнения, чаще всего под руководством образованных крестьян или горожан. Беспрецедентный факт: в 1610 году правительство Генриха IV снизило размер оброка для крестьян. Правда, в регентство Марии Медичи оказалось, что надо оплачивать бриллианты королевы, роскошный образ жизни Кончини и дары дворянской знати.

Больше всего крестьянство страдает от местных войн. Во время семилетнего регентства Марии и правления Людовика XIII бунты принцев затронут Иль-де-Франс, Шампань, Пикардию, Гиень, Пуату, долину Луары, Берри, Сентонж, Гасконь, Нормандию, Анжу, Бурбонне, Овернь, Лангедок. Снова опустошаются земли, крестьяне голодают и нищают. Но продолжают упорно и настойчиво обрабатывать вытоптанные поля. Появляется деревенская аристократия.

Именно благодаря этим силам — крестьянству, городскому населению и буржуазии — Франция сможет позволить себе роскошь содержать дворянство и вести многочисленные войны, финансируя при этом развитие городов, и в первую очередь Парижа, расцвет великолепной архитектуры и созревание великой классической цивилизации. Богатая страна, пока еще не самая значительная в Европе, задавленной мощью двух ветвей дома Габсбургов, через испытания постепенно выковывает только

ей присущее лицо и специфические черты.

Католическое пробуждение

Начатое в правление Генриха IV пробуждение католицизма становится реальностью в регентство Марии Медичи. В обновлении веры участвуют все имущие слои населения Франции и параллельно настойчиво совершенствуется образование духовенства.

Урсулинки и иезуиты воспитают тысячи юных умов, подготовив глубокую эволюцию нравов и общественной жизни. Орден ораторианцев, основанный де Берюллом, занимается нравственным воспитанием и глубокой теологической подготовкой священников.

Все это окажет определяющее влияние на общественную и интеллектуальную жизнь Франции XVII в.

И тогда пришел Малерб

В 1600 году эра *Плеяды,* когда царили Ронсар и дю Белле, уже практически закончилась. Поэты отказываются от ненужных дерзостей, грамматических фантазий, греко-латинских неологизмов — все это кажется теперь чрезмерным и доведенным до крайности.

После беспорядочного кипения гуманистического Возрождения и *Плеяды* нужно было сделать самое главное — выработать правила. Это уже сделали итальянцы, а до них — всеми признанный великий Аристотель. Правила были изложены в трактатах *Поэтическое искусство* Воклена де Ла Френе, *Академия поэтического искусства* Демье, *Поэтика* Ла Менардьера. Правила совершенствуются в результате литературной практики, бесед, писем, борьбы мнений при дворе и в городе. Но им явно не хватает руководителя, вождя. И тогда Провидение посылает Малерба. Всем памятны знаменитые строки Буало:

> Наконец, пришел Малерб, и первым во Франции
> Заставил почувствовать в стихах правильный ритм,
> Одно только слово поставил на место и властно
> Заставил музу подчиняться правилам.

Малерб поздно пришел в литературу: в 32 года он посвятил Генриху III свое первое произведение *Слезы святого Петра.* Славу ему принесла *Ода Марии Медичи,* написанная в честь проезда королевы через Экс-ан-Прованс. В сентябре 1605 года пятидесятилетний Малерб переезжает в Париж. Его друг Воклен дез Ивето (будущий наставник Людовика XIII) представляет его Генриху IV, и тот делает Малерба придворным поэтом. С этого времени Малерб начинает играть значительную роль в развитии французской литературы, его влияние будет сказываться даже после его смерти в 1628 году.

В поэтическом плане Малербу далеко до великих. Он слишком горд и черств, без лиризма, не способен на настоящий порыв. Но красота стиха окупает недостаток чувства.

Малерб очень высоко ценил себя. Свидетельство тому — знаменитый стих «То, что пишет Малерб, вечно». Но будущие поколения превыше его стихов ценили ту определяющую роль, которую он сыграл в разработке правил поэтического выражения.

Поэт отрицает рабское восхищение античными поэтами. Даже если он любит Горация и Овидия, он нисколько не считает их

образцами для подражания. Главным объектом его насмешек являются Ронсар и Депорт.

Он требует логической силы, абсолютной ясности — никаких жеманных, искусственно созданных слов. В 1612 году Малерб решает, что строфа из шести александрийских стихов должна быть поделена на две равные части по три стиха в каждой.

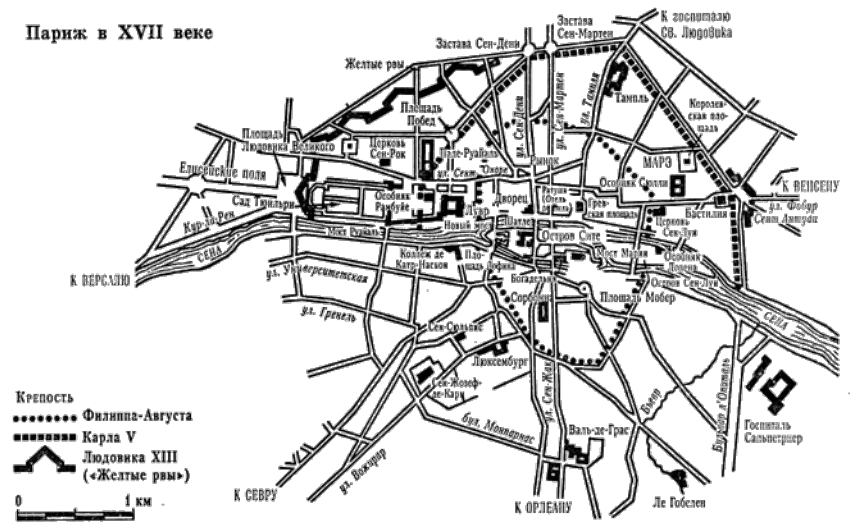
Бальзак лучше всех сумел обобщить его вклад: «Малерб — деликатный и суровый судья, объяснил Франции, что такое поэзия, и смог усластить слух. Он изобрел искусство писать чисто и благопристойно, доказал, что источником красноречия является выбор мыслей и слов и чаще удачное сочетание предметов и слов лучше, чем предметы и слова сами по себе».

В соединении с движением по очищению нравов в обществе влияние Малерба выйдет за пределы литературы и вместе с деятельностью пуристов, иезуитов, итальянскими и испанскими веяниями будет участвовать в становлении идеала «благовоспитанного человека», который завоюет всеобщее признание с 1660 года.

Париж: особый мир, особая столица

Проезжая по территории Франции, Карл V увидел там пять предметов, достойных внимания: «Род — Ла Рошфуко. Местность — Пуату. Сад — Турень. Город — Орлеан. Особый мир — Париж».

Вне всякого сомнения, столица королевства заслуживала такой оценки. Во второй половине XIV века в Париже проживало 200 000 человек. В результате религиозных войн его население увеличилось до 300 000. Каменные корсеты крепостных стен Парижа постоянно трещали в связи с непрекращающимся ростом города, который неуклонно выходил за их пределы.



В Париж можно было войти через 12 укрепленных застав. Сама крепость имела 16 километров в окружности. По сути, там было три города: правобережный Париж — самый большой, самый населенный, где находился центр экономической деятельности и сильнее всего сказывался городской рост; остров Сите — колыбель города, центр религиозной жизни и юридической деятельности; левобережный Париж, преданный университету, студенческим волнениям, центр интеллектуальной деятельности.

Правый берег — это, прежде всего, *город,* самая развитая часть Парижа. В центре находятся два больших здания — Шатле и Городская ратуша. Шатле — штаб городского ополчения и правосудия. Здесь много карцеров, которые активно использовались в эпоху религиозных войн и где до сих пор

сидели самые опасные узники: в одних заключенные не могли ни сидеть, ни стоять, и они были заполнены водой по щиколотку (в принципе, в них сходили с ума через две недели); в другие заключенных спускали на веревке, третьи были завалены отбросами или кишели змеями. Городская ратуша — великолепное здание в готическом стиле, строительство которого было закончено только к 1605 году.

Перед зданием ратуши начиналась и полого спускалась к Сене (набережных еще не было) Гревская площадь — знаменательное место публичных казней, которые всегда привлекали множество людей.

Центр снабжения Парижа находился в месте, которое при Генрихе IV называлось *Центральные рынки.* Рядом с церковью Сент-Эсташ образовался целый квартал вокруг треугольной площади. В названиях улиц отразился род деятельности купцов, здесь живших: улицы Суконщиков, Сапожников, Горшечников, Старьевщиков. Позорный столб рынка, у которого выставляют спекулянтов и банкротов, напоминал купцам о преимуществах честной торговли.

Сите — историческое сердце монархии. Здесь до сих пор находится бывший Дворец французских королей, ставший Дворцом правосудия, и собор Парижской богоматери — центр религиозной жизни города. Дворец имеет четырехугольную форму. В северной части расположена квадратная башня часов и две круглые башни Консьержери. В восточной части располагается ряд домов и лавок и здесь же — ворота с башнями, через которые можно войти в квадратный двор, где возвышается Святая Часовня, построенная Людовиком Святым. В южной части ко Дворцу примыкало ничем не примечательное здание Счетной палаты, исчезнувшее в XVIII в.

В западной части Дворца, по направлению к площади Дофина располагался парламент — это самая старая часть здания. Здесь находится готический зал Дворца — самый большой в Европе. В центре возвышается Мраморная доска — символ сюзеренной власти короля Франции над всей пирамидой вассалов, которые составляют его королевство. К залу прилегают живописные лавочки — «галерея Дворца». Здесь ювелиры, торговцы предметами роскоши (тонким бельем, лентами, кружевами, веерами), книготорговцы. Именно в галерее Дворца формируется мнение наиболее просвещенной части двора и города.

От собора Парижской богоматери Дворец отделен старыми домами, лавочками менял, торговцев птицей, бумагой, пергаментом.

Остальное пространство занимает старая Богадельня — больница, где больные по четыре или даже по шесть человек лежат на одной кровати и умирают в большом количестве, а эпидемии очень часто вспыхивают именно здесь.

С левым берегом остров Сите соединяет мост Сен-Мишель и Малый мост, а с правым — мост Менял и мост Нотр-Дам. На мосту Нотр-Дам находятся 68 первых пронумерованных домов в Париже (с 1507 г.). Есть еще три острова кроме Сите — Нотр-Дам, Лувье и Коровий. В 1614 г. появится остров Сен-Луи — будут соединены Нотр-Дам и Коровий, построены мост Мари, мост Турнель и прекрасные каменные набережные. Остров Лувье будет частично присоединен к правому берегу, а частично разрушен.

Левый берег — это в основном квартал *университета.* Он занимает меньшую, чем правый берег, территорию и защищен крепостью Филиппа-Августа, перестроенной и укрепленной при Людовике V. Крепость описывает полукруг от моста Турнель до Нельской башни напротив Лувра. Здесь пролегает одна большая артерия — улица Сен-Жак: она совпадает с древней римской дорогой через холм святой Женевьевы к Орлеану. Квартал занят, в основном, коллежами, в которых самые известные преподаватели того времени читают лекции студентам-стипендиатам. Несмотря на то, что престиж Парижского университета пострадал от отречения Сорбона в эпоху религиозных войн, наиболее уважаемые коллежи — д'Аркур, кардинала Лемуана, Наваррский, Бовэ, Бургундский, святой Варвары, Шотландцев или Клюни — по-прежнему привлекают самых одаренных и честолюбивых студентов Парижа и провинции.

Университетский квартал продолжают пригороды: Сен-Марсель, где находятся ткацкие и кожевенные мастерские; Сен-Жермен, где много незанятого пространства между монастырскими постройками; гуляющих привлекают лужайки Пре-о-Клер.

На правом берегу город также разрастается за счет пригородов. После строительства дворца Тюильри, по инициативе Екатерины Медичи, вокруг него очень скоро появляется целый квартал.

Париж Генриха IV — это все еще средневековый город, где дома лепятся друг к другу, а над ними возвышаются колокольни многочисленных церквей и укрепленные башни. Все полезное пространство застроено. Многие улицы имеют ширину не более 6 футов — 2 метров! На них не могут разъехаться две кареты, передвигаться по городу — это настоящая экспедиция. Тротуаров

нет, посередине улицы проложена сточная канава, в которую сбрасывают отбросы и содержимое отхожих мест. Мусор собирают специальные городские уборщики. Но улицы завалены настолько, что в жару начинаются эпидемии, опустошающие город.

В Париже часты пожары. Воды не хватает, поэтому пожарные способны только локализовать огонь, пожирающий в основном деревянные постройки.

Тем не менее, каменных домов становится все больше, они красивее, чем раньше, появляются стекла и цветы на окнах. Парижане предпочитают гвоздики, розмарин и майоран — их запах несколько забивает вонь на улицах.

Когда во время волнений возникла необходимость разместить значительное количество жителей на ограниченной площади, стали появляться четырехэтажные дома с выступами. Но Генрих IV запретил их — они закрывали свет и доступ воздуха на и без того узкие улицы.

Улицы загромождали бесчисленные деревянные или железные вывески, подвешенные на столбах. Едва начинал дуть ветер, они страшно громыхали и становились весьма опасными.

Освещения не было. Постоянно издавались указы, обязывавшие жителей держать зажженную свечу в одном из окон второго этажа. Частота появления таких указов свидетельствует, что особого эффекта они не имели. Патрули были не в состоянии поспеть всюду: ночь принадлежала бродягам и ворам.

Когда закончились гражданские войны, население Парижа уменьшилось до 250 000. Париж был самым большим городом христианской Европы и королевства. Не только традиционные причины объясняют разрастание столицы Франции: были и новые факторы, ускорившие этот рост и способствовавшие появлению в будущем пропасти между Парижем и провинциальными городами.

В 1610 году Париж был не в состоянии затмить ни Лион, ни Бордо, ни Тулузу, ни Марсель, ни Нант. Каждый из этих городов, как и Париж, вел активную торговую деятельность. Расстояния в достаточной степени сохраняли их самостоятельность в административной, политической и экономической областях. Но начало XVII века, связанное с правлением Генриха IV, ознаменовалось новым и очень важным событием — двор и королевское правительство окончательно поселились в Париже.

Несколько тысяч человек, составляющие двор, их семьи, слуги, сторонники — это покупатели и потребители: им нужны одежда, драгоценности, дорогое оружие, кареты, красивые дома, изысканная пища. Столица привлекает самых талантливых ремесленников.

При Генрихе IV благодаря обустройству в Лувре и Тюильри монархия, знать и элита парижских буржуа становятся оседлыми. Лувр превращается в мощный центр искусства. Все это дает Парижу возможность достойно исполнять свои функции столицы, поощряет централизацию и закладывает основы для будущего расширения.

Первый урбанист Парижа

Начало развитию современного Парижа положила «полезная» часть краткого правления Генриха IV — с 1598 по 1610 годы. С точки зрения истории, Добрый король был первым урбанистом Парижа.

Новый мост для современников Генриха IV был самым сенсационным достижением царствования. Правда, работы начались еще в предыдущее правление, в 1578-м, но их прервали гражданские войны, а когда Генрих IV решил закончить строительство моста, опоры поднимались всего лишь на два метра над фундаментом. Работы возобновились в 1601 году, а 20 июня 1603 года король торжественно открыл мост. Он поражал воображение своей сверкающей белизной, размерами пролетов, величиной — мост был переброшен через оба рукава Сены с опорой на выступающую точку острова Сите — и был первым мостом, свободным от домов.

Новый мост стал одной из самых оживленных дорог столицы. В поговорке сказано, что невозможно перейти его, не встретив троих: монаха, проститутку, белого коня. Во всяком случае, мост кишит всевозможными шарлатанами; там можно увидеть скоморохов и вожаков медведей, предсказателей судьбы, торговцев лечебными травами, гадалок; лотки ювелиров соседствуют с собачьими парикмахерами, зубодерами. Зеваки и прохожие становятся добычей мошенников. Аплодируют шуткам и фарсам комических авторов, певцам, не всегда снисходительным по отношению к властям. В течение двух столетии Новый мост будет местом выражения народного мнения столицы.

Мост — необычайно грязное место. Мусор был даже на постаменте, где собирались поставить конную статую Генриха IV: заказанная в 1604 году, по инициативе Марии Медичи, знаменитому итальянскому скульптору Джанни Болонье, она с величайшей помпой будет установлена в 1614-м.

Строительство Нового моста дало возможность преобразовать целый квартал, расположенный на выступе острова Сите, между мостом и задним фасадом Дворца правосудия. Здесь были начаты работы, в результате которых появилась улица Дофина.

6 апреля 1607 года король приказал парламенту зарегистрировать разрешение на строительство площади Дофина — площади треугольной формы в окружении домов,

спроектированных по единому плану. На площади 3120 квадратных туазов (12 000 кв. м) был выстроен гармоничный ансамбль из кирпичных пятиэтажных зданий с «французскими крышами», крытыми серо-голубым анжуйским шифером.

В парижской магистратуре считалось хорошим тоном жить на площади Дофина — это престижный и удобно расположенный квартал — близко от Дворца правосудия и Лувра одновременно.

Обустройство площади повлекло за собой необходимость строительства набережной Орфевр (золотых и серебряных дел мастеров) и набережной Орлож (часов), защитившими квартал от разливов Сены.

В результате еще одной урбанистической операции появилась Королевская площадь. Ее построили на землях, примыкавших к особняку Турнель — бывшей резиденции французских королей, расположенной на правом берегу, которую оставила Екатерина Медичи. Этот дворец вызывал у нее ужас, потому что здесь умер король Генрих II после турнира на улице Сент-Антуан в 1559 году, на котором он был ранен. В 1604 году Генрих IV подарил эти земли пяти мануфактурщикам для строительства ткацких мастерских и жилого здания для их рабочих. Королю очень понравилось построенное здание, и он решил построить подобные здания на этом месте и создать площадь, названную им Королевской.

План был разработан архитектором Луи Метезо: предполагалось построить кирпичные 5-этажные дома с высокой шиферной кровлей. На свои средства Генрих построил павильон Короля и павильон Королевы и обустроил одну из сторон площади — 9 павильонов были перепроданы знати и семьям городских чиновников. Всего предполагалось построить 37 павильонов.

Так как покупатели явно не торопились вкладывать деньги в строительство, Генриху пришлось заставить своих приближенных покупать участки: Жаннена, Сюлли, Исаака Арно — интенданта финансов. Строительство Королевской площади закончится в 1612 году, а в правление Людовика XIII она станет одним из самых шикарных кварталов. Тем временем мануфактурщики, владельцы зданий мастерских, решили, что их участок земли можно использовать гораздо лучше. Под предлогом неудачной торговли они добились разрешения снести существующее здание и заменить его на элегантные особняки, построенные по образцу всех остальных зданий Королевской площади. Так сложился ее окончательный облик, дополненный в 1639 году конной статуей[2] Людовика XIII.

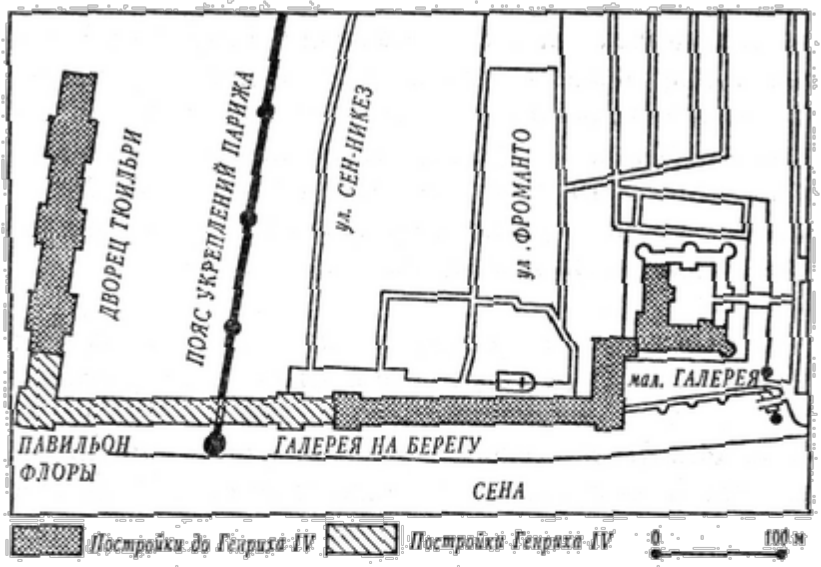
Запрещая перепродажу отдельных этажей павильонов,

построенных вокруг площади, Генрих гарантировал сохранение ее аристократического характера. Расположенный по соседству квартал Марэ был застроен особняками, принадлежавшими самым громким фамилиям знати и парламентской буржуазии. Революция прогонит бывших обитателей Королевской площади и даст ей название Площадь Вогезов[3].

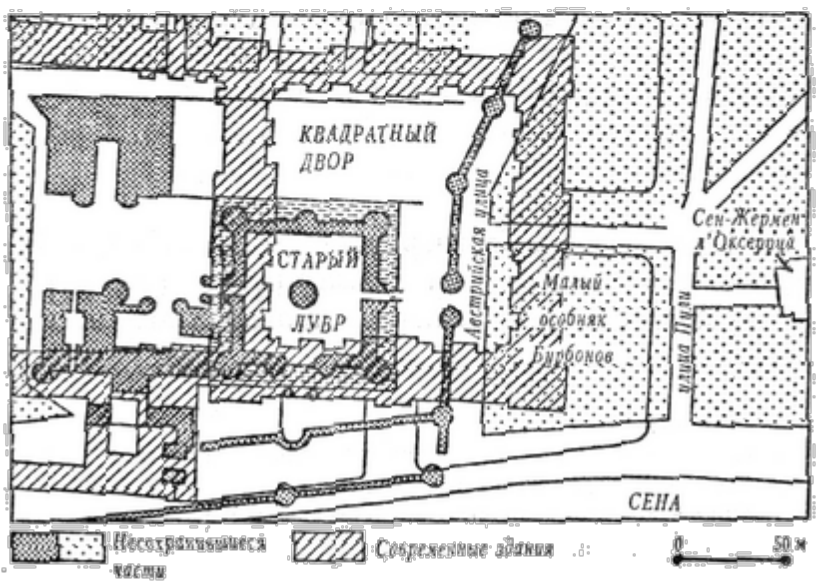
В 1610 году, за несколько недель до того как был убит Генрих IV, он дал свое согласие на строительство третьего монументального ансамбля — площади Франции. Просторная площадь в форме полукруга должна была прилегать к крепостной стене бульвара Тампль, от нее предполагали начать восемь больших улиц, названных по имени главных провинций страны. Волнения эпохи регентства и первые годы единоличного правления Людовика XIII не позволили заняться осуществлением этого проекта, и только в 1626 году было начато строительство нового квартала с улицами Шарло (бывшая улица Анжу), Пуату, Сентонж, Бретани, Пикардии, Фореза, Перша, Боса и Нормандии.

Возвратившись в Париж в марте 1594 года, Генрих IV приказал начать в Лувре и Тюильри строительные работы, которые были окончены только накануне его смерти.

Лувр и Тюильри при Генрихе IV



Старый Лувр



Оставив особняк Турнель, Екатерина Медичи разместилась в Лувре, но ей хотелось иметь свою собственную резиденцию, поэтому она предприняла строительство дворца Тюильри, расположенного примерно в 500 м к западу от Лувра. После ее

смерти в 1589 году строительство было остановлено. Екатерина Медичи предполагала соединить Лувр и Тюильри крытым проходом вдоль Сены. Была построена часть этой «прибрежной» галереи, а также маленькая, перпендикулярная Сене галерея, которая соединяла ее со старым Лувром.

Генрих IV сделал надстройки на зданиях, построенных Екатериной. Теперь они имели четыре уровня: сводчатый первый этаж, антресоли и еще два этажа. Затем он продолжил прибрежную галерею до дворца Тюильри, который дополнил павильоном Флоры. Так была построена самая длинная в Европе галерея — около 500 м.

Маленькая галерея, которую в то время называли галерея Королей (только в конце XVII века она получит свое нынешнее название — галерея Аполлона), позволила лучше обустроить апартаменты королевы и освободить в старом Лувре помещения, предназначавшиеся для правительственной деятельности. В большой галерее на первом этаже расположились теперь гвардейцы, охранявшие дворец.

На антресолях и втором этаже Генрих IV разместил ремесленников и художников, предоставив им мастерские и жилье, а также избранную клиентуру.

Последний этаж галереи Генрих приказал отвести под произведения искусства: картины, статуи, ковры.

* * *

Правление Генриха IV было отмечено активной деятельностью: оно началось в 1598 году Вервенским договором и Нантским эдиктом и закончилось 1610-м — годом его смерти.

Всего двенадцать лет, но сколько сделано!

После себя Генрих IV оставил королевство более обширное и более сильное, разобщенную и истерзанную страну он превратил в мощное государство, с которым приходилось теперь считаться «супердержавам» того времени — венским и мадридским Габсбургам.

Он заложил основы более крепкой экономики, основанной на усовершенствованном сельском хозяйстве, развитии внутренней и внешней торговли и политике поощрения создания мануфактур.

В его правление в развитии французского общества проявились тенденции, которые будут его характеризовать на протяжении нескольких поколений: упадок дворянства, подъем буржуазии, простого городского населения и ремесленников, укрепление крестьянской собственности.

Необычайно укрепилось чувство принадлежности к национальной общности, в сознании французов формировалось понятие родины.

Франция после Генриха IV — это Франция старого режима, Франция XVII и XVIII веков — тех двух столетий, которые предшествовали Революции и во многом предвосхитили современную Францию. Это царствование стало вступлением страны в современную эпоху.

Какова же роль Марии Медичи в этом процессе? До того как на семь лет получить верховную власть в королевстве, Мария вместе с Генрихом IV участвовала во всех его начинаниях. Она поддерживала всех, кто трудился на благо католического пробуждения, Франция святых в этом плане ей многим обязана. Она принесла Генриху IV гарантию иезуитов и святого престола — папа согласился стать крестным дофина. Ее вклад сыграл полезную роль в том, чтобы помочь королевству снова обрести свое место в сообществе наций после раздоров религиозных войн. Помимо этого, открывая доступ итало-испанскому влиянию во Франции, она участвовала в становлении идеала благовоспитанного человека, который расцветет два поколения спустя.

Глава VIII
«ДОБРОЕ ПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕН РЕГЕНТСТВА» (1610–1614)

Управление Францией

Это название одной из картин «Истории Марии Медичи», написанной с 1622 по 1625 годы Рубенсом. Марии Медичи создали настолько отвратительную репутацию, что сегодня название больше похоже на насмешку.

И действительно, историки словно бы соперничали в строгости и суровости. Сен-Симон клеймит «ужасный нрав королевы», наглость «продажных и подлых душ, которые ею управляли» и которые воспользуются ее властью, чтобы обогатиться и забрать власть себе. Бертольд Целлер пишет: «Мария Медичи, казалось, была озабочена тем, чтобы построить свое регентство по образцу регентства Екатерины Медичи, но чаще всего то, что ей удавалось, было всего лишь жалкой пародией». Впрочем, Мария скорее предпочитала в качестве образца регентство Бланки Кастильской.

Когда Мария Медичи стала регентшей, она столкнулась с двумя могущественными кланами — Гизами и Бурбонами, достаточно сильными для того, чтобы способствовать началу и поддержанию в течение тридцати лет войн религиозных и гражданских. Генрих IV не смог их побороть, у них были права, верные сторонники, деньги, значительный престиж, и они опирались на тысячелетнюю феодальную традицию. Как же могла Мария, женщина, больше того — иностранка, в мире одновременно женоненавистническом и не всегда любящем иностранцев, одним движением руки его очистить? То, что гражданский мир в целом сохранялся, уже было хорошим результатом.

В религиозном плане Франция была разобщенной страной. Нантский эдикт был компромиссом, одинаково подвергавшимся критике как со стороны протестантов, так и со стороны католиков. Каждый лагерь стремится возродить в свою пользу единство христианского мира. Ни одна страна в ту эпоху не знала подобной ситуации, когда на одной территории, в одних и тех же провинциях, в одних и тех же городах сосуществовали две различные религии, одинаково признанные, одинаково используемые. То, что был сохранен религиозный мир, тоже было хорошим результатом.

Конечно, была и оборотная сторона медали — расхищение государственных финансов и произвол фаворитов. Но и здесь нужно внимательнее изучать претензии, предъявляемые Марии Медичи. В расходах правительства королевы нужно различать,

прежде всего, щедрые выплаты принцам, с помощью которых покупалось спокойствие, и суммы, которые шли на выплату жалованья войскам, собранным, чтобы обеспечить их повиновение. Это нормальные и неизбежные траты. К сожалению, сама королева-мать и ее правительство не всегда были последовательны и тверды в своих действиях.

Щедрость, проявленную по отношению к фаворитам — Леоноре и Кончино Кончини — оправдать трудно. Но здесь, думается, надо проявить не столько снисходительность, сколько некоторое чувство исторической реальности: за исключением Генриха IV (хотя частично эту роль при нем исполнял Сюлли), каждый государь, каждый крупный вельможа того времени имел своего фаворита: если бы Кончини не существовали, королева отметила бы своей милостью Вильруа, Гизов, возможно, Конде. Обошлись бы они стране дешевле? Это еще надо доказать.

Поэтому следует беспристрастно изучать историю бесконтрольного и безраздельного семилетнего «дарения на престоле» Марии Медичи.

Управление Францией

В 1610 году, когда умер Генрих IV, королеве исполнилось 37 лет. Крупная и дородная женщина, с очень белой кожей, она редко улыбается. Смерть короля не отразила особой скорби, и некоторых при дворе это шокировало. Однако традиции соблюдаются свято: в течение двух лет королева будет одеваться только в черное, все праздники будут отменены кроме официальных приемов и, как исключение, детских праздников.

Это не мешает королеве время от времени развлекаться самым невинным образом. Она может отправиться на прогулку в карете со всей своей свитой по направлению к Сен-Дени. На обратной дороге королева приказывает остановить кортеж, выходит из кареты, садится на лошадь и весело скачет галопом до самых ворот Парижа. Потом она снова благопристойно садится в карсту и возвращается в Лувр с серьезностью, приличествующей ее вдовьему положению.

В первое время Мария старается продолжать то, что существовало при покойном короле, пытаясь, если можно так сказать, ему подражать, так, что сын Вильруа, губернатор Лиона д'Алинкур сказал флорентийскому послу Андреа Чьоли: «Королева совершенно изменилась: она больше похожа на короля. Очень серьезна, лично занимается делами, дает аудиенции».

Но очень быстро выясняется, что, в отличие от Генриха, королева не умеет говорить «нет». Она всегда щедро раздавала роскошные подарки, драгоценности, а теперь, став регентшей, продолжает раздавать вслепую, в ущерб королевской казне и стабильности правления, содержания, должности, бенефиции.

В июне 1610 года она решила сделать приятное графу де Суассону, отдав ему губернаторство Нормандии, а его сыну — Дофине, добавив к этому ежегодное содержание в 15 000 ливров.

Если она полагала, что таким образом привяжет к себе Суассона, то глубоко заблуждалась, потому что легкость, с которой были получены такие значительные подарки, могла только разжечь его аппетиты. А с другой стороны, не надо забывать о ревности других принцев, тоже жаждущих губернаторства и пенсий. Принц де Конти, старший брат Суассона, вдруг вспомнил, что губернаторство в Нормандии было обещано ему, и очень резко заговорил об этом с королевой, а потом в Лувре при всех сцепился со своим младшим братом. Гиз, шурин принца де Конти, стал на его сторону. Гизы были гораздо

влиятельнее Суассона, и королева не могла об этом не знать. Сначала она попыталась сопротивляться и, чтобы показать, что не намерена позволить кому-либо навязать ей свою волю, усилила охрану Лувра. Но через полтора месяца, устав от взаимных препирательств, она решила отдать принцу де Конти губернаторство в Лионе, а герцог де Гиз получил крупное вознаграждение.

Это не способствовало, кончено, доброму началу ее правления, а бывшие министры Генриха IV не могли противостоять принцам и защитить королеву от ее собственных слабостей.

Правительство Генриха IV по-прежнему было на месте, но это была лишь видимость: теперь королева без устали сама занималась делами Государственного совета, Совета по финансам и Военного совета — она открыла доступ туда всем принцам. Быстрые и эффективные рабочие заседания времен Генриха превратились теперь в нескончаемую безрезультатную болтовню.

Все принцы — Конти, Суассон, Конде, кардинал де Жуайез, герцог де Гиз, герцог де Майенн, герцог де Невэр; маршалы Франции, коннетабль де Монморанси, обершталмейстер герцог де Буйон, кардинал дю Перрон, герцог д'Эперион, герцог де Немур и множество вельмож рангом помельче составили Государственный совет. Он был настолько бесполезен, что пришлось создать дополнительные советы. Мария Медичи очень любит «малые» советы, куда она приглашает тех, кого ей угодно видеть. Так, государственными делами вдруг начинают заниматься люди типа врача королевы Дюре, отъявленного интригана, и адвоката королевы Доле. Последний, впрочем, талантлив, не обделен разумом и заслуживает оказанной ему милости.

Принцы пользуются нерешительностью королевы и на заседаниях совета публично оскорбляют министров: Вильруа, оставшегося одним из верных слуг; Сюлли — главного министра Генриха, который пользовался его наибольшим доверием и которого давно невзлюбила Мария из-за унижений, которые он заставил ее вытерпеть, когда у нее не оказывалось денег, впрочем, мы видели, что это было ее постоянное состояние.

После убийства Генриха IV пошли слухи о неминуемой отставке Сюлли несмотря на то, что он занял свое место в совете. Некоторые советники внушали королеве, что необходимо проверить все счета, которые вел министр и которые Генрих никогда не проверял. Королева на это не пошла, но начала коварно вспоминать, что Генрих не совсем доверял Сюлли, о чем он якобы говорил ей неоднократно в последние месяцы перед

смертью. Кончини, со своей стороны, тоже вел активную кампанию против министра. Главным противником Сюлли был интриган и завистник Буйон, неоднократно его оскорблявший. Но Сюлли получил поддержку со стороны герцога де Гиза, который смог убедить его не покидать двора. Мария Медичи, не без влияния Гиза (он заявил ей, что Сюлли его друг и он не допустит, чтобы того коснулось хоть малейшая неприятность), поняла, что ей пока невыгодна отставка министра.

Тем не менее постоянные инсинуации Буйона и Кончини по поводу честности Сюлли и растущая нужда в деньгах, вызванная аппетитами королевы, ее фаворитов и принцев, привели к тому, что терпение министра лопнуло. 26 января 1611 года Сюлли подал в отставку с должности суперинтенданта финансов. После его ухода положение других министров Генриха IV стало очень непрочным: его отставка означала падение авторитета правительства и восхождение звезды Кончини.

Правление Кончини

Воля Марии Медичи была полностью подавлена. Лишенная ее еще будучи принцессой, она действовала или принимала решения по настроению или следуя ловко данным советам. С 11 лет Мария находилась во власти Леоноры Галигаи. Теперь, когда она стала королевой-регентшей Франции, то есть теоретически обладала неограниченной властью в королевстве, Леонора, которая по-прежнему воздействовала на сознание королевы, будет тем более использовать ее с выгодой для себя и своего мужа.

Начиналось время правления Кончини. Только государственный переворот 24 апреля 1617 года — убийство Кончино Кончини, совершенное с согласия Людовика XIII, если не по его настоянию, положит конец форменному произволу фаворитов в финансах и правительстве Франции. Никогда еще в этой стране не видели, чтобы чета иностранцев обладала такой огромной властью в течение столь долгого промежутка Бремени — с 1610 по 1617 г. — и пользовалась властью настолько бессовестно. В успехе Кончини главную роль играла Леонора. Она необычайно ловко умела использовать свое неограниченное влияние на королеву.

Первым знаком проявления милости к чете была передача аббатства Мармутье брату Леоноры в начале июня 1610 года. Новый аббат был столяром. По словам л'Этуаля, «эта важная персона выучилась писать четыре года назад, но не была особенно сильна в этом».

В конце августа Леонора на деньги королевы покупает маркизат Анкр, в сентябре — губернаторство Перонна, Руа и Мондидье — трех главных крепостей на границе Пикардии. Как владелица маркизата Анкр Леонора была освобождена от уплаты всех пошлин и налогов.

27 сентября новый маркиз д'Анкр получает должность первого дворянина при малолетнем короле Людовике XIII. Сделка оказалась выгодной: за 64 000 экю, опять-таки данных королевой, Кончини получил одно из самых престижных мест при дворе: он — второе лицо после обершталмейстера. Теперь он владеет титулом «светлейший» и правом въезжать в Лувр верхом.

В намерения фаворита никак не входило остановиться вовремя: 9 февраля 1611 года он назначен королевским наместником Пикардии, то есть ее главнокомандующим. В июне становится губернатором Амьена. Теперь он равен принцам. Всего год потребовался ему после смерти Генриха IV, чтобы стать

одним из первых среди французской знати.

Он получил не только почести, но финансовую и политическую власть. В июне 1610 года Кончини назначен членом Совета по финансам. Он входит в самый влиятельный совет, который Мария Медичи учредила, чтобы управлять страной: «Совет маленькой чернильницы». В него входят самые близкие королеве люди: Леонора, Кончини, врач Дюре; трое министров: Вильруа, канцлер Сильери и глава парламента Жаннен; двое придворных свиты королевы: Арно д'Андильи и главный адвокат королевы Луи Доле. И еще трое, чье присутствие весьма неожиданно в этой компании, но дает ключ к осмыслению политики Марки Медичи: папский нунций, посол Испании и отец иезуит Коттон — духовник королевы. Церковь и чета Кончини: вот вокруг чего строится управление Францией.

Огромная власть — повод для сплетен. Сюлли утверждает, что Кончини — любовник королевы. По улицам гуляет песенка:

> Если бы у королевы
> В животе был младенец,
> То он был бы очень черным,
> Потому что он был бы д'Анкром[4].

Коронация Людовика XIII

Самым трудным для королевы было укрепить власть юного Людовика XIII, освятив его законность в глазах французского и европейских дворов. Недалеко было то время, когда корона Франции продавалась с молотка главарями лиги, а семья д'Антрагов, возможно, виновная в убийстве короля, продолжала угрожать законности брака Генриха IV с Марией Медичи. Если бы обещание короля вступить в брак с Анриеттой д'Антраг было признано имеющим силу, то ее сына, юного Вернея, могли провозгласить королем вместо Людовика XIII. Поэтому следовало немедленно пресечь вероятные интриги Анриетты.

Сразу же после смерти Генриха IV Мария позаботилась о том, чтобы встретиться с маркизой де Верней. Королева, со своей стороны, гарантировала безопасность Анриетты, а та, в свою очередь, обещала воздержаться от любого заговора и любых интриг. Но разве можно было доверять обещаниям маркизы? Только коронация юного Людовика могла обезопасить его от любых нападок по поводу его законности.

Уже с июля 1610 года Мария Медичи начинает действовать, а в Париж прибывают послы. Они зорко наблюдают друг за другом, чтобы понять — сохраняется или круто меняется внешняя политика Генриха IV.

Настоящим событием становится прибытие герцога де Фериа — посла Филиппа III Испанского. Ему доверена чрезвычайная миссия: предложить Марии Медичи заключить два брака: Людовика XIII со старшей дочерью короля Анной Австрийской и Елизаветы Французской, старшей дочери Генриха IV и Марии Медичи, с инфантом Филиппом, наследником испанской короны.

Посол Испании прибывает в Париж с большой помпой 8 сентября 1610 года, а 11 сентября Людовик XIII дает ему аудиенцию. Юный король прекрасно повторил вызубренный урок, произведя большое впечатление на посла и его спутников: «Мы благодарим короля Испании, нашего брата, за то, что он помнит о нас, и заверяем его, что любим его так же, как и покойный король, наш отец». В этом выражении доброй воли проскальзывала некоторая ирония, если вспомнить, что за отношения были у Генриха IV с Испанией. При этих словах потрясенные испанцы осенили себя крестным знамением.

Через несколько дней прибыл посол Англии лорд Уоттон. Во время аудиенции у короля он вручил ему Орден Подвязки. Беседуя с послом, Людовик XIII поразил всех своими мудрыми

ответами. 21 сентября 1610 года он подписал первый договор своего царствования — оборонительный и наступательный союз с Англией.

Отъезд двора в Реймс был первоначально назначен на 30 сентября, но перенесен из-за дождя. Правда, была еще одна причина перекоса: суеверная Мария Медичи назначила отъезд на 2 октября — годовщину своего собственного отъезда из Флоренции после вступления в брак по доверенности с Генрихом IV. Людовик XIII ждал с радостным настроением. Без четверти восемь он выехал из Парижа, пообедал в Ливри, заночевал в Френе. На следующий день прибыл в замок Монсо-ан-Бри, где королева решила провести несколько дней. Там Людовика ждало много развлечений: он гулял в парке, охотился, участвовал в состязаниях по стрельбе из арбалета. Он был восхищен ловкостью одного из его гостей — итальянца Спини, который был способен попасть в игольное ушко и поразить пулю, выпущенную из другого арбалета.

Затем двор отправился в Реймс, где с 14 по 19 октября проходили торжественные церемонии. Маленький король, которому только что исполнилось 9 лет, еще больше, чем прежде, вызывал всеобщее восхищение своим достоинством и сознанием королевского сана и долга. Огромная толпа штурмом брала подмостки, специально для нее устроенные, чтобы увидеть церемонию: последним в Реймсе короновался Генрих III, а Генрих IV устроил свою коронацию в Шартре. Помазание короля святым елеем состоялось 17-го. 18-го Людовик XIII получил орден Святого Духа.

Плавное течение церемоний было тем не менее подпорчено распрями принцев из-за первенства, что только углубило существовавшие между ними разногласия.

Итак, коронация ничего не решила. Внутренние проблемы только усиливались, отбросив на второй план проблемы внешние, что способствовало исчезновению Франции с международной арены на несколько лет. После урегулирования дела о наследстве Клевском и Жюлье с французской вооруженной силой в Европе уже перестанут считаться.

Военная экспедиция в Жюлье

Поход в Жюлье был задуман Генрихом IV и начал осуществляться им незадолго до его смерти. Уже были собраны две крупные армии: одна в Шампани — ее целью был Жюлье, а другая из Дофине должна была направиться в Савойю и Пьемонт в качестве отвлекающего маневра в итальянских владениях Испании, чтобы не дать ей возможности вторгнуться в Германию. Но со смертью короля, казалось, этим планам сбыться не суждено: зная о приверженности Марии Медичи делу католицизма, все считали, что она откажется от похода против двух главных сторонников этого дела в Европе — императора и короля Испании.

Но королева ничего не желала менять в политике Генриха IV, и даже проект испанских браков не мог заставить ее отказаться от выполнения задуманного ее мужем.

Сражаться предстояло с силами Католической лиги, лидером которой был Максимилиан Баварский. Теоретически, короля Испании и императора этот конфликт не касался. Правда, необходимо было выяснить, какую позицию они займут, когда французская армия подойдет к границе Люксембурга (зависевшего от Испанской короны) и Германии, чтобы направиться к Жюлье. Сначала они сделали вид, что отказывают в проходе, но потом изменили мнение и дали свое разрешение.

В конце июля силы протестантской унии под командованием князя Анхальтского в ожидании французских войск осадили Жюлье. В конце августа подошли французские войска с маршалом Ле Шатром во главе и взяли крепость штурмом. Успех был быстрым и без особых жертв. Эта краткая прогулка французской армии удовлетворяла тщеславие Марии Медичи, которая сделает взятие Жюлье одним из главных сюжетов посвященного ей цикла Рубенса. Но фактически эта победа стала первым этапом уничтожения внешней политики Генриха IV!

Одновременно с этим Мария решила отказаться от совместного выступления с Савойей, нарушая, таким образом, союзнический договор и отказываясь выплатить обещанные Францией субсидии.

Больше того, Генрих IV пообещал выдать замуж свою старшую дочь Елизавету за князя Пьемонта — старшего сына герцога Савойского и наследника трона. А теперь, когда Мадрид предлагал заключить брак Елизаветы и наследника испанской короны, можно ли было сравнивать дружбу Савойи и Испании? Посол Марии, следуя полученным от королевы инструкциям,

предложил герцогу Савойскому просить для князя Пьемонтского руки одной из дочерей Филиппа III. Это означало, что герцога Савойского отдавали Мадриду.

Добавим, что Мария Медичи разорвала соглашение с Савойей, предварительно ничего не получив от Испании: ни ухода испанских армий из герцогства Миланского, ни официального обещания брака между Елизаветой и старшим сыном короля Испании. Герцогу Савойскому пришлось унизиться перед Испанией. 22 января 1611 года его сын Филиберт отправился в Мадрид и на коленях передал Филиппу III Испанскому документ, в котором герцог Савойский полностью объявлял себя покорным воле короля Испании и умолял избавить его государство от войны. Филипп III внимательно прочитал его, а потом театральным жестом разорвал, заявив Филиберту, что, учитывая его шаг и в виду заступничества папы, он согласен не воевать против герцога Савойского.

За предательство Марии Медичи по отношению к Савойе Филипп III Испанский заплатил ей, подтвердив официально свое желание осуществить двойной брак между королевскими фамилиями Франции и Испании. Узнав об этом, Мария буквально подпрыгнула от радости и поспешила возблагодарить за это Господа. Некоторое время спустя она заявила послам, что уже любит инфанту Анну Австрийскую и жаждет встретить ее как свою родную дочь.

Но для заключения этих браков понадобится еще пять лет, в течение которых Марии Медичи и ее происпанскому окружению придется бороться с приверженцами внешней политики Генриха IV. Испанские браки окажутся в самом центре проблем внутренней политики Франции и предоставят принцам удобный способ скрыть стремление к власти, интригам и деньгам, которое теперь увеличивалось изо дня в день.

Возвращение принцев

Провозглашение регентства прошло гладко только благодаря герцогу д'Эпернону и отсутствию двух наиболее значительных принцев — графа Суассона и принца Конде. Но возвращение принца Конде ознаменовало начало волнений.

После смерти Генриха IV принц написал Марии Медичи, что хотел бы вернуться во Францию и повиноваться ей. Его мать, принцесса Конде, тоже выступила в защиту сына, и Мария дала себя уговорить, разрешив ему вернуться. Из Милана принц направился во Фландрию, где находилась его жена — Шарлотта де Монморанси. Их отношения вошли в хронику той эпохи. Конде то заявляет, что никто — даже королева Фракции — не заставит его вернуться с принцессой, поскольку он никогда не помирится с ней и не желает быть ей мужем, то вдруг прощает принцессу, любит и дорожит ею, когда Шарлотта грозит ему разводом.

Все считали, что в конце концов Конде договорится с Шарлоттой, потому что это ему выгодно: в результате ссоры его врагом может стать тесть — коннетабль де Монморанси со всей своей семьей и многочисленными союзниками. В характере принца сочетались нерешительность, противоречивость, непостоянство с грубостью и неумеренной страстью к деньгам.

Как было Марии не ожидать самых худших неприятностей от возвращения в Париж взбалмошного принца? Его имя, ореол мученика, который его окружал вследствие ссор с Генрихом IV, заставят других принцев искать с ним союза. Самым проворным оказался граф Суассон: он послал одного из своих дворян в Брюссель с приглашением поселиться у него, когда принц будет в Париже. Принц Конти и герцог Гиз написали ему, что готовы выехать для встречи его на границе. Встревоженное правительство Марии Медичи предложило Конде 300 000 ливров при условии, что он не будет вмешиваться в интриги. Казалось, что принц Конде понял необходимость осторожной сдержанности и через секретаря сообщил королеве, что не намерен вступать ни в одну партию, кроме партии верных слуг регентши. 16 июля принц Конде въехал в Париж.

Аудиенция в Лувре продолжалась не больше четверти часа: принц стал на колени перед Людовиком XIII, но тот поднял его и обнял. Затем Конде стал на колени перед королевой-матерью, а та, сказав ему несколько приветливых слов, уверила в своей милости. Принц занял особняк Гонди, предоставленный в его распоряжение Марией Медичи, который она вскоре ему подарит.

В последовавшие за этим дни парижанам казалось, что вернулись смутные времена. Принцы прибывали в сопровождении ста, ста пятидесяти, двухсот внушающих ужас всадников. Ополчение было приведено в состояние боевой готовности. Знатные вельможи в панике. Даже Конде ей поддался, несмотря на то, что сам был одним из ее виновников. Д'Эпернон, Сюлли, Гиз окружают себя вооруженными дворянами, Буйон прячется у Конде. В Париже поговаривают о повторении Варфоломеевской ночи, и многие протестанты покидают столицу.

Выведенная из себя безосновательной тревогой Мария приказывает городским властям взять на себя поддержание порядка в столице, а затем сообщает вельможам, что лишит содержания любого дворянина, состоящего на службе короля, если он будет сопровождать какое угодно другое знатное лицо. Вскоре Конде и принцы притихли.

Чтобы подчеркнуть безусловное вступление в правительство регентши, Конде снова занимает в парламенте место первого принца крови и вызывает к себе жену. Но за королевой ловушка уже захлопнулась: примирение Конде и Конти, которого она так добивалась, сопровождалось для последнего увеличением его содержания на 72 000 ливров и обещанием первого вакантного губернаторства. Принц Конде и его мать получили ежегодное содержание в 240 000 ливров.

Щедроты как из рога изобилия посыпались на обрадованных вельмож. Оказывается, чтобы получить, достаточно попросить. Суассону Мария Медичи подарила 500 000 ливров, Кончили выдана сумма, необходимая для покупки владений. Принцы, увидев в итальянце-фаворите конкурента, сговорились и один за другим оставили свои места при дворе, дав понять, что вернутся только в том случае, если Мария Медичи проявит щедрость. Буйон вернулся в Седан, Конде разъезжал по Нормандии и Бургундии, а Гиз грозил отправиться в Прованс. По поводу герцога Невэрского, удалившегося в Шампань, посол Флоренции Аммирато простодушно написал: «Герцог Невэрский, который находится сейчас в своем губернаторстве в Шампани, просит у Ее Величества, как говорят, крупную сумму, чтобы заплатить свои долги, но неизвестно, получит ли он ее. И неудивительно, если он взбунтуется по этому поводу, потому что он ничего не получил, когда давали всем».

Проблема режима

В конце 1610 года Бурбоны, объединившись с Конде, Суассоном и Гизами, бросили Марии Медичи вызов более серьезный, чем требования денег: они усомнились в законности регентства. Снова для Марии начался кошмар, который она переживала в те времена, когда Анриетта д'Антраг высказывала сомнения в законности брака Генриха IV с принцессой Тосканской. Но теперь предметом яростных нападок стали полномочия Марии как регентши и даже те обстоятельства, в которых она получила этот титул.

В 1610 году, когда умер Генрих IV, Марии Медичи пришлось бы разделить регентство с ближайшими родственниками юного короля, то есть с тремя принцами крови — Конде, Конти и Суассоном. Но еще около двенадцати принцев имели право потребовать свою часть власти, и тогда пришлось бы выбирать между узким советом из четырех членов — Марии Медичи, Конде, Конти и Суассона — и расширенным советом из пятнадцати членов. При этом и тот и другой советы возглавляла бы Мария Медичи. Но, к несчастью для Конде и Суассона, они были далеко от Парижа, и благодаря решительности д'Эпернона и министров Генриха IV, как мы уже видели, Мария была провозглашена единоличной регентшей королевства. Теперь это стало уже свершившимся фактом, но принцы, оправившись от первого изумления, спохватились и попытались поставить под сомнение законность регентства.

Кроме того, они заявили, что в мае 1610 года никто не спросил мнения Генеральных штатов, потому что королева ограничилась только признанием ее в качестве регентши Парижским парламентом. Принцы требовали, чтобы были созваны Генеральные штаты для решения конституционной задачи первоочередной важности.

Но Мария имеет на руках свои козыри: внутри страны царит мир, во внешней политике правительство королевы продолжает политику Генриха IV, намечая сближение с Испанией.

Во всем этом ей помогают удача и люди, работающие рядом с ней: бывшие министры Генриха IV, послы Флоренции и Испании, нунций, ловкий Кончики, который верно служит королеве, защищая ее от тех, кто покушается на власть, удовлетворяя при этом свои собственные аппетиты. Удачно сложилось, что на момент смерти короля Конде и Суассона не было в Париже, а в 1612 году Суассон — самый умный и опасный из принцев —

внезапно умер.

С такой поддержкой Мария Медичи могла бы, по крайней мере теоретически, вести твердую политику. Но слишком рано начали проявляться ее нерешительность и неподготовленность, на дерзость она не умела ответить высокомерно или резко. Перед лицом опасности королева начинает искать окольных путей, если не уверена в своей силе, а сильного противника сразу же пытается купить, если не может сломить его сопротивления. Ей не хватает здравого смысла: она не умеет распределять свои щедроты, потому что не чувствует реального соотношения сил.

Но когда будут исчерпаны все возможности военной казны, в оплату за преданность ей придется проявить твердость и решительность, и она сможет действовать энергично.

В начале декабря Конде начинает требовать немедленной выплаты 800 000 ливров за моральный ущерб, нанесенный короной его семье во время религиозных войн. Помимо этого он потребовал титул коннетабля после смерти герцога де Монморанси и право назначать наместников в Гиени. Пока его требования не будут удовлетворены, он отказался присутствовать в совете. Больше того, начал настоящую кампанию в целях созыва Генеральных штатов, чтобы отдать на их рассмотрение конституционную проблему регентства.

Другие принцы не могут остаться в стороне. 10 декабря герцог д'Эпернон требует права въезжать во двор Лувра в карете и приказывает избить офицера, который его не пропускал. 17 декабря принц Конде, не сказав ни слова, уехал из Парижа в свои бургундские владения. На следующий день уехала его жена. А Суассон, который сначала объявил о своем возвращении в Париж, передал теперь королеве, что остается в Нормандии для инспекции укреплений и снабжения крепостей этой провинции.

Такая наглость возмутила многих. Осуждали слабость королевы и бесстыдство принцев. Но в этот момент герцоги Гиз и Майеннский, его дядя и ветеран лиги, глава дома Гизов, являются к королеве, чтобы заверить ее в абсолютной преданности их семьи. У Майенна даже наготове совет отправить Конде в Бастилию, поближе к графу д'Оверню.

Так распалась коалиция принцев. Мария Медичи приказывает Суассону немедленно вернуться в Париж: уже 23 декабря он является к королеве с извинениями. Конде вернулся в Париж 29 декабря без всяких церемоний и больше не заикался о созыве Генеральных штатов.

1611-й

Но, к несчастью, в первые дни 1611 года от воодушевления Марии Медичи, проявленного в декабре 1610-го, не остается и следа. 3 января разгорится ссора между Бельгардом и Кончини: кто из них будет спать в комнате, ближайшей к спальне короля? Страсти разгорелись, Кончини бросил вызов Бельгарду. Королева пытается предотвратить дуэль и вернуть Кончини в Лувр. На следующий день Суассон торжественно примиряет обоих противников. Но при дворе уже бушуют страсти.

Конде воспользовался этим, чтобы снова заявить о своих требованиях. Мария решает их удовлетворить. Узнав об этом, принц, перед этим сказавшийся больным, вдруг чудесным образом выздоравливает и бросается к ногам королевы, чтобы выразить ей свою вечную признательность и заверить в искренней преданности. В тот же день королева дала согласие на брак герцога де Гиза и мадам де Монпансье — одной из своих ближайших подруг, имевшей поистине княжеское приданое. Облагодетельствовав одновременно Гизов и Конде, королева решила, что с требованиями таким образом покончено, но вызвала только новый шквал просьб.

Милости и щедроты королевы по отношению к Гизу и Конде вызвали гнев и зависть Суассона и Конти… Суассон требует для своего сына руки мадемуазель де Монпансье — самой богатой наследницы королевства, которую Мария Медичи прочила замуж за своего младшего сына — герцога Орлеанского, но королева не могла лишить невесты собственного сына.

Принц Конти оказался причиной столкновения, которое чуть было не привело к бунту. Он был в совершенно мрачном настроении после милостей королевы к Конде. Пустяковый эпизод — столкновение двух карет и последовавшая за этим брань кучеров, как оказалось, служившим Конти и его брату Суассону — вызвал ссору двух принцев и чуть было не привел к дуэли.

Суассон не принял всю историю всерьез и попросил Марию отправить к Конти Гиза, чтобы его успокоить (напомним здесь, что принцесса де Конти — сестра Гиза). Герцог отправился в особняк Конти в сопровождении около шестидесяти дворян. Мимо дворца Суассона он проезжал с таким шумом, что граф послал предупредить Конде и его друзей, которые собрали более 200 всадников. Они медленно проехали по улицам Парижа, бросая тем самым вызов герцогу де Гизу. Потом направились в Лувр, где Конде и Суассон жаловались Марии на наглость Гизов:

Бурбоны выступили против Гизов, страсти разгорелись, двор разделился. Невэр, Вандом, Бельгард, д'Эпернон, Сюлли, Роан стали на сторону Гизов. Кончини оказался в лагере Конде и Суассона. Волнение было таково, что пришлось удвоить охрану Лувра, отдать приказ парижскому ополчению вооружиться и протянуть цепи через улицы. В течение двух дней продолжались бесполезные переговоры.

А потом, на третий день, внезапно все стихло. Герцог Майеннский сыграл роль благородного отца и произнес слова примирения, не забыв при этом подтвердить верность свою и своей семьи королеве.

В результате всей этой истории престиж Марии Медичи только укрепился. Она торжествовала, но все-таки предусмотрительно приказала привести поближе к Парижу несколько сотен вооруженных дворян на случай повторения подобных инцидентов.

Внутри страны спокойствие сохранится до конца года. Благодаря идее герцога Майеннского появился трактат *Об аристократической монархии,* в котором утверждается, что женщин нельзя допускать к управлению государством. Королева-мать приказала сие писание уничтожить, но автора простила.

На ассамблее протестантов в Сомюре Сюлли неловко пытался перевести свою личную неприязнь к королеве в столкновение протестантов с католиками. Но большинство протестантов сохраняли спокойствие: они получили новые уступки от королевы: крепости оставлены им еще на пять лет, увеличены жалованья пасторам при условии, что их назначение будет одобрено королевой.

Неуклонно растет могущество Кончини. Лавирование между двумя кланами дало хорошие результаты, и теперь уже не слышно о созыве Генеральных штатов, которого принцы так бурно требовали в конце 1610 года.

Когда в последние дни ноября 1611 года королева сообщает, что рассчитывает увидеть принцев в Париже на Рождественские праздники, все беспрекословно повинуются. Королеву не слишком огорчили две смерти при дворе: герцогов Майеннского и Николя Орлеанского. Она собирается воспользоваться присутствием принцев в Париже, чтобы заставить их стать гарантами некоторых изменений, которые она внесла во внешнюю политику Генриха IV.

Уведомление об испанских браках

Во время рождественских праздников и в начале января 1612 года около 6000 дворян толпятся при дворе, надеясь получить содержания и должности. Снова начинаются стычки между сторонниками Гизов и Бурбонов, снова вооружается парижское ополчение.

Желая показать принцам границы их могущества, Мария Медичи приказывает ввести в Париж часть войск, расквартированных на подступах к столице, а 22 и 23 января Людовик XIII с внушительным эскортом в сотни рейтар отправляется на охоту. За этой демонстрацией силы немедленно — 26 января 1612 года — последовало официальное объявление об испанских браках.

На совете канцлер сообщил, что в связи с изменением политической ситуации королева была вынуждена выбрать для мадам Елизаветы другую партию, которая больше бы соответствовала требованиям данного момента. Заботясь единственно о том, чтобы вручить своему сыну королевство во всех отношениях благополучное, она полагает, что брак Елизаветы с наследником Испанской короны является в этой перспективе самым подходящим средством для обеспечения мира. Гизы и их друзья поддерживают происпанскую политику королевы. Конде и Суассоны этим возмущены. Суассон негодует: «Короля женят, а нам сообщают об этом как о свершившемся факте… Министры не имеют права принимать решения и действовать. И если королева является регентшей, то почему мне ничего не известно о том, что для ее избрания собирались Генеральные штаты, разве король Генрих указал в завещании, что парламент Парижа имеет право ее выбирать? Как раз наоборот. И если все-таки Ее Величество претендует на право быть регентшей в силу завещаний других королей, то пусть посмотрит, как государство управлялось при этих королях: в то время ничего и никогда не решалось и не делалось без советов принцев и должностных лиц короны». Суассон отказывается явиться в Лувр и через некоторое время покидает Париж. Вместе с Конде они решили объединиться и не давать согласия на браки, пока их требования не будут удовлетворены.

Незадолго до масленицы испанский посол официально признал мадам Елизавету своей государыней. Это была тщательно подготовленная, пышно обставленная церемония. 25

марта, в 10 часов вечера в переполненной большой галерее Лувра, в присутствии принцев (за исключением Бурбонов), министров, маршалов Франции, крупных придворных сановников, дон Иниго де Карденас, приветствовав короля, преклонил колени перед мадам Елизаветой, одетой на испанский манер в платье из серебряной ткани, отделанное золотом. Присутствовавшие испытывали гордость и удовольствие. Одни с удовлетворением видели, как Франция объединяется с самой католической нацией Европы. Для других в этом было нечто вроде победы над историей: представитель Мадрида на коленях перед старшей дочерью Генриха IV.

По случаю масленицы на Королевской площади была устроена Карусель (конные состязания). Турнир начался 5 апреля и длился три дня. Его девиз — борьба за Замок Счастья. Часть рыцарей его охраняет, а другая стремится им овладеть. Улицы Парижа ярко освещены, по ним в сопровождении многочисленной свиты проезжают король и королева-мать, приветствуемые толпой. На почетном месте посол Испании. Апофеозом праздника становится грандиозный фейерверк над Замком Счастья.

В следующие несколько дней Людовик XIII заболел и был вынужден оставаться в постели. 12 апреля его состояние ухудшилось и выяснилось, что у него оспа. Но через несколько дней король поправился. Теперь Мария Медичи могла, наконец, заняться тем, что считала целью номер один: возвращением Конде и Суассона. Переговоры с принцами крови пока не увенчались успехом, но после праздников, продемонстрировавших огромную популярность короля, Бурбоны, предоставив свободу действий Гизам, могут на совершенно законных основаниях встревожиться, видя, как их противники единолично пользуются успехами происпанской политики, ревностными пропагандистами которой они остаются.

Мария поручает Кончини, Вильруа и Сильери вести переговоры с принцами, результатом которых явился пакт в Монтиньи 23 мая 1612 года. Конде и Суассон согласились поставить свою подпись под брачными договорами, а в обмен королева пообещала ничего не предпринимать в будущем без их участия и дала им по крепости.

Со свитой в 700–800 всадников Конде и Суассон 31 мая возвращаются в Париж. А два дня спустя отправляются в Фонтенбло, где находится двор. Мария стремится как можно скорее получить подпись принцев. На малом Совете зачитываются брачные контракты, в преамбуле которых ясно указывается, что три принца крови, названные поименно — Конде, Конти и Суассон, — дают согласие, предварительно ознакомившись с

этими документами. Принцы соглашаются. Но стремятся как можно быстрее получить крепости и, пользуясь моментом, требуют дополнительных милостей. Суассон требует женить своего сына на мадемуазель де Монпансье, а Конде по-прежнему хочет стать коннетаблем после смерти герцога де Монморанси. С тем, что касается Суассона, королева после Запорного сопротивления в конце концов соглашается и решает поговорить об этом с опекунами девушки — герцогом д'Эперноном и кардиналом де Жуайезом. Оскорбленные, они воспротивились: если считалось, что мадемуазель де Монпансье достойна стать супругой брата короля, разве не унизительно будет теперь ее выдать замуж за простого принца? Что касается титула коннетабля, то министры ответили, что до совершеннолетия короля располагать им нельзя.

Не удовлетворив просьб Конде и Суассона, королева все-таки смогла повести себя с ними так, что оба решили воздержаться от своих требований и подтвердили обещание подписать контракты на официальной церемонии.

Торжественная церемония подписания контракта состоялась 25 августа 1612 года. Это было победой Марии Медичи. В честь чрезвычайного посла Испании герцога де Пастрана королева устроила пышные празднества. 26 августа роскошный бал, потрясший воображение, устроила Маргарита де Валуа. Через несколько дней пришло сообщение, что 22 августа в Мадриде король Филипп III, его старший сын принц Астурии (будущий Филипп IV), инфанта Анна Австрийская и главные сановники Испанской короны подписали контракт. 11 сентября 1612 года чрезвычайный посол покинул Париж, увозя с собой великолепные подарки Марии на 60 000 ливров.

Посольство не прошло без трений: французы упрекали испанцев в отсутствии гибкости, а испанцы французов — в распущенности и легкомыслии.

Выяснилось, что брачный контракт не содержит никакой статьи о союзе двух королевств. Брачный союз не становится поводом для политического соглашения. Каждая из принцесс отказывается от прав на корону своей семьи, за каждой дается приданое в сумме 500 000 золотых экю и, кроме того, на словах обе страны обещают помощь в случае необходимости. Но важно не столько содержание контракта, сколько психологический эффект испанских браков, а их политические последствия не замедлят вскоре проявиться в серьезных проблемах — как внешних, так и внутренних.

Трудности с Савойей. Английский брак

Первые трудности возникли в связи с Савойей. Герцог не смирился с тем, что не было выполнено обещание Генриха IV женить его сына на Елизавете, и попытался сначала заручиться поддержкой Суассона и Конде в борьбе против политики испанских браков. Поняв, что его усилия тщетны, он попытался оказать давление теперь на королеву-мать, мешая ее внешней политике. Он намеревался начать переговоры по поводу брака его сына с другими дворами, надеясь, таким образом, заставить французское правительство уважать соглашение, заключенное Генрихом IV и герцогом Савойским, или, по крайней мере, заставить дорого заплатить за разрыв этого соглашения.

Поэтому он попросил для своего сына руку Анны Австрийской. Испанское правительство открыто насмехалось, но герцог упорствовал в своей просьбе. В действительности, он нисколько не надеялся на успех, потому что одновременно вел гораздо более серьезные переговоры с Англией. У короля Якова I была дочь Елизавета, которую герцог охотно сделал бы женой своего сына. Король был не против, но герцог выдвинул несколько условий: разрыв союза между Англией и Францией, прекращение переговоров Парижа и Лондона по поводу брака старшего сына Якова I Генриха, принца Гэльского, и второй дочери Марии Медичи принцессы Кристины.

Мадрид отказывает герцогу Савойскому, даже когда он начинает просить для своего сына руки любой дочери испанского короля, но использует ситуацию, чтобы заставить герцога вступить в тесный политический союз с Испанией.

Яков I Английский решил нормализовать свои отношения с Испанией, и идея брака принца Гэльского с одной из дочерей Филиппа III рассматривалась его правительством. Но он обеспокоился, видя, что Франция в этом опередила. Поэтому посол Англии в Париже выражает открытое неодобрение и не присутствует на празднествах по случаю объявления испанских браков. Такое поведение вынуждает Марию приложить усилия, чтобы ускорить переговоры о браке принца Гэльского и ее дочери Кристины.

Королева отправила в Лондон чрезвычайного посла — протестанта, одного из самых значительных принцев королевства герцога де Буйона. Ему поручено официально ознакомить Английскую корону с проектом контракта двух испанских браков и убедить короля, показав ему текст контрактов, что в них нет никаких политических статей. Но одновременно с Буйоном в

Англию отправился чрезвычайный посол короля Испанского с предложением руки второй дочери Филиппа III принцу Гэльскому. Итак, король Англии мог выбирать: Париж или Мадрид. Герцог Савойский изо всех сил стремится отвлечь Англию от французского брака и, как будто всей этой путаницы ему показалось недостаточно, предложил заключить брак принца Гэльского с одной из его дочерей.

Все тщательно взвесив, Яков I высказался за заключение французского брака: союз с Испанией вызовет многочисленные внутренние сложности, а союз с Савойей не был достаточно привлекательным в плане внешней политики. В сентябре Лондон дал свое принципиальное согласие на переговоры по поводу брачного контракта принца Гэльского и мадам Кристины, а герцог Савойский потерпел двойное поражение: дочь Якова I Елизавета была выдана замуж за курфюрста Пфальцского — одного из наиболее значительных князей-протестантов Германии.

Тогда герцог Савойский начинает требовать для своего сына руку мадам Кристины: ему пообещали старшую, но он готов согласиться на вторую дочь и считает, что право первенства принадлежит ему, а не королю Англии. Французское правительство оказалось в растерянности: доводы герцога не лишены оснований и не стоит отталкивать от себя государя, изворотливость которого всем известна и которого Генрих IV с большим трудом повернул от открытой враждебности по отношению к Франции к тесному союзу. Но Мария Медичи и слышать ничего не хочет. Она рассматривает интриги герцога Савойского в Лондоне и Мадриде как личное оскорбление и готова мстить. А с другой стороны, она не отдаст своей второй дочери одному из самых бедных государей христианского мира. Королева-мать решила, что Кристина будет королевой Англии.

Парижу и Лондону осталось заключить последнюю сделку. Английский король набивает цену и требует, чтобы приданое мадам Кристины составляло 2 700 000 ливров, в то время как Елизавета принесла 1 500 000 ливров. Но королева-мать дает свое принципиальное согласие увеличить сумму при условии, что дело не будет предано огласке, хотя Кристине нельзя дать больше, чем Елизавете.

Добрая весть передана в Лондон, который готовится дать свое окончательное согласие, как внезапно умирает принц Гэльский, простудившийся во время прогулки верхом. Новым принцем Гэльским становится его брат. Яков I предпочитает отложить пока заключение брака.

Переговоры остановились и будут возобновляться только от случая к случаю вплоть до лишения Марии Медичи власти. Она уже не будет участвовать в переговорах Люиня, а потом Ришелье, которые приведут к браку Кристины и сына герцога Савойского и к браку третьей и последней дочери Марии мадам Генриетты с принцем, который к тому времени станет королем Карлом I Английским.

Могуществе Гизов

Теперь Мария Медичи достаточно сильна, чтобы держать принцев в ежовых рукавицах. Подписав договор о двойном испанском браке, Суассон и Конде возобновляют требования о предоставлении крепостей, ссылаясь на пакт в Монтиньи. Но королева нисколько не намерена выполнять свои обещания. Суассон попробовал было обидеться, но вернулся в Париж, как только королева начала сердиться.

Авторитет королевы был восстановлен. Ее тетка, великая герцогиня Тосканская, в ответ на похвалы Французской короне, раздраженно заметила, что ее успехи — более результат Божественного Провидения, чем прозорливости ее племянницы. Когда об этом донесли Марии, она немедленно вызвала флорентийского посла, сурово отчитала его и потребовала письменных извинений от герцогини, которой оставалось только повиноваться.

Испанские браки значительно увеличили претензии Гизов. Марию это тревожит, и она своими придирками пытается показать притязательной семье, что власть им не принадлежит. Герцог де Гиз немедленно отправляется в свое губернаторство Прованс, а его друг Бельгард — в Бургундию.

Королева быстро реагирует на созыв протестантами своей политической ассамблеи в Ла-Рошели, что явно было следствием сближения с Испанией, которое вызывало опасения лидеров реформистской партии: она приказывает протестантам отменить ассамблею, укрепляет связи с муниципалитетами главных протестантских городов, в глубине души довольных регентством, которое сохраняет мир, и привлекает на свою сторону герцога де Роана — единственного принца-протестанта, имевшего качества военачальника и способного доставить неприятности королевскому правительству.

Новая линия поведения Марии Медичи впечатляет, но нисколько не снимает глубоких причин постоянного брожения умов с первых дней регентства. По-прежнему остается открытым вопрос законности самого регентства, аппетиты принцев, соперничество кланов Бурбонов и Гизов, проблема протестантской партии, позиции которой неуклонно подтачиваются распространением Контрреформации.

И теперь Марию начинают упрекать в чрезмерном проявлении власти и резкости. Суассон собирает вокруг себя друзей и недовольных. Но неожиданно заболевает оспой и 31 октября 1612 года умирает.

Итак, Господь распорядился избавить королеву от вечного смутьяна, который, будучи принцем крови, считался практически неуязвимым. Мария немедленно забирает себе губернаторство Нормандии и уменьшает содержания, которые получал Суассон. Клан Бурбонов теряет с его смертью настоящего лидера: бездетный принц Конде не особенно умен, принц Конти, тоже не имеющий детей, — практически глухой и заика. В результате значительно усилились позиции семьи Гизов. Это настолько хорошо понимает герцог де Гиз, что, едва достигнув Прованса, тут же поворачивает назад в Париж.

В Северной Италии разворачиваются серьезные события по поводу Мантуанского наследства и поглощают все внимание королевы.

Мантуанское наследство (1613 г.)

В марте 1612 года умирает Винченцо Гонзага, герцог Мантуанский — родственник Марии Медичи. Наследником становится его сын Франческо, но и тот внезапно умирает 22 декабря 1612 года. Он оставил вдовой Маргариту — дочь герцога Савойского — и четырехлетнюю дочь Марию. Его брат кардинал Фердинанд Гонзага объявляется регентом до того момента, как Маргарита, утверждающая, что беременна, родит мальчика (тогда кардинал вместе с Маргаритой будут обеспечивать регентство) или девочку (в этом случае он станет герцогом Мантуанским).

В конце апреля 1613 году Маргарита вдруг признается, что она не беременна и в то же время заявляет о желании стать женой Фердинанда, что, естественно, только упростит дело. Но сначала она хочет навестить своего отца, герцога Савойского, с чем Фердинанд неосторожно соглашается, потому что в конце апреля герцог неожиданно захватывает главные города маркизата Монферрато, подчиняющегося Мантуе, кроме важной цитадели Казаль. Узнав о монферратских событиях, в Париже спешно собирают заседание совета.

Мария Медичи и ее правительство захвачены врасплох. Фердинанд — племянник Марии, поэтому она горит желанием прийти ему на помощь. Но Вильруа более осторожен: если герцог Савойский действовал с согласия Мадрида, то оказывать военную помощь нежелательно ввиду новой политики Франции и предстоящих испанских браков — это гораздо важнее, чем судьба герцога Мантуанского.

5 мая испанский губернатор Милана сообщил королеве-регентше, что герцог Савойский действует без его ведома, и мобилизует войска для восстановления прежнего положения. Французское правительство с облегчением воспринимает это как великолепный предлог не вступать в военные действия и ограничивается некоторыми мерами предосторожности.

Правда, королева недовольна политикой правительства: затронуты интересы ее семьи и, кроме того, ей важно сохранить верность договору между Францией и герцогством Мантуанским. Она готова немедленно вмешаться. Вильруа при поддержке Гизов всеми силами желает сохранить мир и сближение с Испанией и избежать новых военных затрат.

При дворе, однако, формируется партия дворян — сторонников военного вмешательства, готовых сражаться за

справедливое дело — защитить союзника Франции. Королева вспоминает о Конде, старом сопернике Гизов, который томится в добровольном изгнании, и вызывает его в Париж. На заседании совета он поддерживает позицию Марии Медичи, и большинством голосов принимается решение о военной экспедиции. Больше всего решение совета осчастливило юного Людовика XIII: «Мадам, я рад — надо воевать».

Вильруа и его партия пытаются остановить королеву, говоря, что для похода нет денег. Но Мария Медичи, при мысли о войне радуясь, как и ее сын, собирает против Савойи крупные силы — Тосканы, Венеции и — а почему бы нет — святого престола.

Из-за нехватки денег Марии удается послать на границу только несколько батальонов, однако воинственно настроенные французские дворяне потоком прибывают в Мантую. Но тут вдруг зашевелилась Испания: король написал Марии о том, что дал приказ губернатору Милана применить против герцога Савойского военную силу, если тот откажется вернуть герцогу Мантуанскому захваченные города.

Через несколько месяцев был заключен договор, по которому герцог Савойский передавал города Монферрато губернатору Милана в ожидании вынесения вердикта об обоснованности его претензий на Монферрато.

После заключения этого соглашения Конде и посол Мантуи убеждают Марию Медичи, что это дело оказалось выгодным только для Испании, но королева предпочитает слушать Вильруа и Гизов, которые доказывают ей, что король Испании выступил на стороне правительства Марии Медичи только потому, что боялся поссориться с Францией. Королева осыпает Гизов милостями. Кончини поспешил стать на их сторону, а Конде и два его верных союзника — герцоги Вандомский и Мэнский — покидают Париж.

Вскоре королева забросила все государственные дела: ее энергию полностью поглощают строительные работы в Люксембургском дворце, в котором она рассчитывает жить, когда ее регентство закончится.

Но внутренние волнения и ухудшение ситуации в Мантуе возвращают ее к суровой реальности: знать возмущена тем, что Кончили получает титул маршала, опустела казна, поэтому новые просьбы об увеличении содержаний знать воспринимает крайне недовольно, в Мантуе герцог требует от Франции помощи, чтобы забрать города Монферрато.

Взятие Мезьера и договор в Сен-Менеульд (15 мая 1614 г.)

В январе 1614 года Конде и другие принцы снова покидают двор, а перед этим собираются все вместе и принимают некоторые решения, которые доводят до сведения королевы: кроме привычного недовольства по поводу их недостаточного участия в управлении государством они отвечают на расплывчато высказанное желание Марии Медичи продлить свое регентство: как первый принц крови Конде в этом случае должен стать королевским наместником, и ничего не должно решаться без Генеральных штатов. Кроме того, они полагают, что внешняя политика слишком подчинена Испании и в связи с этим было бы желательно поменять министров и узнать мнение Генеральных штатов по поводу проблемы, которая затрагивает будущее нации.

Все это вызывает крайнее неудовольствие Марии. К тому же новости, пришедшие из Мезьера 18 февраля, свидетельствуют о том, что во Франции появилась опасность гражданской войны.

Герцог де Невэр, будучи губернатором города Мезьера, решил войти в цитадель, комендант которой подчинялся непосредственно королю. Комендант имел строгий приказ не впускать никого без специального письма короля, и запрет этот касался герцога, как и любого другого. Оскорбленный герцог не колеблясь приказал стрелять из пушки, чтобы ему открыли ворота крепости. Но после, осознав все значение своего поступка, поспешил написать королеве, что, сомневаясь в верности коменданта, он действовал таким образом в интересах короля.

Узнав об этом, Мария Медичи страшно разгневалась, приказала собрать войска и поручила командование Гизу и д'Эпернону, а к Невэру послала одного из своих дворян, чтобы побудить его сдаться до применения силы.

Но Невэр совершенно не собирался отдавать город, а в это время Конде распространил письмо к королеве, в котором были изложены требования принцев, основными из них являлись созыв Генеральных штатов и отсрочка заключения браков.

Однако Мария, продолжая собирать войска в Шампани, ловко обезвредила кризис, согласившись на созыв Генеральных штатов. Больше того: она заявила, что она сама этого желает и намерена сделать это в кратчайшие сроки.

Причина проста: через семь месяцев король становился совершеннолетним и королева нисколько не хотела рисковать

гражданской войной из-за власти на такой короткий промежуток времени. Но она хотела сохранить власть и после совершеннолетия короля: подобного еще не бывало, а решение Генеральных штатов никто не имел право оспаривать. Мария Медичи была уверена, что Генеральные штаты пойдут навстречу ее желаниям, потому что знала о непопулярности принцев и глубокой преданности народа монархии.

Но королева уже не могла оставаться в бездействии: принцы начинали собирать армию. Через де Ту она пригласила их приехать на встречу с ней в Суассон.

Принцы приехали в Суассон в сопровождении внушительного войска, поэтому Мария Медичи предпочла остаться в Париже и послала вместо себя Жаннена.

Кроме своих обычных требований созыва Генеральных штатов и отсрочки на один год испанских браков — королева легко на это согласилась — принцы потребовали разоружения королевской армии, что было посягательством на власть и честь короля и чего королева не могла допустить.

Но в игру вступил Кончини: ловкий парламентер, он сумел одних умаслить, а других обмануть, разрушив единство в лагере принцев. Официальные переговоры Жаннена и тайные Кончини (с согласия королевы, разумеется) шли параллельно. В итоге получилась веселая путаница: никто так и не понял, что обещано, а что — нет. В конце концов 15 мая 1614 года в Сен-Менеульд был подписан договор. Герцог де Невэр вывел из Мезьера свой гарнизон, армия принцев была распущена, Конде получил 400 000 ливров и губернаторство Амбуаза. Взамен никто и словом не обмолвился об испанских браках. Все были довольны, но фрондерство принцев дорого обошлось королевской казне.

Поездка в Нант

Одному герцогу Вандомскому ничего не пообещали, наоборот — все было готово для нападения на воздвигнутые им в Бретани укрепления. Для подавления сопротивления Вандома, сеявшего смуту в своем губернаторстве в Бретани, была собрана армия 20 000 человек, которую возглавил сам король. Мария вместе с мадам Елизаветой последовали за ним до Нанта.

Город восторженно встретил юного короля, а штаты Бретани, вынужденные в некотором смысле выбирать между законным сыном короля Генриха IV и бастардом герцогом Вандомским, быстро осознали свой долг. Вандом понял, что проиграл, и отдал королевским войскам все города в Бретани, которые он занимал.

Штаты Бретани умоляли Марию Медичи забрать губернаторство у Вандома. Но, боясь такой неосторожностью снова объединить принцев, королева решила оставить герцогу его губернаторство и должности. После чего королю и королеве-матери оставалось только возвратиться в Париж, увозя с собой дары штатов Бретани: 400 000 ливров получил Людовик XIII, Мария — 50 000.

Скоро закончится регентство Марии: 27 сентября 1614 года Людовик XIII становится совершеннолетним. Королева была одержима только одним: сохранить мир. И она смогла выстоять в борьбе с принцами, протестантами, с теми, кто хотел видеть, как она втягивает Францию в более активную внешнюю политику. Но за это ей пришлось дорого заплатить: разорением казны и государственной системы финансов, потерей Фракцией своего влияния в Европе.

Мария Медичи ощутила вкус к власти. Что такое совершеннолетие в 13 лет? Ее сын не в состоянии править сам, ему нужно давать советы и им руководить. А кроме того, чтобы насладиться сознанием выполненного долга, королева-мать должна преодолеть еще два серьезных препятствия: созыв Генеральных штатов и заключение испанских браков.

Глава IX
ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ 1614 ГОДА. ИСПАНСКИЕ БРАКИ

15 сентября 1614 года Мария Медичи прибыла в Париж. Она хотела лично проследить за приготовлениями торжественного вступления Людовика XIII в Париж, потому что стремилась превратить его в демонстрацию могущества по отношению к принцам и свидетельство преданности монархии со стороны народа.

Через несколько дней появилась еще одна возможность подогреть верноподданнические чувства жителей города: на Новом мосту при огромном стечении народа была установлена конная статуя Генриха IV.

В соответствии с законами королевства Людовик XIII становился совершеннолетним 27 сентября 1614 года. По этому поводу не требовалось никаких официальных заявлений. С юридической точки зрения, Мария переставала быть опекуншей своего сына и ее регентство прекращалось. Но в связи с тем, что королева решила сохранить власть, ей требовался торжественный акт.

Объявление совершеннолетия Людовика XIII

2 октября 1614 года утром король выехал из Лувра. Его тканный золотом костюм и шляпа усеяны бриллиантами, на нем — ожерелье стоимостью в 900 000 ливров, изготовленное для будущей жены инфанты Анны Австрийской. Его сопровождают младший брат Гастон, герцог Анжуйский, принцы крови (здесь же Конде, который увидел, насколько его не любят в городе), герцоги и пэры, маршалы Франции, высшие сановники короны в роскошных, сверкающих золотом и драгоценностями одеждах на великолепных конях. Король прибывает во Дворец правосудия, где его встречает мать. Вдвоем они слушают мессу в Святой Часовне, а оттуда направляются в золотой зал Дворца.

Здесь собрались парламент в полном составе, канцлер, Государственный совет, члены правительства. Король занимает место на троне под балдахином с золотыми лилиями.

Начинается церемония. Преклонив колени перед королем, королева объявляет о передаче ему регентства. Людовик XIII громко и твердо благодарит ее за ее доброе и мудрое управление Францией, пока он был несовершеннолетним. Он заявляет, что отныне он сам управляет своим королевством и назначает мать президентом совета, желая, чтобы она продолжала помогать ему, как она это делала до сего дня. Королева встает, кланяется королю и занимает свое место.

На кафедру, стоящую у подножия трона, поднимается канцлер, повторяет слова короля и королевы и говорит о направлениях политики правительства: сохранение мира в королевстве, справедливое правление, запрет дуэлей, продление Нантского эдикта. Эти положения вписывают в указ, который зачитывается присутствующим.

Затем снова поднимается Мария Медичи, чтобы возблагодарить Бога за то, что настал день, когда ее сын взял на себя управление королевством, и она может радоваться тому, что ей удалось сохранить мир в государстве. После этого канцлер обращается, соблюдая иерархию, к каждому из присутствующих, начиная с королевы и заканчивая последним советником, спрашивая, одобряют ли они положения декларации, составленной в форме указа. Замечаний нет, и канцлер констатирует единодушие голосов. Королева, которая все это время стояла, поворачивается к королю, благодарит за назначение президентом совета и занимает свое место.

Затем бывший президент совета произносит речь, в которой превозносит регентство Марии Медичи, превзошедшей Бланку Кастильскую, мать Людовика Святого. Благодаря ее осмотрительности были преодолены многие трудности. Авторитетом своей королевской власти она сумела одержать верх над теми, кто сеял смуту в королевстве, состоящем теперь в мире со своими соседями, а те уважают его независимость и почтительно прислушиваются к мнению Франции.

Церемония закончилась. Открываются двери и оглашается королевское заявление. Людовик XIII возвращается в Лувр, пушки Арсенала одновременно дают залп, всю ночь город освещен, народ пляшет и расхватывает бесплатное угощение: колбасы, пирожные и вино. Регентство продолжается. Теперь Марию Медичи заботит только одно: выиграть у принцев битву Генеральных штатов.

Созыв Генеральных штатов

Торжественное открытие Генеральных штатов было назначено на 27 октября. Уже с 14-го депутаты прибывали в монастырь августинцев.

С самого начала Генеральные штаты демонстрировали свою покорность. Еще на этапе выборов Мария Медичи сумела выиграть партию, потому что большинство депутатов были выбраны в соответствии с указаниями правительства.

Сословия принимали каждую резолюцию, голосуя по отдельности, поэтому для общего решения было необходимо, чтобы оно было принято каждой ассамблеей.

Торжественное открытие Генеральных штатов состоялось 27 октября в большом зале Бурбонского дворца, расположенном между Лувром и церковью Сен-Жермен л'Оксерруа. Для депутатов и официальных гостей были устроены места на возвышениях, а от публики их отделяли деревянные заграждения. Но охрана не смогла сдержать натиска толпы зевак, и места депутатов захватывали все подряд, как если бы собирались присутствовать на представлении какой-нибудь комедии. Депутаты были страшно недовольны таким беспорядком и утверждали, что Франция неспособна поддерживать порядок.

В результате толчеи начались драки и ссоры. Когда король и королева явились в зал, там происходила драка между епископами и государственными советниками. Королю пришлось рассудить конфликт и утихомирить драчунов.

Наконец, можно начинать заседание. Главный церемониймейстер приказывает всем замолчать и обнажить головы. Король усаживается на трон, покрытый балдахином с лилиями. На ступеньках, ведущих к трону, в неизменном порядке располагаются королева-мать справа, слева Гастон, ниже — королева Маргарита, затем Елизавета, Кристина, принцессы крови, принцы крови, герцоги, маршалы Франции, кардиналы и высшие сановники. В самом низу установлена небольшая трибуна для ораторов.

Король открывает заседание: «Господа, мы пожелали, чтобы вы собрались здесь в начале нашего совершеннолетия, дабы сообщить вам о настоящем положении дел и установить порядок, угодный Господу, при котором каждый в нашем королевстве находился бы под нашей защитой и властью. Мы просим вас потрудиться для этого благого дела и свято обещаем, что будем соблюдать и выполнять все принятые этой ассамблеей решения.

Господин канцлер более подробно изложит нашу волю».

Затем на трибуну поднялся канцлер де Сильери и, поклонившись королю и королеве, в течение полутора часов очень тихим и бесцветным голосом, так, что его едва слышно, говорил об испанских браках, итальянских делах, превозносил Марию Медичи за счастливое регентство и поздравлял ее с новой должностью президента совета. Он заверил депутатов, что король намерен их выслушать и удовлетворить просьбы при условии, что они будут справедливыми и во благо королевства. По приказу короля, сословия должны составить наказы, которые выслушает король.

Затем берет слово оратор от духовенства г-н де Маркемон, архиепископ Лионский, примас Галльский[5]. Он произносит свою речь стоя, устремив глаза на короля. Подчеркнув важность созыва Генеральных штатов, он восхваляет Марию Медичи: «Вдова счастливо управляет народами, вдова направляет армии, вдова выбирает наместников, вдова торжествует». Затем он говорит о восстановлении порядка и гражданского мира в королевстве: если принцы ожидали, что Генеральные штаты поддержат их интриги, то речь архиепископа свидетельствовала о том, что от духовенства такой поддержки они не получат.

Дворянство представляет барон дю Пон-Сен-Пьер. Он говорит тоже стоя, обернувшись к королю. В выспренной речи оратора нет никаких политических замечаний: «Вы, Мадам, как вторая Бланка Кастильская, мать Людовика Святого, благодаря своей осмотрительности и мудрости достойно выполнили возложенное на вас регентство и заслуживаете того, чтобы вас, как и ее, назвали самой мудрой государыней своего века». Свою речь барон завершил, сказав несколько нелестных слов в адрес третьего сословия и пообещав верность дворянства, которое отдает королю «сердце, храбрость, рвение, собственность, оружие, кровь и жизнь».

От третьего сословия выступил купеческий старшина Робер Мирон. Он произнес речь, стоя на коленях, но в очень суровых выражениях. Быстро разделавшись с обязательной похвалой в адрес королевы матери и с неизбежным сравнением с Бланкой Кастильской, оратор заговорил о злоупотреблениях: лихоимство военных и финансистов, неоправданное освобождение от налогов, чрезмерные содержания принцев, безнаказанность зачинщиков беспорядков, засилье фаворитов. Кто виноват во всем этом? Робер Мирон не колеблясь называет виновника — слабое правительство, а следовательно, королева. Он ловко, но недвусмысленно заканчивает свою речь: «Кто поверит в этот парадокс: добродетели вызвали пороки, излишняя доброта,

милосердие и обходительность Вашего Величества стали причиной наглости, безнаказанности и безбожия, а их следствием — бесчисленные несчастья, общее несоблюдение божественных и человеческих установлений и, наконец, всеобщий отказ от правил всех сословий этого королевства».

После выступления Робера Мирона канцлер закрывает заседание. Все довольны. Присутствующие убеждены, что они только что присутствовали при историческом событии.

На последующих заседаниях сословий обсуждение шло по трем основным направлениям: отношения между королем и папой, продажа должностей, государственные финансы.

Работа Генеральных штатов

Уже около тысячи лет в странах христианского Запада шли споры об отношениях между духовной и светской властью. Французское духовенство, которое стремилось сохранить независимость от Рима, но признавало главенство папы, занимало в этом вопросе гибкую позицию: соглашаясь с тем, что король получает корону только от Господа, духовенство при этом считало недопустимой для совести французских католиков мысль о возможности царствования короля-протестанта. Духовенство стремилось, чтобы решения Тридентского собора были возведены в ранг закона королевства, что способствовало бы развитию католицизма.

Третье сословие подозревало духовенство в ультрамонтанстве и противопоставило ему свою знаменитую «Статью третьего сословия», которая должна была стать первой в наказах Генеральных штатов: «…нижайше просить короля принять как главный закон королевства то, что король является сувереном своего государства и получает свою корону только от одного Господа, и нет никакой власти на земле — светской или духовной, которая бы имела какое-либо право на его королевство или могла бы лишить это королевство священной особы наших королей, ни принудить или освободить от повиновения его подданных под любым предлогом».

Духовенство умоляло короля изъять статью из наказов третьего сословия и смогло уговорить дворянство присоединиться к просьбе. Третье сословие заупрямилось и требовало утвердить положение как закон королевства. Марии Медичи удалось избежать этого путем крючкотворства: она добилась от третьего сословия, что статья не будет вписана в их наказы и место первой статьи останется незаполненным, но пообещала, что король, согласившийся принять текст, внимательно его рассмотрит и позже даст ответ.

Третье сословие отомстило духовенству, отказавшись признать установления Тридентского собора как закон королевства. Но по второму важному вопросу — продажа должностей — в мнениях депутатов царило удивительное согласие.

Когда-то должности были бесплатными, но со временем они превратились в один из самых важных источников дохода для французской монархии, постоянно испытывавшей нужду в деньгах: в среднем, ежегодная пошлина приносила между 1 500 000 и 1 800 000 ливров.

Но в сентябре 1614 года штаты Нормандии потребовали упразднения этого налога, а в ноябре ассамблея дворянства Генеральных штатов просила короля о его отмене на 1615 год. 5 декабря король удовлетворил их просьбу. Затем к дворянству присоединилось духовенство и третье сословие.

Но отмена продажи должностей неизбежно вела к значительному сокращению доходов государства, поэтому надо было найти такие статьи расходов, которые можно было бы урезать. Долго искать не пришлось: содержания, выплачиваемые знати, а особенно принцам, достигли гигантских размеров — около 30 % государственного бюджета. Ассамблея третьего сословия охотно соглашается с отменой содержаний и защитить этот проект перед королем посылает своего лучшего оратора — президента Саварона.

Его речь производит сильное впечатление на короля. После красноречивого описания бедствий Саварон предлагает лекарство: отменить содержания, с помощью которых король покупает верность своих подданных.

Дворянство сочло речь Саварона оскорбительной: он считает, что дворянство служит королю исключительно из корысти? Дворяне потребовали извинений, и делегация третьего сословия отправилась в ассамблею дворянства. Но все испортил один из ее депутатов, сказав, что три сословия являются «тремя братьями и сыновьями их общей матери — Франции». Часть дворян возмутилась: «сыновья башмачников не могут называть нас своими братьями». Только благодаря вмешательству короля удалось внешне примирить стороны.

Среди всех разногласий, в одном три ассамблеи были единодушны: они потребовали учреждения следственной комиссии для проверки счетов финансистов, заключивших сделки с государством за последние годы. Это привело в замешательство Марию Медичи. Следствие неизбежно приведет к Кончини, и тогда останется только один шаг, чтобы обвинить лично королеву.

Но Мария сумела отреагировать очень ловко: она заменила совет, управлявший финансами, на Совет по финансам, где правомочными членами стали принцы крови. Сохраняя реальную финансовую власть в руках правительства, она дала принцам крови чисто формальное удовлетворение, одновременно с этим сделав их сообщниками злоупотреблений, которые должен был скрыть Совет по финансам.

Королева-мать полагала, что работа Генеральных штатов

затянулась. Тем временем внимание двора и города отвлек жестокий инцидент, ускоривший закрытие Генеральных штатов. В центре события стоял принц Конде. Некий дворянин Марсильяк, состоявший на службе у принца и связанный с фаворитом принца де Рошфором, был разоблачен как шпион короля. Конде выгнал Марсильяка, но был оскорблен тем, что Людовик XIII принял его на службу в свою свиту. Принц пригрозил, что велит избить Марсильяка палками. Узнав об этом, королева приказала присматривать за принцем. Но два дня спустя Рошфор в сопровождении двух дворян и пяти лакеев наткнулись на Марсильяка на улице Сент-Оноре и избили его палками. Мария решила использовать это дело, чтобы очернить принца. Она приказала вести следствие, составить протокол и передать его парламенту. А парламент постановил арестовать Рошфора. Теперь даже принцы отказали Конде в поддержке.

Видя, что дело приняло для него плохой оборот, Конде решает просить Людовика XIII и Марию Медичи помиловать Рошфора и простить его. В конце аудиенции король сказал ему: «Кузен мой, впредь ведите себя лучше». А королева-мать посоветовала ему получше владеть собой, заметив, что если бы пришлось избить всех тех, кто дурно о нем отзывается, то их набралось бы слишком много!

Закрытие Генеральных штатов

Теперь депутаты тратили гораздо больше времени на обсуждение дела Рошфора, чем на составление наказов. Парижане стали задаваться вопросом, стоило ли тратить столько денег на содержание депутатов при таком ничтожном результате. Королева-мать, боясь, что продолжение заседаний вскроет другие злоупотребления власти, приказала штатам ускорить составление их наказов: к середине февраля они были готовы.

Заключительное заседание было назначено на 23 февраля 1615 года. Оно было очень похоже на заседание 27 октября: то же распределение мест, тот же беспорядок и толкотня — королева пригрозила, что покинет зал, если не установится хотя бы минимальный порядок. Канцлер пригласил ораторов от каждого из сословий передать наказы.

Духовенство представлял молодой епископ Люсонский монсеньор де Ришелье, который достаточно проявил себя во время заседаний ассамблеи духовенства. Осудив продажу должностей и чрезмерные содержания и призвав применить наконец во Франции решения Тридентского собора, от имени духовенства и своего лично Ришелье сделал очень ловкий комплимент Марии Медичи: «Счастлив король, которому Господь дал мать, любящую его, усердную и опытную в делах государства!»

Оратор от дворянства, барон де Сенесэ, превознес правление королевы, особенно подчеркивая важность испанских браков и их необходимость для Франции. Он передал наказ дворянства, сходный по всем пунктам с наказом духовенства.

Речь оратора третьего сословия Робера Мирона, красноречиво описывавшего бедствия и несчастья страны, вызвала неудовольствие короля. Холодно приняв его наказы, он сказал несколько слов благодарности депутатам и объявил заседание закрытым.

24 марта 1615 года, через месяц после заключительного заседания, король созвал представителей трех сословий и пообещал прекратить продажу должностей, уменьшить содержания, предать суду недобросовестных финансистов и рассмотреть другие вопросы.

В ночь с 24 на 25 марта умерла Маргарита де Валуа. Ее очень любил Людовик XIII, ведь та сильно баловала детей Марии. Она давно уже лишилась былой красоты, но оставалась по-прежнему

изящной и привлекала к себе выдающиеся умы и литераторов. С ней угасла ветвь Валуа. Все свое состояние она завещала Людовику XIII. О ее болезни знали давно, но смерть тем не менее опечалила Людовика XIII, Марию и всех остальных.

Уже никто не думал о Генеральных штатах. Решения, объявленные 24 марта, выполнить оказалось невозможно, и почти ничего не осталось от заседаний и обсуждений Генеральных штатов 1614 года.

Современники, а потом историки, сурово осудили эти Генеральные штаты — предпоследние в истории (последние состоялись в 1789 г.). Они выявили всю глубину противоречий между сословиями, обозначили ведущую роль духовенства и важность поддержки буржуазии для монархии. И еще, благодаря им выделился Ришелье — будущий кардинал и министр королевы, а впоследствии — первый министр Людовика XIII.

В ближайшем будущем Генеральные штаты помогли Марии Медичи избежать ловушки принцев. Теперь она стала гораздо сильнее в борьбе с ними и могла довести до конца политику испанских браков.

Испанские браки: за или против

Принц Конде имел полное право быть недовольным результатом Генеральных штатов. Одобрение испанских браков и подтверждение полномочий Марии Медичи стало для него суровым поражением. Он решил использовать Парижский парламент, чтобы проконтролировать выполнение правительством обещаний, данных Генеральным штатам. Принц старательно завоевывает популярность парижского населения и не присутствует на заседаниях совета. Королева не обращает на это особого внимания, пока Парижский парламент не попросил ее срочно принять его. К ней является делегация с обвинительным актом в адрес существующего правительства: куда делись миллионы из Бастилии? Безродных иностранцев завалили должностями и городами, министры спекулируют. Не было проведено серьезного расследования обстоятельств гибели Генриха IV, преданы традиционные союзники Франции, страной бездарно управляют и вовсю разбазаривают.

Прочитав этот документ, королева пришла в дикую ярость, настолько, что стала задыхаться. Присутствующие министры обвинили парламент во вмешательстве в дела правительства, которые не имеют ничего общего с управлением правосудием, являющимся его единственной задачей, и в конце заявили, что нужно реформировать не государство, а сам парламент.

Никто не сомневался, что истинным вдохновителем этой выходки был принц Конде. Сначала он решил было вернуться ко двору, как ни в чем не бывало, но когда Мария Медичи начала подтягивать к столице войска, решил удалиться в Сен-Мор. Но не сложил оружия: он обращается к протестантам и начинает кампанию памфлетов против испанских браков.

Встревоженные гугеноты понимают, какое влияние может оказать испанское окружение новой королевы на религиозную политику. Они собирают ассамблею в Гренобле. Один из самых влиятельных руководителей — Дюплесси-Морней — убеждает их не слушать принца Конде, доказывая им, что они не смогут помешать испанским бракам, а принц пытается всего лишь ими воспользоваться и предаст их. Но герцог де Роан, полагавший, что не получил своей доли от щедрот Марии, собрал войско в 4000 человек между Пуату и границей Испании.

Теперь, когда французское и испанское правительства договорились об обмене принцессами в Бордо, королева озабочена более серьезными делами. Не без труда она добилась

разрешения взять в Бастилии 1 200 000 ливров на поездку в Бордо. В казне Генриха IV и Сюлли оставалось теперь всего лишь 1 200 000 ливров. Безопасность королевских особ должны были обеспечить 1500 солдат.

Вопрос с Конде так и не был решен, и королева официально объявила о своем отъезде в Бордо в первые дни августа, тем самым показывая Конде, что ее решение неизменно и он не может воспрепятствовать свадьбам. В то же время она направляет к нему Вильруа, Поншартрена, Сильери и Кончини, чтобы обсудить с ним его участие в поездке. Но это не помогло. 27 июля в письме к королеве принц заявляет, что никуда не поедет.

Это письмо означало разрыв и угрозу настоящего вооруженного мятежа, организованного и руководимого принцем, пока Мария Медичи и Людовик XIII будут ехать в Бордо. В Париже решено оставить армию в 3000 аркебузиров и на столько же увеличить охрану королевского кортежа. Из Бастилии забрали последние 1 200 000 ливров. 17 августа 1615 года королевский кортеж покидает столицу, а перед этим королева направила письма губернаторам всех городов, запретив им принимать Конде или его эмиссаров.

Испанские браки

13 августа 1615 года кортеж прибыл в Пуатье, где мадам Елизавета заболела оспой. К счастью, все обошлось, и болезнь не оставила следов. Через три недели, когда все было готово к отъезду, заболела Мария Медичи: воспаление легких и рожа, от которой ей чуть было не парализовало руку. Болезнь была долгой. Кортеж отправился в путь только 28 сентября.

В Ангулеме прошел слух, что обычная дорога в Бордо занята 6000 гугенотов Роана, и королева решила изменить маршрут. Тогда Роан решил отрезать дорогу между Бордо и испанской границей. Но, к великому облегчению для Марии Медичи, кортеж благополучно прибыл в Бордо 7 октября 1615 года.

Город оказал очень теплый прием: уже сорок пять лет столица Гиени не встречала короля, и муниципалитет очень постарался. Мария сделала все необходимые распоряжения, чтобы 18 октября одновременно в Бургосе и Бордо были заключены оба брака. Она хочет покончить наконец с этим делом, которое длится уже несколько лет и является постоянным предлогом для волнений принцев, парламента, протестантов — испанские браки «уже стоили жизни более 30 000 человек, более 8 миллионов золотом и опустошили большие страны».

Заключение брака Елизаветы с принцем Астурийским (представленным герцогом де Гизом) в Бордо было проведено с большой пышностью. Сам король сопровождал свою сестру в собор. Мадам Елизавета, которая уже считалась испанской принцессой, была одета в королевские платье и мантию из фиолетового бархата, усеянного золотыми лилиями и подбитого горностаем. На ней закрытая корона суверенных государей, потому что она выходит замуж за назначенного наследника Филиппа III. Невеста светится от счастья. Кардинал Сурди, архиепископ Бордо, благословляет брак. После церемонии начинаются празднества. Город и суда, стоящие в порту, освещены, из пушек дают приветственные залпы.

Через два дня, 20 октября, Людовик XIII производит смотр армии, которая будет сопровождать его сестру до границы и вернется оттуда с Анной Австрийской. Пришлось принять особые меры предосторожности, потому что герцог де Роан захватил большинство городов Жера и Лектур. Вечером Елизавета прощается с матерью, проливая потоки слез. На следующий день около полудня она отправляется в путь. Людовик XIII заливается слезами, что с ним бывает редко. Когда ему делают замечание, то

его рыдания удваиваются и икая он говорит: «Я все-таки должен поплакать о такой доброй сестре». Он никак не решается с ней расстаться и провожает ее до выезда из Бордо, однако пора прощаться. Король плачет. Елизавета рыдает, принцесса де Конти, к которой она была очень привязана, тоже. Послу Испании это наконец надоело, и он сам увел Елизавету от принцессы Конти, сказав последней, что она ее уже поцеловала раз пятьдесят и этого вполне достаточно. Возмущенный двор счел поведение испанца бесцеремонным.

Затем кортеж отправляется в Байонну, где на 5 ноября намечен обмен принцессами. Но из-за нездоровья короля Испании и герцога де Лерма его пришлось отложить до 9 ноября. Мадам Елизавета была настолько недовольна, что бросила свои перчатки в огонь.

Обмен принцессами должен был произойти посреди Бидассоа — пограничной реки между Испанией и Францией. Обе принцессы должны были одновременно подъехать к реке, сесть в лодки, встретиться посреди реки в двойном павильоне, построенном на сваях, проститься со своими свитами и пересесть в лодки, которые отвезут их на новую родину.

Король Испании инкогнито сопровождал свою дочь во время обмена. Расставаясь с дочерью, он сказал: «Дочь моя, я нашел для тебя самую лучшую партию в христианском мире, иди и да благословит тебя Бог». Он направил письма Людовику XIII и Марии Медичи, чтобы особо рекомендовать инфанту.

В Байонне Люинь передает Анне Австрийской письмо от короля и Марии Медичи. Она пишет для короля записку, где говорит о своем нетерпении приехать в Бордо.

Людовик XIII спешит познакомиться со своей женой и уезжает из Бордо навстречу кортежу Анны Австрийской. Он встречается с ней в Кастре и находит ее такой же красивой и изящной, как ему ее описывали. В течение нескольких минут они молча рассматривают друг друга, после чего король уезжает.

Официальная встреча состоялась в восемь часов вечера в архиепископстве Бордо. Мария ждала Анну Австрийскую наверху почетной лестницы. Королева-мать была восхищена красотой невестки, нежно поцеловала ее и пообещала испанскому послу заботиться о ней как о собственной дочери. Затем повела ее в большой зал, где находился Людовик XIII, который сразу же подошел к ней и нежно поцеловал. Они сели под балдахином, королю и королеве-матери представили испанских дам из свиты Анны Австрийской, после чего ее проводили в апартаменты отдохнуть после долгого путешествия.

Свадебная церемония состоялась 25 ноября. После ужина, последовавшего за мессой, Мария сама отвела Людовика XIII в спальню Анны Австрийской, где оставила его на час или два. На следующий день она приказала направить послам и в главные города королевства официальное сообщение об осуществлении брака. Теперь уже ничто не могло разорвать союз. После пышных празднеств двор покинул Бордо 17 декабря 1615 года.

Пора было возвращаться в Париж. После нескольких вооруженных стычек с королевскими войсками Конде ушел в Берри. Никакая серьезная опасность монархии не угрожала, но гражданская война малых масштабов никак не способствовала престижу и авторитету короля. Мария решила предложить Конде мировую. Она направила к нему для переговоров Вильруа и Бриссака, известных своей умеренностью. Было принято решение о перемирии до 1 марта и об открытии 10 февраля в Лудене конференции для подготовки мирного договора.

Все это вместе взятое только подталкивало принцев к продолжению смуты: они поняли, что королева решила отказаться от политики твердости и пора присоединиться к Конде. Первым был герцог Вандомский. По дороге из Шательро в Тур королевская свита таяла на глазах. А король, стремясь избавиться от пораженческих настроений, царивших вокруг Марии Медичи, отправился охотиться в Шамбор и Амбуаз.

Луденский мир (8 мая 1616 г.)

Открытие конференции в Лудене было отложено на несколько дней из-за события, которое могло бы иметь очень серьезные последствия. В Туре королева остановилась во дворце Ла Бурдезьера. 25 января во время заседания совета внезапно провалился пол, и граф де Суассон, герцог д'Эпернон, Вильруа и Бассомпьер упали на нижний этаж. «Спасите Вильруа!» — закричала Мария: именно он должен был возглавить делегацию правительства в Лудене. К счастью, он не сильно пострадал, и вскоре мог уже ехать. Конференция открылась 21 февраля.

Правительство Марин Медичи собрало войско в 40 000 человек и заручилось согласием Голландии оказать военную помощь. В конце февраля Вильруа и маршал де Бриссак вернулись в Тур, сообщили королеве-матери результаты переговоров и представили проект договора.

Некоторые просьбы принцев выполнить было легко: это касалось поиска возможных сообщников Равальяка и запрещения сочинений, защищающих тираноубийство; более щекотливым было требование запретить передавать должности иностранцам. Королева согласилась на пожелание принцев подтвердить традиционные союзы Франции и отменить как можно скорее продажу должностей.

Другие требования принять гораздо труднее: речь шла о знаменитой статье третьего сословия, изъятой из наказов Генеральных штатов: королева-мать пообещала нунцию, что статья ни в коем случае не будет принята правительством. Другое требование касается протестантов: для рассмотрения их претензий правительство попросило время.

Настоящие переговоры возобновились 14 марта: ответы короля на политические требования принцев практически не интересовали. Единственное, что им было нужно, — это удовлетворение их материальных требований. Конде просил губернаторство Берри и 2 400 000 ливров. Герцог Мэнский — губернаторство Гиени, 900 000 ливров и содержание за счет королевской казны 300 солдат гарнизона крепости Суассона. Герцог де Буйон просил должность коннетабля, герцог де Лонгвиль — цитадель Амьена, Сюлли — 2 400 000 ливров, герцог де Роан — губернаторство Пуату, герцог Вандомский — замок Нанта.

Вильруа намерен на все согласиться. Больше того: он защищает идею реформы Совета короля, в котором Конде будет

принадлежать главная роль. По сути, Вильруа предал королеву-мать. Завидуя Кончини и не веря в способность Марии вести последовательную политику, он решил вступить в союз с Конде.

26 марта по его настоянию Мария Медичи соглашается почти на все личные требования принцев. Отказ удовлетворить некоторые требования политического характера не мешает Конде заключить мир. Но королева категорически отказывается отдать Лонгвилю цитадель Амьена, которую удерживает Кончини, и замок Нанта — Вандому.

В течение всего апреля обсуждались спорные пункты. Из тактических соображений принцы выдвинули новые требования. Гугеноты сделали последнюю попытку заставить принять во внимание их требования. Но королева была непреклонна, а так как Вильруа серьезно заболел, принцы потеряли своего лучшего союзника. Тем временем благодаря ловким действиям Кончини разрешилась проблема цитадели Амьена: он предложил либо снести ее за свой счет, либо передать ее тому, на кого укажет королева, и при этом без всякой компенсации. Проявив преданность по отношению к интересам короны, Кончини переставал быть одним из препятствий на пути к миру. В таких обстоятельствах Конде счел возможным забыть о требованиях герцога Вандомского по поводу Нантского замка, и 3 мая он и его друзья подписали Луденский договор, который королева-мать и Людовик XIII в свою очередь подписали 8 мая 1616 года.

Принц Конде для себя получил также особое место в совете и — факт беспрецедентный! — право подписывать указы. Королева-мать долго колебалась, прежде чем пойти на эту уступку. Потребовалась вся настойчивость, на которую был способен Вильруа, чтобы убедить ее «отдать перо человеку, руку которого она будет держать, когда ей заблагорассудится».

После этого ничто уже не удерживало королеву-мать и короля в Туре, и они поспешили в Париж. 16 мая Людовик XIII торжественно вступил в столицу.

Конде возвращается

До самого конца «правления» Марии Медичи будет идти борьба за власть между принцем Конде, ставшим союзником Вильруа, и Кончини. Первый этап борьбы выиграл Конде, добившись подписания Луденского мира на выгодных для себя условиях.

Но Конде и Вильруа явно недооценивали власть Леоноры над Марией. Она добивалась, чтобы королева назначала на высокие посты — суперинтенданта свиты королевы, государственного секретаря по иностранным делам — преданных ей людей, чтобы вести по своему усмотрению интересующие ее в правительстве финансовые дела.

Все это не облегчает возвращения Конде и его сторонников ко двору, но Мария делает все, чтобы он поскорее занял свое место в совете. А Конде медлит, пытаясь выяснить, каково теперь к нему отношение в обществе. Выступления против Кончини позволяют ему понять, насколько народ ненавидит маршала д'Анкра и надеется, что принц сможет освободит королевство от ненавистных флорентийцев.

В окружении принца начинаются споры о том, как лучше освободиться от Кончини. Одни считают, что его нужно предать суду Парижского парламента, который всегда был к нему враждебно настроен, а другие предлагают заманить его в ловушку и убить.

Осыпая Кончини щедротами, Мария Медичи теряет последних сторонников. Она лишается даже поддержки герцога де Гиза, который почтительно, но твердо упрекает ее в чрезмерном доверии, оказываемом чете иностранцев, и в том, что Людовик XIII занимается пустяками вместо того чтобы серьезно приобщаться к исполнению своего королевского долга.

29 июля 1616 года Конде внезапно появляется в Париже. В его дворце собираются министры, послы, принцы крови, городские чиновники. Популярность принца ударила ему в голову — он стремится играть теперь первые роли.

Арест Конде (1 сентября 1616 г.)

Однако с возвращением Конде спокойствия не наступило — как раз наоборот. Конде стремится сделать своим союзником герцога де Гиза и добивается его согласия на участие в заговоре принцев.

Собрания происходят в доме герцога де Буйона во второй половине августа по инициативе Конде. Все принцы согласны, что ночью нужно напасть на Кончини и его жену, арестовать и судить в парламенте. К этому мнению присоединяется герцог де Гиз и члены его семьи.

Далее обсуждается главный вопрос: как будет осуществляться власть после устранения Кончини? Герцог де Буйон предлагает похитить королеву-мать и отвезти ее в Мулен, а королю останется только исполнять волю принцев. Но тут же герцог, выступавший с согласия Конде, напомнил о серьезных сомнениях в законности брака Марии Медичи и Генриха IV. По его мнению, юристы признают его недействительным и тогда Людовик XIII лишится короны, которая перейдет к принцу Конде.

Никто не сказал ни слова, против резко выступил только герцог де Гиз, заявивший, что «одно дело схватить маршала д'Анкра — ничтожество, ненавидимое всей Францией, а другое дело — покуситься на особу короля и королевы-матери; что же до него лично, то он ненавидит маршала, но является покорным слугой Ее Величества».

Такое поведение герцога немедленно делает его подозрительным в глазах Конде, тем более когда герцог решает покинуть ряды заговорщиков и призывает своих союзников и родственников сделать то же самое.

Конде спешит встретиться с королевой-матерью и заверяет ее, что она может рассчитывать на его верность. Он вынужден участвовать в собраниях заговорщиков для того, чтобы она могла обо всем знать. Он рассказывает ей о предложении де Буйона, но заявляет, что не намерен ему следовать. Кроме того, другим доказательством доброй воли Конде по отношению к королеве было то, что он приказал сообщить Кончини об опасности, угрожавшей его жизни.

Таким образом Конде добился полного доверия со стороны Марии Медичи, сделав всех остальных принцев, в том числе и де Гиза, подозрительными в ее глазах. Но впоследствии он допустил оплошность и потерял все, чего добился.

30 августа 1616 года Конде снова был на собрании заговорщиков. Не знавшие о его предательстве друзья

потребовали от него точных распоряжений по исполнению плана убийства Кончини и лишения власти Марии Медичи. К их великому удивлению, Конде заявил им, что в его представлении этот заговор был всего лишь средством воздействия на королеву-мать, чтобы сделать ее более восприимчивой к требованиям принцев, а поэтому теперь уже не нужно его осуществлять. Говоря это, принц делом подтверждал свою верность по отношению к Марии Медичи. Но к несчастью, на следующий день, 31 августа, Конде встретился с королевой и ни слова не сказал ей о вчерашнем собрании. В течение дня Марии сообщили, что в доме герцога снова говорили об убийстве Кончини и лишении ее власти, но не уточнили, о чем говорил принц. Разгневанная королева, уверенная, что принц пытался ее обмануть, решила его арестовать 1 сентября вместе с главными участниками заговора. Но герцогам де Буйону, Мэнскому и Вандомскому удалось бежать.

Конде находился под охраной в одной из комнат Лувра и постоянно спрашивал, не собираются ли его убить. Он начал усиленно обвинять герцога де Буйона и перекладывать всю вину на герцога де Гиза. Мария Медичи была потрясена отношением последнего и вызвала его в Лувр. Герцог, боясь ловушки и помня об убийстве своего отца в Блуа, решил не рисковать и отправился в свое поместье. Остальные принцы собрались в Суассоне, куда съезжались сотни их сторонников, союзников и приближенных.

Отсутствие герцога де Гиза опечалило королеву. Она написала ему, что дает гарантию папы и короля Испании, что ему не причинят зла. Больше того, она назначила его командующим королевской армией, сделала его сына губернатором Лиона. Герцог было заколебался, но, не доверяя королеве, отказался от подарка и предпочел поддерживать связь с принцами в Суассоне.

Тогда Мария отдала приказ стягивать к Парижу крупные военные силы и, из соображений предосторожности, выдворить из города всех союзников и родственников заговорщиков.

В конце сентября оба лагеря готовились к войне. Но в Париже народ не скрывал своих чувств: десятитысячная толпа взяла штурмом особняк маршала д'Анкра на улице Турнон и разграбила его, а затем разрушила здание до основания. Никогда еще ненависть к Кончини не была так велика.

Последние волнения

Принцы считали, что у них недостаточно сил, чтобы сопротивляться королевской армии, поэтому предпочли путь переговоров: герцог де Гиз никак не мог выбрать свой лагерь и не скрывал своего желания сыграть роль миротворца; герцог де Буйон был решительно настроен идти до конца, но ему нужно было выиграть время; 24 сентября с согласия других принцев Гиз вернулся ко двору с требованиями разрешить укрепить некоторые гарнизоны герцогов Майеннского и Вандомского; требования практически полностью были удовлетворены. Кончини укреплял города в провинции и собирал валлонских и немецких наемников.

Победу Марии Медичи можно было бы назвать полной, если бы герцог де Невэр не упорствовал в своей враждебности: не помогли даже дипломатические способности посланного к нему Ришелье. Мария выступает за применение силы и увольняет министров, отказавшихся ее поддержать: 25 ноября было создано новое «правительство Кончини», где одним из министров стал Ришелье. Маршал д'Анкр тем временем добился возмещения ущерба, нанесенного ему в результате разграбления его особняка, и вел себя с невероятной наглостью по отношению к принцам, требуя возведения маркизата Анкр в ранг герцогства-пэрства. Он решил также помириться с герцогом де Гизом.

Терпение Марии лопнуло: она решила покончить с затянувшимся мятежом. По этому случаю правительство составило список сумм вознаграждений, полученных принцами с момента смерти Генриха IV.

Это, естественно, никак не могло понравиться принцам, и герцог де Майеннский попытался помешать оглашению этого списка в городах, ему подчиненных. 31 января принцы направили королю письмо, в котором отвергли обвинения, выдвинутые в адрес принцев, и назвали единственным виновником разграблений королевских финансов маршала д'Анкра, после чего принялись укреплять свои города и собирать вооруженных дворян. В итоге бунт не только не пошел на убыль, а наоборот, усилился.

Королевское правительство продемонстрировало свою власть, начав военные действия. Мятежники были полностью изолированы: князья-протестанты из Германии отказали в поддержке Буйону, а Голландия и Англия заверили правительство Парижа в своей поддержке. Казалось, бунт принцев будет быстро подавлен. Но военные действия приостановили в результате

убийства Кончини, по распоряжению Людовика XIII, 24 апреля 1517 года, что стало концом семилетней власти Марии Медичи.

Обобранная страна

Какими бы ни были позитивные моменты регентства Марии Медичи, скандальность и злоупотребления ее правления стали причиной ее падения и способствовали созданию у будущих поколений малопривлекательного образа режима интриганов и недобросовестных государственных мужей.

Когда Мария Медичи стала королевой-регентшей, она решила, что в новом положении ей будет недостаточно 400 000 ливров годового бюджета, установленного еще Генрихом IV. Кроме этого, она потребовала причитающееся ей наследство, оставленное мужем, — еще 150 000 ливров. Вскоре ее обуяла страсть к покупке поместий и земель, которые приносили доход около 100 000 в год. Но и этого оказалось мало. Мария сделала постоянным источником дохода поступления от откупных ведомств и пошлины на «ярмарки и доманиальные». В итоге ее годовой бюджет составил 820 000 ливров: *за два года Мария Медичи более чем удвоила бюджет, составленный для нее Генрихом IV*. Личный бюджет королевы составлял 4–5 % годового дохода королевской казны.

Но чем больше она получает денег, тем усиливается дефицит в ее финансах: рекордным стал 1614 год — расходы составили 1 818 057 ливров при 820 000 ливров дохода!

Куда же утекали деньги королевы? Прежде всего, на выплату долгов, появившихся еще во времена Генриха IV, которые Мария Медичи не смогла выплатить из-за препятствий, которые ей чинили сам Генрих и Сюлли. Затем строительство замка Монсо и Люксембургского дворца. Но большая часть денег уходила на подарки и драгоценности: в 1613 году только на драгоценности она потратила 100 000 ливров.

Наконец, некоторые суммы передавались королеве лично в руки «для наших срочных и тайных дел, о которых мы не хотим заявлять», всего за 1611, 1612, 1613 годы — 9 600 000 ливров. Это были деньги, отложенные королевой на «черный день», которые она потом переправила в Германию, Испанские Нидерланды и Голландию.

Королева смогла покрывать такой огромный дефицит, используя несколько методов: она присваивала себе прибыли от дополнительных налогов, государственных пошлин, для нее создавали дополнительные должности казначеев, от которых она получала часть выплачиваемой ими пошлины за должность; как королеве ей делали подарки штаты провинций, духовенство. Ни

одно назначение на должность не обходилось без того, чтобы королева не получила денег «на булавки». Она усовершенствовала систему взяток: частное лицо, община облагаются дополнительными налогами. Они протестуют. Чтобы уступить, Мария соглашается отменить налог, при условии, что ей будет выдана определенная сумма «на безделушки».

Народ изнемогает под тяжестью неоправданных налогов, а выплата содержаний принцам, чтобы купить эфемерный мир, подарки советникам, врачам, горничным, всевозможным друзьям, покупка драгоценных камней, лично королевой сэкономленные деньги, которые в один прекрасный день отправятся за границу, только бесконечно увеличивают пропасть. Растут потребности, а вместе с ними — нужды правления королевы. Когда в результате государственного переворота Людовик XIII лишил свою мать власти, французское королевство было буквально разграблено. Именно в этом состоит причина крушения регентства Марии Медичи.

Глава X
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛЮДОВИКА XIII

Детство Людовика XIII

Немногие дети были настолько долгожданными и желанными, как Людовик XIII. Франция заплатила за несчастья смутных времен отсутствием наследников мужского пола у трех королей подряд: Франциск II и Мария Стюарт, Карл IX и Елизавета Австрийская (дочь), Генрих III и Луиза Лотарингская. Генриху IV нужна была плодовитая супруга. К счастью, будущий дофин был зачат, скорее всего, еще во время встречи Марии Медичи и Генриха IV в Лионе в декабре 1600 года.

Король с нетерпением ожидал роды: мальчик или девочка? В половине одиннадцатого вечера 27 сентября в замке Фонтенбло родился мальчик. Генрих возблагодарил Господа. Мария Медичи дважды обеспокоенно спросила: «E maschio?» («Это мальчик?») Генрих подошел к ней и нежно сказал: «Душенька, вам пришлось многое вытерпеть, но Господь дал нам то, о чем мы его просили. У нас прекрасный сын».

Сначала добрую весть узнают принцы крови: Франсуа де Бурбон — принц де Конти, Шарль де Бурбон — граф де Суассон, Анри де Бурбон — герцог де Монпансье. Они входят в спальню, король их обнимает и просит засвидетельствовать, что младенец, все еще связанный с матерью пуповиной, — мужского пола, после чего пуповина перерезается и в комнату впускают огромное количество людей. Повитуха беспокоится о новорожденном, потому что Мария начинает задыхаться. «Тише, тише, — говорит ей Генрих, — этот ребенок принадлежит всем, поэтому все должны радоваться».

Затем о новости узнают итальянские родственники: во Флоренции и в Мантуе, герцогиня которой — старшая сестра Марии. По всем городам Франции рассылается королевское письмо.

Народ искренне радуется событию как милости, дарованной Богом Всехристианнейшему королю и его подданным: пение *Te Deum (Тебя, Господи, хвалим),* звон колоколов, процессии, общие молитвы. Теперь из младенца осталось сделать мужчину, а позже — короля.

К нему приставлен врач Жан Эроар. Он служил Карлу IX, Генриху III, Генриху IV, протестант и пользуется полным доверием короля. До своей смерти в 1628 году он каждый день будет вести записи обо всем, что касалось Людовика XIII. У короля три кормилицы, последняя из которых — Антуанетта Жорон, к ней Людовик очень привязался, и она останется с ним

все его детские и юношеские годы. Всего в свите короля 224 человека.

Жизнь дофина в Сен-Жермен тщательно организована. Меню составляет Эроар. Программу дня утверждает король, который всегда знает, как дофин себя чувствует и каковы успехи его обучения. Будущий Людовик XIII очень набожен. Дофин обожает географические карты, сказки и исторические рассказы. Он рано научился считать. Но его настоящая страсть — лук и аркебуза: он ловко управляется с оружием. Умело командует своим войском в 120 человек и как простой мушкетер ходит в караул, упражняется в стрельбе.

У дофина хорошая память, больше всего он терпеть не может неискренности и обмана. Задумчивый, серьезный. Эроар пишет о нем: «…он не скрывал, что чего-то не знает, откровенно об этом говорил и стремился узнать. Он никогда не говорил того, чего не было».

Будущий Людовик XIII был необычайно привязан к своему отцу. Генрих IV для него — «папа», хотя по этикету он должен был говорить ему «сударь». Если кто-нибудь из свиты дофина отправлялся в Париж к королю, Людовик всегда поручал ему записку для отца. За несколько дней до убийства Генрих IV приехал в Сен-Жермен. Дофин был безумно рад, дня не хватило, он всю ночь прыгал в постели отца и очень горевал, узнав о гибели Генриха IV. Он сказал своей гувернантке: «Мне не хотелось бы так скоро становиться королем, лучше бы король, мой отец, еще был жив».

Отношения Марии Медичи с сыном оставались, напротив, весьма холодными: Мария не любит Людовика, она с ним сдержанна и высокомерна. Основной принцип ее воспитания — плеть, которую она с удовольствием использует, даже злоупотребляя. В первый раз Людовик попробовал плеть в два года, потому что «был упрям». Через две недели после того как он стал королем, Людовик XIII был «бит плетью по специальному указанию королевы-регентши, его матери». Когда некоторое время спустя король навестил свою мать, та, согласно этикету, сделала реверанс перед королем, своим сыном, он заметил ей: «Я бы предпочел, чтобы мне не делали столько реверансов и не били плетью».

Упрямство юный король унаследовал одновременно и от отца, и от матери. Он мог внезапно сильно разгневаться, не любил проигрывать: однажды швырнул в своих гувернеров

шахматы, а в другой раз запустил пикой в горло одному из своих пажей, укусил даму из своей свиты. Его наставник Воклен дез Ивето лучше всех понял его характер: «Им тем более трудно было управлять, потому что он был рожден, чтобы править самому и командовать другими. Он ревностно защищал свой авторитет». К несчастью для сына и своему собственному, именно этого и не поняла Мария Медичи, на которую тем не менее Людовик XIII в этом смысле был необычайно похож.

Конфликтные отношения

Генрих IV сказал однажды Марии: «Конец моей жизни станет началом ваших несчастий. Одно могу сказать вам точно, зная вас, упрямицу, и предполагая, каким упрямым станет он: вы ни за что не поладите». В этих словах прекрасно отражается конфликтный характер отношений, которые неизбежно установятся между Марией Медичи и Людовиком XIII, когда повзрослевший король осознает свое положение и решит сам исполнять «божественную миссию», как это понимает сам король.

Уже в первые годы своего правления Людовик XIII проявил обостренное сознание своего королевского достоинства. С возрастом живой, своевольный, пылкий король становится самоуверенным и иногда начинает говорить как государь, что крайне беспокоит Марию. Она стремится удалить его от тех умных людей, которые могли бы ему объяснять государственные дела, и держать в беспрекословном повиновении и почтении по отношению к матери.

Мария настойчиво пытается отстранить Людовика XIII от ведения государственных дел. Ему позволялось отправляться на охоту, когда вздумается, а люди его окружения полностью подчинялись королеве-матери — она специально выбирала людей посредственных, неспособных побудить короля на размышления.

Мария явно не пылала любовью к этому не особенно привлекательному юноше — небольшого роста, худому, с широким лицом, выдающимся вперед подбородком, и крупным, как и у всех Бурбонов, носом. У него постоянно приоткрыт рот и он немного заикается. Очень серьезный, холодный по отношению к матери, он, впрочем, как и она, любит живопись, а особенно музыку, прилично играет на гитаре. К великому отчаянию своих учителей, он не читает, зато очень способен к механике: в Лувре ему сделали кузницу, где он отливает маленькие пушки. Король ловок в столярных работах и проворно управляется с маленькой типографией. Он бесконечно любит физические упражнения: в этом не похож на Марию Медичи, зато очень похож на Генриха IV, великолепный наездник, охотится до изнеможения, знаток собак, лошадей и птиц.

Мария считает его глупцом. Мать и сын видятся ежедневно и даже по нескольку раз в день, как требует протокол, но никакой настоящей привязанности между ними не существует. В глубине души Мария презирает этого простака, совершенно неспособного, по ее мнению, заниматься государственными делами. Она с

удовольствием подчеркивала, что «он недалек умом, в нем нет здравого смысла, его здоровье не позволяет ему заниматься делами». Герцог де Роан писал в *Мемуарах,* что презрение Марии было настолько очевидным, что взрыв неизбежно должен был произойти.

Понимая, какого мнения о нем была его мать, зная о ее растущем недоверии по отношению к нему по мере его взросления, Людовик XIII надел на себя маску, стал тем, кого хотели в нем видеть. Он изображает из себя дурака и делает вид, что страшно увлечен самыми детскими играми. «Я притворялся ребенком», — скажет он позже, когда возьмет власть, ясно давая понять, что опасался за свою жизнь. Даже лишившись власти, Мария Медичи продолжала считать своего сына неспособным к ведению дел.

В подобной обстановке у Людовика XIII выработалась привычка к скрытности. Он ни с кем не откровенничал, у него не было друзей; но он — король, и будущее принадлежит ему. Так рассуждал некий провансальский дворянин Шарль д'Альбер де Люинь, который решил разыграть эту карту и стать фаворитом юного Людовика XIII.

Людовик XIII и Люинь

Шарль д'Альбер де Люинь поступил на службу к королю в 1611 году. Он добился должности распорядителя кабинета птиц — птичника, который задумал создать Людовик XIII. Он входит все больше в милость, но не делает ничего такого, что могло бы вызвать неудовольствие королевы-матери. Он всего лишь товарищ по играм юного Людовика, один из его наперсников. Людовик начинает к нему привязываться и выбирает именно его, чтобы отнести первое письмо своей юной супруге Анне Австрийской.

Люинь не знатен, посредственного ума, и поэтому Марию не сразу обеспокоило его растущее влияние на короля. Но со временем начали пугать его слова о том, что Людовик XIII должен сам использовать свою власть. По ее приказу гувернер короля не разрешает Люиню входить в спальню Людовика — Люинь применяет силу, а король, взволнованный оскорблением, нанесенным его ближайшему слуге и другу, отправляется к Марии Медичи с требованием уволить гувернера.

В январе 1615 года Людовик решил назначить Люиня губернатором Амбуаза, забрав это право у Конде. Решение вызвало всеобщее возмущение: отдать город мелкому дворянину, отобрав у принца крови!

Крайне встревоженный Кончини советует королеве отослать Люиня добровольно или силой, но выяснилось, что только он способен держать короля в тех рамках, какие угодны его матери.

Люинь постоянно чувствует себя под подозрением, опасаясь угроз Кончини. В какой-то момент он хочет только одного: поселиться в Лувре, чтобы как можно меньше передвигаться по городу и уменьшить вероятность покушения на него. Для этого он покупает должность капитана Лувра, а Людовик XIII предоставляет ему комнату над своими апартаментами, в которую можно попасть по внутренней потайной лестнице.

Но Люиню, который не любит столкновения и конфликты, а предпочитает компромиссы, такая ситуация нисколько не нравится. Теперь он стремится сблизиться с королевой-матерью. Впрочем, Мария и сама к этому склоняется. Иногда ее выводит из себя поведение Кончини и постоянно возникающие трудности как внутри страны, так и на международной сцене. Ее ленивая натура восстает против необходимости постоянно заниматься делами. Ей надоели просьбы министров, и она серьезно подумывает отказаться от власти.

После подписания Луденского мира она могла бы отойти от дел в наилучших для себя условиях, что сама прекрасно

понимает, а потому говорит Людовику о своем желании оставить пост. Но король отказывает: он еще не готов возглавить правительство, такая перспектива его пугает. Он умоляет королеву-мать сохранить власть, а Люинь присоединяется к словам своего повелителя.

Мария все-таки решительно настроена отойти от дел и серьезно готовится уехать из Франции: она ведет переговоры о покупке итальянского княжества Ла Мирандоле.

В январе 1617 года она снова просит Людовика об отставке. Появилась угроза гражданской войны: принцы объединились против всемогущего фаворита Кончини. Король молчит, вместо него говорит Люинь: королева не должна уходить, король не собирается ее заменять, он будет вести дела вместе с ней.

Пока Люинь пытается договориться с королевой, Людовик XIII чувствует, насколько велико в нем желание править. Но он пока ничего не решил, поэтому Люинь говорит вместо него, но высказывает свое, Люиня, мнение. Мария Медичи не настолько глупа, чтобы не понять этого молчания. Но она так и не узнает, о чем спорят в узком кругу приближенных короля, до того дня, когда ее внезапно отстранят от власти.

Кончини: бесстыдство и неосторожность

Кто-кто, а Кончини совсем не собирался отказываться от власти. Он преуспел в своем намерении составить состояние во Франции и обеспечить высокое положение. После смерти Генриха IV именно он вел дела страны вместе со своей женой Леонорой. Правда, в их согласии появились фальшивые ноты. Леонора с обостренным чувством реальности начала подумывать о том, что не стоит пренебрегать опасностью. Она предпочла бы уехать в Италию, но муж не согласен. Его ненасытные амбиции заставляют хотеть еще большего. Маршал Франции, губернатор одной из богатейших провинций королевства, обладатель своей собственной армии, более многочисленной и сильной, чем армия короля, теперь хочет стать коннетаблем.

Его надменность не знает границ. Ежедневно осязаемый успех опьяняет. Его ненавидят? Пусть, лишь бы боялись. Для Кончини всегда находят деньги.

Наглость и бесстыдство Кончини становятся оскорбительными для короля. После смерти Кончини Людовик XIII бесконечно долго будет вспоминать случаи, когда маршал д'Анкр преступал границы уважения к королю.

Королева-мать была неспособна умерить амбиции фаворита, и это обернулось против нее. О ней начинают распускать самые скандальные слухи. В глазах людей ее невероятное бездействие может быть объяснено только двумя причинами: либо на нее навели порчу, либо она — любовница Кончини. В колдовстве подозревали, скорее, Леонору. В том, что касается интимных отношений Марии Медичи и Кончини, то последний блефовал, выставляя напоказ их признаки. Но между ними явно ничего никогда не было: холодная в смысле темперамента королева-мать мало интересовалась плотскими утехами. А Кончини, по словам Ришелье, после некоторых неприятностей со здоровьем стал неспособным к физической любви. Но реальность в расчет не бралась: общественное мнение с негодованием обрушилось на грешную Марию. Один праведник договорился до того, что призвал «бросить богиню в море, привязав к ней золотой якорь[6]». В начале 1617 года нунций Бентиволью начинает серьезно тревожиться за королеву: «Да будет Господу угодно, чтобы утрата маршала не повлекла за собой утраты королевы, доброй и полной хороших намерений».

Недовольство Марии Медичи растет. Теперь к королю обращаются через голову королевы. Людовика XIII призывают забрать власть, захваченную Кончини: «Лекарство в ваших руках

и вашей власти, если вы им не воспользуетесь, болезнь станет неизлечимой, нужно одно только ваше слово».

5 марта 1617 года принцы крови снова предостерегают: «Иностранцы и их пособники присвоили себе власть и завладели королем и всем в королевстве, незаконно захватив власть и правя как тираны и угнетатели».

Встревоженный Ришелье хочет в отставку. Мария Медичи отказывает, зная, что поступает неправильно, но заявление принцев возмутило ее и она решительно намерена драться. Ее покидают некоторые умеренно настроенные, среди которых губернатор Дофине Ледигьер, губернатор Меца и Ангумуа герцог д'Эпернон: они говорят о необходимости восстановить «полную власть и свободу» короля. В Париже неспокойно. Леонора готовится уехать в Италию: смерть дочери кажется ей знамением свыше, Франция уже ничего не может ей дать.

Но Кончини и Мария Медичи упрямо идут по пути применения силы. Королева даже слышать не хочет предостережения Леоноры: «Мадам, знайте: он погубит себя, а вместе с собой — вас и меня». Все тщетно. Кончини укрепляет свои города, собирает войска, вооружение. Он больше, чем когда-либо, верит в свою звезду.

В Париже царит атмосфера гражданской войны. Для устрашения парижан Кончини приказал поставить 50 виселиц, заменил французских гвардейцев на швейцарцев и преданных ему итальянцев, приказал следить за королем. Людовик XIII оказался в безвыходном положении и вынужден опередить Кончини, готового пойти на крайние меры против любого, кто выступит против него, будь это даже сам король.

Государственный переворот 1617 года и смерть Кончини

Вокруг Людовика XIII и Люиня образовался некий малый совет, который постоянно собирается по вечерам и обсуждает недопустимое поведение Кончини. Людовик обвиняет королеву-мать в слабости, но отмалчивается, когда в его присутствии оскорбительно отзываются о Кончини и Марии Медичи.

Через некоторое время речь уже идет о беспорядке в государственных делах: недопустимо, чтобы законный суверен королевства был отстранен от управления.

Из членов этого совета выделился Клод Гишар-д'Ажан, вместе с Людовиком XIII входящий в число лучших умов этого малого совета. Люинь пригласил хорошего юриста Луи Тронсона — честного, скромного и деятельного. В течение нескольких лет он был секретарем кабинета короля.

Постепенно Людовик XIII все больше верил в свои силы и способности управлять страной, но не знал, как взять власть в руки. Он полагался на Люиня, который разработал стратегию: взять власть, не прибегая к крайним мерам.

Люинь пытается в последний раз заставить Кончини пойти на компромисс, но тот отвечает презрением и угрозами. Тогда решено обратиться к королеве-матери: с ней согласился поговорить епископ Каркассона. Не выступая напрямую от имени Людовика XIII, он обосновал необходимость передачи фактической власти в стране королю и удаления Кончини.

Мария Медичи внимательно выслушала, он убедил ее, Леонора согласилась тоже. Дважды королева разговаривала с Кончини, и два раза он категорически отказывался; больше того, заявил, что отомстит своим врагам — советникам короля — и не колеблясь будет удерживать его в его дворце.

Друзья короля были в панике. Люинь даже предложил королю бежать. Но в итоге было решено арестовать Кончини в Лувре в соответствии с законом. Все свидетельства того времени единодушны: Людовик XIII никогда не отдавал приказа убить маршала д'Анкра. Арестовать Кончини поручено барону де Витри — капитану гвардейцев. Это должно произойти 23 апреля. В случае неудачи король покинет Париж и направится в Мо, губернатором которого был де Витри. Если заговор удастся, Кончини и его жена будут переданы парламенту, королеву-мать попросят на некоторое время покинуть двор, а нынешние министры будут заменены на бывших министров Генриха IV.

Но 23 апреля арестовать Кончини не удалось и было решено перенести арест на 24-е. Марию одолевали дурные предчувствия: в ночь с 19 на 20 апреля ей снилось, что после суда ее приговаривают к смерти, однако она ничего не могла понять по невозмутимому лицу сына.

24 апреля Людовик проснулся в пять часов утра. Все было готово, чтобы ехать на охоту. Но король решил сначала сыграть в бильярд. В бильярдной, где собрались заговорщики, усиливается напряжение: ждут Кончини, а он все не появляется. Уже половина одиннадцатого. Людовик спокойно продолжает играть в бильярд. Становится известно, что Кончини уже направляется в Лувр. Витри спешит ему навстречу и сталкивается с ним у подъемного моста. Витри приказывает закрыть внешние ворота, отделив маршала д'Анкра от его эскорта.

Наступил решительный момент. Кончини в черном — траур по дочери, умершей в марте. «Именем короля, вы арестованы» — объявляет Витри, схватив Кончини за руку. Удивленный итальянец делает шаг назад и пытается вытащить шпагу. Он что-то говорит. По словам флорентийского посла Бартолини: «Ме?» («Я?») — он не может даже представить, что кто-то осмелится его арестовать. Витри же утверждает, что он крикнул «A me!» («Ко мне!»). Следовательно, это был призыв о помощи людям из его свиты. В XVII веке и в наши дни такой возглас расценивается как проявление сопротивления представителю государственной власти при исполнении им своего долга и попытка бунта. Витри призывает своих товарищей вмешаться. Три пистолетных выстрела поразили Кончини в лоб, горло и глаз. Он умирает на месте. Для пущей уверенности его искололи кинжалом, забрали драгоценности, бумаги, одежду, а обнаженное, залитое кровью тело перенесли в небольшое помещение под охрану стрелков.

Король слышал пистолетный выстрел. Очень спокойно он приказывает подать ружье и, держа шпагу, выходит из бильярдной. Полковник корсиканских гвардейцев д'Орнано мчится ему навстречу: «Сир, все сделано». Дворяне поздравляют короля. Открывают одно из окон, выходящих во двор Лувра, заполненный людьми. Д'Орнано поднимает Людовика XIII на руки, и показывает собравшимся, что король жив. Людовик произносит: «Спасибо! Большое вам спасибо! С этого часа я — король».

Мария Медичи тоже услышала выстрел. Ее горничная бросилась к окну и спросила у проходившего Витри, что произошло. «Маршал убит за сопротивление офицеру короля» — отвечает он ей. Тогда Мария воскликнула: «Я правила семь лет,

теперь мне осталось ждать только небесного венца!» Волнение и печаль королевы сменяется бурной вспышкой ярости. Когда Леонора через камердинера Ла Пласа просит Марию взять ее под свое покровительство, разгневанная королева отвечает, пусть ей больше не говорят об этих людях! Она их предупреждала… Они уже давно должны были быть в Италии.

Теперь Марию волнует только ее собственная судьба. Ей необходимо немедленно, любой ценой встретиться с Людовиком. Король дважды отказывается от встречи: у него дела поважнее, чем заниматься королевой-матерью. Торжествующий король принимает новых министров, послов, просматривает депеши для иностранных дворов и городов Франции. Он все еще потрясен, и с нервным смехом повторяет: «Я теперь настоящий король». Страница регентства окончательно и бесповоротно перевернута.

Мария Медичи упорствует: через принцессу де Конти она просит короля принять ее, но безуспешно. Последняя надежда королевы — ее фрейлина, мадам де Гершевиль. Этой особе 57 лет, все ее уважают. Назначенная самим Генрихом IV еще в 1600 году, она была нежна и внимательна к маленькому Людовику XIII, и Мария очень надеется на ее вмешательство. Мадам де Гершевиль бросилась к ногам короля, но это его не смягчило. Он вежливо поднял даму и объяснил, что, несмотря на то, что Мария не обращалась с ним, как с сыном, «он будет обращаться с ней как с матерью, но пока не намерен с ней встречаться».

Теперь Марии остается только ждать, когда король соблаговолит решить ее судьбу. Король верхом объезжает Париж, его приветствует торжествующая и восторженная толпа. Но это уже не пьянит шестнадцатилетнего юношу, ставшего не только юридически, но морально и политически совершеннолетним. Он осознает свой долг по отношению к народу и никогда о нем не забудет. Благодаря этому пониманию Людовик XIII станет одним из самых щепетильных по отношению к своему долгу суверенов.

Тело Кончини было поспешно погребено в церкви Сен-Жермен л’Оксерруа. На следующий день толпа выволокла тело из могилы, разорвала его на куски, которые затем были повешены на виселице или сожжены. А Мария в течение всего дня 25 апреля слышала из своих апартаментов, как на улицах Парижа в адрес ее и Кончини кричали непристойности.

Суд и смерть Леоноры Галигаи

Леонора Галигаи не особенно взволновалась, узнав о смерти своего мужа. Нам уже известно, как Мария Медичи удовлетворила ее просьбу о защите. Леоноре больше не на кого было рассчитывать. Прежде всего она подумала о своих драгоценностях. Она сознавала, что в падении королевы есть и ее вина: «Бедная женщина, я ее погубила!» — якобы сказала она, когда к ней в комнату ворвались гвардейцы Витри. Они забрали драгоценности, бумаги и арестовали ее. 28 апреля Леонора будет переведена в Бастилию, а 11 мая — в Консьержери, где состоится суд.

Драгоценности Леоноры, захваченные Витри, оказались у короля, который подарил их Анне Австрийской.

Людовик XIII приказал составить опись имущества Леоноры. Состояние Леоноры было огромным: она лично владела маркизатом Анкр, особняком на улице Турнон, поместьем Лезиньи и крупными суммами в разных банках Парижа, Лиона, Рима, Флоренции, Антверпена. Венецианский посол говорил о состоянии 15 миллионов ливров — *сумма, равная трем четвертям годового бюджета Франции,* не считая драгоценностей и серебряной посуды на миллион ливров. Было условлено, что Людовик XIII отдаст все имущество Кончини Люиню. Маршал был мертв, и Люинь мог располагать его должностями и титулами. Но Леоноре принадлежала основная часть состояния, и она была жива. Поэтому необходима была конфискация имущества. Это означало смертный приговор. Людовик XIII, желавший окончательно разделаться с Кончини, легко согласился на это решение, подсказанное Люинем.

Но в результате следствия Люиню стало ясно, что собранных данных недостаточно, чтобы приговорить Леонору к смерти. Тогда он решил обвинить ее в колдовстве.

9 мая Людовик подписал указ о начале следствия.

Сначала судьи рассматривали финансовые махинации. Бумаги, сохраненные Леонорой, доказывали их размах и выявили причастность к ним Марии Медичи, которая, по крайней мере, прикрывала их своим авторитетом.

Второй пункт обвинения касался вмешательства Кончини в государственные дела. Действительно, в 1616 году Леонора способствовала отставке бывших министров Генриха IV и их замене на более послушное правительство. Но из документов ее процесса становится ясно, что она редко вмешивалась в

собственно государственные дела — ее больше занимали домашние.

Леонору попытались обвинить в причастности к убийству Генриха IV, но и это обвинение, как и предыдущие, оказалось несостоятельным и не могло стать основанием для смертного приговора.

Тогда Люинь решил через Бельгарда напомнить судьям об их долге и заставить рассмотреть обвинение в колдовстве: Леоноре вменяли в вину то, что при ней находились врачи-евреи и она прибегала к помощи колдунов.

Врачом Леоноры с сентября 1612 года до его смерти в декабре 1616-го был португальский еврей Филотей Монтальто. В то время каббалистика, магия и колдовство считались единым целым, поэтому в происхождении Монтальто судьи могли найти основу, на которой будет строиться обвинение в колдовстве.

Подтвердить виновность в колдовстве должно было обвинение в использовании ритуалов заклинания злых духов. Леонору обвиняли в том, что она вызвала из Нанси в Париж монахов-амвросианцев, устраивающих странные ночные молебствия. Исповедника королевы отца Роже обвинили в принесении в жертву петуха, что было серьезным обвинением — его было достаточно, чтобы отправить на костер десятки людей. Но отец Роже доказал, что история с петухом была чистой выдумкой и уточнил, что амвросианцы из Нанси используют только очистительные ритуалы, должным образом утвержденные и разрешенные церковью.

Все это оказалось не слишком убедительным, и за неимением солидных доказательств оставалось обвинить Леонору в участии в шабаше ведьм. Леонора не смутилась — доказательств и признаний не последовало. Некоторые судьи в таких условиях отказались поддаваться нажиму со стороны Люиня и его друзей. Но судьба Леоноры была решена еще в первый день, поэтому суд *обязан* был вынести смертный приговор.

8 июля суд вынес смертный приговор, осудив вдову Галигаи за преступление против Бога; ей будет отрублена голова, сожжена вместе с телом, а пепел развеян. Леонора была готова к изгнанию из Франции, но совсем не ожидала смертного приговора. Выслушав приговор и получив отпущение грехов, она села в телегу, которая повезла ее на Гревскую площадь.

Огромная толпа встретила ее враждебными выкриками: «Дьяволица! Ведьма!» Леонора, твердо ступая, поднялась на эшафот и громко сказала, что прощает короля, королеву и весь народ. Теперь все запели *Salve Regina.* Палач срезал ей воротник

рубашки, завязал глаза. Одним ударом отрубил голову и бросил в костер, пылавший около эшафота.

Ришелье в *Мемуарах* свидетельствует, что она удивила всех своим мужеством, а зеваки из толпы, во всяком случае, многие, стали оплакивать ее судьбу.

Людовик XIII предпочел в этот день уехать из Парижа, но, вернувшись, не мог найти покоя даже ночью: рассказ о казни, повторенный несколько раз придворными, постоянно всплывал в памяти.

Люиня угрызения совести не мучили. Он получил все имущество Леоноры, правда, когда общество выразило свое неодобрение, избавился от особняка на улице Турнон. Часть сумм, помещенных за границей, Люинь смог получить только после бесконечных переговоров, а от другой части ему вообще пришлось отказаться.

11 сентября 1617 года Люинь женился на очаровательной Марии де Роан-Монбазон — триумф «короля Люиня», который сыграет главную роль на французской политической сцене в ближайшие четыре года. Для Марии Медичи это будет тяжелое время.

Глава XI
ПРАВЛЕНИЕ ЛЮИНЯ

Люинь

Шарль д'Альбер де Люинь менее всего подходил для выполнения тех функций, которые ожидали его при Людовике XIII. В момент государственного переворота ему было 39 лет. Краснобай, как и все южане, но известный трус. Тем не менее в то время Люинь был единственным, кому доверял Людовик. Кончини пал, и его час пробил.

Один фаворит сменил другого. Однако Люинь предан своему повелителю. Когда король болен, он ночь напролет сидит у его постели. Затруднения с речью только усилили природную сдержанность короля — от этого он кажется робким, но, разговаривая с Люинем, изливает тому душу. Это его наперсник, друг, их отношения прямые и очень простые. Злые языки утверждали, что Люинь — «миньон» короля, который ему ближе, чем Анна Австрийская. Посол Венеции заметил, как «необычайное внимание и любовь» король проявляет ко всему, что говорит г-н де Люинь, поскольку «хорошо только то, что делает он». Мария Медичи, выведенная из себя его влиянием на ее сына, называет фаворита не иначе как «демон, который овладел королем, делая того глухим, слепым и немым».

Люинь красив, даже его враги признают его очарование и обольстительность. Он очень привязан к королю и ревниво относится к любому, кто хотя бы делает попытку заменить его при Людовике.

По словам его врагов, Люинь имел шесть недостатков: бездарен, чересчур тщеславен, скуп, нерешителен, никогда не держит слово и отличается полным отсутствием смелости. Все это правда. В 1621 году, когда Люинь управлял страной уже четыре года, нунций Корсини говорил о нем, как о неспособном разобраться в государственных делах, поверхностном, слабом, единственно стремившемся защищать свои личные интересы и увеличивать собственное состояние. Посол Англии говорил о невежестве, посол Венеции — о неразумности, легкомыслии, если не сказать — глупости. Герцога де Роана возмущали «предательство и вероломство его низкой души».

Как и Кончини, Люинь быстро разбогател. Его состояние огромно. Друзья Люиня советовали ему быть более сдержанным и не пытаться всюду совать нос. Но человеку безрассудному трудно следовать такому совету: несмотря на доброту короля, он все-

таки выведет его из себя своим невежеством.

Несмотря на возвращение бывших министров, правление Люиня стало продолжением семи лет нестабильности, волнений и злоупотреблений, которые переживала Франция во времена Кончини.

Государственные мужи

Люиня окружали две группы людей: приближенные и министры. Первую составляли те, кто вместе с Люинем входил в малый совет короля и готовил государственный переворот 24 апреля 1617 года: оба брата фаворита — Кадене и Брантес, его кузен барон де Моден, но главное — активный Дежеан. Правда, братья и кузен — люди малозначительные — были больше озабочены увеличением собственного состояния, чем государственными делами.

Единственный, кто имел опыт ведения государственных дел, — это Дежеан. Желая выяснить мнение французского правительства по тому или иному вопросу, просили аудиенции у «Люиня и Дежеана». Великий труженик уходил из Лувра после полуночи. Активный и умный, рассудительный, он становится одним из вдохновителей политики, которая велась от имени короля Франции, достаточно ловким, чтобы сделать из Люиня своего друга. Доверие Люиня ударило ему в голову, и Дежеан пишет не задумываясь королю напрямую. Он так и не вошел в правительство окончательно, но все знают о его всемогуществе. Власть сделала его жестоким, высокомерным и грубым. Он хладнокровно провоцировал Люиня на ошибки.

Слишком самоуверенный, Дежеан принимал решения, даже не позаботившись ставить в известность Люиня. В декабре 1618 года Люинь был вынужден просить его не появляться больше в совете. Но в итоге его отстранение от власти стало просто необходимым в интересах правительства.

Главную роль в управлении страной играл Совет короля. Впрочем, Люинь, осознавая свою слабость, в день убийства Кончини призвал, как известно, бывших министров Генриха IV. Самым значительным из всех был Вильруа: человек уважаемый и прекрасно разбиравшийся в людях и делах, сторонник союза с Испанией, склонный, тем не менее, к компромиссу и как говорили, продажный. Увидев его 24 апреля 1617 года, Людовик XIII воскликнул: «Отец мой! Я теперь король, не бросайте меня!» Но Вильруа недолго будет участвовать в правительстве Людовика XIII: он умрет 12 ноября 1617 года.

Место Вильруа займет канцлер Сильери. Как и Вильруа, он благосклонно относится к Испании и предпочитает компромиссы. С конца 1617 года именно он будет отвечать за политику правительства Франции.

Сильери ввел в состав правительства своего сына Пюизье,

который контролировал целиком все иностранные и военные дела и имел больше, чем любой другой, полномочий в правительстве. Но он был всего лишь тенью своего отца — старого канцлера.

Хранитель королевских печатей дю Вэр и суперинтендант финансов Жаннен воплощают собой преемственность политики, выступая за наведение порядка в финансах и пытаясь победить порывы и капризы Люиня, скрывающие его врожденную нерешительность. Полезные в повседневном управлении делами, они оказываются ничтожными, когда надо принимать значительные решения.

Так кто же на самом деле главный в правительстве? Кто допустил, что Мария Медичи дважды выступила против сына? Кто разжег протестантские войны? Из-за кого от Франции отвернулись Германия и Италия? Скорее всего, виновата сама система правления. Чрезмерные полномочия вкупе с отсутствием политического опыта превратили Люиня в игрушку Дежеана. Исчезает Дежеан, возникает тандем Сильери — Пюизье. Но при этом появляется новый фактор: личность Людовика XIII, которого интересует только несогласие с протестантами.

Людовику XIII требовался наставник. Сначала он думал, что нашел его в лице Вильруа, но тот слишком скоро умер, Люинь в этой роли, к несчастью, бездарен. Отсюда — непоследовательность, поспешные решения, а позже — согласие помирившегося с матерью Людовика XIII править с ней вместе, когда Мария Медичи вернется в Совет короля, и включение Ришелье в состав правительства.

Политическая ситуация в королевстве — как внутри, так и за его пределами — ухудшалась день ото дня. Из-за проблем Германии и Вальтелины Франция лишится результатов многолетних усилий по подрыву могущества Габсбургов и сохранению равновесия в Европе. Внутри страны борьба с протестантами окажется тоже безрезультатной.

«Пражская дефенестрация»

В XVII веке Богемия играла роль первостепенной важности в поддержании политического и религиозного равновесия в Европе. Со своими присоединенными провинциями Силезией и Моравией Богемское королевство входило в состав Священной Римской империи. Ее король был одним из семи курфюрстов императора. Но сама страна не была немецкой: большинство населения составляли чехи, а протестантство было главной религией, хотя корона по традиции передавалась государю из семьи Габсбургов, следовательно, католику, и католическое дворянство оставалось очень влиятельным.

В начале XVII века в Богемии было относительно спокойно. Рудольф II Габсбург, король Богемский и император Германский, подписал нечто вроде Нантского эдикта — «Письмо Его Величества».

Рудольф II умер в 1612 году, не оставив прямого наследника, его преемником стал брат Матвей, тоже не имевший сына. Ожидалось, что ему унаследует один из Габсбургов — эрцгерцог Фердинанд Штирийский, кузен Рудольфа и Матвея, бывший воспитанник иезуитов, умный, деятельный и ревностный католик. На него возлагали большие надежды папа, Мадридский двор, иезуиты.

Еще при жизни король Матвей созвал Богемские штаты и предложил назначить его преемником эрцгерцога Фердинанда Штирийского. Штаты это предложение утвердили. После этого избрание Германским императором явилось простой формальностью и обеспечивало бы само собой еще и корону Венгрии.

Но непредвиденная неприятность все испортила.

В мае 1618 года Матвей запретил созыв ассамблеи Защитников веры, но протестанты на этот запрет внимания не обратили: 21 мая депутаты все-таки собрались. Им оказал сопротивление регентский совет, правивший Богемией в отсутствие Матвея, находившегося в Вене. Особенной стойкостью отличались два дворянина-католика — Славата и Мартиник. 22 мая начались демонстрации протестантов на улицах. 23-го утром сотни протестантов захватили королевский дворец в Праге и потребовали у Славаты и Мартиника разрешения на проведение ассамблеи. Депутаты повторили отказ, и тогда возбужденная толпа схватила их и выбросила из окон дворца в ров. Никто не пострадал, но «пражская дефенестрация» (выбрасывание из окна. — *Прим. ред.*) стала началом настоящего бунта

протестантской Богемии против католического суверена. Регентский совет заменен на Директорию из 30 членов, которая берет власть в свои руки.

Видя, что бунт усиливается, Матвей сначала пытается найти компромисс, а потом решает послать против мятежников армию. Столкнувшись с войсками Директории, армия отступила. Богемские штаты торжествовали. Тем временем внезапно умирает Матвей (март 1619-го), и штаты, отказавшись признать Фердинанда королем Богемии, объявили престол вакантным. С этого момента дело вышло за пределы Богемии и даже Германии и стало европейским.

Соединенные провинции, как и следовало ожидать, приветствовали восстание чехов и выразили готовность оказать чешским протестантам помощь в борьбе против Габсбурга-католика. В протестантской Англии общественное мнение поддерживало чехов, а королевское правительство проявило сдержанность: Яков I не хотел ссориться с Испанией, а мадридские Габсбурги в случае конфликта немедленно стали бы на сторону Габсбургов венских. Кроме того, у него начались трудности в отношениях с парламентом, которые впоследствии, при Карле I, приведут Англию к революции, гражданской войне и казни короля. В богемском деле Яков I реагирует, прежде всего, как суверен.

Во внешней политике Франции еще со времен Генриха IV королевское правительство поддерживает государей протестантов, стремясь ослабить Габсбургов. Поэтому бунт в Богемии мог бы только радовать. Но политика Генриха IV — это не обязательно политика Людовика XIII, который считает, что интересы католической религии — прежде всего. С другой стороны, он полагает, что бунт богемских протестантов может иметь тревожные последствия во Франции, и в конце концов откровенно враждебно настраивает себя по отношению к чехам.

Даже в Германии мнения разделились. Некоторые князья-протестанты не проявили особого энтузиазма: чехи, их братья, — прежде всего бунтовщики, за что следует судить. Единственный кто из князей-протестантов открыто и честно выступил в защиту мятежников, курфюрст Пфальцский Фридрих V, был избран королем Богемии 26 августа 1619 года и несмотря на советы Франции принял этот титул.

Белая Гора (8 ноября 1620 г.)

После смерти Матвея имперские курфюрсты избрали императором Фердинанда, что не изменило планов Матвея — подчинить Богемию. В его распоряжении — войска, поставленные Испанией и оплачиваемые папой и Великим герцогом Тосканским. Ему противостоит протестантская армия Директории Богемии и дополнительная армия курфюрста Пфальцского. Военные действия идут достаточно вяло, но постепенно конфликт становится международным. Протестантов поддерживают Соединенные провинции и князь Трансильвании. В католическом лагере Фердинанд получает помощь короля Польского, курфюрста Саксонского, Католической лиги и Франции.

Вчерашний враг Габсбургов, Франция сегодня их союзница и старшая дочь церкви. В Париже потирают руки нунций и посол Испании. Нет только Марии Медичи — самой крепкой опоры католицизма во Франции: она дуется у себя в губернаторстве Анжера и собирает туда всех недовольных и озлобленных дворян.

Но Пюизье удалось убедить короля не предоставлять военной помощи, а предложить посредничество. В Ульм направляется французское посольство, которое пытается, прежде всего, остановить разрастание конфликта и ограничить его только территорией Богемии. В июле 1620 года подписан договор, по которому Германию вывели из игры.

Но никто не предусмотрел последствий этого договора: Фердинанд повел свои войска на Прагу. 8 ноября 1620 г. произошло сражение, закончившееся разгромом протестантских войск. Курфюрст Пфальцский покинул город, который захватила армия Фердинанда. Битва при Белой Горе означала подавление мятежа и триумф католического дела.

В завоеванной Богемии Фердинанд провел жестокие репрессии: предводители были казнены, поместья мятежников конфискованы и распределены между приближенными императора, протестантский культ запрещен, а «Письмо Его Величества» отменено. Через несколько лет Фердинанд отменил передачу короны Богемии через выборы — теперь она переходила по наследству в семье Габсбургов. Он проводил политику германизации и обращения населения в католицизм.

Как император Фердинанд изгнал из страны немецких князей, которые воевали против него: в 1621 году он захватывает Пфальц, владения князей Анхальтского, Егерндорфа, Гогенлоэ.

Эта победа стала победой католицизма. Могущество

Габсбургов значительно укрепилось, а французская дипломатия была дискредитирована в глазах своих протестантских союзников, оказавшись не в состоянии сохранить мир в Германии. Триумф Фердинанда толкал протестантские государства к войне. Битва при Белой Горе стала началом общего конфликта, который закончится только в 1648 году и войдет в историю как Тридцатилетняя война. А Франция, которая могла бы оказаться вне военных действий, окажется в них втянутой.

Вальтелина

Вальтелина — так называется долина реки Адды до впадения ее в озеро Комо на севере Италии. Долина имеет очень важное стратегическое значение, потому что дает возможность попасть из герцогства Миланского в Австрию через Тироль и открывает удобный путь сообщения между Северной Италией и Южной Германией. Прежде всего она необходима Габсбургам: Вальтелина — значит надежный проход между испанскими владениями в Италии, с одной стороны, а с другой — между Франш-Конте и Испанскими Нидерландами. Чтобы ослабить испанское влияние в Северной Италии, Генрих IV заключил договор со швейцарцами.

Населявшие долину католики говорили на итальянском языке, но зависели от протестантского швейцарского кантона Граубюндена. В 1617 году вальтелинцы-католики взбунтовались против своих сюзеренов из Граубюндена. Испанцы, которых они просили о помощи, не торопились вмешиваться, стремясь выяснить реакцию французов. Бывшие министры Генриха IV были сторонниками сюзеренной власти Граубюндена над долиной и не желали допускать туда испанцев.

Но Люиня это особенно не интересовало, он лишь время от времени делал угрожающие заявления. Но главное, внутренние осложнения — война с протестантами и Марией Медичи — поглощали все силы и энергию. Этим воспользовались испанцы и изгнали из Вальтелины лигу Граубюндена.

Французам оставалось только послать Бассомпьера для переговоров в Мадрид. Его миссия увенчалась успехом — 25 апреля 1621 года был подписан Мадридский договор, восстановивший сюзеренитет Граубюндена над Вальтелиной, взамен лига Граубюндена обязалась помиловать всех взбунтовавшихся подданных и не противиться отправлению католического культа.

Поездка Бассомпьера в Мадрид стала поводом для забавного анекдота, рассказанного Тальманом де Рео. Возвратившись из Испании, Бассомпьер описал Людовику XIII, как торжественно он въезжал в Мадрид на великолепном маленьком муле, которого ему прислал король Испании. «О, это, наверное, было прекрасное зрелище, — засмеялся Людовик, — осел на муле!» — «Невероятно прекрасное, сир, — не остался в долгу Бассомпьер, — представлял-то я вас».

Но надо было еще выполнить договор. Герцогство Миланское было слишком далеко от Испании, поэтому испанцы продолжали удерживать Вальтелину до сентября. Лига Граубюндена проявила самостоятельность и напала на испанцев. Но атака была отбита, а к концу года вся Вальтелина оказалась в руках испанских и австрийских армий. Великодушный герцог де Фериа предложил граубюнденцам союз с Испанией. Беспомощность Франции толкнула их принять это предложение, и в середине января 1622 года был заключен Миланский договор, по которому лига отказывалась от своего сюзеренитета на Вальтелину.

Это был провал французской внешней политики: занятый войной с протестантами внутри королевства Париж мог действовать только на словах и предал традиционных союзников Франции. Таким образом, германский и вальтелинский вопрос существенно нарушили равновесие в Европе.

В Беарне

Пробуждение католицизма привело к тому, что протестанты заняли оборонительные позиции. Многие из них, особенно дворяне, обращались в католичество, которое вошло в моду и развивалось, в то время как протестантство переживало упадок. Лишившись верхушки, протестанты были вынуждены яростно защищать свои права в тех регионах, где были особенно сильны: Пуату, Беарн (там католицизм оставался под запретом), Лангедок, и больших крепостях: Ла-Рошель, Монтобан, Ним.

Беарн станет крепким орешком во взрывоопасной ситуации, которая приведет к религиозным войнам Людовика XIII: они будут продолжаться около десяти лет и окончатся только после взятия Ла-Рошели 29 октября 1628 года и подписания «Эдикта милости» в Алесе 28 июня 1629 года.

Беарн — родовые земли Генриха IV — так и не был окончательно присоединен к Франции, несмотря на решение 1607 года. Получив папское прощение, Генрих обязался восстановить католический культ в Беарне и вернуть церкви захваченное имущество. Ни он, ни Мария Медичи не спешили выполнить эти обещания. Но когда власть перешла к благочестивому Людовику XIII, через два месяца после государственного переворота 25 июня 1617 года он издал указ о возвращении церковного имущества католическому духовенству. Король был готов заставить кальвинистов Беарна сделать это, применив силу. Но беарнские пасторы решительно воспротивились королевскому указу и в По начались волнения.

Король страдает — оскорблено Его Королевское Величество, но Люинь советует ему проявить терпение. В течение всего 1619 года не было принято никакого решения. Кроме того, Людовик был занят войной с Марией Медичи — второй войной Матери и Сына.

После ее успешного завершения во главе своей армии Людовик XIII отправляется в Пуату — оплот протестантов. Ришелье советует ему двигаться дальше — в Гиень. В Бордо губернатор Гиени маршал-герцог де Ла Форс и президент Суверенного совета Беарна Казо призывают его к осторожности: они перечисляют Людовику XIII все опасности начала бунта в этой забытой Богом провинции с плохими дорогами, где уже пятьдесят лет безраздельно царит протестантство. Но Людовик намерен проявить твердость и лично отправиться в По: «Я не боюсь ни погоды, ни дорог, не боюсь верующих, а если вы считаете, что моя армия не сможет переправиться через реку за

двенадцать дней, я покажу, как это делается за неделю».

7 октября 1620 года Людовик покидает Бордо без Люиня, который отказался участвовать в экспедиции, выразив таким образом свое неодобрение. 14 октября король прибывает в По. Члены Суверенного совета являются просить его о прощении. «Служите мне лучше в будущем, и я забуду прошлое», — говорит им Людовик. 19 октября он клянется уважать привилегии Беарна и Нижней Наварры, а взамен Суверенный совет По и Суверенный совет Наварры приносят ему клятву повиновения. Людовик распускает оба совета и создает парламент По.

20 октября Людовик XIII присутствует при торжественной процессии восстановления религиозного культа. В тот же день он приказывает вернуть имущество церкви.

Людовик XIII возвращается в Париж 7 ноября и первым делом навещает королеву-мать, с которой он торжественно заключил перемирие. Король опьянен своим триумфом. Но долго он не продлится, потому что беарнское дело сыграет роль детонатора в разжигании религиозных войн.

Первая религиозная война Людовика XIII и смерть Люиня

Протестанты решили собраться в Ла-Рошеле и рассмотреть сложившуюся ситуацию. Это было незаконное собрание: на то не было разрешения короля. Но оно ознаменовало собой важный поворот в делах королевства: протестанты организовали государство в государстве, что означало возможный разрыв национального единства и конец религиозного мира.

Ассамблея протестантов поднимает налоги и начинает собирать армию. Она требует, чтобы Людовик XIII отменил меры, принятые в Беарне. Оскорбленный король приказывает зарегистрировать в парламенте декларацию, обвиняющую участников ассамблеи в оскорблении Его Величества. Королевская декларация только ужесточила позиции гугенотов. В конце февраля 1621 года полк протестантов захватил Прива и разбил королевские войска, прибывшие из Лангедока.

Когда у Марии Медичи спросили совета, она рекомендовала выждать, впрочем, как и епископ Люсонский и главные советники короля. Было решено пойти на переговоры. Люинь, стремясь сохранить внутренний мир, предложил компромиссное решение: король отменит свой указ, если ассамблея будет распущена, потому что для Люиня и советников короля дело не в религии, а в повиновении королю. Но переговоры затянулись. Устав от всех проволочек, Людовик XIII решает покончить с этим и наказать бунтовщиков. 31 марта 1621 года он возвел Люиня в сан коннетабля и увеличил налог на соль, что дало ему 2 миллиона ливров для ведения войны.

Напрасно Люинь и все министры уговаривали короля продолжить переговоры. Людовик XIII решил силой заставить ему повиноваться. Он приказал осадить крепость Сен-Жан-д'Анжели, удерживаемую сильной протестантской армией. Город капитулировал, а после него сдались один за другим Понс, Кастильон, Сент-Фуа-ла-Гранд, Нерак, Комон. Герцог д'Эпернон осадил Ла-Рошель. Взбунтовавшихся протестантов Беарна быстро усмирили несколько королевских полков.

Все поздравляли короля, считая, что военная кампания окажется короткой. Но при этом как-то забыли о некомпетентности Люиня — коннетабля поневоле. Не дождавшись от духовенства денег на продолжение войны и боясь, что военные действия затянутся до зимы, Люинь решает срочно

осадить Монтобан — одну из лучших крепостей протестантов, ключевую позицию между Гиенью и Лангедоком. Осада ведется непрофессионально, протестанты нападают на королевские войска. Потери велики, увеличивается число дезертиров. На помощь городу приходит настоящая армия. Люинь пытается начать переговоры, но протестанты не склонны проявлять гибкость. В конце октября осажденные делают вылазку, захватывают траншеи королевской армии и подрывают весь их пороховой запас.

10 ноября 1621 года Людовик XIII и Люинь снимают осаду Монтобана.

Королевская армия разбегается. Протестанты собирают оружие и усиливают крепости. Люиню нужен хотя бы крошечный успех. Он осаждает городок Монер на Гаронне, который сдается 12 декабря. Королевская армия сожгла город и вырезала жителей: бесполезная и жалкая месть, которая никоим образом не спасла престижа короля. Уставший и больной Люинь стал жертвой крапивной лихорадки, от которой и умер 14 декабря 1621 года.

Тщеславие, трусость, промедление, ошибки во время осады Монтобана — все это уничтожило веру короля в своего фаворита. Жадность Люиня уже не знала границ. Король был недоволен хвастливой пышностью, которой окружал себя коннетабль. «Смотрите, — сказал он однажды Бассомпьеру, — король вошел». Перед осадой Монера Люинь писал: «Я не боюсь ни этой женщины, ни ее интриг, потому что этот человек меня настолько опасается, что ничего не сможет сделать так, чтобы я не узнал. После взятия Монера я установлю мир и устроюсь настолько хорошо, что уже ничего не буду бояться».

Эта женщина — Мария Медичи. Этот человек — не кто иной, как Людовик XIII.

Смерть спасла Люиня от немилости. В качестве надгробного слова Людовик XIII произнес жестко: «Ему в самом деле чего-то не хватало».

Глава XII
МАТЬ И СЫН

Отставка королевы-матери

Государственным переворотом 24 апреля 1617 года Людовик XIII отыгрался за жестокое воспитание в детстве, виновницей которого считал свою мать, за ее опекунство до его совершеннолетия и даже после, наконец, за все более и более неприкрытое предпочтение младшему брату короля — красавцу Гастону Орлеанскому. Освободившись от материнской опеки, Людовик XIII был настроен по отношению к Марии Медичи совершенно непримиримо. Никто больше ее не навещает: Гастону и другим детям запрещено ее видеть, Анна Австрийская, принцесса крови графиня де Суассон просят разрешения утешить бывшую регентшу, но в ответ слышат: «Нет». Королеву-мать сторожат двенадцать телохранителей короля. Уже вечером 24 апреля Людовик приказал разрушить мост, по которому королева могла пройти из своих апартаментов к берегу, чтобы пресечь любую попытку к бегству. Из трех дверей, ведущих в апартаменты королевы, он приказал заложить две, а третью охраняли его гвардейцы. В спальне королевы обыскали все — даже ее постель. Только посол Великого герцога Тосканского Бартолини смог ее навестить, пройдя по тайной лестнице. Он увидел, что несчастная Мария Медичи впала в отчаяние, плакала и была уверена, что ее ожидает изгнание. Действительно, ссылка была единственным возможным решением, оставалось только определить ее условия.

По просьбе нунция Бентиволь переговоры были поручены епископу Люсонскому, способности которого он высоко ценил, и Бартолини, который имел влияние на королеву.

1 мая Мария передала своему сыну через Ришелье следующие предложения: она готова покинуть Париж, просит сохранить ей власть в новой резиденции, а также все ее доходы, она хотела, чтобы с ней были две ее незамужние дочери — Кристина и Генриетта, наконец, она хочет перед отъездом увидеться с сыном.

Людовик отказался отпустить сестер, но позволил матери забрать часть ее гвардейцев и жить в Блуа, он согласился также на все остальные условия.

Тогда Мария решила ускорить отъезд, который назначила на 3 мая. Встреча с сыном состоялась в передней ее апартаментов. Король явился первым. С ним младший брат Гастон Орлеанский, принц де Жуанвиль, Бассомпьер, Люинь, весь двор. Король совершенно невозмутим. После встречи он намерен ехать на охоту. Появляется королева. Ее осунувшееся лицо резко контрастирует с безмятежным лицом короля. Она расплакалась,

когда он сказал: «Мадам, я пришел сюда, чтобы попрощаться с вами и заверить, что буду о вас заботиться как о своей матери. Я хотел освободить вас от забот, которые вы взвалили на себя, занимаясь моими делами. Вам пора отдохнуть от них, а мне — ими заняться: я решил, что один буду управлять моим королевством. Теперь я — король. Я отдал необходимые распоряжения для вашей поездки. Прощайте, мадам, любите меня и я буду вам добрым сыном».

Королева, плача, ответила: «Сударь, я огорчена тем, что не смогла править вашим государством во время моего регентства так, как бы вам хотелось, но уверяю вас, что я приложила, насколько могла, свои усилия и старание, и молю вас помнить, что остаюсь вашей смиренной и покорной матерью и слугой».

Эта речь была написана заранее и обсуждена Люинем и Ришелье. Но королева добавила от себя просьбу отпустить с ней интенданта Барбена. Ей пришлось повторить ее несколько раз, но безуспешно: король ничего не ответил. Видя, что Людовик собирается уйти, она подошла к нему и поцеловала его. Король поклонился и удалился. Встреча закончилась.

Люинь задержался на несколько мгновений возле королевы. Она снова попыталась упросить его отпустить с ней Барбена. Но Людовик XIII властно призвал фаворита к порядку: «Люинь!», и тот поспешил занять свое место при короле. Толпа схлынула. Твердо ступая, Мария отправилась во двор Лувра, где ее ожидала карета и свита. Было два часа пополудни. Шел дождь. В карету королевы сели мадам де Суассон, де Лонгвиль, де Гиз — они будут сопровождать ее до Бур-ла-Рен. Кортеж охраняют рейтары короля, за каретой королевы следует большая карета с ее багажом, маленькая карета, кареты принцесс, которые привезут их из Бур-ла-Рен, кареты мадам де Гершевиль и мадам де Бресье, а замыкает кортеж скромная карета епископа Шартрского Филиппа Юро и епископа Люсонского герцога де Ришелье. Благодаря роли, которую он сыграл в переговорах матери и сына, ему разрешено сопровождать Марию Медичи в Блуа и исполнять там функции главы ее совета.

Людовик XIII смотрел, как удаляется кортеж. До сих пор невозмутимый, король не смог сдержать своей радости. С явным удовольствием он приказал выезжать в Венсенский лес на свою первую охоту в качестве суверенного государя.

Блуа

Бывшая регентша не предполагала, что она настолько не любима народом: по дороге население встречало ее насмешками и непочтительными словами. В Блуа ей был оказан весьма прохладный прием: горожане не особенно радовались тому, что им пришлось принять у себя свергнутую королеву. Не было ни пышных церемоний, ни фанфар — королева проехала через город и закрылась в замке, ставшем отныне ее резиденцией.

Но Мария по-прежнему была королевой. Ее доходы позволяли ей вести почти такой, как и в Париже, образ жизни. При ее дворе главную роль играл епископ Люсонский — будущий кардинал де Ришелье, глава совета королевы.

Мария Медичи разместилась в западной части замка (сегодня его не существует: на этом месте павильон Мансара). Чтобы сделать ее жилище достойным королевы, поменяли все стекла, полностью перекрасили замок. Наскоро был построен дополнительный павильон для кабинета и гардероба. Девять тяжело груженных повозок привезли в Блуа мебель из ее апартаментов в Лувре.

Бюджет Марии Медичи на 1618 год полностью повторял бюджет 1616-го. У нее своя печать, свои офицеры, свои гвардейцы. Дополнительная милость Людовика XIII: он передал в распоряжение матери шестерых швейцарцев из числа его личных гвардейцев.

Монотонную жизнь в Блуа иногда прерывают какие-нибудь непредвиденные развлечения. Сады — это владения Марии Медичи: она сажает апельсиновые деревья, жасмин и мирт, строит оранжерею, разводит розы. Она вызвала из Парижа своих певцов и музыкантов. Иногда устраивается концерт, приглашаются музыканты из Блуа. Мария слушает не только лютни и скрипки, но также волынку и гобой. Она по-прежнему любит балет и устраивает представления для своего маленького двора.

Очень редко обитателей замка развлекают спектакли проезжающих мимо актеров. Мария Медичи сама создает театр: для нее писатель Буаробер переводит модную итальянскую пьесу *Верный пастух*.

Она не забыла о своей страсти к бриллиантам и драгоценным камням: 9 октября 1618 года заплатила 800 ливров за «большие настольные часы с боем, украшенные бриллиантами», 5 декабря 1618 года покупает бриллиант за 8400 ливров.

Мария по-прежнему щедра к посетителям, которым

разрешено приезжать в Блуа, к членам своей свиты, к бедным и калекам. Она дает францисканцам деньги на строительство новой церкви. Церкви св. Николая она тоже дает деньги, с условием, чтобы ее колокола не звонили до десяти часов утра.

Спокойствие королевы — всего лишь маска. Она не смирилась с потерей власти и изгнанием. Она немедленно начинает плести интриги, которые должны вернуть ей власть, несмотря на то, что пишет Людовику XIII о раскаянии и добрых намерениях. У нее есть агенты, окольными путями она получает письма из Испании, Лотарингии, Италии, ведет тайную переписку с самыми неугомонными принцами.

Об этом очень быстро узнает Людовик. Он поражен, но не хочет признавать вины матери: «Я скрыл очень многое из того, что делалось против меня и моего государства людьми, которые утверждали, что делали это с вашего ведома и служа вам. Я вам обо всем доверительно сообщал и заверил, что у меня и мыслей не было заподозрить вас как участницу их дурных намерений или в том, что вы об этом знали».

Но король должен что-то делать. Прежде всего он сокращает количество визитов в Блуа, усиливает наблюдение за городом и его окрестностями, тщательно проверяются все, кто входит в замок и выходит оттуда. Но этого оказалось недостаточно, и было решено принять радикальные меры, удалив из Блуа главного (или главных) советника королевы.

Самым опасным считается Ришелье: он необыкновенно умен и коварен. Ему доверили сыграть роль миротворца, а он превзошел всех в искусстве лицемерия.

На заседании Совета короля было решено отправить Ришелье в ссылку, о чем сообщили его старшему брату маркизу де Ришелье. Получив письмо от него, младший брат не стал дожидаться приказа о ссылке и немедленно уехал из Блуа в свою епархию Люсон. Мария была в отчаянии: потрясенная, больная (пришлось пускать ей кровь), в страшной тревоге она пишет письмо за письмом, чтобы добиться возвращения своего епископа. Король непреклонен, и королева-мать вынуждена смириться.

Удаление Ришелье было ошибкой. Получается, что Мария Медичи — настоящая пленница: у нее не спрашивают мнения во время переговоров о браке ее дочери Кристины с князем Пьемонтским — наследником герцогства Савойского; внезапно меняют выбранного ею гувернера для сына Гастона Орлеанского. Следить за ней приставлен г-н де Руасси, который ежедневно отчитывается Люиню.

Люинь решает вырвать у нее письмо с признанием, что она плохо управляла государственными делами в течение семи лет своего регентства. Но Мария ничего не хочет слышать. Тогда он задумал поймать ее в ловушку с помощью Барбена, который находился в Бастилии и с которым ей разрешили вести переписку. Люинь делал копии со всех писем и сохранял их.

В начале 1618 года Люинь решил, что пора начать «дело Барбена», потому что враждебность общества по отношению к королеве сменилась на сочувствие: «Принцы теперь жалели ее и желали, чтобы она вернулась и заняла свое место при дворе, как раньше» (Ришелье, *Мемуары)*. В апреле 1618 года Люинь передал королю всю переписку королевы и Барбена, сопроводив ее рассуждениями о возникшей для престола опасности. Ничего не знавший Людовик страшно разгневался и приказал Люиню сурово покарать виновных.

Ришелье, который в этой истории был совершенно ни при чем, получил приказ короля покинуть королевство и отправиться в Авиньон, бывший тогда папским городом. Барбен приговорен к пожизненному заключению.

Королева-мать была ошеломлена. Она чувствовала себя виноватой и жертвой. В Блуа посылаются войска в подкрепление, ей запрещают покидать город, ограничивают прогулки, никто не может встречаться с ней без специального разрешения, ей угрожают изгнанием из королевства, если она не откажется официально от любой политической деятельности.

В сентябре 1618 года политика резко меняется: отозван мрачный тюремщик королевы де Руасси, от города отошли кавалерийские отряды. 30 октября Людовик XIII в собственноручно написанном письме разрешил своей матери выезжать из Блуа по ее желанию. 3 ноября Мария Медичи в свою очередь подписала знаменитое письмо раскаяния, которое от нее ожидали и текст которого продиктовал ей Люинь.

Победа фаворита короля вскоре обернулась против него. Окружение королевы-матери толкало ее к бунту. С конца ноября Мария воспряла духом и потребовала своего возвращения в Париж. Напрасно Людовик уверял ее, что она свободна в своих перемещениях. Мария утверждала, что с ней обходятся как с пленницей и ее жизнь может оказаться под угрозой. Ее жалобы — начало будущих действий.

Душой заговора стал интриган-флорентиец аббат Ручелаи. Он призывал Марию Медичи ответить на призывы недовольных чиновников, вельмож, раздраженных правлением Люиня,

Испании, папы и Тосканы, желавших возвращения королевы в Совет короля.

Но чтобы заговор состоялся, нужна была шпага — с этой целью нужно было заключить союз с герцогом д'Эперноном.

Первая война Матери и Сына

Герцог д'Эпернон — бывший миньон Генриха III, из главных лигистов, присоединившийся к Генриху IV и, возможно, виновный в его убийстве, имел огромную власть. Он был главнокомандующим королевских армий и имел в войсках реальный авторитет. Ему доверяли святой престол и Испания. Верный защитник католицизма, он не мог остаться в стороне от ссоры Людовика и его матери — опоры католичества. Кроме того, он разозлился, когда его третьему сыну — архиепископу Тулузскому — отказали в кардинальской шапке. Д'Эпернон устроил скандал в церкви Сен-Жермен-л'Оксерруа и, хлопнув дверью, уехал из Парижа в Мец — свое губернаторство. Именно там с сентября 1618 года начинаются интриги с Ручелаи.

Немного найдется романов плаща и шпаги настолько же захватывающих, как подлинная история приключений маленького флорентийского аббата: переодевания, неудавшиеся встречи, засады в лесу, гонцы, которые едва не попадают в руки людей короля, шифрованные письма и предательство. Но несмотря на шпионов и предателей Люинь так и не узнал, что готовилось. Однажды Винченци, бывший секретарь Кончини, которого королева отправила с письмом к герцогу д'Эпернону, был арестован в Труа и обыскан, но письмо не обнаружили. А жаль: это было очень важное письмо. Королева во имя памяти покойного короля Генриха IV заклинала д'Эпернона помочь ей и приводила аргументы, оправдывающие ее действия. Винченци смог передать драгоценное письмо герцогу.

В первые дни 1619 года все было готово. 31 января герцог д'Эпернон испросил разрешение короля отправиться в Ангулем — главный город своих губернаторств Ониса и Сентонжа. Но в итоге оказался в Лоше, где утром 23 февраля 1619 года к нему присоединилась Мария Медичи после своего невероятного побега из Блуа.

Новость о приезде герцога застала королеву врасплох. Письмо самого герцога она получила только 21 февраля. В окружении королевы говорили о ловушке и провокации, но все-таки готовили побег королевы. В ночь на 22 февраля граф де Бренн приготовил карету на левом берегу Луары (город и замок расположены на правом берегу). В полночь в окно спальни королевы постучал личный секретарь герцога д'Эпернона Дюплесси и сообщил ей о приезде герцога в Лош со свитой в 120 человек. Лестницы для побега были готовы, оставалось только

отправиться в путь. Марию Медичи сопровождают только граф де Бренн и Дюплесси. Она везла с собой очень немного вещей и большую часть драгоценностей.

Около шести часов утра, когда еще было темно, через окно, выходившее на западную террасу замка, Мария начала свой беспримерный спуск. Но из-за веса и тяжести шкатулок с драгоценностями она буквально соскользнула вниз. На террасе она очутилась ни жива ни мертва и решительно отказалась спускаться по еще одной веревочной лестнице к подножию стены. Тогда Марию и ее драгоценности завернули в простыни, тщательно обвязали и на веревке спустили в ров. Вторая часть спуска была менее блистательной, но зато и менее трудной для королевы-матери. Во время спуска уронили шкатулку с драгоценностями — одна из камеристок нашла ее в крепостных рвах через несколько часов, когда рассвело. Мария не стала оплакивать потерю, а поддерживаемая Дюплесси и де Бренном быстренько направилась к карете, стоявшей в укрытии.

Несмотря на все приключения: рискованный спуск с высоты 120 футов (40 метров), быструю ходьбу в столь ранний час, ее 46 лет и полноту, Мария чувствовала себя отлично. Она села в карету, которая галопом домчала ее до Лоша, где уже ждал герцог д'Эпернон. Оттуда они сразу же выехали в Ангулем, где находились сильные и преданные губернатору д'Эпернону войска.

Двор узнал о побеге в субботу, 23 февраля, около пяти часов вечера. Король жаждет мести. Начинается изобличение виновных. О Марии, разумеется, не говорят. Обвиняют ее окружение: герцог д'Эпернон, виновный в побеге королевы-матери, лишен всех своих должностей и губернаторств; аббат Руччелаи обвинен в том, что давал дурные советы королеве-матери. Затем началась подготовка к войне: Людовик XIII хочет лично покарать герцога д'Эпернона.

Члены совета призывают к осмотрительности. Вместе с королем за войну выступают герцоги Гизы, Майеннский, Лонгвиль, Вандом. Были собраны три армии — всего 30 000 пеших воинов и 6000 всадников. Но одновременно с этим г-н де Бетюн везет письмо Людовика XIII о примирении. Под влиянием Дежеана Людовик приказывает Ришелье выехать из Авиньона в Ангулем.

Руччелаи призывает Марию Медичи к столкновению, но герцог д'Эпернон не разделяет оптимизма флорентийца. Он не верит в прочность союза с принцами крови — герцогом де Буйоном и Карлом Лотарингским, ему слишком хорошо известно, как быстро они успокаиваются, едва король развязывает свой

кошелек. Мария Медичи — глава ультрамонтанской и происпанской партии — не сможет надеяться на союз с гугенотами и умеренными, которые посадили на престол Генриха IV. Наконец, у нее нет программы: ее единственное требование — возвращение к делам. От нее можно ожидать только водворения нового фаворита по образцу Кончини. Поэтому герцог д'Эпернон советует Марии начать переговоры.

После побега из Блуа общественное мнение склонялось в пользу короля, который действовал «во имя Франции», «во имя родины», а Мария Медичи оказалась всего лишь главой группировки, воплощением беспорядка. Пока Мария придирается к мелочам, Людовик восхищает словом, четким, сильным и определенным. Людовик XIII никогда не прибегает и не будет прибегать к уловкам и вводящим в заблуждение рассуждениям. А ведь ему всего лишь 18 лет! Теперь Мария имеет дело не с робким и боязливым мальчиком, к тому же заикой, но с достойным сыном Генриха IV.

Прибывший 27 марта в Ангулем Ришелье поддерживает герцога д'Эпернона. Королева-мать, наконец, решается на переговоры. Время не ждет: одна из королевских армий чуть было не захватила Ангулем. 30 апреля Мария Медичи принимает предложения Людовика XIII: Ангулемский мир положил конец первой войне Матери и Сына. Мария отказалась от губернаторства в Нормандии, получив взамен губернаторство Анжу и крепости Анжер, Шинон и Пон-де-Се. Она сохранила все должности, титулы и доходы, а король заплатил ее долги в сумме 1 800 000 ливров. Герцог д'Эпернон был прощен и восстановлен в титулах и должностях.

17 июля Людовик XIII направил своей матери письмо — настоящую программу примирения Матери и Сына: «Больше всего на свете мне хотелось бы, чтобы нас объединяла неразрывная дружба и полное согласие доброй матери и нежного сына». Он предлагает ей вернуться ко двору: «Я желал бы, чтобы вы заняли ваше место при моем дворе, как вы занимаете его в моем сердце», и встретиться как можно быстрее: «Молю вас, приезжайте как можно скорее и доставьте мне удовольствие вместе вернуться в Париж».

Мария Медичи тянет с ответом. К мирным переговорам ее склонил Ришелье, но опасный Руччелаи все еще здесь. Его сумасшедшие идеи начинают тревожить королеву, а слухи, им распространяемые, привели к дуэли между дворянином из окружения королевы де Темином и старшим братом Ришелье: последний был убит. Королева немедленно изгоняет Руччелаи.

Ришелье потерял брата, но получил титул канцлера и безграничное доверие королевы. Он подталкивает Марию воспользоваться добрым к ней расположением Людовика XIII, делая ставку на его искренность. Поколебавшись, Мария перестает изображать оскорбленную мать и соглашается встретиться с королем.

Встреча матери и сына должна произойти 5 сентября в замке Кузьера. Королева прибыла туда накануне — это замок шурина Люиня, г-на де Монбазона. Люинь уже был там, он бросился к ногам королевы-матери и заверил ее в своей абсолютной преданности. Мария отнеслась к нему милостиво: «Я знаю, что вы всегда были порядочным человеком, и король, мой сын, всегда был в хороших руках, поэтому он прав, что любит вас, и я вас тоже искренне люблю. Я хочу забыть то, что произошло, как будто бы мы никогда с сыном не расставались».

Король прибыл в Кузьер утром 5 сентября. Встреча матери и сына произошла на большой аллее, обсаженной деревьями: на каждой ветке сидели любопытные — конюшие, придворные, чиновники; много деревьев сломается под их тяжестью. Появилась королева, поддерживаемая Бренном и Бетюном, со всей своей свитой, во главе которой ее новый канцлер — епископ Люсонский. Подойдя к сыну, Мария Медичи троекратно поцеловала его. «Добро пожаловать, матушка, мне жаль, что не встретился с вами раньше, потому что я вас всегда ждал», — сказал ей Людовик XIII. Мария не скрывала своего волнения.

Со всех сторон раздаются приветственные возгласы. Формальное примирение, отмеченное подписанием Ангулемского мира, скреплено теперь сердечным примирением. Во второй половине дня Людовик снова встретился с матерью и искренне заявил ей о своем намерении сохранять восстановленное согласие: «Мадам, я сожалею о происшедшем. Дело не в моем плохом к вам отношении. В будущем мы должны сохранять нашу дружбу и союз».

Что было в Анжере?

После Кузьера Мария Медичи хотела немедленно отправиться в свое губернаторство Анжер, но Людовик стремился удержать ее на несколько дней возле себя. Она уступила, и днем 5 сентября они вместе отправились в Тур, где их встречала огромная толпа, радуясь при виде примирившихся на благо королевства матери и сына. Но чем больше король предупредителен, тем больше Мария Медичи становится скрытной и недовольной. У нее снова появилось чувство, что с ней обращаются не должным образом: они никогда не встречаются с сыном с глазу на глаз, король не выказывает особого удовольствия находиться в ее компании — он предпочитает купания в Луаре. Мария Медичи уязвлена, тем более что теперь ее заменила Анна Австрийская, которая не скрывает своего торжества и постоянно пытается одержать верх над старой королевой. Король простил, помирился, выражает искреннее желание жить в добром согласии с матерью, *но не допускает ее в свой Совет.*

Несчастье заключалось именно в этом. Мария Медичи любит деньги и почести, но еще больше — власть. После двух лет изгнания это стало ее навязчивой идеей. У нее нет собственной программы, но она хочет власти — реальную ценность для нее имеет только ее возвращение в совет. Но король не соглашается. Мария Медичи не ошибалась, когда видела в этом происки Люиня. Но того беспокоила не королева-мать: из тени выглядывал епископ Люсонский Ришелье, который только что продемонстрировал свое влияние на разум королевы. Допустить Марию в совет значило впустить туда Ришелье. А этого Люинь ни за что не хотел.

Поэтому когда Людовик стал торопить Марию Медичи вернуться с ним в Париж, она заявила, что собирается вступить во владение своим губернаторством Анжу. Несколько удивленный король тем не менее согласился и приказал городу Анжеру устроить его матери пышный прием. Но не доверяя ей, он приказал вывезти из цитадели Анжера находившиеся там запасы оружия и продовольствия.

В это время произошло событие, которое не могло не вызвать подозрения королевы-матери — освобождение принца Конде. С 1 сентября 1616 года он находился в тюрьме. Для освобождения принца Людовик XIII ждал периода спокойствия, что бы его решение не получило политической окраски. После встречи в Кузьере он решил, что такой момент наступил, и предупредил об

этом королеву.

17 октября 1619 года Совет короля одобрил освобождение Конде, а 20-го король принял принца, о чем сообщил Марии Медичи.

Но Люинь испортил все удовольствие. Он убедил Конде, что королева до конца противилась его освобождению. А короля — что нужно сделать официальное заявление, текст которого он составил сам и который мог только оскорбить Марию Медичи. В нем говорилось, что Конде признан невиновным, а в его аресте виновны те, кто, прикрываясь королевской властью, преследовал свои собственные выгоды.

Мария отреагировала на оскорбление, направив 7 декабря Людовику XIII резкое письмо.

Король явно ничего не понял, но 24 декабря отправил ответ — туманное письмо с извинениями.

Но удар был нанесен, и снова начался период озлобленности и упреков. 26 ноября Людовик XIII снова попросил свою мать вернуться в Париж. Королева ответила, что у нее нет денег. С каждым днем она выставляла все новые претензии: не предупредив ее, сыну Гастону дали нового гувернера; ни один из ее кандидатов не был посвящен в рыцари ордена Святого Духа; забыли об обещании заплатить все ее долги, и т. д., и т. п. Когда ей сообщили, что в Лувре готовят для нее ее бывшие апартаменты, она ответила, что ноги ее там не будет, потому что эти апартаменты стали для нее настоящей тюрьмой.

В расширении потока претензий главную роль играл Ришелье. Выступив миротворцем, теперь он откровенно подталкивал к гражданской войне, облекая это, разумеется, в приличествующую форму. Он должен был рассчитаться с Люинем — именно о нем шла речь в заявлении о невиновности Конде.

Теперь все недовольные устремились в Анжер. То, что говорилось против Кончини, теперь обращено против Люиня и его клана: они покупают губернаторства и города: «Если бы вся Франция продавалась, они купили бы Францию у самой Франции».

Короля все это выводит из себя, но ему трудно разобраться в обстановке. В начале 1620 года он просит королеву изложить ее личные претензии: «Я не знаю, почему вы проявляете неудовольствие — я не давал вам для этого никакого повода». Что касается ведения государственных дел, «то не было еще правительства, которое бы всем нравилось». Он снова уговаривает мать приехать в Париж, но, снова получив отказ, отправляется в Орлеан собственной персоной с намерением ехать оттуда в

Анжер. Мария Медичи передает ему, что рассматривает поездку как угрозу ее безопасности. Король возвращается в Париж с надеждой ослабить кризис. Он использует посредников: «Скажите моей матери, что я всегда готов радушно ее встретить и не устану просить приехать ко мне. Мой двор и все королевство будут ее почитать, что же до смутьянов, которые угнетают народ и хотят захватить власть, то я готов на любые меры, чтобы изгнать их из Франции и заставить мне повиноваться».

Эти «смутьяны» — принцы: герцог де Лонгвиль, поднимающий войска в Нормандии, Вандом — в Бретани, Ла Тремуль — в Пуату, д'Эпернон — в Сентонже и Ангумуа, Майенн — в Гиени, Монморанси — в Лангедоке, глава протестантов — де Роан. Вместе с Анжу — губернаторством королевы-матери — весь юг, запад и юго-запад могли выйти из повиновения королю. Но и восток тоже под угрозой: в Меце командует маркиз де Ла Валет, в Седане — герцог де Буйон, в Дофине — губернатор-протестант Ледигьер. В июле 1620 года сформировались две армии, причислявшие себя к партии Марии Медичи: одна в Пуату под командованием д'Эпернона, другая — армия Майенна — в Анжере: ее целью был Париж.

Вторая война Матери и Сына

В начале 1620 года Франция снова возбуждена. Людовик XIII сражается с многочисленными трудностями. В декабре 1619 года его ожидало горе: у Анны Австрийской случился выкидыш. Людовик необычайно внимателен и обходителен с королевой, но при дворе по поводу Анны Австрийской уже начинают злословить. Королю до этого и дела нет, но печаль жены, неделями не проходящая, значительно ухудшает его настроение.

Продолжаются распри с гугенотами. Уже два года попытки короля восстановить католический культ в Беарне наталкиваются на насмешливое сопротивление Суверенного совета По и населения Беарна.

В такой политической обстановке ведет свои интриги королева-мать. Людовик решительно настроен воевать.

7 июля король покидает Париж во главе семитысячной армии. Он направляется в Нормандию. Замок Кана сдается ему 17-го, без боя подчиняется Перш, и он направляется к Пон-де-Се — ключевой позиции при переправе через Луару, откуда ведут дороги на Сентонж и Пуату и дальше — на Лангедок. Замок Пон-де-Се защищают войска Марии Медичи.

Но силы оказались слишком неравными: у короля значительное численное превосходство и, кроме того, он защищает законность монархии. Можно восстать против правительства, но кто решится открыть огонь по самому королю? Бой длился три часа и закончился полной победой королевской армии. «Забава в Пон-де-Се», как ее назвали газеты, стоила жизни нескольким сотням человек, которые, в основном, утонули.

От имени Марии Медичи переговоры будет вести Ришелье — они закончатся подписанием нового договора 10 августа. Мятежники помилованы, им возвращены титулы и должности. Королева-мать получила 300 000 наличными на оплату своих долгов и заверение, что через год получит такую же сумму. Короче, не оказалось ни победителей, ни побежденных. Единственный, кто добился реальной победы в этом деле, — Ришелье, которому король пообещал испросить у папы кардинальскую шапку.

Теперь оставалось только повторить церемонию примирения, которая на сей раз состоялась в замке Бриссака. Встреча была ледяной: король прибыл верхом, Мария Медичи — в носилках. На расстоянии сорока шагов они сошли на землю, поцеловались, обменялись несколькими словами и разошлись в разные стороны. Подписав заявление, в котором Мария Медичи объявлялась

невиновной, король отправился на юго-запад решать, что делать с протестантами Беарна.

Примирение

По совету Ришелье, Мария Медичи присоединяется к королю в Пуатье, демонстрируя, таким образом, свое желание предать забвению войны Матери и Сына. В ноябре 1620 года король с триумфом возвратился в Париж после экспедиции в Беарн. Через несколько дней после него Мария Медичи безо всякой помпы вернулась в Париж, который она, униженная, покинула три года назад.

События последних месяцев сильно изменили ее как внешне, так и внутренне. Ее лицо, раньше такое сияющее и высокомерное, стало мрачным. Она больше не имеет ни власти, ни влияния на своего сына. Ее заменила соперница — правящая королева Анна Австрийская, которой Людовик XIII доверил регентство на время похода в Беарн. Теперь Мария во всем полагается только на Ришелье, который в состоянии привести ее к власти.

По договору от 10 августа Мария в любое время имеет свободный доступ к своему сыну. Правда, пока о совете речи нет: правительство отказало, потому что «она сразу же захочет разделить с королем его власть». Но Ришелье убедил ее не противиться: он знает, что долго это не продлится. Король ей за это признателен и спешит восстановить во всех правах. Тем не менее он осторожен и следит за ее поведением.

Весной 1621 года вся протестантская Франция всколыхнулась. Король готовится в поход, а Мария Медичи следует за ним — он не решился оставить ее в Париже. После блистательной победы в Сен-Жан-д'Анжели король топчется на месте в Клераке, терпит поражение в Монтобане, застревает в грязи Монера, где от крапивной лихорадки умирает 14 декабря 1621 года Люинь. Королева, сославшись на трудности поездки, отправляется к Ришелье в его фамильный замок, и они вместе радуются, узнав об этой неожиданной смерти. Все умные политики ожидают в скором будущем возвращения Марии Медичи к власти, их взгляды обращены на Ришелье.

Но снова никто не зовет ее в совет. Король очень нежен к матери, но опасается. Королева-мать не осмеливается настаивать. Людовик возвращается в Париж. 17 января 1622 года Мария Медичи, удвоив проявления нежности по отношению к сыну, посылает ему в качестве рождественского подарка изображение Людовика Святого, украшенное жемчугом и бриллиантами стоимостью в 30 000 ливров. Она собственноручно приписывает: «Я посылаю его вам вместе с моим сердцем и горячими молитвами, которые я возношу к Господу». Людовик благодарит

ее и посылает ей серьги стоимостью в 45 000 ливров. Так весь январь проходит в уверениях в дружбе и любви и попытках выяснить, каковы намерения короля в отношении к матери.

31 января Людовик XIII уступает наполовину: он решил, что *королева-мать может участвовать в заседаниях некоторых советов,* но не допускает ее к действительно важным делам. Мария понимает это, но ничем не выдает своего разочарования. Она снесла все обиды, даже когда король призвал в совет кардинала де Ла Рошфуко и сделал де Комартена хранителем печатей, а матери сообщил уже после того, как эти назначения были сделаны.

Как известно, Вальтелина и возобновление войны против протестантов позволяют Марии проявить себя, но к ее мнению король не прислушивается: он решил отыграться за неудавшуюся осаду Монтобана.

21 марта 1622 года Людовик XIII во главе своих войск покидает Париж. Королева хотела вместе с Гастоном следовать за ним, но, к удивлению, король отказал. Тем не менее она организует нечто вроде преследования, которое приводит ее в Нант. Она неоднократно пишет ему о желании быть рядом с ним, но король не собирается ждать королеву-мать. Весной и летом он одерживает одну победу за другой.

27 июня Людовик через Тулузу направляется в Лангедок и идет на Монпелье. Королева-мать с тревогой следит за этой энергичной кампанией: «Заклинаю вас заботиться о себе и помнить, что сейчас нехорошее время года в жарких провинциях». Вокруг Монпелье идут ожесточенные бои. Королевская армия теряет много солдат по сравнению с протестантами, которыми командует настоящий военачальник — герцог де Роан. 1 сентября Людовик начинает осаду Монпелье. Через полтора месяца король все еще топчется у стен города и милостиво встречает мирные предложения герцога де Роана. 19 октября 1622 года мирный договор в Монпелье повторяет уступки, предоставленные протестантам Нантским эдиктом, но запрещает проведение политических ассамблей и оставляет протестантам только две крепости — Ла-Рошель и Монтобан, а Роан получает 600 000 ливров и губернаторства Нима, Юзеса и Кастра. Мятежники получили полную амнистию и были восстановлены в своих должностях и титулах.

Этот мир не удовлетворил никого: ни протестантов, ни католиков. Разъяренный принц Конде, видя, что он не может ни

помешать мирному договору, ни разорвать его, просит разрешения покинуть страну и отправляется паломником в Италию.

Единственными победителями оказались Мария Медичи и Ришелье. Ришелье возведен в кардинальский сан. Конде, который мог бы стать его соперником, исчез. Радость короля, возвращавшегося с войны, была отравлена: он не может забыть, что королева осудила эту бесполезную борьбу. Анна Австрийская поставила под угрозу свое положение после еще одного выкидыша, происшедшего по глупости, а ссора, возникшая в королевской семье, способствовала сближению Людовика XIII с матерью.

В конце ноября он прибывает в Лион, где его встречают обе королевы. С Анной Австрийской Людовик любезен, но холоден. К Марии Медичи, напротив, бесконечно внимателен и предупредителен. Никогда еще король не воздавал больше почестей своей матери, чем теперь. Мария Медичи беседует с сыном об итальянских делах, о Вальтелине, Голландии. Ришелье дает ей советы, оставаясь в тени. Завтра королева-мать, полностью приобщенная к управлению страной, снова ощутит опьянение властью.

Глава XIII
НА ВЕРШИНЕ СЛАВЫ

Возвращение к власти

Казалось, что дорога к власти для Марии Медичи и Ришелье открыта. При дворе все ждали и хотели, чтобы Ришелье как можно быстрее вошел в правительство, настолько дела во Франции шли плохо и настолько дуэт Ришелье — Мария Медичи казался теперь последним спасением королевства. Примирение между Людовиком XIII и его матерью было полным. Теперь король настолько уважительно относился к ее высказываниям и настолько был благодарен ей за помощь, что собирал свой совет в спальне Марии Медичи, но это нисколько не мешало ему по-прежнему не доверять Ришелье и опасаться его амбиций.

Дело Вальтелины позволит кардиналу играть все более значительную роль в политике Франции — пока в рамках правительства.

Людовик XIII с безразличием отнесся к подписанию Мадридского договора между Граубюнденом и Испанией, предпочитая воевать с протестантами внутри королевства. Тогда Габсбурги с помощью австрийских армий под командованием эрцгерцога Леопольда, губернатора Тироля, захватили сам Граубюнден. Интервенция проходила снова под знаменем религии: Австрия заявила, что восстанавливает католичество в протестантском Граубюндене. Это было даже гораздо серьезнее, чем дело Вальтелины: в опасности было территориальное равновесие Центральной Европы.

В связи с серьезностью ситуации герцог Савойский отправляется в Авиньон просить Людовика XIII вмешаться. Но король не решается, хотя и при дворе, и в армии все больше и больше людей высказываются за военное вмешательство. Даже из Рима папа просит о помощи.

Французское правительство неспособно действовать. Канцлер Сильери слишком стар. Его сын Пюизье слаб и занят сколачиванием собственного состояния куда больше, чем службой королю. Королева-мать настаивает, чтобы Франция заняла твердую линию, но к ее словам не прислушиваются.

Министры снова решают использовать дипломатический путь и создают ненужную, как оказалось впоследствии, лигу с участием Франции, Венецианской Республики, Савойи и Швейцарской Конфедерации для борьбы с Австрией. Эрцгерцог Леопольд позволил себе роскошь мистифицировать французское правительство, решив передать построенные им на территории Граубюндена форты папским гарнизонам. Польщенный и

успокоившийся папа уже забыл о своем предубеждении против Габсбургов, и его явный нейтралитет сделал безосновательным существование лиги. Пока Людовик XIII интересуется исключительно охотой и итальянской комедией, Сильери и Пюизье добиваются назначения на пост суперинтенданта финансов маркиза де Вьевиля, который до сих пор блистал талантами в должности Главного сокольничего.

Король ни во что не вмешивается, а в это время Ришелье терпеливо создает представление о себе как о человеке, воплощающем совершенно другую политику. Но вот 1 января 1624 года король прогоняет Сильери и Пюизье и назначает Вьевиля первым министром. Ришелье опять не вошел в правительство. Людовик говорил: «Вот человек, которому очень хотелось быть в моем совете, но я не могу на это решиться после того, что он против меня сделал».

Демонстрируя неудовольствие, королева-мать не является на заседания совета. Ситуация в Вальтелине ухудшается день ото дня. Вьевиль полагает, что возвращение Марии Медичи в совет стало необходимым. Она предлагает ему сделку: пусть он сам предложит королю ввести Ришелье в совет и тогда она согласится вернуться и помочь правительству. У Вьевиля выбора нет, он соглашается, но произносит пророческие слова: «Мадам, то, что вы хотите, неизбежно приведет к моему падению. Не знаю, но, возможно, Ваше Величество однажды раскается в том, что вы продвигали человека, которого хорошо не знали».

24 апреля 1624 года Ришелье впервые заседает в совете. По настоянию Марии Медичи, король поручает ему вести дело Вальтелины.

Вскоре кардинал становится послом в Риме и занимается укреплением альянсов Франции против Габсбургов. Он не колеблясь называет Испанию врагом номер один: «Нет никаких сомнений, что испанцы стремятся к всемирному господству и до сих пор единственными препятствиями для них были разъединенность их территорий и нехватка солдат. Получив эти проходы в Альпах, они исправят и то и другое». В августе 1624 года Людовик XIII предлагает Ришелье должность первого министра. Кардинал представил королю список правительства, который тот принял без замечаний: маршал Шомберг, Марильяк, Моле, Шампиньи — люди честные и уже себя проявившие.

Вьевиль, видя, что происходит, подает в отставку, но король ее не принимает: он решается на арест. Вьевиль проведет тринадцать месяцев в замке Амбуаз, и его осудят за растрату.

Ришелье отдал все свои силы для решения дела Вальтелины.

Он дал инструкции маркизу де Кевру и отправил его в Швейцарию. Там 25 ноября маркиз подтвердил союзнический договор между Францией и Граубюнденом и добился от кантона обещания простить их взбунтовавшихся подданных из Вальтелины. На следующий день в Граубюндене началось восстание против австрийцев, а маркиз де Кевр во главе небольшой армии начал захватывать форты, находившиеся в руках папских войск.

Папа старался дипломатическим путем остановить наступление маркиза. Но в Париже он столкнулся с первым министром, твердость которого нисколько не походила на политику отступничества его предшественников. Тем временем маркиз разделался с папскими гарнизонами и занялся испанскими. В конце февраля 1625 года Граубюнден был освобожден, а испанцы изгнаны из Вальтелины. Мадрид молча покорился.

Так Ришелье начал осуществлять план, который он изложил королю: заставить уважать французское оружие в Европе и всеми средствами препятствовать усилению могущества Испании. Восстановление влияния Франции в Италии было большим успехом и было единодушно воспринято как проявление вновь обретенной национальной гордости. Мария Медичи, чья дружба с Ришелье только укреплялась, торжествовала. В 1625 году ей сопутствовала удача.

Люксембургский дворец

Мария Медичи никогда особенно не любила Лувр — мрачный, окруженный зловонными ямами. После смерти Генриха IV она начала подыскивать для себя другую резиденцию: неизбежно наступит время, когда ее апартаменты в Лувре займет властвующая королева. Ее выбор пал на пригород Сен-Жермен — приятный квартал, где много садов, особняков знати и монастырей. В этом квартале на улице Вожирар находился дворец герцога и пэра Франсуа Люксембургского, построенный в середине XVI века. К дворцу примыкал большой парк в 8 га, куда Мария Медичи любила приходить со своими детьми.

Овдовев, в 1612 году Мария купила особняк герцога и прилегающие к нему сад и парк за 93 000 ливров и сразу же начала приобретать соседние поместья для увеличения своих владений: несколько домов, ферму, сад, часть владений монастыря картезианцев. Во время своего изгнания в Блуа в 1617–1619 годах ее деятельность прекращается. Она снова начинает покупать земельные участки с 1620-го, а последний был куплен в 1624-м.

Таким образом, Мария Медичи стала владелицей поместья в 24 га. Она активно занималась обустройством садов — террасы, партеры, фонтаны. В одном только 1612 году было посажено 2000 вязов. Сохранились гравюры с изображением этих садов — их облик практически не изменился. Считается, что до сих пор еще стоят три вяза из тех, что посадила когда-то Мария Медичи. В 1620 году был построен фонтан Медичи — творение Соломона де Бросса.

Мария обустроила и обставила Люксембургский особняк по своему вкусу. Она очень часто отправляла туда своих детей, построив для их забавы зверинец с собаками, курами, кроликами и другими животными. Особняк использовался как загородный дом. Для жаркого времени года Мария приказала построить ледник.

Но королева не ограничилась уже существовавшими зданиями Люксембургского особняка: она намеревалась их дополнить дворцом, построенным по ее вкусу, похожим на дворец Питти, в котором прошло ее детство.

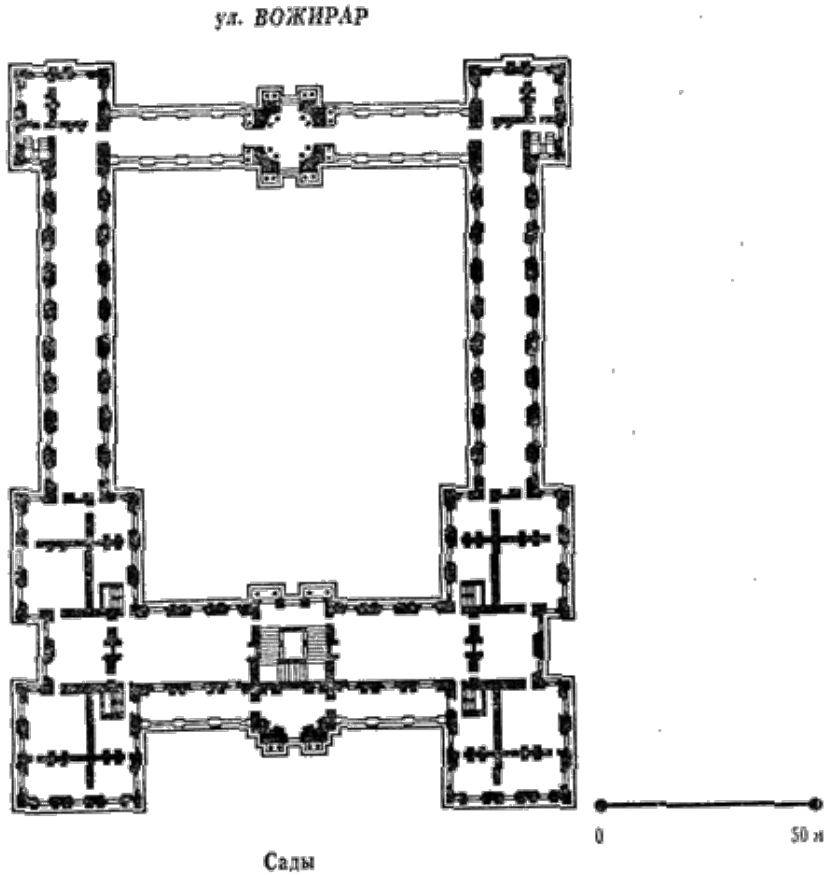
Соломон де Бросс представил ей свой проект. Но Мария Медичи не осмелилась принять решение сама. Проект Соломона де Бросса, даже если он и напоминал дворец Питти систематическим использованием рустик[7], оставался в рамках

дворцовой архитектуры, развившейся во Франции с XVI века под влиянием итальянцев, но при этом сохранявшей чисто французские традиции. Она отправила проект знаменитым архитекторам той эпохи и нескольким государям, вкус которых считался эталоном.

Проект получил практически единодушное одобрение, и Мария заключила договор с Соломоном де Броссом. 2 апреля 1615 года королева торжественно заложила первый камень. Она наслаждалась этим моментом счастья: Генеральные штаты завершились для нее успешно, почти все готово для заключения испанских браков — «великой идеи регентства». Мария Медичи находилась на вершине своего могущества.

Соломон де Бросс — сын и внук архитекторов: его отец — Жан де Бросс — был архитектором королевы Маргариты, первой жены Генриха IV, а мать — дочерью архитектора короля Якова I Андруэ дю Серсо.

Люксембургский дворец — проект Соломона де Бросса



Де Бросс уже работал в замке королевы Монсо-ан-Бри. Он великолепно знал технику строительства и имел солидные теоретические знания. Модный архитектор: строил Верней-сюр-Уаз для маркизы де Верней, Куломье — для герцогини де Лонгвиль, перестроил большой зал Дворца для Парижского парламента, строил Дворец парламента Бретани в Ренне, реконструировал протестантский храм в Шарантоне (де Бросс сам был протестантом).

По контракту, заключенному с Марией Медичи, Соломон де Бросс обязывался построить в соответствии с чертежами и сметой дворец общей стоимостью в 750 000 ливров, получая в год

заранее установленную оплату в размере 2400 ливров.

Чтобы лучше наблюдать за работами, архитектор и его сын на время строительства разместились в Люксембургском особняке, что оказалось весьма предусмотрительно: возникли непредвиденные трудности из-за того, что дворец строился на месте бывших карьеров, и пришлось предварительно укреплять грунт. Это отодвинуло начало работ до 1617 года, а после 24 апреля — убийства Кончили, которое повлекло за собой ссылку Марии Медичи в Блуа — они и вовсе прекратились.

С возвращением Марии Медичи в 1620 году работы снова возобновились, но к этому времени цены выросли, произошли разрушения, некоторые части здания пришлось перестраивать. Она поручила своему суперинтенданту финансов г-ну де Ришелье лично следить за строительством. Ришелье решил, что Соломон де Бросс прикарманил деньги.

Отношения между королевой и ее архитектором осложнились. Выплаты были приостановлены. Де Бросс прекратил строительство, хотя ему приказывали немедленно начать работы. Королева не знала, как справиться с такими заботами. Но 24 марта 1624 года права подрядчика были переданы г-ну Марену де Ла Валле, а Соломон де Бросс оставался архитектором дворца с тем же жалованьем. Строительство возобновилось, и в 1625-м Мария Медичи торжественно открыла большую галерею первого этажа в западном крыле дворца, украшенную 24 роскошными полотнами Рубенса из «Истории Марии Медичи».

Наконец-то королева-мать была у себя дома. Ее спальня занимает одну из самых красивых комнат: именно здесь разыграется ключевая сцена Дня одураченных 11 ноября 1630 года.

Однако полностью строительство будет закончено только в 1631-м. Когда в 1626 году Соломон де Бросс умер, Мария Медичи заменила его на Жака Лемерсье, восходящую звезду французской архитектуры — своей карьерой он был обязан Ришелье: кардинал поручал ему строительные работы по расширению Лувра, он строил часовню Сорбонны, замок и церковь в Рюэйле, замок и новый город Ришелье, но главное — Пале-Руайаль.

Современники единодушно восхищались дворцом. Жермен Брис в своем *Новом описании города Парижа и всего того, что в нем есть замечательного,* не скрывает восторга: «Из всех приметных больших зданий Парижа и даже всего королевства нет ничего прекраснее этого великолепного дворца. Можно даже добавить, что если полагаться на мнение людей знающих и

судящих без предубеждения, то и во всей Италии немного найдется более гармоничных и благородно украшенных зданий, чем это. Мария Медичи ничего не пожалела, чтобы оставить будущим поколениям памятник, достойный величия и щедрости ее рода. И можно сказать, что в Европе есть очень мало зданий, где искусство проявилось бы с таким совершенством и такой величественностью».

Вход во дворец находился, как и сейчас, со стороны улицы Турнон. Четырехугольный портик, украшенный статуями, увенчан куполом с круглой башенкой и обрамлен длинной крытой галереей в тосканском стиле: первый этаж с террасой, откуда открывается прекрасный вид на улицу Турнон. По обе стороны от портика располагаются угловые павильоны по три этажа каждый: первый этаж в тосканском стиле сочетается с портиком, второй этаж — в дорическом стиле, третий — в ионическом. Длина фасада, выходящего на улицу, 89 метров. Позади портика открывается почетный двор, по обе стороны от которого начинаются два боковых крыла — на восток и запад — длиной 25 метров, имеющие надстройку над первым этажом, образующую, таким образом, открытую галерею. Оба крыла сходятся к основному трехэтажному зданию, окруженному четырьмя угловыми павильонами. Фасад, выходящий в сад, имеет такую же длину, как и фасад, выходящий на улицу Вожирар — 89 метров. На уровне второго этажа располагается большая терраса с перилами, с которой Мария могла любоваться великолепным партером, расположенным на одной оси с дворцом.

Королева решила расположиться в западном крыле справа от входа. Галерея второго этажа была расписана Рубенсом. Туда выходит спальня королевы. Она «красивая, большая, квадратная, с великолепным по отделке и позолоте камином, украшенным двумя большими серебряными подставками. Кровать закрывает полог, поддерживаемый серебряными стойками».

Фонтаны и бассейны являются главным украшением садов Люксембурга. Они и рустики дворца — самое явное свидетельство итальянского влияния. Фонтаны делал Томмазо Франчини — глава династии мастеров по фонтанам, которая украсит Версаль. Но для всего этого нужно было очень много воды, а в Париже ее практически не было.

Еще Генрих IV принял решение о снабжении столицы водой из Бьевра. Отправной точкой для строительства водопровода стали «родники Рунжиса», первый камень которых был торжественно заложен Людовиком XIII в присутствии его матери в 1613 году. В Париже вода собиралась в резервуаре около Монсури, в 13 км от Рунжиса. Но только через 10 лет, в 1623-м,

вода начала поступать по трубам сначала в Монсури, почти сразу же — в фонтаны Люксембурга, а потом уже — в фонтан на Гревской площади.

Мария Медичи намеревалась оставить Люксембургский дворец в наследство тому из ее сыновей, кто будет ее больше всех любить. Когда она умерла 3 июля 1642 года в Кельне, то завещала «дом в пригороде Сен-Жермен Людовику XIII и Гастону Орлеанскому обоим». Последний его унаследует в 1646-м, когда разделят имущество Марии Медичи. В то время дворец, сад и пристройки были оценены в 1 170 000 ливров, а мебель дворца — в 890 000 ливров.

Рубенс

В конце 1621 года Мария Медичи пригласила Рубенса для оформления Люксембургского дворца. Выбор ее объясняется, прежде всего, известностью художника, которого уже хорошо знали в Италии. В 1600-м он отправился в Венецию, где стал придворным художником герцога Мантуанского. В 1607 году истомившийся на чужбине художник, которому герцог всегда платил с опозданием по причине постоянной нехватки денег, добился приглашения в Антверпен ко двору эрцгерцогини Изабеллы и эрцгерцога Альбрехта, правивших Испанскими Нидерландами от имени короля Испании. Возвращение в Антверпен стало для Рубенса началом очень продуктивного периода в его творчестве.

Его слава достигла Франции. Художник подружился с Пейреском — провансальским эрудитом, другом Малерба, с которым в течение пятнадцати лет поддерживал активную переписку. Рубенс интересуется Францией, покупает книги, чтобы лучше узнать эту страну. В 1621 году Пейреск рассказал одному из своих друзей — Клоду де Можису, аббату де Сент-Амбруаз — большому любителю живописи, о знаменитом фламандском художнике. Оказалось, что этот аббат был казначеем Марии Медичи и, когда речь зашла об отделке Люксембургского дворца, именно он посоветовал ей пригласить Рубенса.

Но для того чтобы правительство Испанских Нидерландов разрешило Рубенсу отправиться в Париж, потребовалась поддержка представителя эрцгерцогини Изабеллы — барона де Вика. Эрцгерцогиня отлично понимала всю выгоду пребывания Рубенса в Париже — лучшего наблюдателя, чем художник, найти трудно. Разрешение было дано, и в последние дни 1621 года Мария Медичи приказала официально пригласить художника в Париж, чтобы вместе с ним обсудить заказ и определить сюжеты картин, сроки и цену.

Рубенс подписал с Марией контракт на создание серии «История Марии Медичи» из двадцати одной композиции и трех портретов для галереи в западном крыле Люксембургского дворца. Миссия Рубенса была непроста, потому что речь шла о восхвалении королевы. Начало 1622 года. Мария помирилась с Людовиком XIII, но все еще были живы воспоминания о регентстве и двух войнах Матери и Сына. Поэтому Рубенс решает работать в Антверпене, приезжая в Париж. Перед отъездом он делает два эскиза к портрету королевы — анфас и в профиль.

Очарованная Рубенсом Мария доверяет ему написать также историю Генриха IV, которая должна была занять место в восточной галерее дворца. За обе серии Рубенс получит 60 000 ливров. Уверенный в таланте художника Людовик XIII заказывает ему двенадцать полотен, воспроизводящих «Историю Константина».

В то время Рубенс был в полном расцвете жизненных сил и таланта. По возвращении в Антверпен он подготовил общий план серии. Получив точные размеры картин, Рубенс выполняет двадцать четыре первых эскиза в серых тонах, из которых явственно видно, как художник решил политическую проблему: такие сюжеты, как «Мать короля и регентство», «Мир регентства» или «Передача власти в руки короля» лишены их полемического содержания благодаря изобилию символов и пухлых богов, которые некоторым образом смягчают неприятный характер изображенных исторических событий. Практически все эти эскизы сохранились: 16 — в Пинакотеке Мюнхена, 5 — в музее Эрмитаж в Петербурге, 1 — в музее Лувра.

Возвратившись в Антверпен, Рубенс выполняет этюды в цвете на дубовых досках размером 65 × 50 сантиметров. Королева по-прежнему одобряет его работу, но Людовик остался недоволен первыми четырьмя карандашными набросками «Истории Константина». Придворные, которым король их показал, считали, что ноги персонажей слишком уж искривлены.

Королева торопит художника, и 24 мая 1623 года Рубенс привозит девять законченных полотен и демонстрирует их королеве, специально для этого приехавшей из Фонтенбло. Она находит, что они «необычайно удались» и требует, чтобы все было закончено к 4 февраля 1625 года.

Не теряя времени, художник располагается прямо в Люксембурге, где пишет две картины под присмотром королевы-матери. Сюжет одной из них наиболее деликатен: «Мария Медичи, покидающая Париж». Он превращается в «Процветание регентства». Это дает возможность художнику проводить много времени с королевой и, ловко строя беседы, выяснить направления ее политики и позицию двора.

Ателье Рубенса в Антверпене работало в полную силу, а сам он в Париже все больше увлекался дипломатической деятельностью. Он даже несколько продвинулся вперед в своих попытках разубедить французское правительство вмешиваться в войну между Голландией и Испанией. Начиная с 30 сентября 1623 года Рубенс стал утвержденным дипломатом, получая жалование от правительства эрцгерцогини. Но французский посол в Брюсселе де Божи не особенно почтительно относится к

случайному коллеге.

В начале февраля 1625 Рубенс следит за размещением картин и делает два портрета Марии Медичи. Один из них находится в мадридском музее Прадо, другой — в музее Лувра. Королеве-матери уже больше пятидесяти лет, она величественна, но ее черты расплылись, лицо увяло.

8 мая, в день помолвки Генриетты Французской и Карла I, короля Англии, все картины находились на своем месте в галерее Люксембургского дворца. 11 мая во время свадебной церемонии, на которой присутствовал Рубенс, не выдержав тяжести, обрушилось возвышение для гостей. Художник в последний момент уцепился за стойки помоста, но тридцать человек провалились. К счастью, никто серьезно не пострадал.

Через несколько дней после свадебных торжеств, Мария открыла галерею. 16 мая 1625 года она устроила праздник в Люксембургском дворце, расточая похвалы работе художника. Королю особенно понравилась картина «Счастье регентства», перед которой он на некоторое время задержался и очень хвалил.

Рубенсу оставалось получить деньги, но он не смог встретиться с суперинтендантом свиты королевы кардиналом де Ришелье: тот оказался страшно занят. 24 мая в Париж прибыл герцог Бэкингем, взволновавший Анну Австрийскую и устроивший тем самым скандал при Французском дворе.

Поэтому Рубенс решил уехать в Антверпен, надеясь быстро получить оплату. В октябре, потеряв терпение, он возвращается в Париж, его принимают очень любезно, но денег не дают. 22 октября он пишет одному из своих друзей: «Мне надоел этот двор, и если мне не заплатят сообразно моей службе королеве, ноги моей больше здесь не будет».

Рубенс боится, что из-за своих постоянных просьб об оплате он потеряет заказ на историю Генриха IV, который для него очень выгоден. Он применил свои дипломатические таланты, что временно решило проблему к его выгоде: ему заплатят и история Генриха IV останется за ним. Правда, не надолго: его роль официозного дипломата на службе правительства Брюсселя делает его подозрительным в глазах Ришелье. Когда отношения Марин Медичи и Ришелье дойдут до разрыва после Дня одураченных, Ришелье устроит так, что заберет заказ у художника. В 1630 году Рубенс написал уже семь картин из этой серии.

Через несколько месяцев восторги Марии по поводу картин несколько поостыли. Она не особенно любила живопись и, использовав картины в политических целях, перестала ими

интересоваться. Огромное количество аллегорий приводило королеву в отчаяние, и ей приходилось просить объяснения некоторых символов. Надо признать, что их смысл не всегда был ясен, и именно их изобилие отталкивает сегодня зрителя. Многие композиции грешат театральной вычурностью, но лучшие, несомненно, «Прибытие Марии Медичи в Марсель», «Свадьба во Флоренции» и «Коронация королевы». Совершенство последней вдохновляло многие поколения художников и послужило образцом для «Коронации Наполеона» Давида.

Людовик — Ришелье — Мария: безоблачное согласие

В годы безоблачного согласия, установившегося между Марией Медичи, Людовиком XIII и Ришелье, роли были распределены: король правит, находит понимание и советы у своей матери, кардинал, «креатура» королевы-матери, верно служит интересам короля.

Марии 52 года. Она в зрелом возрасте, государыня. Мать Всехристианнейшего короля, теща короля Испании, короля Англии и герцога Савойского. Одна из наиболее уважаемых личностей христианского мира. Католики уважают ее за преданность делу Церкви. Для протестантов она — вдова Генриха IV, королева, которая успешно завершила поход в Жюлье, поддержала Нантский эдикт и проводила политику терпимости своего мужа.

Людовику 25 лет. Он несчастлив. Его брак оказался неудачным. Проблема его преемника является главной в политической жизни страны, что создает постоянную ситуацию нестабильности в королевстве. Король неистово охотится, ища в физическом изнеможении выход для своих личных неприятностей. С другой стороны, он никак не может определить основные направления правительственной политики. Будучи очень набожным, он склонен скорее употребить свои силы на борьбу с протестантской ересью внутри королевства, а с другой стороны, видит в этом политическую необходимость в связи со стремлением партии протестантов создать государство в государстве. Во внешней политике он жаждет славы и хочет, чтобы его уважали так же, как и его отца. Но он прекрасно знает, что обе цели достичь одновременно невозможно, потому что Франция не располагает необходимыми для этого средствами. Более того, они даже некоторым образом противоречат друг другу, потому что борьба с ересью внутри королевства плохо сочетается с сохранением внешних союзов с протестантскими державами.

Молодой кардинал Ришелье, отпраздновавший свое сорокалетие в конце 1625 года, совершенно не подвержен сомнениям. Прелат Его Святейшества, заботясь об укреплении королевской власти, не может допустить, чтобы протестанты создали самостоятельную политическую и военную организацию внутри страны. Он считает, что обращение протестантов возможно, но это требует кропотливой работы и ни в коем случае

не должно предполагать применения силы. Во внешней политике он по-прежнему уверен, что Франция должна играть основополагающую роль в сохранении равновесия в Европе, и поэтому нужно принять тот факт, что Габсбурги в их стремлении к всемирному господству являются естественным противником Франции. Ришелье считает, что нет никаких противоречий в двух направлениях политики Франции — борьба с протестантами внутри страны и союз с протестантскими государствами против Австрийского дома, потому что в них нет места никаким религиозным соображениям, и кардинал уверен, что его партнеры из Англии, Голландии и Германии мыслят, как и он, категориями политического реализма, а не крестового похода.

В этой троице, руководящей политикой Франции, самой сильной является, несомненно, Мария Медичи.

В 1625 году королева-мать и Ришелье объединились против неосторожной Анны Австрийской, ответившей на страсть, которую она разожгла у фаворита английского короля Карла I герцога Бэкингема, приехавшего в Париж за Генриеттой — супругой своего повелителя. Принцесса де Конти, подруга Анны Австрийской, заявила Людовику XIII, что во время той прогулки в сумерках в садах Амьенского епископства, о которой сплетничал весь двор, «от пояса до ног она отвечает королю за добродетель королевы», добавив при этом, чтобы ее слова не истолковали превратно, что не может сказать то же самое в том, что касается «от пояса до верха». Мария делала вид, что защищает Анну перед королем, говоря, «что все это пустяки и даже если королева и захотела поступить дурно, это было бы невозможно, слишком много людей вокруг за ней наблюдали». Коварный аргумент сильно ранил Людовика XIII и позволил Марии Медичи отомстить бывшей сопернице в привязанности своего сына.

В 1626 году дело оказалось гораздо серьезнее: Анна Австрийская согласилась участвовать в заговоре Шале, по которому предполагалось ее повторное вступление в брак с Гастоном Орлеанским, если умрет Людовик XIII — внезапно или с некоторой помощью. Несмотря на всю свою любовь к Гастону, Мария не собирается участвовать в этом заговоре. Вместе с Ришелье она вносит свой вклад в провал заговора, за который Шале заплатил своей головой. А мрачный Гастон в итоге женился на мадемуазель де Монпансье. Анна Австрийская дошла до того, что на коленях умоляла Гастона не позволять себя женить. В присутствии Совета короля ей довелось испытать беспрецедентное унижение, когда были зачитаны все ее письма, доказывающие ее вину. Великодушный Людовик приказал их

уничтожить. А за королевой-матерью осталось последнее слово. Она посоветовала своей невестке «жить так, как жили другие королевы Франции».

В 1627 году гармония все еще царит в отношениях Марии Медичи, Людовика XIII и Ришелье. Никогда Ришелье не был так близок к королеве: она подарила ему Малый Люксембургский дворец. Спальня королевы стала центром власти: именно здесь Людовик взял в привычку проводить заседания своего совета. Последнее решение остается за ним, но мнение королевы-матери всегда выслушивается с большим почтением.

В конце 1626 года возник опасный союз между главными протестантскими предводителями и правительством Англии, где появилась сильная партия сторонников войны с Францией. Одним из самых ревностных является Бэкингем, который политические соображения объединил со своим недовольством французским правительством, возникшим после его интриги с Анной Австрийской.

В феврале 1627 года Ришелье в любой момент ждет начала войны и считает, что англичанам удобнее всего будет высадиться между устьев Луары и Жиронды, где острова являются наиболее уязвимым местом в береговой обороне королевства, и в Ла-Рошели — лучшей крепости протестантов, крупном порте, где располагается наиболее сильная протестантская община.

Жители Ла-Рошели встревожились, узнав о том, что Ришелье укрепляет Олерон, Ре и Маран для защиты от высадки англичан. Через своих агентов Ришелье без устали объясняет, что политика усиления морского могущества страны не только не нанесет ущерба таким процветающим портам, как Ла-Рошель, но наоборот — опирается на них. В марте опасность английского вторжения несколько отступила.

Но все резко изменилось после подписания союзнического договора между Францией и Испанией в апреле. Правительства Парижа и Лондона наперебой стремились обольстить Мадрид. И действительно, Англия и Голландия пытались найти свое место в торговле с Латинской Америкой, теоретически разрешенной только для судов, ходящих под испанским флагом. Мадрид был не в состоянии действенно защищать свою монополию от контрабандистов и пиратов обеих протестантских держав. Поэтому всем было выгодно договориться.

Возникшее между Лондоном и Мадридом сближение несколько обеспокоило Францию, потому что возникла опасность блокады королевства со стороны атлантического Запада. Франция

попыталась обогнать Англию, и благодаря вмешательству иезуитов и католической партии во Франции Мадрид подписал соглашение с Парижем. Предусматривалось, что обе страны придут на помощь друг другу в случае агрессии третьего государства и будут сотрудничать в решении всех возникающих проблем.

Католики чрезвычайно обрадовались подписанию этого договора, но протестанты были потрясены и готовились с оружием в руках защищать свои привилегии, которые, по их мнению, оказались под угрозой. Протестантские государства тоже забеспокоились. Англичане были в ярости, но Мадридский договор давал им помощь французских протестантов в их походе против Франции.

С мая шпионы кардинала стали сообщать, что военные приготовления усилились во всех британских портах. Англичане захватывали все французские суда на стоянке в своих портах. В начале июля из Портсмута в направлении острова Ре вышел флот из 120 судов под командованием самого Бэкингема. В своем манифесте Бэкингем оправдывал вторжение Англии необходимостью защищать протестантскую церковь Франции от несправедливости французского правительства. Англичане осадили остров Ре. Ришелье пытается послать помощь гарнизону острова, а Бэкингем, укрепляя свои позиции, вел переговоры с жителями Ла-Рошели, которых он пытался привлечь на свою сторону.

Мнения ларошельцев разделились: 800 человек были готовы выступить на стороне англичан, но муниципалитет колебался. Они дали знать Ришелье, что согласны сохранить верность королю при условии, что будет снесен форт Фор-Луи, построенный для наблюдений за Ла-Рошелью.

Людовик не согласился удовлетворить это требование, что укрепило партию сторонников войны в Ла-Рошели. 10 сентября 1627 года часть гарнизона открыла огонь по королевским войскам. Теперь военные действия будут идти на двух фронтах: на острове Ре против англичан и около Ла-Рошели, чтобы подчинить мятежный город.

В конце октября французский флот прорвал блокаду острова. Попытка англичан штурмовать остров не удалась, и Бэкингем оставил его, пообещав жителям Ла-Рошели вернуться с более многочисленной армией.

Оставалась бунтующая Ла-Рошель, которую можно было взять только с помощью длительной осады. Была построена мощная дамба вне досягаемости для пушек города из корпусов кораблей,

загруженных камнями, которые потопили так, чтобы перекрыть проход в порт. С февраля 1628 года в городе начались эпидемии и голод. В ноябре, выполняя положения договора, на помощь французскому королю явился испанский флот, но, увидев бесполезность своего присутствия, убрался восвояси.

По правде говоря, правительство Мадрида не особенно стремилось способствовать победе Людовика XIII, а Ришелье полагал, что Испания пообещала англичанам предоставить Людовику XIII только «видимость помощи». Впрочем, никто в Европе не желал сдачи Ла-Рошели. Голландия, Венецианская Республика, немецкие князья предпочли бы, чтобы Франция вместе со всеми боролась против преобладания Габсбургов в Европе.

10 февраля 1628 года уставший король оставляет армию, передав командование Ришелье. Кардинал, видя ухудшение международной обстановки, пытается форсировать капитуляцию города, но неудачно. В середине мая появляется английский флот, но снова уходит, обнаружив, что сил для штурма дамбы недостаточно.

Ришелье рассчитывал, что город сможет продержаться до конца июня. Но 30 сентября город все еще сопротивлялся, когда появился еще один английский флот. Он пришел слишком поздно, Ришелье построил дополнительные укрепления на дамбе. Граф Линдсей, командующий флотом, обратился к кардиналу, прося его о милосердии к жителям города, а последним посоветовал начать переговоры.

Но Ришелье отказался вести переговоры с представителями города, заявив, что король согласен только на безусловную капитуляцию. 27 октября 1628 года Ла-Рошель пала. Король даровал жизнь жителям города и свободу отправления протестантского культа.

Падение Ла-Рошели вызвало восторг католической партии, которая желала, чтобы королевская армия покончила теперь с протестантами юга. Мария Медичи расточала похвалы политике кардинала и восхищалась тем, как он довел до конца это начинание.

Все друзья Ришелье — Берюлл, Марильяк, а главное, Мария Медичи — были удивлены, когда 13 января 1629 года он вручил Людовику XIII и королеве-матери уведомление, в котором предлагал принять совершенно иную линию поведения, объявив Испанию главным врагом королевства и определив основной целью французской политики продвижение в ущерб Мадриду и

его союзникам. Правда, при этом кардинал подчеркнул, что нужно, насколько возможно, избежать прямого конфликта с испанским правительством. Менее чем за два года такая политика привела к полному разрыву Марии Медичи и Ришелье, и вдребезги разлетелись добрые отношения между королем, королевой-матерью и первым министром.

Глава XIV
ВЕЛИКИЙ РАЗРЫВ

Причины разногласий

Сен-Симон следующим образом определил глубокие причины разногласий, возникших вскоре между Марией Медичи и Ришелье: «Она хотела править и думала только о том, как постепенно стать хозяйкой, а первый министр по своему положению и способностям препятствовал этому». Но главным фактором тем не менее является безусловная преданность Марии Медичи католической партии.

Лидеры католической партии никогда не считали Ришелье верным человеком, несмотря на его кардинальский сан.

Самым опасным был Берюлл. Вначале он очень сдружился с Ришелье, благодаря которому он стал кардиналом, но по мере того, как бывший епископ Люсонский набирал вес при Людовике XIII, он начал ему завидовать и жаловаться, что его советов не принимают во внимание. Никто не будет отрицать ту политическую роль, которую играл Берюлл благодаря своим многочисленным и разнообразным связям. Но со временем Ришелье увидел в Берюлле потенциального соперника.

После Берюлла важную политическую роль в католической партии и окружении Марии играли братья Мишель и Луи де Марильяк.

Мишель де Марильяк вместе с Берюллом участвовал во внедрении кармелитов во Франции и в создании ордена ораторианцев. Он был человеком очень набожным, а в государственных делах ему не хватало воли и ясности ума. Благодаря Марии Медичи он вошел в Совет короля, а в 1624 году стал суперинтендантом финансов и хранителем королевских печатей.

Его брат Луи стал маршалом Франции в 1629 году. Человек поверхностный и тщеславный, озабоченный получением почестей и выгод, он сопровождал Марию Медичи во Францию в 1600-м и остался при ней, ожидая подходящей партии. Женился на одной из родственниц королевы, «маленькой Катрин», после чего карьера стремительно пошла вверх. Правда, полководческий талант больше проявлялся при дворе, чем на поле битвы: единственное сражение при Пон-де-Се, которое он вел, закончилось поражением.

Берюлл и Марильяки расточали Ришелье похвалы после сдачи Ла-Рошели. Но для них падение этого города не означало прекращения борьбы с французскими протестантами, а наоборот

— необходимо было немедленно направить королевские войска в очаги сопротивления гугенотов. Намерение Ришелье прежде всего вмешаться в дело о Мантуанском наследстве, которое принимало плохой оборот для интересов Франции, вынудило Берюлла и Марильяков выступить против него — сначала тайно, а потом открыто. В глазах Марии Медичи Ришелье предстает предателем дела католицизма.

Ведя политику, которая не устраивала королеву-мать, Ришелье, конечно же, предавал свою благодетельницу. Спор перешел в область личных отношений. Мария видела не столько первого министра, сколько человека, карьеру которому сделала она и который становится независимым, неверного, который больше не хочет слепо подчиняться ее воле. И разногласия, вначале политические, переросли в личную ссору. Для Марии отношения с Ришелье есть следствие преданной дружбы. До самой своей смерти она будет считать именно так.

Мантуанское наследство (1628–1629 гг.)

Винченцо II Гонзага, герцог Мантуанский, умер 26 декабря 1627 года, пока Людовик XIII и Ришелье были заняты осадой Ла-Рошели. Его ближайший родственник мужского пола — один из его кузенов, глава французской ветви Гонзагов — Карл, герцог де Невэр. Перед самой смертью Винченцо II в завещании назначил Карла де Невэра своим наследником. Чтобы не возникло намерений в будущем оспорить это завещание, он подписал патенты, назначил генерал-лейтенантом княжества старшего сына Невэра герцога де Ретелуа и за несколько часов до своей смерти заставил последнего жениться на его племяннице Марии. Казалось, что проблема наследования улажена и герцог де Невэр может спокойно вступать во владение княжеством. Но в дело вмешались испанцы.

Княжество Мантуанское включало две различные части: с одной стороны, герцогство Мантуанское, в ведении которого находились важные проходы через Альпы между Швейцарией и Австрией, а с другой — Северная Италия, бывшая имперской вотчиной. Поэтому при смене владельца император может давать или не давать свое согласие. Кроме того, в состав княжества входило маркграфство Монферрато, расположенное южнее, в долине По. Оно также имело важное стратегическое значение, потому что управляло наиболее удобными проходами между равниной По и Генуэзским заливом, а также путями сообщений между Северной и Центральной Италией. Как известно[8], герцог Савойский в 1613 году пытался захватить Монферрато, но ему помешало энергичное вмешательство герцога де Невэра и сопротивление города Казаля, а также давление испанцев. В 1628-м ситуация повторилась, но на этот раз герцог Савойский и король Испании были союзниками: цель Мадрида — заполучить земли, подчинявшиеся собственно герцогству Мантуанскому, а герцогу Савойскому оставить Монферрато.

Поэтому когда открылось дело о наследстве Винченцо II, испанское правительство убедило императора отказать герцогу де Невэру в инвеституре, а герцог Савойский тем временем внезапно напал на Монферрато. Испанские войска герцогства Миланского готовились занять герцогство Мантуанское от имени императора и помочь герцогу Савойскому при осаде Казаля.

Тем не менее положение нового герцога Мантуанского было отнюдь не безнадежным. Будучи главой мощной организации — международного христианского ополчения, целью которого была

организация крестового похода против турок — герцог де Невэр связан с Мальтийским орденом, иезуитами, святым престолом, польской знатью, католиками Богемии и Венгрии, частью испанской и итальянской знати, итальянскими государями, Венецианской Республикой. Поэтому в его защиту очень быстро выступил папа, что вызвало крайнее раздражение испанцев. Во Франции у семьи герцога было много сторонников, которые без труда нашли добровольцев, чтобы с оружием в руках защищать свои права в Италии.

Франция была прямо заинтересована в урегулировании Мантуанского дела: одним из принципов ее политики было поддержание равновесия в Европе, и в частности в Италии. Кроме того, герцог де Невэр был французским принцем, и королю было бы приятно видеть его во главе княжества в регионе, представляющем большой стратегический интерес.

Мария Медичи открыто выступает против герцога не только из соображений верности союзу с Испанией, но и из-за личной неприязни — мстительная королева не забыла, что герцог был организатором последнего мятежа принцев во время ее регентства 12 лет назад.

Ришелье хочет помочь герцогу, но вынужден действовать очень осторожно и ждать окончания осады Ла-Рошели. После возвращения в Париж король, его мать и Ришелье начинают обсуждать, какую позицию следует занять в Мантуанском деле. Впервые между Марией Медичи и Ришелье возникнет серьезное разногласие.

Ришелье отправляет в Мадрид своего чрезвычайного посла, которому поручено объяснить, что король Франции не испытывает никакой симпатии к герцогу де Невэру, но Испания должна согласиться с тем, что Францию заботит Мантуанское наследство. Это принципиальный вопрос, потому что король Франции стремится повсюду соблюдать право.

Такая позиция кардинала позволяла ему сохранить некоторую видимую гармонию в отношениях с королевой-матерью и не вступать в полемику по поводу герцога де Невэра. Неудобством, однако, было то, что французское правительство оказалось втянутым в полемику с испанцами по поводу более внимательного рассмотрения вопроса о помощи, которую Франция оказывает кальвинистам Соединенных провинций против Испании.

С некоторых пор у Марии Медичи появились дополнительные причины быть недовольной экс-герцогом де Невзром. В прошлом году при родах умерла жена Гастона Орлеанского — мадемуазель

де Монпансье. Родилась девочка — будущая «Великая Мадемуазель», которая прославится своей активной ролью в волнениях Фронды во время несовершеннолетия Людовика XIV. Гастон, желавший снова жениться, влюбился в Марию-Луизу де Гонзаг — дочь нового герцога Мантуанского! Женить любимого сына на дочери врага — такого королева-мать допустить не могла. Она пытается организовать его брак с принцессой Флорентийской, но сын не желает, и его противоречивые любовные отношения с Марией-Луизой станут притчей во языцех всего двора.

В таких обстоятельствах Ришелье понадобится немало мужества, чтобы защищать свою позицию — выступить в пользу герцога Мантуанского против Испании и Савойи.

Между Ришелье и лидерами католической партии разгорелись жаркие споры. Мария Медичи и ее друзья пытаются оказать на кардинала давление, публикуя статьи, памфлеты, эстампы во славу этого борца с ересью. Они распространяют тревожные слухи по поводу отношения испанцев: французское вмешательство в Мантуе несомненно вызовет длительную войну между Францией и Испанией.

В конце декабря Людовик XIII подтвердил свое намерение лично возглавить экспедицию по снятию осады Казаля. За два дня до его отъезда, 13 января 1629 года, по просьбе Ришелье король согласился встретиться с Марией Медичи, кардиналом, отцом Сюффреном, бывшим одновременно духовником короля и королевы-матери. На этом собрании Ришелье представляет свою политическую программу действий правительства. В ней содержатся все идеи, которые будут вдохновлять его действия и действия Людовика XIII.

Цели внутренней политики явно Ришелье не привлекают, речь идет только об укреплении власти короля. Именно в этой связи, по его мнению, речь должна идти о подавлении протестантского мятежа. Во внешней политике принципы ясны: остановить продвижение Испании и всеми средствами сохранять равновесие в Европе. В том, что касается методов правления, король должен избавиться от чрезмерной суровости, зависти, отсутствия последовательности, не заниматься мелочами в ущерб глобальным действиям. В конце Ришелье сказал несколько слов о Марии Медичи: «Переменчивость в королеве происходит из ее подозрительности. Твердая и решительная в больших делах, она легко раздражалась по пустякам. Этого нельзя было избежать, так как нельзя было предвидеть ее желания, притом очень часто государственные интересы должны брать верх над личными

страстями государей».

Людовик XIII согласился с тем, что было сказано о нем, в отличие от Марии Медичи, глубоко оскорбленной тем, что ее воспитывали в присутствии короля и отца Сюффрена, и уязвленной проигрышем в этой первой настоящей стычке с Ришелье. Мстительная натура теперь этого не забудет и не простит, даже если королева-мать решила пока промолчать. Конечно, Людовик XIII польстил ей, доверив регентство на время своего отсутствия, но рана, нанесенная ее самолюбию, не зарубцуется никогда. Уезжая из Парижа 15 января 1629 года в Лион, Гренобль и Италию, король и его первый министр оставляли у себя за спиной женщину, готовую на реванш.

В Италии Людовик XIII продемонстрировал свою силу, заставив испанцев снять осаду Казаля, и восстановил герцога Мантуанского в его правах. В крепости Суза он оставался в течение всего апреля, принимая послов итальянских государей и демонстрируя возвращение Франции в дела полуострова. После чего вместе со своей армией он отправился в Лангедок подавлять бунт протестантов. Для этого ему потребовалось всего несколько недель. 28 июня 1629 года он подписал в Алесе эдикт о мирном урегулировании — «Эдикт милости», который поддерживал Нантский эдикт, но отменял политические и военные привилегии протестантов. Факты подтвердили, что Ришелье был прав.

После отъезда Людовика Ришелье еще на некоторое время остался в Лангедоке, чтобы завершить установление мира в провинции. Торжествуя, он написал Людовику: «Теперь можно сказать, что источники ереси и мятежа иссякли».

Фонтенбло, сентябрь 1629 года

В сентябре 1629 года Ришелье появился при дворе в Фонтенбло. Если король был доволен службой и тепло принял кардинала, то королева-мать встретила его подчеркнуто холодно, что ни от кого не укрылось. Сам же Ришелье был этим удивлен, потому что считал, что ему не в чем себя упрекнуть. Он был уверен, что именно благодаря ему Мария Медичи играла теперь такую роль в ведении государственных дел — роль, как он считал, даже если открыто не говорил об этом, более важную, чем роль Людовика XIII.

Ришелье просит об отставке. В ответ Мария Медичи выражает еще большее возмущение, а Людовик опечален ссорой между своей матерью и первым министром. Отказав Ришелье в отставке, он небезуспешно попытался убедить свою мать в абсолютной преданности кардинала и помирить их.

Поведение Марии Медичи было связано с ее отношением к любовной интриге Гастона Орлеанского и Марии-Луизы де Гонзаг. Она позволила себя убедить, что выступление в пользу де Невэра, ставшего герцогом Мантуанским, выдавало намерение Ришелье способствовать в то же время браку Гастона с дочерью герцога. Во всяком случае, пока Мария Медичи оставалась регентшей в отсутствие сына, она приказала арестовать Марию-Луизу и заключить ее в Венсенский замок. По правде говоря, у Ришелье не было особого личного мнения по поводу матримониальных планов Гастона, которые одинаково не нравились ни королю, ни королеве-матери, но он считал неправильным с политической точки зрения отношение к этой принцессе. Ему удалось убедить Марию Медичи освободить Марию-Луизу де Гонзаг в обмен на обещание немедленно покинуть королевство и уехать к отцу в Мантую.

Дело принцессы де Гонзаг имело непредвиденные последствия: уязвленный поведением своей матери Гастон Орлеанский в знак недовольства решил тоже покинуть королевство и укрыться у герцога Лотарингского. Дело осложнялось — наследник трона оказывался за границей. Делались активные попытки его вернуть. Вмешался давний друг герцога и губернатор Бургундии герцог де Бельгард. Мария Медичи лично пишет своему младшему сыну, обещая ему не только полное прощение Людовика XIII, но и ценные преимущества, если он согласится немедленно вернуться во Францию. Королева-мать, сама устроившая эту ссору ввиду своего резкого отношения к Марии-Луизе, хотела предстать поборником

примирения между двумя сыновьями. Она торжествовала, когда, ответив на ее мольбы, 2 января 1630 года Гастон согласился помириться с Людовиком XIII и вернуться во Францию.

Тем временем ситуация в Италии снова ухудшилась, и противоречия между Марией Медичи и Ришелье снова резко обострились. Испанцы оказали давление на императора, чтобы он отказал герцогу де Невэру в инвеституре на герцогство Мантуанское. Это обозначало неизбежное возобновление войны. 21 ноября 1629 года Ришелье назначен главным государственным министром. Так Людовик XIII продемонстрировал свое доверие кардиналу и отсутствие каких-либо разногласий с ним.

В ноябре Испания и империя мобилизуют свои войска, и Людовик XIII решает отправиться в новый поход по ту сторону Альп. Король сам хочет командовать своей армией, но переговоры с герцогом Орлеанским, вновь возникшее недоверие Людовика к матери, чье поведение по отношению к Марии-Луизе де Гонзаг не отличалось особой политической прозорливостью, удерживают короля в Париже. Он назначает главнокомандующим Ришелье, несмотря на все сопротивление последнего. Но если присутствие короля в Париже позволяло ему лучше следить за своей матерью, то с другой стороны, делало его более уязвимым для интриг и давления, которые только усилятся со стороны Марии Медичи и ее окружения, чтобы добиться от короля отставки Ришелье и изменения политики.

Январь — октябрь 1630 года: Казаль и «великая буря» в Лионе

18 января 1630 года Ришелье прибывает в Лион. Под командованием маршала де Ла Форса армия направилась к Турину, где закрепилась армия герцога Савойского. Ришелье и маршал захватили Риволи. Узнав, что гарнизон цитадели Пиньероло переправлен в Турин, Ришелье решил пренебречь столицей Пьемонта и направиться к Пиньероло, цитадель которого капитулировала 29 марта. Так королевская армия оказалась хозяйкой в городе, стратегическое значение которого было настолько же велико, как и Казаля. Вместе с тем овладение Пиньероло означало, что если король Франции решит сохранить свою добычу, то никакой мир с герцогом Савойским и Габсбургами невозможен.

Как в военном, так и в дипломатическом плане Ришелье оказался на распутье.

Единственным реальным решением представляется продолжить наступление в направлении Казаля, но при условии, что Людовик пришлет подкрепления.

Но в Париже Мария Медичи и католическая партия больше, чем когда-либо, настроены добиться от Людовика XIII отвода войск из Италии и неучастия Франции в Мантуанском деле. По-прежнему верный делу католицизма, герцог де Гиз пытается составить обширный заговор с участием знати для устранения Ришелье любыми средствами, включая убийство.

13 апреля Ришелье представил королю записку, в которой изложил две линии правительственной политики: война за пределами королевства против превосходства Габсбургов в Европе и связанные с этим постоянные угрозы блокады Франции или же восстановление религиозного единства французов путем беспощадной борьбы с гугенотами и претворение в жизнь обширной программы реформ, объявленной Ассамблеей нотаблей в 1627-м, основные направления которой были определены в Кодексе Мишо.

Кодекс Мишо — это собрание мер, охватывающих все области: правосудие, торговлю, гражданское право, семейную мораль, религию. Название было дано по прозвищу Мишеля де Марильяка, участвовавшего в разработке кодекса. Парламент активно воспротивился принятию этого кодекса, и Марии

Медичи, регентше королевства, пришлось употребить всю свою энергию, чтобы заставить его принять. Этот документ был очень важен для католической партии, считавшей, что интересы внутренней политики должны быть выше стремления к активному присутствию Франции в европейских делах.

Ришелье тоже интересовали проблемы внутренней политики королевства. Он принял участие в разработке кодекса. Но будучи реалистом, он не верил, что щедрые реформы сами по себе избавят страну от злоупотреблений. Против мятежных губернаторов, продажных судей, недобросовестных казначеев есть только одно оружие: ежеминутная слежка со стороны безгранично преданных королю и его первому министру людей. Именно поэтому он содержал целую армию шпионов и осведомителей, убежденный, что страх — самое лучшее средство удерживать в пределах обязанностей тех, кто располагает хоть какой-нибудь властью.

Ришелье считает, что государство может руководствоваться только своими интересами. В международной политике эгоизм является единственным способом выживания. А в том, что касается, в частности, Испании, Ришелье полагал, что двуличие является основополагающей национальной чертой этого народа и что по отношению к Мадриду политика, основанная на доверии, автоматически обречена не провал.

Отправившись в Италию, Людовик XIII показал, к какому выбору он склоняется. Прибыв в Гренобль, он вызвал туда своего первого министра, а Мария Медичи, Анна Австрийская и все министры находились в это время в Лионе. 10 мая в Гренобле послы герцога Савойского и представитель папы, некий Джулио Мазарини, прибыли к Людовику XIII и Ришелье с предложениями о заключении договора, по которому Франция оставила бы Сузу, Пиньероло и Казаль, а Испания и империя в обмен на это согласились бы на перемирие, которое дало бы возможность рассмотреть права герцога де Невэра на Мантую и Монферрато. В общем, от короля требовали, чтобы он отказался от результатов своих побед и бросил герцога де Невэра еще до начала настоящих переговоров. Людовик XIII, Ришелье, маршалы единодушно признали эти предложения неприемлемыми.

Но все-таки следовало их обсудить на заседании совета, и 11 мая Ришелье отправляется в Лион с отчетом для королевы-матери и министров. В нем он делает вывод, что сложить оружие можно, только когда будут получены удовлетворительные условия заключения мира. Его поддерживают маршалы, но выступает против хранитель печатей Марильяк. Неожиданно Мария Медичи заявила, что аргументы Ришелье ее убедили. Но сам кардинал в

этом не уверен и пытается понять, какие же причины побудили Марию дать согласие на продолжение войны.

Можно выдвинуть две гипотезы. Вполне вероятно, что Мария Медичи делала ставку на состояние здоровья Людовика: он утомлен и болен. Она не думала, что король в состоянии вести военные действия. Поэтому не стоит сопротивляться принятому им решению, тем более что оно не будет выполнено.

Вторая причина состояла в том, что Мария прекрасно видела влияние Ришелье на Людовика. Достаточно было заговорить о сражениях и славе, чтобы взволновать его и склонить на свою сторону. Но она также знала, что настойчивость не является сильной чертой характера короля: с появлением трудностей смелость сменяется отчаянием. К тому же она была уверена в превосходстве военной организации испанцев и императорских войск, что неизбежно приведет к неудачам, и они докажут Людовику XIII, что воевать с таким противником — дело непростое. Так факты опровергнут правильность политики кардинала, что повлечет за собой его отставку.

После 12 мая Людовик начал военные действия, и к концу месяца практически все провинции герцога Савойского были захвачены королевской армией. Затем Людовик намеревался перейти в Италию.

Казалось бы, победа над герцогом Савойским опровергала все расчеты королевы-матери. Но внезапно они нашли свое подтверждение, когда капитулировала Мантуя. Тем временем умер герцог Савойский, но ни его смерть, ни захват Салюса не компенсировали поражения в Мантуе.

В результате этих событий с особой силой разгорелись политические дебаты между Ришелье и его противниками. Мария упрямо не хочет покидать Лион, хотя кардинал хотел бы, чтобы она переехала в Сен-Жан-де-Морьенн или Гренобль. Но королева-мать под предлогом нездоровья настаивает даже, чтобы к ней приехал Людовик. Здоровье короля все ухудшается, к тому же в Сен-Жан-де-Морьенн появилась чума. Впрочем, король объявил, что ввиду своей болезни он не поедет в Италию.

Несмотря на все усилия Ришелье ситуация только ухудшается. 22 августа он прибыл в Лион, оставив деморализованную неудачами и чумой армию. Казаль капитулировал. Потребовался весь талант Мазарини и доброе расположение нового герцога Савойского, женатого на сестре Людовика XIII, чтобы перемирие, заключенное 8 сентября, оставалось в силе до 15 октября. Оно позволило Франции перевести дух и начать в Регенсбурге, в Германии, переговоры с

императором с целью заключения мира.

Конференция в Регенсбурге началась в обстановке, далекой от той, на которую надеялся Ришелье. Испанские генералы Спинола и Коллато захватили Мантую и город Казаль. Франция удерживала только Пиньероло и цитадель Казаля. Страна была истощена, а здоровье короля ухудшилось настолько, что 30 сентября 1630 года Людовика XIII считали покойником. Во всех церквях возносились молитвы за упокой его души. Гастон Орлеанский видел себя уже королем Франции, а Мария Медичи набирала новое правительство. Ришелье был готов бежать, чтобы предупредить неизбежную немилость и преследования его врагов.

Но вдруг, во второй половине дня 30 сентября произошло чудо. Сам по себе вскрылся кишечный нарыв, вызвавший болезнь короля, и вскоре он почувствовал себя лучше. Но Мария Медичи не отступила и начала добиваться, чтобы король, находящийся между жизнью и смертью, пообещал ей и Анне Австрийской, которая к ней присоединяется, расстаться с Ришелье.

Выздоровление короля спасло политику Ришелье в тот момент, когда последний в это верил меньше всего, и в корне изменило ситуацию. 23 сентября умер Спинола, а таланта и авторитета нового генерала дона Гонзальво де Кордова оказалось недостаточно. В Сен-Жан-де-Морьенн с наступлением осени исчезла чума, и восстановленная армия была готова вступить в бой после прекращения перемирия. 13 октября чрезвычайные послы Франции в Регенсбурге заключили мирный договор, по которому император обязался передать инвеституру герцогу де Невэру в двухмесячный срок, французы должны были оставить цитадель Казаля, а испанцы — город Казаль. Герцогу Савойскому возвращались все его территории кроме Пиньероло и Сузы, остававшихся в распоряжении сил Людовика XIII.

Но кардинал, против всякого ожидания, решил не соглашаться на мир в формах, определенных в Регенсбурге. Он отдал приказ армии двигаться в направлении Казаля. Резкое столкновение с Марией Медичи во время совета не изменило его мнения. 26 октября французские войска готовились атаковать укрепления испанцев, как вдруг возник Мазарини с последними предложениями противника: армия генерала Кордовы оставит город Казаль, если французы согласятся безотлагательно освободить цитадель; герцог де Невэр немедленно получит инвеституру герцога Мантуанского и вступит во владение Казалем и остальными территориями Монферрато, которые освободят испанцы.

Маршал де Ла Форс согласился заключить договор на этой

основе, о чем и сообщил кардиналу, выразив свое восхищение его прозорливостью, когда он отказался от Регенсбургского мира.

День одураченных

Двор возвратился в Париж. Мария Медичи обосновалась в Люксембургском дворце, Ришелье — в Малом Люксембурге, которым он был обязан щедрости королевы-матери. Из-за строительных работ жить в Лувре было нельзя, и Людовик поселился во дворце чрезвычайных послов, бывшем особняке Кончини. Скорее всего, Мария добилась от короля, что он примет решение по поводу вероятной отставки Ришелье в ближайшие же дни.

В монастыре кармелиток проходили таинственные встречи, на которых составлялся перечень претензии к Ришелье: проявления непотизма — в основном это касалось племянницы кардинала мадам де Комбале, ставшей камерфрау королевы. Была составлена опись имущества кардинала и сделаны попытки доказать, что в основе его состояния лежат расхищения государственной казны.

Ришелье прекрасно осознает возбуждение, царящее в окружении королевы-матери. Он понял, что стал Ставкой в ожесточенной политической битве, и снова просит об отставке. И снова Людовик ему отказывает, впрочем, как и Мария Медичи — ее удовлетворит только отставка со скандалом. В начале ноября он пишет королеве-матери торжественное письмо, в котором просит изложить ему свои упреки, даже если ему придется уйти в отставку после последнего объяснения.

Это письмо останется без ответа. Ход событий ускоряется, и Мария как можно быстрее пытается добиться отставки своего бывшего фаворита. Ришелье в своих *Мемуарах* описал кульминационный момент наступления на него со стороны королевы-матери: «10 ноября (с тех пор этот день называют *Днем одураченных),* как только она увидела короля, то заявила ему, что больше не желает видеть в своей свите ни кардинала, ни его родственников или друзей, которых она немедля увольняет… Она отказалась присутствовать на Совете короля, когда там будет кардинал, и никакие просьбы короля не помогли изменить ее решение».

Существует несколько версий событий знаменитого Дня одураченных. Скорее всего, кризис, известный под таким названием, проходил в три этапа — 10, 11 и 12 ноября 1630 года.

10 ноября шло заседание совета в Люксембургском дворце в спальне королевы-матери. Ришелье, который всеми силами пытался быть приятным Марии Медичи, предложил назначить

Луи де Марильяка главнокомандующим войск в Италии. Его предложение принято, но нисколько не смягчило королеву-мать, которая ни слова не сказала до конца совета. После заседания она задержала Ришелье и заявила, что лишает его всех должностей в своей свите — суперинтенданта свиты королевы, главы ее совета и высшего духовного лица при своей особе. Она решила также отказаться от услуг всех тех, кто был назначен на должности по рекомендации кардинала.

Вечером 10 ноября при дворе уже обо всем знали, и Людовик XIII решил на следующий день устроить встречу свою, королевы-матери и Ришелье с целью последнего объяснения. Король все еще надеялся, что его мать передумает. Во всяком случае, он хотел ограничить ссору рамками личных отношений Марии Медичи и Ришелье, не касаясь политической деятельности Ришелье. При дворе все почувствовали, что решается судьба кардинала, и истолковали лишение его должностей как прелюдию к его отстранению от управления. Поздним вечером 10 ноября Ришелье понял, что придворные отворачиваются от него.

На следующий день, 11 ноября, утром, должна была состояться организованная королем встреча. Около 11 часов Ришелье явился в переднюю апартаментов королевы, но ему запрещено входить в ее покои, где беседуют королева и Людовик XIII. Ришелье впервые оказался в такой ситуации. Решив не настаивать, он попытался пройти через прилегающую галерею, но столкнулся с таким же запретом. Пройти в комнату королевы можно еще из часовни по потайной лестнице в колонне. Около четверти двенадцатого Ришелье внезапно появляется в спальне Марии Медичи, где она оживленно беседует с Людовиком XIII.

Ошеломленная Мария Медичи прерывает страстную тираду. Воспользовавшись внезапностью своего вторжения, Ришелье спросил ее тоном обвинителя, уж не о нем ли шел разговор. «Нет», — ответила сначала Мария Медичи, но взяв себя в руки, заявила, что именно о нем она говорила «как о самом неблагодарном и злом из людей». Она заявила ему о своем бесповоротном решении исключить его из своей свиты и желании больше никогда его не видеть. Она добавила, что если король собирается оставить его в своем совете, то пусть знает, что ее ноги там больше не будет. Людовик XIII робко вмешался, чтобы сказать Ришелье, что он по-прежнему ему доверяет, но просит на несколько дней уехать в Понтуаз, чтобы за это время он все уладил.

Пока король говорил с кардиналом, последний, обливаясь слезами, упал к ногам королевы и, целуя край ее платья, умолял

ее простить ошибки, которые он мог совершить по отношению к ней, но он все-таки не понимает, в чем они состоят. Мария Медичи не дрогнула и нисколько не разжалобилась, а обвинила его в том, что он устроил комедию, крича, что все прекрасно знают, что он в состоянии лить слезы, когда захочет.

Кардиналу оставалось только уйти. Он низко кланяется королю, но тот проходит мимо, делая вид, что его не замечает. Это доказывало немилость, и Ришелье думал только о подготовке своего отъезда.

Придворные, присутствовавшие при этой сцене, нисколько не сомневались в том, что кардинал попал в немилость. Людовик XIII ничего не сказал Марии о своих намерениях, поэтому она торжествовала и готовила повое правительство с Марильяком в роли первого министра.

Вернувшись в малый Люксембургский дворец, Ришелье готовится уехать в Понтуаз, а оттуда в Гавр, который может предоставить ему безопасное убежище, а мадам де Комбале — к кармелиткам в пригород Сен-Жак, где она собирается закончить свои дни. Но кардинал получил приказ от короля этим же вечером прибыть в Версаль, в охотничий павильон, где король любит отдыхать от суеты парижской жизни. Впрочем, такой же приказ был дан канцлеру Марильяку. Ришелье не знал, как поступить: ехать в Гавр или следовать приглашению короля? Один из немногих друзей Ришелье, кто остался ему верен, кардинал де Ла Валет посоветовал ему ехать в Версаль, хотя бы для того, чтобы проститься с королем, и добавил, чтобы его убедить: «Кто выходит из игры, проигрывает ее».

Перед тем как ехать в Версаль, Людовик переодевается в особняке на улице Турнон. Он настолько взволнован, что когда он снимает камзол, от него отлетают все пуговицы.

Вечером в Версале Людовик XIII принимает Ришелье. Кардинал предлагает удалиться в свой замок, но король подтверждает, что намерен оставить его первым министром и, несмотря на глубочайшее уважение к матери, «он еще более обязан своему государству».

Далее король вызывает в Версаль министров и государственных секретарей, кроме канцлера де Марильяка, которому предлагает отправиться в деревушку Глатиньи неподалеку от Версаля. Канцлер прекрасно понимает, что это значит, и сжигает все свои бумаги. Глубокой ночью в Версале собирается совет, на котором Людовик XIII заявляет, что решил покончить с интригами, которые вот уже год ведутся против кардинала. Он намерен расстаться с канцлером де Марильяком и

арестовать Луи де Марильяка, только что назначенного главнокомандующим войск в Италии. Хранителем печатей стал г-н де Шатонеф.

Ранним утром 12 ноября в Париже стало известно, что предполагаемое отстранение кардинала вылилось в итоге в утверждение его в должности и закончилось поражением его врагов. Король поручает сообщить королеве-матери принятые им решения и причины, по которым он намерен оставить Ришелье. Людовик XIII добавил, что просит Марию Медичи забыть то, что в порыве гнева она говорила во время бурной встречи 11 ноября, и согласиться заседать в его совете, ограничиваясь выражением вежливого безразличия по отношению к Ришелье.

Но королева-мать не собирается менять своей точки зрения и заверяет, что больше не будет принимать участия в управлении, раз ее враг остался в своей должности. Было ли это решение окончательным? 19 ноября Мария Медичи и Людовик XIII встречаются в Сен-Жермен: королева-мать твердит, что не собирается больше встречаться с Ришелье. На следующий день, принимая делегацию парламента, король заговорил о поведении королевы-матери и заявил: «Вы знаете, куда завело озлобление мою матушку, королеву, против господина кардинала. Я чту и уважаю свою мать, но хочу помогать кардиналу и от всех его защищать».

Репрессии и проявления дурного настроения

Репрессии обрушились на тех, кто на мгновение решил, что кардинал проиграл. Первыми были Марильяки: Мишеля заключили в замок Шатодун, там он и умрет через два года, а Луи под охраной вывезли из Италии, где он находился с армией, в Сент-Менеульд, осудили и приговорили к смерти.

Все это, конечно, никак не могло способствовать примирению Марии Медичи и первого министра, которого так добивался Людовик. Папский нунций — кардинал Баньи сумел устроить несколько встреч королевы и Ришелье, но добился только видимого примирения. В глубине души королева-мать не собиралась отказываться от занятой ею позиции.

В январе 1631 года Мария Медичи, тем не менее, присутствует на некоторых советах, делая вид, что не замечает присутствия Ришелье, и никогда с ним не заговаривая. Хотя возможно, что без вмешательства Анны Австрийской и Гастона Орлеанского Мария Медичи в конечном итоге и изменила бы свою позицию.

Анна Австрийская вместе с Марией Медичи оказывала давление на Людовика XIII во время его болезни, пытаясь вырвать обещание отослать первого министра. В тот момент она снова думала о браке с Гастоном Орлеанским, который в ответ на ее вопрос дал согласие. Естественно, узнав об этом, Людовик разгневался, а Анна Австрийская замкнулась в гордом высокомерии. Король выразил свое неудовольствие, отослав в Мадрид после Дня одураченных около десятка испанцев из ее свиты. После этого обе королевы выразили неприязнь, отказавшись присутствовать на официальных церемониях.

Чашу терпения переполнил своим поведением Гастон Орлеанский. 30 января он с многочисленной свитой явился в Кардинальский дворец (нынешний Пале-Руайаль) и заявил, что кардинал, обязанный своим возвышением и состоянием королеве, своей благодетельнице, начал ее преследовать и чернить в глазах короля, «потому не должно оказывать ему уважения, которым он бесстыдно злоупотребил, и только сан священнослужителя спасает его». Закончив свою речь, брат короля, даже не дав кардиналу времени ответить, тут же удалился и отправился прямиком в Орлеан.

Людовик XIII был об этом немедленно уведомлен и из

Версаля вернулся в Париж. Он встретился с Ришелье и пообещал ему защиту от всех врагов без исключения, даже если речь идет о его родном брате. Двор осудил поведение Гастона, а враги кардинала поняли, что это несвоевременное вмешательство только усилило поддержку суверена своему первому министру и недовольство Марией Медичи, которую Людовик — справедливо или нет — считал подстрекательницей этого маневра.

Компьень

После вмешательства Гастона Орлеанского терпение короля лопнуло. Он поинтересовался мнением теологов о границе, разделяющей долг сына по отношению к матери и обязанности короля, несущего перед своим народом ответственность за общественное спокойствие. Ответ был единодушным: долг короля превыше сыновнего. С этого момента король готов расстаться с матерью. 12 февраля 1631 года Людовик встретился с Марией Медичи в Компьене, чтобы в последний раз объясниться. Позиция королевы-матери не изменилась: она снова жалуется сыну на кардинала.

Несмотря на вмешательство советников Марии Медичи — Вотье и отца Сюффрена, — которые были заинтересованы в разрешении ситуации, королева отказалась подписывать какие-либо обязательства и была решительно настроена не терпеть больше присутствия Ришелье при короле: либо она, либо он.

Это означало, что Мария и впредь будет вести интриги, продолжать переговоры с Испанией, заговоры с принцами — бывшими лигистами — и всеми недовольными во Франции. Стало ясно: присутствие Марии Медичи при дворе означало, что у Людовика XIII не будет ни покоя, ни безопасности. Теперь у короля выбора не было.

22 февраля 1631 года состоялось заседание совета. Ришелье взял слово последним: он сказал, что, несмотря на все усилия, примирение с королевой оказывается невозможным. В стремлении уничтожить тех, кого считает своими врагами, она складывает оружие только когда добивается абсолютной победы. Сейчас ее цель: устранить Ришелье и взять правление государством в свои руки.

Король уже сделал выбор: временно расстаться с матерью, «чтобы тем временем она одумалась и удалила от себя всех тех, кто был виновником ее несчастий».

23 февраля Анна Австрийская, предупрежденная королем, бросилась к Марии Медичи. Обе королевы, плача, обнялись, движимые своей ненавистью к Ришелье. Больше они не увидятся.

В город вошли восемь полков французских гвардейцев под командованием маршала д'Эстре, который заявил Марии Медичи, что ему приказано находиться при ней и следить за всеми ее перемещениями. Королева-мать стала пленницей. В этот же день король уехал из Компьеня в сопровождении Анны Австрийской и своей свиты, не потрудившись поцеловать королеву-мать в

последний раз: они тоже больше уже не увидятся.

Все друзья и приближенные королевы подверглись преследованиям: сосланы в свои поместья или арестованы. Самым опасным из всех был Бассомпьер. Он оказался в Бастилии, откуда выйдет только через 12 лет после смерти Ришелье. Бассомпьер был известным волокитой. Он не скрывал своих любовных похождений, но все-таки перед тем, как отправиться в тюрьму, он сжег, как говорили, около 6000 любовных писем!

Людовик XIII постановил, что королева-мать будет проживать в Мулене, ей вернут Вотье, а король обязуется выплачивать полностью ее содержание.

Королева пришла в ярость, но, взвесив все, написала Людовику письмо, объявив о своем повиновении:

«Государь, сын мой!

Несмотря на то, что жить в отдалении от Вас, как Вы мне приказываете в Ваших письмах, крайне тягостно для матери, которая всегда Вас так нежно любила, но видя, однако, что Вы этого желаете, я решила целиком и полностью Вам повиноваться и удалиться в Мулен, ожидая, что Господь, защитник моей невиновности, достучится до Вашего сердца и заставит признать, насколько Вы не правы, отдаляя меня от себя… Так как осенью и даже зимой в этом городе [то есть в Мулене] была эпидемия заразной болезни, а замок настолько разрушен, что нет ни одной комнаты, где я могла бы разместиться, умоляю Вас позволить мне остановиться в Невэре, пока замок приведут в надлежащее состояние, а город будет полностью очищен от болезни…»

Людовика XIII очаровала такая покорность, и он поспешил выпустить Вотье из тюрьмы, чтобы отправить его навстречу Марии Медичи, когда та выедет в Невэр. Но вдруг все изменилось. Мария, пообещавшая уехать через неделю, оттягивает свою поездку под предлогом нехватки денег. Потом она требует, чтобы Вотье приехал к ней в Компьень, отказываясь от услуг любого другого врача. Она делает все для того, чтобы не двигаться с места. Когда Людовик приказал отремонтировать замок, ей не подходит маршрут. Когда изменили маршрут, снова выдвигается предлог нехватки денег. Когда король дает ей деньги, ей снова не позволяет уехать состояние здоровья.

Тогда Людовик попытался оказать на нее давление, прислав двенадцать рот Наваррского полка. Но Мария Медичи отказывается покинуть Компьень.

Потеряв терпение, Людовик XIII решил пока разобраться с Гастоном Орлеанским, который ведет себя как настоящий

бунтовщик. Он набирает армии в Пуату и Лимузене. Предвосхищая события, Людовик во главе небольшой армии направился в Орлеан. Гастон испугался и бежал в Бургундию, губернатором которой был его друг Бельгард. Его приверженцы кричали, когда он проезжал: «Да здравствует монсеньор и свобода народа!» Несмотря на прекрасный призыв, народ не зашевелился. Преследуемый королевской армией, Гастон вынужден проехать через Бургундию и в итоге оказаться во Франш-Конте, то есть на испанской территории.

Брат короля, укрывшийся у заклятого врага, какой скандал! Не теряя времени, Людовик XIII обвинил графа де Море, герцогов де Роана, д'Эльбефа и Бельгарда, Ле Куанье, Пюилорана, Монсиго и отца Шантелуба в преступлении против Величества: их дурные советы привели к тому, что брат короля покинул королевство.

Теперь король более, чем когда-либо, настроен заставить подчиниться Марию Медичи. Но чем больше он настаивает, тем упрямее она отказывается покинуть Компьень. Она говорит, что ему придется тянуть ее оттуда за волосы. Королева не соглашается на Анжер с губернаторством всей провинции Анжу и говорит, что откажется, даже если ей предложат Монсо или ее Люксембургский дворец в Париже. Она не уедет ни за что на свете, потому что знает, что конечной целью поездки будет Флоренция. В доказательство непоколебимости своего намерения Мария больше не выходит из своей комнаты.

25 мая она пишет Людовику XIII холодное письмо, полное упреков. Ответ Людовика являет собой ультиматум: в двухнедельный срок королеве-матери надлежит выбрать одно из предложенных ей мест пребывания. В знак своей доброй воли «и демонстрируя надлежащее вам уважение, я приказываю моему кузену, маршалу д'Эстре, вывести войска из Компьеня». Но все напрасно. 14 июля Мария заявила, что если сын хочет ее увидеть, ему остается только прибыть в Компьень, откуда ее можно будет вывезти только силой.

Правда, уже начинают ходить слухи, что Мария Медичи готовит побег во Фландрию в рамках обширного заговора, организованного Гастоном Орлеанским, к которому якобы имели отношение и король Испании, ее зять, и даже два других ее зятя — король Англии и герцог Савойский, которые во всеуслышание ее жалели. Как говорится, нет дыма без огня: к тому времени, когда Мария отвечала Людовику XIII, она разработала окончательный план побега, чтобы встретиться с Гастоном и вместе с ним спровоцировать крупномасштабные волнения против Ришелье.

Ложный отъезд, который оказался окончательным

В 1629 году Карл IV уже предоставлял убежище Гастону Орлеанскому при дворе в Нанси. Тогда возникла двойная идиллия: между фаворитом Гастона Пюилораном и старшей из сестер Карла IV Генриеттой де Водемон, принцессой Фальцбургской, а также Гастоном и самой младшей сестрой Карла, пятнадцатилетней Маргаритой де Водемон, заставившей наследника трона забыть о Марии-Луизе де Гонзаг.

В 1631 году в ответ на просьбу Гастона снова принять его в своих провинциях Карл Лотарингский поставил два условия: Гастон женится на Маргарите и образовалась коалиция европейских государей с целью помочь младшему брату Людовика XIII вернуться с триумфом во Францию и освободить Марию Медичи из компьенского плена.

Первое условие Гастон принял легко, а второе полностью зависело от отношения короля Испании. Он был готов вместе с королем Англии и герцогом Савойским образовать «лигу зятьев», но не хотел преждевременно брать на себя обязательства, стремясь ограничиться ролью посредника.

Тем не менее Испания не собиралась упустить возможность доставить некоторые неприятности Всехристианнейшему королю, поэтому инфанта Изабелла, правительница Нидерландов, и Мадрид переправили в Нанси крупные денежные средства для Гастона Орлеанского.

Не теряя времени, Карл Лотарингский организует пышную встречу Гастону в Эпинале, где тогда находился его двор, и начинает собирать для него войска.

Ясно, что ключевым звеном этой операции была Мария Медичи, потому что официально ее зятья собирались освободить ее, а не поддерживать мятежного принца, даже если он — наследник французского престола. Карл считал, что Мария Медичи должна получить убежище в Испанских Нидерландах, потому что они расположены ближе к Компьеню, и таким образом будет скомпрометирован король Испании. Инфанта Изабелла ответила, что традиционное гостеприимство Испанских Нидерландов побуждает ее оказать достойный прием королеве.

Правда, Мария Медичи еще не решилась бежать на территорию Испании, потому что прекрасно представляла себе нежелательные политические последствия побега за границу. По

плану, разработанному совместно с Гастоном, она должна прибыть в Ла-Капель — французскую крепость, расположенную у бельгийской границы. Оттуда она обратится с манифестом ко всем недовольным «тиранией» Ришелье с призывом присоединиться к ней. Через границу ей на помощь придут войска, поставленные инфантой и герцогом Лотарингским, а также добровольцы, нанятые Гастоном. И только в случае неудачи этого мятежа Мария Медичи должна укрыться в Испанских Нидерландах.

Оставалось только выбраться из Компьеня. Это было легко: войска были отведены за два лье от города, а дворяне из свиты королевы имели право охотиться в лесу. В ночь с 18 на 19 июля Мария Медичи выскользнула из своей спальни. Привратнику было сказано, что это придворная дама королевы, которой последняя разрешила тайно венчаться. Ничего не подозревая, привратник пропустил ее и четырех ее сопровождавших.

На выезде из Компьеня беглецов поджидала карета. Остановившись в двух лье от Ла-Капели, Мария узнала неприятные новости: сторонник королевы, губернатор города молодой маркиз де Вард вынужден был отдать ключи от цитадели своему отцу, который накануне поспешно прибыл из Парижа и принял командование.

Неосторожность молодого маркиза вызвала подозрения кардинала де Ришелье: из Парижа, где находился де Вард, он внезапно, не испросив полагающегося в таком случае разрешения, уехал в Ла-Капель. На всякий случай Ришелье предупредил старого маркиза де Варда, тот помчался в Ла-Капель, где все и открылось.

У Марии Медичи выбора больше не было. Вернуться в Компьень было уже невозможно. Она приказала закладывать лошадей, пересекла границу и 20 июля 1631 года въехала в Авен — первый бельгийский город после границы. Мария пока еще не знает, что навсегда покинула Францию. Только ее останки вернутся туда через несколько месяцев после смерти и займут свое место в усыпальнице Сен-Дени 4 марта 1643 года.

Глава XV
ИЗГНАНИЕ

Испанские Нидерланды

Мария Медичи приехала в страну, практически разоренную в результате столетия междоусобиц, бунтов и войн.

В 1548 году Карл V объединил в *Бургундский круг* 17 провинций Нидерландов — наследие герцогов Бургундских: Карл Смелый, прадедушка Карла V, лишился Дижона и Бургундии, но оставил своим преемникам Франш-Конте, Артуа, Брабант, Фландрию, Эко, Намюр, Голландию и Зеландию, которые вместе с еще несколькими провинциями образовали Нидерланды. Когда Карл V получил в наследство от своей матери короны Кастилии и Арагона, Нидерланды стали называться Испанскими Нидерландами. Страна процветала. Антверпен стал одним из первых по значению портов в мире. Золото, пряности, бриллианты потоком хлынули из Индии и испанской Америки.

Блестящая и утонченная цивилизация дала толчок удивительному расцвету искусства. Но этот период стал одновременно и началом религиозных разногласий в стране. Тезисы Лютера и идеи Кальвина нашли благодатную почву в больших городах и быстро развивались. В правление будущего Филиппа II в Нидерландах обосновалась Инквизиция. Бушевали религиозные страсти, сопровождавшиеся многочисленными волнениями.

Страна не знала мира ни в правление Маргариты Пармской (сводной сестры Филиппа II) — война с Францией и Като-Камбрезийский договор, ни в годы губернаторства свирепого герцога Альбы — бунты протестантов, которые на некоторое время приостановило Гентское перемирие. Кальвинизм распространялся по всей стране — 23 января 1579 года кальвинисты создали Утрехтскую Унию, в которую вошли семь северных протестантских Соединенных Провинций — Зеландия, Голландия, Утрехт, Овеэйсел, Фрисландия, Гронинген, Гелдер, провозгласивших в 1581 году свою независимость.

Новый губернатор эрцгерцог Альберт, сын императора Максимилиана II, предоставил Нидерландам относительную автономию. Эрцгерцог подталкивал к миру. В апреле 1609 года было заключено двенадцатилетнее перемирие между Испанией и Соединенными провинциями, которое оформило фактическую независимость семи мятежных провинций, но позволило Нидерландам перевести дух.

Окончание действия перемирия в 1621 году совпало со смертью эрцгерцога Альбрехта. Теперь Нидерландами правила

супруга Альбрехта инфанта Изабелла — дочь Филиппа II, абсолютно преданная сначала своему брату Филиппу III, а потом — племяннику Филиппу IV. Она была горячей сторонницей дела католицизма и не любила голландцев за их отказ от монархического принципа. Благодаря своему происхождению (ее мать Елизавета де Валуа, третья жена Филиппа II, была дочерью Генриха II и Екатерины Медичи), она сохранила двойную симпатию — к Франции и Италии.

Инфанта Изабелла не могла не прийти к согласию с Марией Медичи — другом иезуитов, творцом испанских браков, непримиримым противником антииспанской политики кардинала де Ришелье.

Первые шаги в Бельгии

Едва прибыв в Авен, Мария Медичи начинает действовать. Она извещает инфанту и Людовика XIII о своем прибытии на территорию Испании. Король направил своей матери ответ очень твердый и высокомерный.

Королева-мать написала ему, что ей пришлось бежать из Компьеня, чтобы спасти жизнь: «Меня арестовали как преступницу за то, что я не захотела повиноваться кардиналу, и с тех пор со мной обходились как с самым заклятым врагом Франции. Но силы покидали меня, и я видела, что кардинал намерен лишить меня жизни, заточив в четырех стенах, поэтому я решилась, стремясь сохранить жизнь и репутацию, принять предложение маркиза де Варда и уехать в его губернаторство Ла-Капель».

Людовик возразил ей, что «это ему тем более досадно, потому что ее жалобы на преследования и угрозы ее жизни в Компьене совершенно безосновательны».

Задетая тоном этого письма Мария в ответ написала, что все прекрасно бы уладилось между матерью и сыном, если бы не было кардинала Ришелье. Она требует осуждения кардинала, перед тем как согласиться вернуться во Францию: «Я прошу суда над плохим слугой, чтобы вы увидели его преступные замыслы против вашего государства».

Людовик XIII счел бесполезным продолжать полемику в таком тоне. Для представителей парламента он сделал краткое заявление в Лувре: «Вы наслышаны о том, как королева, наша мать, покинула королевство и вместе с нашим братом оказалась в лагере испанцев. Но мы не боимся их и помешаем им причинить нам зло. Они говорят, что г-н кардинал хочет прогнать короля, но все это — ложь, советы кардинала были нам всегда полезны».

Чтобы показать, что считает отъезд матери окончательным, он приказал взять в Компьене ее драгоценности и гардероб и позволил слугам и членам свиты королевы (кроме ее казначея и врача) присоединиться к ней. Так у Марии Медичи появилась многочисленная свита: три придворных дамы, семь фрейлин, пять или шесть горничных, около двадцати гвардейцев. В Авене она вела жизнь, достойную королевы, и не ощущала себя в ссылке.

Филипп IV — король Испании и зять Марии — посоветовал ей переехать в Монс — подальше от французской границы, не столько заботясь о ее безопасности, сколько желая отделаться от

ее компрометирующего присутствия, которое могло повлечь за собой неприятности в отношениях с Людовиком XIII и Ришелье. Он решил склонить ее обосноваться в одном из городов Германии. Но Мария нисколько не была настроена это делать. Она была уверена, что сможет собрать армию в 15 000 пеших солдат и 2500 рейтар, а герцоги де Гиз, д'Эпернон и де Буйон придут ей на помощь. Она требовала только 400 000 экю. При этом она была настолько убедительна, что привлекла на свою сторону Рубенса, который был назначен кем-то вроде ее посла при дворе в Брюсселе. Она также смогла убедить инфанту и постоянного представителя короля Испании в Брюсселе маркиза д'Айтона. Но Мадрид настроен менее оптимистично, чем Брюссель. Доводы Марии Медичи о количестве армии и о помощи герцогов первый министр Испании Оливарес считает малоубедительной «болтовней французов», но даже если это и правда, то нет никаких серьезных оснований надеяться на успех, а дать в таких обстоятельствах 400 000 ливров значило бы выбросить эти деньги на ветер. «Помимо этого, мы вызвали бы тем самым раздражение короля Франции, а королева-мать оставалась бы на нашем попечении и мы не смогли бы от нее никоим образом избавиться». Граф-герцог нисколько не хотел присутствия Марии Медичи в Нидерландах и посоветовал обязать ее отправиться в Экс-ла-Шапель. Совет поддержал Оливареса и направил соответствующие инструкции короля Испании инфанте.

Но пока депеши шли из Мадрида в Брюссель, инфанта всеми средствами помогала королеве-матери и Гастону Орлеанскому готовиться к военному вторжению во Францию.

29 июля Мария Медичи отправилась в Монс. Это была настоящая официальная поездка. Королева принимала канонисс Сен-Водру, депутатов штатов Эно (Монс был столицей этой провинции), муниципалитет города. 31 июля, в день святого Игнатия Лойолы она посетила церковь иезуитов. В ее честь были устроены балы. От всех празднеств королева заболела, и ей пришлось пролежать в постели несколько дней. 11 августа она встречается с инфантой Изабеллой, приехавшей проводить ее в Брюссель, их радость искренна и они по-настоящему взволнованны. В столице Испанских Нидерландов Изабелла устроила грандиозную встречу Марии Медичи, после чего разместилась в своей резиденции, бывшем дворце герцогов Брабантских — только в его великолепной обстановке сочли возможным принять уважаемую гостью.

После традиционных балов, пиров и визитов Мария Медичи и

инфанта Изабелла отправились в Антверпен, где их ожидал такой же триумфальный прием. Они посетили дом Рубенса — настоящий музей, где их встречал приветливый и взволнованный хозяин, мастерскую Ван Дейка, слава которого росла. После этого визита в Антверпен сохранился портрет, хранящийся в Мюнхене: королева в 58 лет, такая же высокомерная и величественная, но годы и заботы оставили заметный след на ее лице.

Инфанту Изабеллу призвали в Антверпен важные заботы, а не просто желание сопровождать туда Марию Медичи: шла война с Соединенными провинциями на суше и на море. Испанская флотилия была уничтожена. После этого разгрома в Брюсселе стали внимательно прислушиваться к небескорыстным просьбам Соединенных провинций и правительства Людовика XIII.

Где нашелся Гастон Орлеанский

Пока разворачивались все эти события, Гастон Орлеанский в Нанси с огромной радостью узнал о приезде своей матери в Испанские Нидерланды и отправил к ней своего друга Пюилорана: тот взял у нее 100 000 экю, данных инфантой, и обещание оказать еще более значительную помощь, если брат короля решится направить оружие против Франции.

По правде говоря, Гастон ничего не ожидал от инфанты и уже начал собирать войска на испанских территориях. Он оправдывал свои происки тем, что якобы намеревался воевать только против Ришелье — бунтовщика и захватчика.

Гастон сговорился с Валленштейном — знаменитым полководцем империи и католического мира, пообещавшим предоставить 25 000 пехотинцев и 4000 всадников на три года при условия сохранения всех городов, которые он захватит во Франции.

В начале сентября Гастон располагал армией герцога Лотарингского в 18 000 пехотинцев и 2050 всадников.

Перед лицом такой угрозы Людовик XIII и Ришелье не бездельничали. Ришелье прежде всего был озабочен тем, чтобы вывести из игры герцога Лотарингского, представлявшего собой самую большую угрозу: через своих шпионов он знал о переговорах Карла IV и Гастона Орлеанского. Поэтому решил действовать без промедления.

Большинство владений герцога находились в Германской империи, и поэтому после поражения имперских войск в битве с протестантом королем Швеции Густавом-Адольфом по призыву императора Фердинанда Карл Лотарингский покинул Нанси, уводя всю свою армию.

Гастон почувствовал себя очень неуютно, оказавшись в Лотарингии без защиты ее герцога и солдат, и решил укрыться в Испанских Нидерландах со всеми своими силами, что крайне встревожило инфанту Изабеллу: «Это даст королю Франции повод разорвать с нами отношения».

Приют, данный Марии Медичи, можно было оправдать гуманностью и обстоятельствами, потому что побег королевы-матери поставил Изабеллу перед свершившимся фактом, но разрешение разместить войска Гастона на территории Испанских Нидерландов могло выглядеть только как провокация по отношению к королю Франции.

То, чего опасалась инфанта, не замедлило произойти. Гастон, торопясь покинуть Лотарингию, отправил в Люксембург один из своих полков. Узнав об этом, Людовик отправил маршала Ла Форса в погоню за ним. Нарушив границу Люксембурга — иностранного государства, Ла Форс атаковал полк у Флоренвилля и обратил его в бегство.

Правительство инфанты не снесло такого инцидента и мечтало о мести. Но, сознавая свою слабость, инфанта рассчитывала на интриги Марии Медичи и Гастона Орлеанского, которые позволили бы ей смыть нанесенное при Флоренвилле оскорбление. Такой возможностью мог бы стать Седан.

Седан — город, расположенный недалеко от Лотарингии и почти на границе с Нидерландами, — принадлежал герцогу де Буйону и находился под сюзеренитетом короля Франции. Герцог был неисправимым заговорщиком. Один из самых видных лидеров протестантской партии, из любви к интригам он, не колеблясь, начал переговоры с Марией Медичи, бывшей всегда непримиримой сторонницей католицизма. Эти переговоры вел Питер Пауль Рубенс. По договору в Седан было решено отправлять небольшими группами войска, которые в назначенный день выступят на стороне Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Это практически независимое приграничное княжество стало бы, таким образом, столицей «правительства в изгнании», откуда бы началась военная экспедиция, которую несмотря ни на что продолжали готовить Гастон Орлеанский и его мать.

Но слишком много людей оказались замешаны в заговор, и Ришелье, обо всем проведавший, сумел их опередить. Войска маршала Ла Форса окружили город. Видя, что сопротивление бесполезно, младший брат де Буйона виконт де Тюренн начал переговоры. 17 ноября Ла Форс вошел в Седан, а сторонники Гастона были арестованы.

Дела Гастона Орлеанского были плохи: поражение при Флоренвилле и неудача в Седане. Томившиеся в бездействии войска, наводившие ужас на местное население, пришлось отправить в Германию. Ни один из зятьев Марии Медичи не пошевелился: очень осторожно и дипломатично — чтобы не вызвать гнева кардинала — Испания, Англия и Савойя призывали к урегулированию. Герцог Лотарингский, потерявший в Германии две трети своей армии, меньше всего был склонен в ближайшее время открыто компрометировать себя из-за Гастона.

Плохо заканчивался этот год! В Париже сторонники кардинала торжествовали. Перу графа де Ботрю приписывали

сатирическую пьесу, в которой автор весьма непочтительно обращался к добровольным изгнанникам:

> Гастон, хватит бегать, возвращайтесь домой,
> Прямо в Монтаржи,
> И не думайте больше, что Империя и Испания
> Могут хоть что-нибудь сделать в Шампани.
> Довольно уже быть странствующим рыцарем
> Вместе с Пюилораном.
> О, Мать трех королей, могущественная Епифания,
> Почему ты сама себя изгнала?

В Брюсселе настроение испортилось. По приказу Людовика XIII в преступлении против Величества были обвинены все, кто выступил на стороне Марии Медичи. Он приказал также захватить личное имущество королевы-матери. Так как ее письма становились все более язвительными, Людовик сообщил, что отныне отправит в тюрьму любого гонца королевы-матери с письмом, которое сочтет для себя оскорбительным. Единственной возможностью для королевы остаются открытые письма. 20 декабря 1631 года в Брюсселе она опубликовала настоящий памфлет на 23 страницах, в котором собрала все обвинения против Ришелье — письмо весьма неудачное, потому что в нем Людовик XIII изображен слабоумным и игрушкой в руках всемогущего кардинала. В этом письме нет даже намека на доказательства, что кардинал действует противно интересам Франции и ее короля.

Людовик не ответил. Тогда королева снова обращается к Парижскому парламенту с письмом, где, взывая к памяти доброго короля Генриха IV, на 26 страницах она повторяет бесконечные претензии к кардиналу. Письмо остается без ответа. Становится ясно, что никто не собирается слушать упреки королевы-матери, разве только несколько принцев — вечных бунтовщиков, не особенно верных союзников, способных воспламеняться только на словах. Марии Медичи и Гастону нечего ждать поддержки и внутри Франции: им придется опираться на внешние силы, чтобы «дестабилизировать» существующее во Франции правительство.

Именно этим королева и Гастон занимаются зимой и весной 1632 года. Они могли бы добиться успеха: реальные обязательства взяла Лотарингия, изменила свое отношение Испания. Но потребовались полная несостоятельность Гастона и его легкомыслие, чтобы успешно начатый 13 июня 1632 года поход закончился весьма плачевно при Кастельнодари 1 сентября.

Лотарингские интриги. Гастон в Брюсселе

Ришелье прекрасно сознавал, какую опасность представляет собой Лотарингия. Людовик XIII из Меца угрожал захватить ее, если герцог не объяснит лично своего поведения как по отношению к королю Франции, так и в германском деле. Карл IV серьезно воспринял угрозы короля и примчался в Мец, где король принял его очень холодно. Не имея возможности сопротивляться, 6 января 1632 года Карл подписал с Людовиком XIII Викский договор, по которому обещал не вступать в союз, направленный против Франции, и освободить свои земли от сторонников Марии Медичи и Гастона, никогда не предоставлять убежище королеве-матери и брату короля и никому из их приближенных.

Прежде всего герцог должен был выполнить свое обязательство — заставить Гастона Орлеанского и его сторонников покинуть земли Лотарингии. Он не собирался от него уклоняться, но все-таки своеобразно подшутил над королем Франции, позволив тайно заключить брак Гастона Орлеанского и своей сестры — принцессы Маргариты. Политическая и любовная интрига между Гастоном и Маргаритой продолжалась еще с 1631 года, но до сих пор Карл не делал ничего, чтобы ускорить заключение брака. Теперь же он изменил свое отношение по двум причинам: прежде всего — при этом не стоит преуменьшать роли гороскопов на политические решения той эпохи — астрологи предсказывали скорую смерть Людовика XIII, поэтому Карл не мог упустить возможность сделать свою сестру новой королевой Франции через брак с Гастоном. С другой стороны, он полагал, что Франции и Испании не избежать прямого столкновения, и рассчитывал на защиту Мадрида от преследований Французского короля, когда станет известно о тайном браке, а еще — продать подороже свой союз с Францией.

Здесь нужно сказать несколько слов о том, что происходило в Германии. Уже в течение двух лет, продолжая политику Генриха IV, Ришелье всеми силами старался навредить Австрийскому дому, финансируя его врагов, — он заключил договор с королем Швеции Густавом-Адольфом, который захватил в Германии Эрфурт, Вюрцбург, Франкфурт-на-Майне, Майнц, Росток, Висмар, разграбив церкви и монастыри.

Теперь шведский ураган приближался к границам Франции. Герцог Лотарингский знал, что он может рассчитывать на защиту Людовика XIII, который никогда не позволит Густаву-Адольфу захватить его государство. В феврале 1632 года отношения между

Францией и Густавом-Адольфом настолько ухудшились, что можно было предполагать неизбежный разрыв между вчерашними союзниками. Но в марте Густав-Адольф оставил Майнц и Рейнскую область и отправился в центральную Германию. Теперь Франция вновь могла взять под свою защиту немецкие прирейнские государства, не раздражая своего союзника. Помимо этого, в апреле напряжение между Испанией и Францией заметно уменьшилось.

Но после смерти Густава-Адольфа в ноябре 1632 года соотношение сил вновь изменится: в 1633-м Карл IV потеряет всю Лотарингию, захваченную Людовиком XIII; 19 мая 1635 года Франция объявит войну Испании — эта война продлится двадцать четыре года.

Но в начале 1632 года до всего этого было еще далеко, и великая сделка герцога Лотарингского — тайный брак Гастона Орлеанского и Маргариты де Водемон — стала подготовкой военной кампании, которую наследник французского престола готовился вести против своего брата — короля.

Брак Гастона и Маргариты заключен, и во исполнение Викского договора Карл IV просит Гастона покинуть его государство. Брат короля решил обосноваться в Нидерландах. Вместе со своим войском, которому платило правительство Нидерландов, Гастон поспешил в Брюссель, где его ждала мать.

28 января 1632 года со всеми почестями, приличествующими его рангу, он был принят в столице Нидерландов. Его как вероятного короля Франции встречают посол Мадрида, двор, а инфанта Изабелла ждет наверху лестницы герцогского дворца в Брюсселе, где в зале для аудиенций накрыт роскошный стол в честь герцога и знатных дворян из его свиты.

Теперь война между Францией и Испанией кажется неизбежной, но перед тем как перейти в рукопашную, следует с наибольшей выгодой использовать ценнейший козырь — одновременное присутствие на испанской территории матери короля Людовика XIII и наследника Французской короны, его брата Гастона.

Чтобы раздобыть денег, Мария Медичи заложила свои драгоценности. Герцог Лотарингский и Испания снова собирают войска, по мере возможности помогает инфанта — 60 000 ливров и вооружение. Мадрид прислал своего лучшего генерала дона Гонзальво де Кордову и 600 000 ливров. Теперь Гастон Орлеанский может воевать. 18 мая 1632 года он отправляется в Трир — там собирается его маленькая армия.

Не всем верным сторонникам Гастона понравился его тесный союз с Испанией, некоторые предпочли договориться с кардиналом. Но измена не испортила настроения брату короля, который в Брюсселе за счет инфанты вел такую же веселую жизнь, как и в Париже, усердно ухаживая за красавицей доньей Бьянкой — дочерью дона Карлоса Колониа, тем самым подтверждая свою репутацию легкомысленного и ветреного принца.

Но более серьезные дела требовали присутствия Гастона Орлеанского во главе его войск: впервые в самой Франции появилась возможность серьезного мятежа.

Недовольство в Лангедоке и бунт герцога де Монморанси

Уже в течение двух лет в Гиени, Пуату, Провансе, Лангедоке возникали волнения: недовольство парламентов, народные бунты, сопротивления сбору налогов. Особенно недовольство налоговой системой проявлялось в Лангедоке, где раньше налоги распределялись штатами, а теперь Ришелье пытался подменить их системой королевских депутатов, которые сами бы определяли размер и распределение налогов. От этого изменения Ришелье ожидал увеличения поступлений от налогов, но это было посягательством на привилегии провинций. В Бургундии уже вспыхивали волнения по этой причине, так что в Лангедоке Ришелье мог ожидать того же. Но там все оказалось гораздо серьезнее, потому что часть знати этой провинции попыталась разжечь волнения и использовать их в пользу Марии Медичи и Гастона Орлеанского.

Во главе заговора стоял губернатор Лангедока герцог де Монморанси, маршал Франции, крестник Генриха IV, шурин принца Конде, очень многим обязанный Людовику XIII и Ришелье. Однажды он не колеблясь предложил Ришелье убежище в своем губернаторстве, когда Людовик заболел и все ожидали его неминуемой смерти, а следовательно, отставки министра. Но просьбы его жены — родственницы Марии Медичи, дружеское давление епископа Альби, чей брат был одним из самых верных слуг Гастона Орлеанского, а главное — желание получить шпагу коннетабля, принадлежавшую его отцу, которую Ришелье нисколько не торопился ему отдать, заставили герцога переметнуться в лагерь Марии Медичи.

Заговор был составлен в первые месяцы 1632 года. Монморанси договорился с братом короля, что из Трира Гастон со своими войсками отправится в Лангедок через Бургундию. Он надеялся, что это вызовет волнения, с которыми должны были совпасть вступление в кампанию Гастона Орлеанского, сдача Кале его губернатором, отвлекающий маневр испанского флота у Атлантического побережья Франции из этого порта и нападение герцога Лотарингского на Шампань.

Но прекрасный замысел расстроил Ришелье, который как всегда обо всем знал и сумел опередить заговорщиков.

Чтобы продемонстрировать, что он готов безжалостно подавлять любое сопротивление, откуда бы оно ни исходило, Ришелье приказал начать суд над маршалом де Марильяком. Он

уже около года был под арестом, но вменить ему в вину, в общем-то, было нечего. Однако этот умный и деятельный человек в один прекрасный день мог бы оказаться полезным Марии Медичи: его советы были мудрыми и он имел опыт в политике.

Узнав об этом, Мария Медичи, как и ожидал Ришелье, забеспокоилась. Из Брюсселя она пишет возмущенные и угрожающие письма, которые имели совершенно противоположный эффект на судей, нежели она ожидала: Марильяк был приговорен к смерти и обезглавлен. Мария решила ускорить военное вторжение в безумной надежде, что его успех опередит вынесение приговора и позволит спасти Марильяка.

Но поспешность оказалась для заговорщиков роковой: Ришелье знал все, что замышлялось в окружении Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Прежде всего была решена проблема Кале: должность губернатора была выкуплена для абсолютно преданного королю человека. Сразу же была отведена угроза отвлекающего маневра испанцев, лишившихся надежного морского опорного пункта. В мае по приказу Ришелье войска маршалов Ла Форса и д'Эффиа захватили Лотарингию.

До начала наступления французов на Лотарингию Гастон Орлеанский отправился в Трир за своей армией, о которой он был весьма невысокого мнения: кроме французского резерва, все остальные были «воры и отбросы испанской армии».

13 июня из городка Андело он обратился к населению с манифестом, в котором стремился изобразить себя освободителем, но, к несчастью для него, «освобожденные» принимали его весьма прохладно: Лангр отказался открыть ворота, Дижон ответил залпами пушек, не нашлось союзников ни в Бургундии, ни в Шароле. Но герцог де Монморанси не ждал его во Франции так быстро, поэтому Гастону пришлось тянуть время, чтобы не прибыть в Лангедок слишком рано.

20 июля Монморанси приказал арестовать королевских уполномоченных и архиепископа Нарбоннского, верного Ришелье. 22 июля штаты Лангедока, обработанные его агентами, просят присоединиться к ним, чтобы усмирить провинцию и принять военные меры. Это бунт. Часть епископов становятся на сторону Монморанси — Альби, Лодева, Юзеса и Сен-Понса. Главные города разделились: Безье, Альби, Алес присоединились к бунтовщикам, а Бокер, Ним, Монпелье остались верны королю. Неловкий призыв Гастона к испанцам о помощи задел патриотические струны большинства населения.

Тем временем король начал действовать: капитулировал Карл IV Лотарингский, подписав 26 июня 1632 году

Ливерденский договор, что позволило высвободить две армии маршалов Ла Форса и Шомбера, которые атаковали Лангедок с запада и востока.

В битве при Кастельнодари 1 сентября маневренность войск и хладнокровие Шомбера помогли ему разгромить гораздо более многочисленные силы мятежников. Монморанси сам участвует в бою, он ранен и взят в плен. Его пленение стало сигналом для беспорядочного бегства: «Захват господина де Монморанси в одно мгновение уничтожил все надежды брата короля».

Не зная, что предпринять, Гастон Орлеанский отступил. Людовик XIII, будучи в Лионе, узнал о битве при Кастельнодари и прибыл в Безье с многочисленной армией, решительно настроенный образумить своего брата. Не имея выбора, Гастону пришлось принять условия короля и 29 сентября 1632 года подписать договор в Безье, по которому он отказывался от любых отношений с Испанией, Лотарингией и королевой-матерью; соглашался жить там, где будет угодно королю; должен был удалить всех, кто неприятен Его Величеству; а Пюилоран должен был уведомить короля обо всем, что замышлялось вместе с иностранцами против короля.

Таким образом Гастон Орлеанский оставил герцога де Монморанси и отмежевался от Марии Медичи. Восстановленный во всех своих титулах и званиях, 1 октября он уехал из Безье в Тур, где ему предписано жить.

Король был безжалостен: обезглавлены сторонники Гастона, среди них и герцог де Монморанси, несмотря на мольбы герцогини, королевы Анны Австрийской и личного духовника Людовика XIII. Король должен был привести к повиновению знать и не имел права проявлять слабость.

Казнь герцога имела большой резонанс как за границей, так и во Франции. В Мадриде министры, принимая французского посла, высказали мнение о том, что, по сути дела, Монморанси заплатил за слабость Марии Медичи во времена ее регентства.

Глава XVI
ИЛЛЮЗИИ И ХИМЕРЫ

Валленштейн

После отъезда Гастона Орлеанского в Трир 18 мая 1632 года Мария Медичи связалась с одним из самых прославленных военачальников того времени, опорой католической партии в Германии Валленштейном, считая, что только он в состоянии разгромить королевские войска.

Мария Медичи поставила перед собой цель: уничтожить Людовика XIII и Ришелье. Ее борьба стала смыслом жизни, ради этого она даже пожертвовала свои драгоценности.

Граф Альбрехт фон Валленштейн был одной из любопытнейших личностей своего времени. Он стал настоящим наемником в военных операциях и мог выслушать любое предложение, лишь бы оно было выгодным. Весной 1632 года Мария Медичи предложила ему служить Гастону Орлеанскому в войне против Франции — Валленштейн согласился: это был вопрос денег и политических и территориальных выгод.

Мария Медичи поручила своему нарочному, барону де Курменену, пообещать Валленштейну «Три епископства» — Мец, Туль, Верден, но Валленштейн счел, что этого недостаточно. Во время переговоров Курменен был похищен — его узнал посол Людовика XIII, — отправлен во Францию и, как известно, казнен.

Мария Медичи была потрясена случившимся. Ее охватили сомнения: неужели Господь оставил ее? Кроме того, новости от Гастона приходили все реже, и она стала беспокоиться. Из Мадрида пришло сообщение о битве при Кастельнодари. Мария ничего не знала ни о судьбе Гастона, ни о его намерениях. У нее созрел совершенно безрассудный план: пока Людовик XIII находится на юге Франции, почему бы ей не отправиться в Париж, в поддержке которого она не сомневается?

23 сентября Мария Медичи отправляется в паломничество к Богоматери Монтегю, ища моральной поддержки в заступничестве Девы. Паломничество вернуло ей душевные силы. Вера Марии никогда не была особенно глубокой, поэтому ритуалы и внешняя торжественность религии имели для нее большое значение.

Но в Брюсселе ее ждал неприятный сюрприз. Она узнала, что Гастон прекратил борьбу. Королева-мать и ее окружение были потрясены, узнав о содержании договора в Безье, свидетельствовавшего о трусости Гастона Орлеанского.

Со временем изгнанники начинают приходить к выводу, что лучше бесславно возвратиться, чем глупо рисковать головой, и

постепенно оставляют Марию Медичи. Ее горечь и озлобленность только увеличиваются.

Когда командир роты ее гвардейцев барон де Гепрез тоже просит разрешить ему вернуться во Францию, она реагирует крайне резко и приказывает его арестовать и казнить. В защиту несчастного выступает инфанта и Генеральные штаты Нидерландов. Мария Медичи заявляет, что это ее слуга, который проявил к ней неуважение и посягал на ее особу. Но дело в итоге обернулось не в пользу королевы: Генеральные штаты и штаты Брабанта оказали такое давление, что инфанта решилась заставить освободить барона де Гепреза.

Одинокая в своей озлобленности, находящаяся во власти химерических представлений Мария постепенно утрачивает связь с реальностью, теряет поддержку бельгийцев. У нее нет денег — поход в Кастельнодари обошелся ей очень дорого. Она пытается организовать безрассудные заговоры, которые заканчиваются неудачей.

Мария Медичи в отчаянии: спасения она ждет теперь только от испанского вмешательства. Но Филипп IV считает, что время авантюр закончилось, и Марии лучше договориться с Людовиком XIII. Возможно, она так и сделала бы, но случилось нечто совершенно неожиданное: 21 ноября 1632 года Гастон Орлеанский явился в Брюссель.

1633-й: печальный год для королевы-матери

Еще когда обсуждался договор в Безье, через своих гонцов король пытался выяснить ситуацию с браком принца. И Гастон и Пюилоран отвечали уклончиво, но перед казнью герцог де Монморанси приказал одному из своих друзей рассказать обо всем королю. Через одного из министров Пюилоран и Гастон узнали, что их ложь открылась. Сознавая ее последствия и легко предсказуемую реакцию Людовика XIII, они решили бежать из Тура. Гастон весьма смутно представлял себе, что он будет делать, когда появился в Брюсселе.

Теперь его положение было откровенно неблагоприятным: разбитый при Кастельнодари, опозоренный договором в Безье, герцог Орлеанский не мог больше надеяться на те же милости. Тем не менее инфанта приняла его весьма любезно. Но Мария Медичи не смогла его простить. Узнав о его приезде, уязвленная королева уезжает в Мехелен, а потом в Гент, отказываясь встретиться со своим непостоянным и двуличным сыном.

Гастон начинает переговоры с Мадридом, который требует от него доказательств серьезности его намерений, но о них узнает Ришелье, и переговоры оказались расстроены.

Со своей стороны, Мария Медичи пытается убедить Испанию предоставить ей свою помощь. Ее послушать, так большинство французской знати и даже принцы крови — Конде, Гиз, д'Эпернон и Монморанси — готовы поддержать ее. Она предлагает Филиппу IV приехать в Нарбонн или Байонну, что позволит испанским полкам «добровольно» поступить на службу к королеве-матери, не втягивая при этом Испанию в объявленную войну против Франции.

Эта идея понравилась Филиппу IV, но он попросил Марию Медичи взять у ее сторонников письменное обязательство или подписать нечто вроде пакта, свидетельствующего об их твердом решении бунтовать. Гастон Орлеанский ответил, что достаточно заверений, которые он сам получил, а его собственное слово гарантирует испанцам реальность этих обещаний. Но Мадрид настаивал на предоставлении письменных гарантий не без причины: герцог де Гиз заявил испанскому послу в Риме, что совсем не намерен участвовать в заговоре, больше того — выяснилось, что Гастон одновременно вел переговоры с Ришелье

без ведома Марии Медичи, — в очередной раз любимый сын предал свою мать.

Впрочем, Мария Медичи уже смирилась с затянувшимся пребыванием в Генте и даже приказала сделать посадки в особняке, где жила. Однако климат для нее не подходил: королеве уже 60 лет, она озлоблена и подавлена, у нее частые мигрени и постоянная лихорадка, несмотря на кровопускания. В начале июня 1633 года ее здоровье настолько ухудшилось, что инфанта решила сообщить Людовику XIII о состоянии его матери, прося при этом освободить Вотье — врача, которому больше всех доверяла Мария Медичи, тот все еще находился в Бастилии.

Людовик решил отправить в Гент одного из своих дворян г-на де Рош-Фюме с письмом, где он справляется о здоровье матери. Но гонцу дано еще одно поручение: «Мадам, господин кардинал поручил мне сообщить Вашему Величеству, что несмотря на то, что, к его великому сожалению, он знает, насколько Вам невыносимо слышать его имя, он умоляет позволить мне сказать от его имени, что нет в мире более преданного слуги, чем он, и никого больше, чем его, не печалит ваша болезнь». Бедный де Рош едва успел открыть рот, как королева резко его прервала.

Вместо Вотье Людовик отправил в Гент двух знаменитых врачей, которые посоветовали королеве переменить климат, что Мария и сделала, переехав в Брюссель, где ее состояние очень быстро улучшилось.

Но в Брюсселе Марию Медичи ожидали другие неприятности: Гастон тоже был здесь, и она не могла избежать встречи с ним. Чувствуя себя преданной любимым сыном, мстительная Мария очень холодно встретила Гастона, но тот приложил все усилия, чтобы добиться ее расположения, подробно рассказав о своих переговорах.

Королева снова жаждет войны. Обещают войска Валленштейн и Карл IV, готовы сдать города герцог де Гиз и Матиньон.

Но все это только иллюзии и вздор. Филипп IV по-прежнему настроен недоверчиво. Он понимает, что война с Францией неизбежна, но не хочет преждевременной войны, вызванной неразумной поддержкой слабой партии Гастона и его матери. 21 августа испанский король направляет инфанте очень точные и четкие инструкции по поводу ее поведения в отношении Марии Медичи: «Ваше Высочество понимает, что мне не подобает слепо соглашаться на все эти союзы, а также позволять тому, кто отдал себя под мою защиту [то есть Гастону Орлеанскому], снова рисковать, не выяснив, на чем основаны его надежды. Пока не станет ясно, в какой мере можно рассчитывать на эту партию, я

не хочу рисковать разрывом отношений с Францией».

Испания не зря поступала так. Гастон ускорил свои переговоры с кардиналом. Мария Медичи вырвала у сына два обещания: он сообщит ей о возможных переговорах с Людовиком XIII и Ришелье и речь должна идти о его матери, Карле Лотарингском, короле Испании и французах — сторонниках Гастона и королевы. Гастон Орлеанский поклялся, но, по своему обыкновению, слова не сдержал: он вел переговоры сам и только о себе.

Тогда Мария решила сообщить об этом в Испанию и Карлу Лотарингскому, тем более оказалось, что Гастон предложил разорвать его брак с Маргаритой. Карл упрекнул инфанту в том, что на своей территории она приняла человека, которой готов обесчестить его семью.

В конце июля 1632 года все только и говорили о тайном браке Гастона и Маргариты. Пытаясь сохранить шанс урегулировать отношения между Людовиком XIII и Гастоном, кардинал всеми силами старается помешать Маргарите встретиться с Гастоном в Брюсселе. Но Карл IV, напротив, боясь предательства Гастона, стремится соединить Гастона и Маргариту, чтобы не дать брату короля развестись со своей женой.

Людовик XIII приказывает захватить земли Лотарингии, подчиняющиеся Французской короне, и требует выдачи принцессы Маргариты. Кардинал Лотарингский и Карл IV не могут помешать захвату земель, но организуют побег Маргариты из Нанси.

Принцесса попросила убежища у инфанты, что несказанно обрадовало Марию Медичи: это срывало возможность примирения Людовика XIII и Гастона Орлеанского. Гастон, правда, радовался меньше, но быстро утешился: его жена приехала к нему, инфанта оплачивала их расходы — легкомысленному принцу волноваться нечего. Его нисколько не встревожила весть о капитуляции столицы Лотарингии, потому что «помощи ждал от Испании и империи, а не от герцога Лотарингского», — как заявил он возмущенной Марии Медичи.

Бедная королева-мать! Печально заканчивался 1633 год. Обманутой в своей любви к Гастону Орлеанскому, оставшейся практически без средств, вложившей все свое состояние в безумную идею легкомысленного сына, ей теперь нечего было ждать от торжествовавшего Ришелье. Проводимая им политика позволила добиться больших дипломатических и военных успехов

в захвате Лотарингии, обеспечивая увеличение территории и укрепляя национальную независимость. Практически вся восточная граница оказалась на замке. Теперь присутствие Марии Медичи в Нидерландах перестало занимать Людовика XIII. Все привыкли к ее изгнанию — добровольному и окончательному.

Мария Медичи приходит к мысли, что за неимением других средств она может избавиться от кардинала, организовав покушение на его жизнь в Шалоне, где Ришелье должен остановиться, возвращаясь из Лотарингии. Это поручили осуществить Шантелубу и подкупленному им уроженцу Шалона Альфертону. Но неловкие заговорщики использовали любимого коня королевы-матери во всех поездках, что привлекло внимание полиции. Они были арестованы, преданы суду и приговорены к смертной казни. Еще две попытки покушения тоже провалились.

В декабре оставалось обратиться к колдунам, которые извели бы Ришелье наведением порчи.

Ожидая смерти кардинала, Мария Медичи возобновляет переговоры с Людовиком XIII о примирении, к которому она не стремится, чтобы сбить короля с толку и облегчить свое возвращение на следующий же день после смерти кардинала. Свои намерения она изложила в письме к своей дочери Кристине: оно было перехвачено и стало основным документом по делу Марии Медичи, составленному для заседания Совета короля 18 декабря 1633 года. Правительство сочло возвращение королевы опасным, потому что оно поставило бы под угрозу внутренний мир в королевстве.

Ришелье посоветовал королю и правительству поставить королеве условия, не лишая ее надежды на примирение: она должна заявить, что не участвовала в попытках покушения на Ришелье, и передать правосудию организаторов этих покушений. Взамен король разрешил бы ей возвратиться во Францию, вернув имущество и содержание и предписав жить в одном из своих домов до тех пор, пока она действительно не раскается.

Король и его совет согласились с предложениями Ришелье, которые были переданы королеве-матери. Она с ними тоже согласилась. Выше сказано, что она нисколько не была расположена заключать договор, а только хотела убедить Людовика XIII в своей доброй воле и искренности желания вернуться во Францию раскаявшейся. Но королева-мать выдала себя чрезмерным раскаянием, ее уловку быстро разгадали, а единственным результатом было ускорение переговоров между Ришелье и братом короля.

Разногласия среди эмигрантов. Гастон уезжает во Францию

Французские эмигранты в Брюсселе — несколько десятков лишившихся власти и иллюзий дворян — разделились на две противоборствующие партии: королевы-матери и герцога Орлеанского.

Средства обеих партий практически исчерпаны. Гастон признает долги на сумму в 400 000 ливров, а Мария Медичи живет на 8000 дукатов, которые ей выплачивает Испания: она переехала в более скромный особняк и ей пришлось уволить большую часть своей свиты. Помощники исчезли, а Рубенс, верный друг, скомпрометировал себя участием в открытых переговорах с Соединенными провинциями.

Инфанта умерла 1 декабря 1633 года. Мария Медичи, Гастон и Маргарита Лотарингская оставались у ее изголовья до утра. Перед самой смертью инфанта заклинала Гастона помогать матери, любить и утешать ее. Она была одной из тех, кто еще способен был предотвратить окончательный разрыв между Марией и Гастоном. Но ее смерть означала также прямой захват Испанских Нидерландов Испанией и предвещала гораздо менее благосклонную по отношению к французским изгнанникам политику.

Мадридский двор, раздраженный постоянными просьбами о деньгах и вынужденный вмешиваться в ссоры Марии Медичи и Гастона, теперь желал только одного: устроить их возвращение во Францию. Королева-мать неоднократно просила Филиппа IV вмешаться, чтобы повлиять на герцога Орлеанского. Но король отвечал, что не намерен вмешиваться в домашние дела Гастона. Когда 30 марта 1634 года заключение договора между Людовиком и Гастоном казалось неизбежным, Мария обратилась с патетическим призывом к королю Испании: она настолько ненавидела Ришелье, что, полностью презрев государственные интересы Франции, стремилась только к одному — помешать любому примирению Людовика XIII и его брата.

Людовик XIII не любил Гастона. Мысль о том, что тот может иметь детей, в то время как он, король, до сих пор оказался неспособным обеспечить будущее династии, была ему невыносима. В этом смысле новый брак Гастона вызывал крайнее недовольство короля, и он стремился всеми силами его разорвать, пытаясь доказать, что этот брак был результатом

похищения и потому не может считаться законным. Но Маргарита организовала повторное освящение своего брака в часовне дворца эрцгерцогов в Брюсселе, после чего Людовику пришлось смириться и зарегистрировать в парламенте декларацию, в которой он обещал Гастону прощение, милость и возврат его имущества при единственном условии, что он приедет во Францию в трехмесячный срок.

К началу марта договор был практически заключен. Но Гастон решил выяснить, что ему могут предложить испанцы, и 12 мая 1634 года он подписал союзнический договор с Испанией, по которому обязался в течение двух с половиной лет не вступать в примирение с братом без согласия на то Филиппа IV. Взамен Филипп предоставлял в его распоряжение армию, с которой он вторгнется во Францию, а Испания одновременно с этим захватит королевство с юга. Кроме того, Гастон получал 45 000 ливров содержания.

Но, по сути дела, с этого момента Гастон думал только о примирении с братом, а подписанием договора хотел сбить с толку непримиримых противников его согласия с Людовиком XIII, и прежде всего — свою мать.

Не чувствуя себя в Брюсселе в безопасности, понимая, что Карл Лотарингский вскоре потребует от него уплаты по счетам, Гастон Орлеанский внезапно ускорил заключение своего соглашения с Людовиком XIII.

Предлог — медлительность испанцев в исполнении договора от 12 мая. 5 и 6 сентября 1634 года кровавая битва при Норлингене заканчивается полной победой католических армий под командованием кардинала-инфанта, открывая тем самым испанцам путь для прямого наступления на Францию с северо-востока. В наступлении будет участвовать герцог Орлеанский, которому передана часть обещанных денег. Мария Медичи была вне себя от радости и, готовая забыть прошлое, сразу же отправила к сыну гонца с доброй вестью. Посланник королевы нашел принца катающимся в лодке и играющим в карты со своими дворянами. Можно было ожидать, что Гастон как-то проявит чувства удовлетворения и восторга. Но, как вы думаете, что он сделал? Принц схватил карты и деньги, лежавшие на игральном столе, и бросил их в реку, заявив, что не стоит на него рассчитывать — он не направит оружия против своей родины. В Антверпене он узнал о разгроме при Норлингене, а по возвращении в Брюссель немедленно отправился к матери и сказал, что намерен отказаться воевать вместе с врагами его

страны. Узнав о такой реакции, маркиз д'Айтона чуть было не арестовал принца, но того спасли мольбы королевы-матери.

1 октября 1634 года Людовик XIII подписал договор о примирении со своим братом. Но Гастон не решается уехать открыто. Опасаясь реакции королевы-матери, он обставил отъезд как побег, якобы отправившись на охоту. В Суассоне его ждет суперинтендант финансов Бутийе с 45 000 экю, которые герцог Орлеанский отправил своей жене в Нидерланды.

Когда в Брюсселе узнали о побеге герцога, там поднялась волна враждебности по отношению к французам. Устроили шум кредиторы Гастона и его приближенных. 11 октября в столицу Нидерландов прибыл де Сен-Кантен, который привез деньги и нечто вроде извинений герцога Орлеанского, а в последующие дни большинство изгнанников выехали во Францию. Маргарите пришлось остаться в Брюсселе. Гастон обеспечил ей 15 000 ливров для содержания ее свиты, но испанцы пристально следили за ней, удаляя от нее всех французских дворян, и были решительно настроены любым способом помешать ей покинуть территорию Нидерландов.

А что же Мария Медичи? Гастон уехал, не поцеловав ее на прощание и ни слова не сказав о своих планах. Мудрая предосторожность, но она все же сильно задела королеву-мать. Вернувшись во Францию, Гастон раскрыл все ее интриги и настолько очернил королеву-мать, что отныне исключалась даже мысль о ее возможном возвращении в королевство.

Мария тем временем продолжала вести переговоры с Парижем, скорее по привычке, не особенно надеясь на примирение. Она уже три года жила в Брюсселе и все больше и больше становилась испанкой.

Ее поведение нисколько не вызывает почтительной симпатии, приличествующей положению. В начале 1635 года она поссорилась с одной из принцесс Лотарингского дома. Хотела полностью подчинить свою невестку Маргариту и в этой связи столкнулась с Генриеттой Лотарингской, принцессой Фальцбургской, тоже нашедшей приют в Брюсселе. Пока кардинал-инфант объезжал приграничные крепости в преддверии войны с Францией, Мария Медичи надоедала ему своими упреками в адрес Генриетты, но последняя умудрилась первой встретиться с ним по его возвращении в Брюссель. Тщетно бедняга пытался помирить обеих принцесс. В феврале и марте бесплодные споры будут продолжаться, и потребуется не меньше, чем начало открытой войны между Францией и Испанией, чтобы

этот инцидент оказался отодвинут на второй план.

Война с Испанией

Успехи Ришелье в начале 1630-х годов ничего окончательно не решали. Фундаментальным принципом его политики было избежать обширного конфликта с Испанией, но при этом создавать ей и ее союзнику германскому императору как можно больше трудностей: Ришелье широко субсидировал Соединенные провинции, а в Германии Франция поддерживала князей-протестантов.

Смерть Густава-Адольфа в победоносной битве при Лютцене 16 ноября 1632 года стала тяжелым ударом для политики кардинала. Как писал он Людовику XIII 15 сентября с той ледяной горечью, которая отличала его в подобных обстоятельствах: «Если бы король Шведский подождал со смертью еще полгода, то это было бы гораздо лучше для дел Вашего Величества».

Он снова терпеливо восстанавливает связи, укрепляет союзы и за несколько месяцев снова берет в свои руки контроль над событиями.

На северо-восточных границах Франции уже стояла грозная и боевая испанская армия под командованием кардинала-инфанта. К ней присоединилась имперская армия, и соединенными силами они разгромили шведов при Норлингене 5 и 6 сентября 1634 года. Протестантские княжества Саксонии и Бранденбурга решили подписать сепаратный мир с Фердинандом.

Но Ришелье не бездействовал. Возвращение Гастона Орлеанского во Францию в октябре 1634 года лишило испанцев козыря. 8 февраля 1635 года подписан наступательный и оборонительный договор с Соединенными Провинциями. В апреле 1635 года канцлер Оксеншерна — истинный хозяин Швеции — прибыл во Францию и подписал с Людовиком XIII Компьенский договор о союзе. И вовремя: испанцы захватили Филиппсбург, Шпеер, Трир. Франция не могла оставаться в бездействии.

У Маастрихта французская армия под командованием маршалов Шатильона и Брезе соединилась с армией Соединенных провинций, во главе которой стоял принц Оранский.

19 мая с битвы при Авене в бельгийских Арденнах Франция официально объявила войну Испании.

В Испанских Нидерландах с момента объявления войны из Брюсселя были высланы все французы, не принадлежавшие к свите королевы-матери и принцессы Маргариты. А Марии Медичи для большей безопасности посоветовали снова переехать в Антверпен, что она и сделала 1 июня. Французским войскам в

случае успеха предписывалось захватить ее, но при этом «отнестись к ней с почтением, соответствующим ее рангу». Провал франко-голландского наступления, начатого 1 июня 1635 года и бесславно закончившегося к 15 сентября из-за бездеятельности интендантов французской армии, спас королеву-мать, а война дала ей возможность снова выйти на политическую сцену, предложив свое посредничество. После нескольких неудачных попыток 15 сентября она передала письмо специальному посланнику папы в Париже Джулио Мазарини.

Ее письмо примечательно. «Война справедлива только когда необходима», — пишет она Людовику XIII. Она доказывает сыну, что никакая прямая опасность королевству не угрожала, что он был арбитром мира в делах христианства и ничто не заставляло его самого выходить на арену войны. Несколько слов о народах — жертвах войны и обращение к памяти Генриха IV, воспоминание о котором все еще живо в сердцах французов, и одновременно с этим — восхваление собственной политической мудрости во времена регентства.

Упоминание о Генрихе IV нисколько не взволновало Людовика XIII. 22 октября он на словах передал Мазарини, что, несмотря на видимость, письмо является не призывом к согласию, а осуждением позиции Франции и, кроме того, королеве-матери было бы неплохо передумать и не отправлять Клозеля к герцогу де Роану, пытаясь вовлечь его на путь предательства. Мазарини передал ответ Марии: сказать ей было нечего — Клозеля арестовали, и он во всем признался.

На этом Мария Медичи прекратила свои попытки. Война затягивалась. Неудачи французских войск способствовали тому, что папа подтвердил законность, с точки зрения церкви, брака Гастона Орлеанского. Именно в этот момент Мария обратилась к Испании с просьбой об увеличении своего содержания. Ее просьбы не удовлетворили, поскольку ее постоянные жалобы то на одного, то на другого в конце концов вызывают или отставку, или немилость. На небосводе загорается звезда новых фаворитов — братьев Фаброни. Как и во времена Кончини, правда, в уменьшенном виде, они получают подарки и денежные выплаты.

А пока возобновляется война. Май 1636-го! Это стало началом полугодового периода тяжелых испытаний для Франции.

Гастон и граф де Суассон

Франция вела военные действия без особого успеха в Италии и на море, армия Конде завязла во Франш-Конте, в Эльзасе Хагенау угрожала опасность, на северной границе Пикардию и Шампань охранял всего лишь войсковой заслон. Этим воспользовался кардинал-инфант и атаковал Ла-Капель 3 июля. К жителям Пикардии и Шампани он обратился с манифестом, в котором заявил, что «Их Величества решили не складывать оружия, пока королева-мать Всехристианнейшего короля не будет удовлетворена и довольна».

Кардинал-инфант захватил Ла-Капель, Вервен, Боэн, Катле, переправился через Сомму 4 августа. Корби осажден, а через 9 дней капитулирует.

В Париже царит смятение. Амьен в опасности. Столицу поспешно готовят к обороне. 1 сентября армия под командованием Гастона Орлеанского покидает Париж, 13 сентября переправляется через Уазу и вступает в Пикардию. Испанцы очень быстро отходят: в разоренной местности войска не могли найти продовольствия, распри офицеров кардинала-инфанта лишили армию ее боевого духа. 15 сентября испанская армия снова переправляется через Сомму и захватывает Корби, но 14 ноября 1636 года французы отбивают город. В Париже успокоенный король приказывает служить благодарственные молебны.

На других фронтах положение тоже стабилизировалось. Ответом на разочарования во внешней политике стали, однако, первые зловещие сигналы кризиса внутри королевства.

Неисправимый Гастон снова пустился в заговоры. Испания никогда не прерывала с ним отношений, будучи уверенной, что его завистливая и непостоянная натура быстро возьмет верх и принц может быть одинаково полезен как в ссылке, так и во Франции. Их расчет полностью оправдался: 14 февраля 1635 года Пюилоран был обвинен в сговоре с Испанией и заключен в Венсенский замок, где умер от крапивной лихорадки. Место злого гения при Гастоне занял аббат де Ла Ривьер, но и этот 5 марта оказался в Бастилии. После него тесный союз между Гастоном Орлеанским и графом де Суассоном начал готовить граф де Монтрезор.

Гастона назначили главнокомандующим армии, отправлявшейся в Пикардию, а графа де Суассона — его лейтенантом. Поскольку оба были неспособны командовать, то Ришелье отправил в армию Людовика XIII, что дало ему

возможность, прикрываясь королем, командовать самому. Озлобленные Гастон Орлеанский и граф де Суассон немедленно ринулись в заговор, подготовленный их приближенными: речь шла ни много ни мало об убийстве кардинала в Амьене. Но в решающий момент заговорщики не получили сигнала Гастона, и теперь опасность быть преданными герцогом, как он это много раз уже проделывал, нависла над графом и другими участниками заговора. Поэтому возвратившись в Париж, граф запугал герцога арестом и убедил его бежать в ночь с 19 на 20 ноября. Гастон отправился в Гиень, а граф — в Седан.

28 ноября Мария Медичи узнала об этом в Брюсселе, и ее надежды возродились. Кардинал-инфант был готов помочь Гастону Орлеанскому. Марию просят отослать Гастону в Гиень деньги, а кардинала-инфанта — за три месяца собрать 100 всадников и 800 пеших солдат.

Однако Гастон до Гиени не доехал. По дороге он размышлял, а остановившись в Блуа, отправил брату полное раскаяния письмо. Снова начинаются переговоры, и Гастон, по своему обыкновению, их затягивает. Он требует гарантий для жены (что говорит в его пользу), и король их ему дает. Теперь он просит их для королевы-матери. Это что-то новенькое! И Людовик XIII сразу показал зубы. Он перекрыл подступы к Блуа и созвал совет, который решил, что король в случае необходимости станет во главе армии, чтобы вынудить Гастона Орлеанского уступить. Подтверждая слово делом, Людовик покинул Париж, но уже в Фонтенбло получил сообщение о принципиальном согласии Гастона. Речь уже не шла о королеве-матери: Гастон просил 500 000 ливров для уплаты долгов и содержание для жены. Людовик согласился, и 8 февраля 1637 года оба брата встретились в Орлеане, чтобы скрепить примирение.

Разочаровавшись в который уже раз, Мария Медичи не отказывается от мысли победить своего сына. Слишком хорошо зная о его непостоянстве, она подозревает, что свежеподписанный договор будет иметь для него весьма относительную ценность — как и все остальные. Она задумала заключить брак восьмилетней дочери Гастона и Марии де Монпансье с графом де Суассоном, по-прежнему находящимся в Седане. Граф готов идти войной на кардинала, но ему нужны 400 000 ливров. Это огромная сумма для Испанских Нидерландов, казна которых пуста. Получив выговор от Марии Медичи, кардинал-инфант передает в Мадрид аргументы, данные ему королевой-матерью, в пользу заключения соглашения с графом: в отличие от двуличного Гастона, граф — человек решительный и бескомпромиссный, и графу легче, чем испанцам, воспользоваться народными волнениями во Франции,

которые доставляют сейчас серьезные неприятности Людовику XIII. 28 июня 1637 года кардинал-инфант подписывает договор с королевой-матерью, представляющей графа де Суассона, по которому тому гарантируют 500 000 ливров на сбор и содержание армии. Мария Медичи обязуется никогда не вступать в переговоры с Ришелье и считать себя удовлетворенной, когда кардинал будет «отстранен от службы королю» либо в результате немилости, либо в связи со смертью, при этом она приложит все усилия для восстановления мира между Францией, Испанией и империей.

Тут вдруг граф де Суассон заявляет о невозможности для себя собрать армию и отказывается выполнить договор. Причины просты: граф только что помирился с Ришелье. 11 июля к нему прибыл нарочный из Парижа с декларацией о прощении, обещанием восстановления всего его имущества, должностей и жалований и разрешением в течение четырех лет, если ему будет угодно, жить в Седане при условии верности и повиновения только королю. 26 июля граф де Суассон подписал соответствующий договор с королем.

Постоянные неудачи вынудили бы любого человека отказаться от борьбы, окажись он на месте Марии Медичи. Но думать так — совсем ее не знать. Теперь она обратилась в Лондон, где правит еще один зять — Карл I. Король и королева Англии согласны выступить посредниками в примирении между Людовиком XIII и королевой-матерью. Мария снова обращается за помощью и советом к кардиналу-инфанту, но получает в ответ всего лишь несколько добрых слов: разочарование после неудавшегося договора с графом де Суассоном зародило в нем подозрения по поводу надежности французов. К тому же королева-мать стала уж слишком стеснять его. Он дважды пишет в Мадрид королю Филиппу IV, прося убедить Марию вернуться во Францию или уехать из Нидерландов в Англию, что казалось ему наиболее благоразумным решением.

Волнения во Франции

Королевство сотрясали народные волнения, в основе которых была всегда одна и та же причина: налоговый гнет, который становился все более непосильным; до войны нужны были деньги, чтобы платить армиям союзников, после 1635 года — оплачивать войны Франции, Швеции, Голландии или Германии.

Первые волнения начались в Сентонже в апреле 1635-го. Вооруженные крестьяне захватывали города. Был убит ремесленник из Ангулема, который имел несчастье презрительно бросить «голытьба» (по-франц. croquants — «кроканы»). Разъяренные крестьяне требовали сжечь в Ангулеме дома и убить на месте всех сборщиков налога на соль. В июле восстанием были охвачены Сентонж и Онис. Именно в Сентонже появилось прозвище «кроканы», которое дали себе восставшие: как крюк гарпуна они не отпустят захваченную добычу. Вскоре к мятежникам присоединились Пуату, Лимузен, волнения затронули городскую буржуазию и дворянство — к весне 1637 года ими было охвачено около трети территории королевства.

Король должен им противостоять. В Перигор он отправил герцога де Ла Валета, чтобы образумить настоящую армию кроканов под предводительством перигорского дворянина Антуана де Пюи де ла Мотт де ла Форе. Несмотря на численное превосходство, последний решил начать переговоры. Но кроканы, решительно настроенные драться, выбрали себе нового вожака — ремесленника из Бержерака Маго. Тогда Антуан де Пюи, жители Бержерака и часть армии кроканов соединились с королевскими войсками и разбили армию Маго. Население встречало герцога де Ла Валета с благодарностью. Он без особого труда восстановил порядок, и к весне 1637 года движение пошло на спад так же быстро, как началось. Герцог действовал строго, но без излишней жестокости, предпочитая переговоры, если они были возможны. Король объявил амнистию всем, кроме зачинщиков. А сборщикам податей приказал на некоторое время исчезнуть.

В 1639-м взбунтовалась Нормандия — бунт голытьбы был жестоко подавлен канцлером Сегье у стен Авранша и в Руане. Потом снова проснулся юго-запад: в Гаскони, в Руэрге кроканы вернулись, как только речь зашла об увеличении податей. Но крестьянских волнений оказалось достаточно, чтобы заставить отступить государственные власти: размер податей стал прежним и порядок восстановился как по волшебству.

Как будто этих трудностей королевству было недостаточно, в

разгар лета 1637 году разразился серьезный скандал, который чуть было не разбил королевскую семью: выяснилось, что королева Анна Австрийская поддерживала тайную переписку с врагом.

Король не любил жену. С 1622 года исчезло то согласие, которым были отмечены первые годы их супружеской жизни. В начале 1637-го подверглась мукам искушения великая платоническая дружба короля и мадемуазель де Лафайет. Не желая уступать, Луиза де Лафайет удалилась в монастырь Явления Святой Девы Марии в Париже. Людовик живет только посещениями монастыря. Поддавшись вредному влиянию герцогини де Шеврез (бывшей жены коннетабля Люиня, урожденной Марии де Монбазон, своей ближайшей подруги и злого гения), находящейся в ссылке в замке Кузьер около Тура, королева переписывается с ней и мадам де Фаржи, которая находится в Брюсселе вместе с Марией Медичи, а также с маркизом де Мирабелем — послом Испании в Брюсселе. Анна Австрийская усердно посещала монастырь Валь-де-Грас, который стал очагом этой эпистолярной деятельности, целью которой было побудить Карла I Английского разорвать отношения с Людовиком XIII и соединить свои силы с испанской армией. Все та же «лига зятьев» — постоянная мечта Марии Медичи, вклад в которую внесла Анна Австрийская, ненавидевшая кардинала.

В начале августа было перехвачено письмо маркиза де Мирабеля к королеве. 10-го — письмо Анны Австрийской к герцогине де Шеврез. По приказу короля королеву допросил канцлер Сегье. Она решила встретиться с кардиналом. Произошла ужасная сцена между Анной Австрийской и кардиналом, который, выказывая должное уважение государыне, вынужден выступить в роли обвинителя. На каждую уступку Анны Австрийской Ришелье отвечает лишь: «Это не все, мадам». И постепенно королева признается, что переписывается с кардиналом-инфантом — своим братом, с мадам де Шеврез, с Генриеттой Английской (своей золовкой). Она признала, что письма вышли за рамки невинной переписки. Да, она высказывала политические суждения и пыталась помешать любому союзу между Англией и Францией, сближая Карла I и Филиппа IV.

Анна Австрийская знала, что она нарушила долг королевы. Униженная, вся в слезах, она предстала перед королем. Его решение — монастырь или тюрьма. Вступится Ришелье. Интересы королевства требуют, чтобы супруги соблюдали видимость доброго согласия. Людовик XIII соглашается, но при условии, что королева подпишет письменное признание. Анна Австрийская подчинилась, написав под диктовку и скрепив своей подписью

этот документ. Людовик внизу (документ хранится в Национальной библиотеке) начертал, что прощает королеву, учитывая ее отказ от переписки с герцогиней де Шеврез и посещения монастыря без особого на то разрешения, в чем Ее Величество принесла клятву. Анна Австрийская успела предупредить герцогиню, которая бежала из замка Кузьер и укрылась в Испании. В следующем году родился дофин, и это поставило окончательную точку заговорам Анны Австрийской.

Кампании 1637–1638 годов

Кампании 1637 — начала 1638 годов оказались первым успехом Франции с начала ее вступления в войну против Испании: были разбиты силы герцога Лотарингского, захвачены Като-Камбрези, Ландреси, Мобеж и Ла-Капель. Армия Бернарда Сакс-Веймарского одержала решительную победу против имперских сил при Рейнфельдене, захватила Фрибург и начала осаду Бризака. В Нидерландах маршал де Шатильон осадил Сент-Омер. На юге принц Конде дошел до границ Испании и осадил Фуэнтаррабию, заблокированную с моря.

Но с мая 1638 года военная удача снова отвернулась, и все усилия Ришелье оказались сведены на нет. Состоявший на службе у Испании принц Савойский вынудил Шатильона оставить Сент-Омер. На севере голландские силы потерпели поражение у Антверпена.

Самым унизительным оказалось поражение при Фуэнтаррабии. Конде обвинил в неудаче герцога де Ла Валета, а тот, похоже, признал свою вину, бежав в Англию.

По окончании печальной кампании Ришелье написал королю: «Надеюсь, что беспорядок, охвативший в этом году ваши армии, привнесет туда порядок на будущее».

Мария Медичи покидает Испанские Нидерланды

С некоторых пор пребывание в Испанских Нидерландах потеряло всякую привлекательность для Марии Медичи. После поражения французских армий при Като-Камбрези и Ландреси в Брюсселе на всех углах стали кричать о предательстве и обвинять эмигрантов. Было решено обыскать их дома, и дом Марии Медичи не стал исключением. Королева-мать обратилась к правительству кардинала-инфанта с просьбой избавить ее от этого унижения, но ей посоветовали подчиниться, учитывая обстановку в Брюсселе. Мария надменно закрылась в своем особняке, выходя на прогулку только по вечерам, но и это дало повод какому-то крестьянину донести властям о ее подозрительных прогулках. Дело дошло до Филиппа IV, который приказал кардиналу-инфанту разобраться. Последний не обнаружил ничего предосудительного, но теперь Мария Медичи чувствует, что ее подозревают и следят за ней.

В апреле 1638 года озлобленность королевы-матери проявляется в изгнании из своей свиты верного Шантелуба. Кардинал-инфант, воспользовавшись предлогом, советует королеве расстаться с последними членами ее бывшей свиты, но этим только оскорбляет ее гордость. Он не скрывает от нее, что теперь рассматривает каждого француза как потенциального предателя, но Мария Медичи яростно защищает своих соотечественников.

Тяжелая атмосфера подтолкнула ее хотя бы на время покинуть Брюссель. Когда кардинал-инфант уезжал в армию, она сообщила ему о своем намерении уехать на воды в Спа: этот город славится термальными источниками и расположен недалеко от Седана, где по-прежнему находился граф де Суассон, которого королева-мать все еще не теряла надежды снова привлечь на сторону Испании. 10 августа Мария выехала в направлении Льежа.

Внезапно передумав, 14 августа она прибыла в Буа-ле-Дюк, на землю Голландии. Королева-мать без предупреждения оставила Испанские Нидерланды, чтобы оказаться в Соединенных провинциях — протестантской стране, воюющей против Испании! Такого не ожидал никто. Возраст (Марии Медичи было 65 лет) нисколько не помешал ее исчезновению.

Глава XVII
ПОСЛЕДНИЕ СКИТАНИЯ

Разрыв с Испанией

По мнению Сен-Симона, Мария Медичи покинула страну, которая давала ей приют с 1631 года в силу своего дурного характера, но вместе с тем он дает понять, что испанцы не особенно переживали, когда она уехала. В *Манифесте королевы-матери, содержащем причины ее отъезда из Фландрии,* изданном в Гааге 19 ноября 1638 года от имени Марии Медичи, высказывается мысль о том, что ее заставили уехать.

Королева жалуется, как после смерти инфанты Изабеллы испанцы начали ее подозревать и считать пребывание в Испанских Нидерландах причиной возникших в этой стране трудностей. Было еще одно неприятное последствие пребывания Марии Медичи в Испанских Нидерландах: содержание ее свиты и двора весьма обременяло финансы страны.

Это всегда отравляло отношения с испанским правительством и было главным аргументом королевы, чтобы оправдать свой отъезд. Денежные трудности в жизни Марии Медичи никогда не прекращались. В 1630 году ее долги составили 4 миллиона! Людовик XIII как-то заметил своему первому министру, что Мария Медичи — самая дорогая королева в истории Франции.

Королева в изгнании больше ничего не получала от французского правительства. Ее финансовое состояние становится настоящей драмой. Причины все те же: чрезмерная щедрость, страсть к драгоценностям. Но помимо этого королева оказывается неспособной принять ситуацию и сократить свои расходы: королева-мать по-прежнему щедра на подарки и содержания — она никогда не умела держать в узде свои капризы.

Ей нужны были деньги на финансирование неудачной экспедиции в Кастельнодари, на то, чтобы выкупить из залога некоторые драгоценности, которые она особенно любила, и по-прежнему делать покупки у ювелиров.

В ее доме плелись интриги по всей Европе: поэтому нужны были секретари, чтобы составлять письма, гонцы, чтобы их доставлять, послы при главных европейских дворах, чтобы защищать интересы королевы-матери и постоянно держать в руках нити заговоров против Ришелье; нужны фрейлины и гвардейцы — все, что приличествует ее положению матери великого короля и тещи трех суверенных государей.

Для всего этого нужно много денег, и она донимает Испанию

своими требованиями. Ее содержание было увеличено с 6000 до 20 000 флоринов в месяц — это много для обескровленной войной страны, но недостаточно для королевы-матери, бессовестно прикарманивающей содержания своих слуг, впавших у нее в немилость, которым платит Испания. Больше всего Марию Медичи раздражает задержка с выплатами причитающихся ей сумм, она никогда не упускает случая выразить протест — язвительный или пылкий, в зависимости от обстоятельств, потому что такая непунктуальность кажется ей проявлением неуважения к ее особе. Она считает, что «содержание королевы выплачивается королем [Испании] из отдельного фонда, и ему не нужно прибегать ни к средствам Брабанта или Фландрии, ни к деньгам, предназначенным на войска».

Поэтому если содержание королевы выплачивается нерегулярно, то не потому, что оно является помехой другим нуждам, не менее полезным, но единственно из все более явного недоброжелательства. В таких обстоятельствах единственный достойный ответ — уехать.

В начале 1639 года из Лондона Мария Медичи посылает еще один манифест, озаглавленный *Декларация королевы-матери Всехристианнейшего короля, содержащая причины ее возвращения из Нидерландов и опровержение манифеста, распространенного под ее именем по этому же поводу.* В этом манифесте дается уже иная версия причин ее отъезда — исключительно политическая. Многие советники короля Испании и кардинала-инфанта, говорится в манифесте, полагали, что убежище, предоставленное Марии Медичи в Испанских Нидерландах, способствовало тому, что на эту страну обрушился гнев Людовика XIII. С удалением королевы-матери исчезает главная причина трений с Францией и облегчается путь к миру. Раз у королевы-матери есть еще один весьма любезный зять, менее подверженный репрессиям со стороны Франции, в лице Карла I Английского, почему бы ей не отправиться в Лондон?

Королева внезапно решила ехать в Голландию, боясь, что война задержит ее выезд в Англию. И делая это, Мария Медичи не колеблясь подвергала риску свое здоровье, стремясь быть приятной своим испанским покровителям.

Выглядит несколько смешно, но доводы точны. Суть дела состояла в том, что кардинал-инфант не имел по отношению к Марии Медичи той же кротости и восхищенного терпения, как инфанта Изабелла. Королева-мать все больше и больше стесняла их. Не имея возможности указать ей на дверь, правительство

Испанских Нидерландов пытается намекнуть на мысль об отъезде и заставить лично принять такое решение. Поэтому ей все больше осложняют жизнь в Брюсселе, задерживая выплату содержания и устраивая обыски в ее особняке.

С облегчением узнав о переезде Марин Медичи в Голландию, кардинал-инфант направляет ей свои приветствия и содержание за текущий месяц. Всем французским эмигрантам кроме герцога д'Эльбефа и Маргариты Лотарингской предложено покинуть страну в кратчайшие сроки.

Переезд в Голландию

После семи лет неизменного гостеприимства Мария Медичи решила покинуть Испанские Нидерланды без всякой надежды на возвращение. Ее отъезд был таким же внезапным и непредвиденным, как и приезд в июле 1631 года. Королева-мать ехала к голландцам-протестантам, воевавшим против ее вчерашних покровителей и оказавшим ей — одному из самых стойких лидеров католической и происпанской партии во Франции и в Европе — триумфальную встречу.

Голландцы видят в ней прежде всего вдову Генриха IV и именно поэтому готовы чтить ее в стране, куда тонкости парижской политики доносятся в весьма смягченном виде.

Принц Фридрих-Генрих Оранский Нассау, узнав о скором приезде Марии Медичи, отправился ей навстречу со своей женой, принцессой Оранской. Королева-мать была в одном лье от пограничного города, когда увидела приближающийся блестящий экипаж голландского военачальника. Принц Оранский лично открыл дверцу кареты королевы, а его жена присела в глубоком реверансе. Королева-мать надменно приняла почести, оказанные ей принцем и принцессой. В сопровождении офицеров под приветственные крики толпы, которую едва сдерживают отряды военных, она въезжает в город.

До самого Амстердама везде ее встречали с ликованием. Подобный жест не привел Ришелье в восторг. Едва узнав о переезде Марии Медичи в Голландию и приеме, оказанном ей принцем Оранским, он высказался с недовольством: «Признаюсь, я с трудом перенес то, что принц Оранский встретил королеву и принял ее переезд, не уведомив короля и не узнав мнения Его Величества». Вполне вероятно, что принц не задавался такого рода вопросами и отъезд Марии Медичи из Испанских Нидерландов в Голландию, а оттуда в Англию казался ему, напротив, достойным пышного приветствия и празднеств.

Скажем больше, история несчастной королевы-матери, представленная в ее версии, глубоко взволновала голландцев. Генеральные штаты Соединенных провинций решили принять эстафету от короля Испании и помочь в нужде королеве-матери. Дело дошло до того, что они направили ноту Ришелье, в которой ходатайствовали за возвращение Марии Медичи во Францию.

Кардинала очень рассердили действия Генеральных штатов, которые он счел «неуместными», добавив, что «эти люди говорят о том, чего не знают». Посол Франции в Гааге получил

предписания изложить голландскому правительству всю историю отношений королевы-матери и ее сына и объяснить причины, по которым Людовик XIII посоветовал ей возвратиться во Флоренцию, а также рассказать об интригах и заговорах, душой которых были испанцы и королева-мать, враждебно настроенная по отношению к Ришелье и политике европейского равновесия правительства Людовика XIII.

Всего этого хватило, чтобы охладить симпатии к Марии Медичи. Постоянные нападки ее приближенных на первого министра вызвали недовольство голландцев, которые видели в кардинале союзника, конечно, неудобного, но верного и бесценного для безопасности и защиты независимости Соединенных провинций. Кроме того, католическая агрессивность приближенных королевы дала понять, что вдова Генриха IV вовсе не собиралась следовать терпимости, которую проповедовал ее покойный муж.

Чашу терпения вскоре переполнили денежные неприятности Марии Медичи. Ее свита, подарки, рассылка гонцов по всей Европе слишком дорого обходились серьезным амстердамским торговцам. Они считали, что раз она решила ехать в Англию, то плохое время года не может быть достаточным основанием для переноса путешествия.

В последние дни октября 1638 года для нее нашли готовый отплыть в Англию корабль. Королеву отвезли в Гаагу и поспешно препроводили на судно. Голландия всегда рассматривалась королевой только как остановка перед Англией, но теплый прием вначале все-таки давал надежду на менее поспешный и печальный отъезд.

Генриетта, дочь моя

Пребывая в поисках пристанища, Мария Медичи всегда прежде всего думала об Англии. Карл I оставался единственным зятем кроме Филиппа IV Испанского, потому что герцог Савойский умер в прошлом году.

Конечно, финансы английской короны находились в постоянном кризисе, но Мария все же полагала, что расходы по ее содержанию не окажутся таким уж тяжким бременем для бюджета страны. Кроме того, отношения между Парижем и Лондоном снова улучшились после убийства герцога Бэкингема и окончания религиозных войн Людовика XIII с гугенотами. Поэтому Мария много ожидала от дипломатического вмешательства Карла I в смысле влияния на сына.

Мария Медичи сразу же отбросила идею ехать в Савойю, потому что, с одной стороны, бедность Савойи была общеизвестна, а с другой — Шамбери и Турин находились в опасной близости от Флоренции, куда очень хотели отправить ее Людовик XIII и Ришелье.

Ко всему прочему, из трех дочерей Генриетта была ей ближе всех. Она была самой младшей и дольше жила с матерью. В детстве дочь не особенно интересовала Марию Медичи, занятую тогда заботами регентства. До апреля-мая 1617 года — момента своего отстранения от власти — королева обращала мало внимания на Генриетту. Перед отъездом в ссылку в Блуа Мария просила Людовика разрешить ей увезти с собой Кристину и Генриетту, либо одну из них, но король отказал. И только после второй войны Матери и Сына, летом 1620-го, Мария окунется в близкие отношения с Генриеттой и Кристиной. Она займется их образованием, религиозным воспитанием, туалетами, чтением с вниманием, какого не имел ни один ее ребенок.

Как мать она будет гордиться браком Генриетты с Карлом I, но будет и страдать от разлуки с дочерью. Вместе с Берюллом она сама вела переговоры по поводу брака, позаботилась о каждой мелочи в повседневной жизни королевы Англии, составе ее свиты, выборе ее окружения. Королева-мать писала дочери множество писем, иногда невероятно длинных и пространных. Их выспренный и витиеватый стиль, по мнению Марии, соответствовал ее представлению об образе матери, но через условности все-таки ощущается сильная привязанность к дочери.

Заслуживает внимания письмо Марии, адресованное Генриетте 15 июня 1625 года в Амьен перед расставанием с

дочерью. Королева исписала семь страниц мелким почерком. В этом свидетельстве материнского красноречия Мария напоследок хотела изложить советы для дочери. Здесь наличествуют все элементы того образа, в котором Мария Медичи постоянно видела себя: Мария — вдова доброго короля Генриха, Мария — регентша, Мария — мать, Мария — Бланка Кастильская, Мария — защитница католической веры.

Она также дает советы, как Генриетта должна вести себя по отношению к мужу. Они весьма остроумны, если вспомнить, что представляла собой жизнь самой Марии Медичи: «Вы должны любить его и почитать, а не властвовать. Не забывайте моего примера и моих наставлений. Будьте образцом чести, добродетели, скромности. Пусть мягкость сопровождается королевским достоинством».

Через полтора года Мария написала Генриетте еще одно письмо — более короткое и менее вычурное. Даже если она не может удержаться от того «благородного стиля», который она считает подобающим для переписки матери и дочери, в письме присутствует все-таки несомненная искренность:

«Дочь моя! Одно это слово разрывает мне сердце и волнует меня настолько сильно, что я не смогла бы продолжать, если бы не заставила себя, побеждая печаль новой любовью к Вам и желанием беседовать с Вами. Дочь моя, моя дорогая дочь, Вы никогда не должны думать, что я могу Вас забыть…» Далее она рассуждает на разные темы, а заканчивает призывом к благочестию.

Карл I лично встречал королеву после недельного морского путешествия во время шторма. Он был весьма недоволен ее приездом и даже обвинил герцогиню де Шеврез, которая была тут совершенно ни при чем, в том, что та пригласила ее.

Скрыв свое раздражение, он проводил королеву-мать до самого Лондона, куда 5 ноября 1638 года она торжественно вступила, в последний раз ощутив опьянение триумфом.

Для нее были приготовлены апартаменты в Сент-Джеймсском дворце: итальянская мебель и прекрасные гобелены на стенах. Король обеспечил королеве-матери содержание 100 фунтов стерлингов в день, но Мария Медичи не намерена оставаться здесь вечно. Ее цель — возвращение во Францию, и она рассчитывает на поддержку Карла I получить от Людовика разрешение вернуться.

Оскорбления и грубость

5 сентября 1638 года родился Луи Богоданный — старший сын Людовика XIII и Анны Австрийской, будущий Людовик XIV. Мария Медичи в Голландии, и Людовик советуется с Ришелье, как ему поступить по отношению к матери в таких счастливых для королевской семьи и будущего династии обстоятельствах. Ришелье рекомендовал не отправлять к Марии Медичи ни гонца, ни письма, а если она сама пришлет гонца с поздравлениями, то король должен принять его один раз и на словах поблагодарить мать. Марию это настолько оскорбило, что она даже не послала письма Людовику. Когда в Англию приехал чрезвычайный посол из Парижа со счастливой вестью, то в соответствии с указаниями он должен был избегать любой, даже случайной встречи с королевой-матерью.

Постоянному послу де Бельевру были даны инструкции нанести королеве-матери по ее приезде протокольный визит, после чего воздержаться от контактов с нею. Королева-мать выражает крайнее недовольство и добивается, чтобы ее дочь и зять помогли ей встретиться с послом. 21 декабря Бельевр буквально наткнулся на Марию Медичи в одной из галерей дворца. Она сказала ему, что «уже в течение многих лет она всеми возможными средствами старалась заставить кардинала Ришелье услышать ее желание вернуться во Францию, но в ответ слышала только предложение удалиться во Флоренцию, на что она никогда не согласится. Ее чувства со времени отъезда из Франции изменились, и она умоляет кардинала не дать ей влачить нищенское существование, потому что ее единственное желание — быть рядом с королем или, по крайней мере, во Франции. Она больше не будет вмешиваться в дела, и все ее мысли будут только о том, чтобы достойно встретить свою смерть».

Почтительно выслушав королеву-мать, Бельевр ответил ей, что не имеет права сообщать об этом королю. Мария Медичи не без юмора ответила ему, что прекрасно знает уловки послов и он подробно повторит Парижу ее высказывания, хотя и не имеет разрешения на встречу с ней: долг любого дипломата состоит в том, чтобы обо всем докладывать своему правительству. Так и вышло, в письме от 25 декабря он подробно изложил Людовику содержание беседы.

Огласив содержание депеши на совете, Людовик подчеркнул, что, к сожалению, он не может доверять своей матери и, учитывая

ее симпатию к Испании, он ни минуты не сомневается, что по возвращении во Францию она снова начнет интриги с Мадридом. В заключение король подтвердил, что во Флоренции он обеспечит матери проживание, достойное ее положения.

Ответ Людовика был передан Марии Медичи через того же Бельевра. Она не пала духом и потребовала, чтобы Карл I отправил в Париж чрезвычайного посла для ее защиты. В сопроводительном письме король Англии уточнил, в чем состоит миссия его посла: просить Людовика XIII «разрешить королеве, его матери, вернуться в королевство и позволить ей свободно распоряжаться всем имуществом, которое она имела в собственности до ее отъезда, или, по крайней мере, прислать ей в Лондон средства к существованию, чтобы жить в соответствии с ее рангом». Как видим, Карл I не строил никаких иллюзий: раз уж нельзя получить разрешение для Марии Медичи вернуться во Францию, он смирился с мыслью о ее жизни в Лондоне и желал, чтобы король Франции хотя бы помог ей в нужде.

Своему послу лорду Джермину Карл передал два письма к Ришелье: одно — Генриетты, рекомендовавшей посла, другое — Марии Медичи, в котором она настаивала на своем желании забыть прошлое и желала быть обязанной своим возвращением во Францию только одному кардиналу.

Ришелье немедленно принял посла Карла I, поблагодарил его за переданные ему послания и сказал, что «самой большой для него радостью было бы снова увидеть свою повелительницу и вернуть ее расположение». Он пообещал сообщить обо всем королю и совету.

Ришелье должен был сдержать слово. В любом случае, для него было важно дать понять, что не он один решает в деле, которое касалось лично его и членов королевской семьи. Он слишком хорошо знал, насколько все дети Марии Медичи, за исключением Людовика XIII, его ненавидели. Поэтому постарался принять максимум предосторожностей перед тем как передать королю Англии официальный ответ французского правительства. В ответ на его вопрос все министры были единодушны: Людовик XIII не может рисковать, разрешая королеве-матери вернуться во Францию — она снова начнет плести интрига и станет помехой для гражданского мира. Что касается ее материальных нужд, то королеве-матери не стоит ждать никакой помощи от Людовика XIII, пока она не уедет жить во Флоренцию, тогда она получит те же доходы, которые имела во Франции.

Такой ответ Людовик XIII вручил лорду Джермину. Поблагодарив короля и королеву Англии за их посредничество,

он дипломатично попросил их не вмешиваться больше в дела короля Франции. Он подтвердил, что у него нет намерений позволять Марии Медичи вернуться во Францию, учитывая ее интриги и происки, направленные против королевства в союзе с заклятыми врагами Франции. Что касается материальной помощи, то и речи не может быть о каких-либо выплатах.

Англия. Перед революцией

Раз миссия лорда Джермина полностью провалилась, Мария Медичи решила как можно лучше организовать свою жизнь в Лондоне: она выезжала за город на прогулки, вела ежедневные нескончаемые беседы о злом Ришелье и несчастливых временах. Набожность ее усилилась.

Карла I нисколько не устраивало ее компрометирующее пребывание в критический момент для его правительства, столкнувшегося с решительной оппозицией парламента Лондона и серьезными религиозными проблемами, которые привели к гражданской войне, в частности, в Шотландии.

Английский парламент очень похож на Генеральные штаты: это генеральная ассамблея английской нации, которая заседает, когда суверен решает ее созвать. Английская корона старается это делать лишь тогда, когда того требуют финансовые нужды. Нехватка денег является хронической. Англия — маленькая страна с 4-миллионным населением, где развивается морская торговля, но она вынуждена вести войны в Европе на стороне протестантских государств, внутренние религиозные войны, бороться с ирландскими мятежниками. Официальная религия — англиканство, которой постоянно угрожают то католики, которые не отказываются от попыток вернуть короля в лоно римской апостольской церкви, то разнообразные протестанты радикального толка — пресвитерианцы в Шотландии и пуритане в Англии.

Так как корона не имеет права устанавливать новые налоги без разрешения парламента, то последний может воздействовать на политические решения, споря с королем об обоснованности предоставленных сумм. Состоящий из мелкой городской буржуазии, находящейся под влиянием пуритан, парламент особенно недоверчиво относится к роскоши англиканской церкви, а Карл I, изящный рыцарь, да к тому же женатый на принцессе-католичке, подозрителен больше всех.

Вопиющее безденежье заставило Карла I созвать парламент, едва он стал королем, 18 июня 1625 года, потом еще один в 1626-м. Чтобы доставить удовольствие общественному мнению и своему фавориту Бэкингему, Карл I решил в 1627 году отправить морскую экспедицию к острову Ре и одновременно с этим прогнал католическую свиту Генриетты, ставшую центром папистских заговоров. Неудачи флота вынудили Карла созвать третий парламент в 1628-м. 23 августа 1628 года фанатик-пуританин

Фелтон убил Бэкингема. Три экспедиции, посланные на помощь французским гугенотам, провалились. В бездарности адмиралов упрекали Бэкингема (но тот был мертв) и Карла I. Посреди всей сумятицы Карл снова собрал парламент в январе 1629 года, но выведенный из себя его упреками, распустил его в марте.

11 лет Карл I будет править без парламента, оказывая жестокий нажим на Ирландию, где введение новых налогов не требовало разрешения парламента. Пока чрезвычайные расходы не начнут отягощать бюджета, будет возможно некоторое равновесие.

Когда Мария Медичи приехала в Англию, хрупкое перемирие между королем и большинством его подданных было нарушено. Карл I, который приобрел вкус к безраздельной власти, вздумал начать борьбу с пуританами. Начались волнения, в Шотландии с мая по июнь 1639-го шла «первая война епископов», закончившаяся подписанием унизительного для короля мира.

У Карла I денег больше не было, и ему пришлось решиться, несмотря на Генриетту и ее фаворитов, сторонников неограниченной королевской власти, на новый созыв парламента в апреле 1640 года. Но вскоре разгорелся конфликт, и в мае король распустил парламент, который вошел в историю как Короткий *парламент*. Тем временем началась «вторая война епископов» (1640 г.), в которой армия Карла была разбита. Король снова собрал парламент, который не разойдется до самой гражданской войны, пленения и казни Карла I в 1649 году — это будет *Долгий парламент*.

В ситуации хронического безденежья Карл перестал выплачивать содержание Марии Медичи и очень желал, чтобы она уехала на континент. Но королеве в Англии понравилось, и она вместе с Генриеттой участвовала в политической деятельности в защиту католицизма. Но все ее интриги в конечном итоге только вызвали раздражение в обществе, а также короля и королевы.

Нехватка денег по-прежнему была ее главной заботой. В начале 1641 года ей снова пришлось унизить себя, прося помощи у Франции. Через бывшую камерфрау мадам де Комбале, племянницу Ришелье, она смогла разжалобить кардинала рассказом о своих несчастьях, и тот выплатил ей 100 000 ливров. В письме к кардиналу она предлагала предать прошлое забвению и сообщала ему, что теперь она готова ехать во Флоренцию. Ришелье пообещал, что если королева не передумает, он передаст еще 100 000 ливров на дорожные расходы и с момента ее приезда во Флоренцию обеспечит ей ежегодное содержание в 300 000

ливров.

Ришелье просит духовника королевы, отца Сюффрена, оставшегося с ней, поблагодарить Марию Медичи за письмо и сообщает маршрут, которым она должна ехать из Лондона во Флоренцию: морем до Роттердама, по Рейну до Кельна, а оттуда до Базеля, по суше из Базеля через Констанц в Северную Италию, затем на корабле до Венеции, из Венеции в Болонью, а оттуда по суше — во Флоренцию.

Кардинал с большим раздражением узнал, что большая часть из 100 000 ливров, посланных королеве, оказалась в руках фаворита Фаброни, который имел наглость направить мадам де Комбале записку с требованием выплатить королеве-матери доходы от ее имущества, оставленного мужем, помимо обещанных кардиналом 300 000. Тогда Ришелье запретил племяннице заниматься этим делом, а Марии Медичи приказал передать, что эти доходы используют на укрепление гарнизонов приграничных городов.

Политическая обстановка в Англии резко обострилась. В Лондоне начались волнения и нападки на католиков. Мария Медичи вынуждена требовать особой защиты, но ее настолько не любят, что призванные охранять ее мушкетеры покидают свой пост. 11 мая 1641 года Палата Общин потребовала от Палаты Лордов, чтобы король убедил свою тещу уехать, потому что ее пребывание на английской земле отныне становится нежелательным.

Король, как, впрочем, и королева, устали от, на их взгляд, слишком затянувшегося пребывания. Получив от парламента 9000 фунтов стерлингов на дорожные расходы, в конце августа 1641 года Мария покидает Лондон и в Дувре садится на корабль, который отвезет ее в Голландию.

По дороге умирает ее духовник отец Сюффрен. Опечаленная его смертью, Мария бальзамировала тело и отправила во Францию. После чего, следуя маршруту, предписанному кардиналом, она прибыла в Кельн 12 октября 1641 года.

Кельн, 3 июля 1642 года

Мария Медичи вовсе не собиралась ехать во Флоренцию. Жизнь в Кельне имела для нее большие преимущества. С 1637 года в городе находились послы и полномочные представители, собравшиеся по просьбе папы Урбана VIII для поисков условий установления длительного мира в Европе. Дискуссии затянулись, но было ясно, что со временем они дадут результат. Таким образом, Мария Медичи оказалась в месте, где в более или менее близком будущем должна была решиться судьба мира.

С другой стороны, курфюрст Кельна — старинный друг Франции, и Мария окажется не слишком далеко от Парижа, если вдруг ее возвращение станет желательным или возможным.

Добровольное заточение мадемуазель де Лафайет позволило мадемуазель де Отфор — бывшей фрейлине Марии Медичи, фаворитке короля с 1630 года, снова занять место, которого ее лишила мадемуазель де Лафайет. В начале 1638 года она была в необычайной милости и предложила помочь своей большой подруге Анне Австрийской уничтожить кардинала во мнении короля.

Пытаясь защитить себя от опасности, которую представляла для него мадемуазель де Отфор, Ришелье приблизил к королю человека, которого считал себе безгранично преданным — молодого и красивого маркиза де Сен-Мара. Звезда мадемуазель де Отфор быстро закатилась, и в январе 1640 года Людовик XIII предложил ей покинуть двор.

Людовик испытывает к Сен-Мару, которого возвел в должность оберштальмейстера, все более и более страстную дружбу, на которую фаворит отвечает не так, как хотелось бы королю. Начинаются ссоры, капризы, дрязги, портящие настроение Людовику. Он просит вмешаться Ришелье. Впрочем, уже пятнадцать лет Ришелье является его наперсником. В течение всего 1640 года кардинал будет играть опасную роль советчика, даже арбитра, за что Людовик ему будет признателен, а Сен-Мар затаит злобу против этого ментора. И тогда начнет охотно прислушиваться к тем, кто захочет с его помощью уничтожить кардинала.

Несколькими месяцами раньше еще один заговор против Ришелье организовал граф де Суассон, решившийся наконец на открытый бунт. Поддерживаемый силами императора, 9 июля 1641 года при Ла-Марфе он опрокинул войска маршала де Шатильона, который попытался преградить ему путь. Правда, шпион Ришелье убил графа ударом кинжала в конце сражения,

избавив королевство от последствий возможного после его победы вторжения.

Из Кельна Мария Медичи с радостью вступила в заговор Сен-Мара, в котором оказались и Гастон Орлеанский, и Испания.

В мае 1642 году Ришелье получил бумаги, которые доказывали предательство Сен-Мара и роль Гастона Орлеанского. В это же самое время Мария покупала кареты и мулов, не делая тайны из своего скорого отъезда во Францию.

Ришелье приходилось сражаться на всех фронтах. Франция вела тяжелую военную кампанию в Руссильоне, испанской провинции, где Перпиньян был осажден королевской армией. Одновременно с этим надо было арестовать Сен-Мара и его сообщников. Король и его первый министр тяжело заболели, они с трудом переезжали из города в город, но Ришелье добился все-таки от короля, чтобы тот написал своей матери, что, узнав о ее намерениях, он снова подтверждает ей свою волю не допустить ее возвращения в королевство. Король прекрасно знал, что жить ему осталось недолго, и, возможно, проявил бы жалость, тем более, что со всех сторон он получал письма в защиту матери: от папы, Великого герцога Тосканского, Кристины Савойской, к которым присоединилась и Анна Австрийская. Но Ришелье был непримирим, а король — не в силах ему отказать.

Впрочем, Мария Медичи больше рассчитывала на близкую смерть короля, чем на его милость. Она радуется открывшейся перспективе регентства и не сомневается, что сможет занять важное место рядом с Анной Австрийской и Гастоном Орлеанским.

Эта надежда дает ей силы сопротивляться нажиму своего окружения, чтобы она ехала во Флоренцию. Ее врач Риолан, бывший шпионом кардинала, пользуется каждым ее недомоганием, чтобы убедить, что Кельн ей вреден, и расхваливает прелести тосканского климата. Фаброни хочет, чтобы Мария согласилась на предложение короля, но за крупный аванс, который будет ей выплачен при выезде из Кельна. Он знает, что состояние здоровья не позволит королеве добраться до Флоренции, и стремится прикарманить большую часть этого аванса. Но ни один, ни другой не смогли убедить ее вернуться на родину.

Мария Медичи осталась без средств. Никто из ее детей не хотел помогать ей. То по расчету, то из жалости ей помогали разные люди: сначала она жила в доме, принадлежащем Рубенсу, потом в особняке графа Труссельда. Она быстро исчерпала кредит, открытый ей по приезде курфюрстом Кельна, заложила почти все гобелены и большинство своих драгоценностей. Но ей

трудно находить кредиторов, потому что те боятся, что французское правительство потребует вернуть драгоценности как принадлежащие короне.

Новость об аресте Сен-Мара 14 июня 1642 года сразила ее окончательно.

25 июня у нее начинается рожистое воспаление, поразившее вскоре все лицо и сопровождающееся сильной горячкой. Ее силы на исходе, она задыхается, сделав несколько шагов по комнате. Королева страшно исхудала. Когда она слегла, Риолан, предчувствуя близкий конец, отправил письмо в Париж. Король прислал немного денег и добрые слова, но это пришло слишком поздно.

Мария была убеждена, что выздоровеет, и надеялась пережить Ришелье. Но 1 июля начинается гангрена, и Риолан советует ей готовиться к смерти. Курфюрст Кельна предупредил нунциев Россетти и Фабио Киджи; последний станет папой под именем Александра VII. Мария просит принести ей распятие святого Карла Борроме, она взывает к любимым святым, среди которых на первом месте всегда был Иоанн Креститель, покровитель Флоренции. Курфюрст и нунции останутся рядом с ней до самого конца.

2 июля она продиктовала завещание. Фаброни, надеявшемуся получить все, она завещала лошадей и кареты. В ответ на его удивление прозревшая Мария Медичи ответила, что и этого хватит — он достаточно ее обманывал. Жемчуг она поделила между своими верными слугами. Катарина Сельваджо, «ее самая старая служанка», которая вместе с ней уехала из Флоренции 42 года назад, получила 12 000 ливров и дорогие часы. Она завещала разные драгоценности тосканским родственникам, папе, курфюрсту Кельнскому, Ле Куанье и Монсиго. Аббат Сен-Жермена получил ее серебряную посуду, правда, в очень плохом состоянии. Другие драгоценности предназначались дочерям, а Анна Австрийская получила ее обручальное кольцо. Двум сыновьям было завещано все остальное имущество, о разделе которого они должны были договориться сами.

В завещании Мария Медичи просит написать о своей привязанности к Людовику XIII как матери к сыну и королевы к своему королю.

«А кардинал?» — спросили нунции. Фабио Киджи посоветовал отправить ему браслет с ее портретом. *«No, questo e pur troppo*» — «Нет, это слишком». Но через несколько недель кто-то передаст Ришелье попугая, которого он ей когда-то подарил.

На следующий день 3 июля 1642 года утром состояние Марии Медичи ухудшилось. Ее соборовали, и через некоторое

время она отдала Богу душу.

В Париже новость о ее смерти получили дней через десять, но особого волнения она не вызвала. Людовик был не слишком опечален, Ришелье приказал отслужить заупокойную мессу. Некоторое удивление вызвал рассказ о ее нужде. Клод Ле Пти в *Пари Ридикюль* сравнивал великолепие Люксембургского дворца с тем жалким положением, в котором оказалась Мария Медичи к концу жизни:

Когда я восхищаюсь
Этим великолепным зданием,
Рядом с которым Лувр кажется конурой,
Я спрашиваю: как же оказалось возможным,
Что та, что построила такую роскошь,
Умерла в Кельне от голода?

Людовик XIII и Ришелье отправили в Кельн дворянина из свиты короля, чтобы уплатить кредиторам королевы-матери, расплатиться за похороны и перевезти тело во Францию. Долги Марии Медичи были значительны: она была должна своим слугам, курфюрсту Кельнскому, многим горожанам и поставщикам. И только в начале 1643 года траурный кортеж смог, наконец, двинуться в путь. Ришелье умер несколькими неделями раньше, 4 декабря 1642 года: он на пять месяцев пережил свою бывшую благодетельницу, ставшую его заклятым врагом. Народ встречал гроб королевы-матери серьезно и почтительно. 4 марта 1643 года тело Марии Медичи было захоронено в Сен-Дени, а ее сердце хранится в церкви иезуитов Коллегии Ла-Флеш.

14 мая 1643 года умер Людовик XIII, а его останки присоединились к останкам матери в Сен-Дени ровно через полтора месяца.

Дадим Сен-Симону выразить общее мнение о последних злоключениях Марии Медичи и обстоятельствах ее смерти:

«Людовик XIII потерял королеву Марию Медичи, я не решаюсь сказать — его мать, во время триумфального похода в Руссильон, который стал последним подвигом этого великого государя, и кардинала Ришелье по возвращении из этого похода в Париж, немногим более, чем через четыре месяца после государыни, которая не имела удовольствия его пережить. Нужда, в которой она закончила свою скитальческую жизнь, тронула Людовика XIII, который полагал, что ей помогают ее зятья, которые от нее отказались в конце, то есть когда она пересекла

море, хотя верно и то, что она привезла достаточно денег из Англии, которые ей выплатил парламент, чтобы она уехала, потому что уже давно она была никому не нужна; но не хотела слышать о единственном месте, где по ее первому желанию ее бы приняли, почитали и выплачивали бы все ее большие доходы из Франции и куда ее во все времена просили уехать король, ее сын, и великий герцог, хотя это была ее родная Флоренция, потому что ни Италия, ни двор великого герцога не были тем местом, откуда она могла бы образовывать партии во Франции, чтобы провоцировать мятежи и обеспечивать им поддержку со стороны Австрийского дома. Кельн с его нуждой и неподобающими условиями жизни подходил ей лучше. И наконец, она умерла там, покинутая и презираемая всей Европой».

Смерть украдкой

Вот уже одиннадцать лет, как Мария Медичи бежала из Компьена, десять лет, как она умерла для политики. В первый год своего пребывания в Испанских Нидерландах она еще что-то собой представляла: для врагов Ришелье — надежду, для правительства — реальную опасность. Оплатив экспедицию Гастона Орлеанского, которая закончилась в Кастельнодари в 1632 году, она доказала свою решимость, но одновременно и пределы своих возможностей вмешательства. У нее никогда уже не будет достаточных финансовых средств, чтобы оплатить подобную экспедицию. Она была обязана добиться успеха любой ценой. Мария Медичи рискнула всем и поставила не на ту лошадь: она все потеряла, даже свою власть над этой лошадью — Гастоном Орлеанским. Он ускользнул от своей матери. Он был ее единственным настоящим козырем как наследник престола. Но Гастон решил играть только за себя. Он понял, что только его брат и его первый министр могут дать ему то, что он хочет, то есть почести, доходы, содержания для него самого и его близких. После каждого своего отъезда из королевства брат короля будет туда возвращаться, только выторговав для себя наилучшие условия. Так зачем же, черт побери, обременять себя матерью? Тщетно Мария Медичи будет пытаться вернуть власть над своим сыном, он ускользнет от нее дважды, последний раз даже не потрудившись поцеловать ее на прощание.

Мария Медичи теперь осталась в стороне от большой истории. В ее лице уважают благородную даму, пережившую несчастья, правда, со временем уже не помнят, какие именно. Время от времени сострадательный суверенный государь, не слишком-то информированный, Генеральные штаты Соединенных провинций или Карл I Английский делают последнюю попытку, чтобы заставить переменить мнение короля Франции Людовика XIII.

Но король не позволяет себе дрогнуть. За ним на страже стоит Ришелье. Не представляющая особой опасности за границей Мария Медичи, если она вернется во Францию, станет смертельным риском для его положения и политики. Война с Испанией — это его рук дело, пусть даже он — епископ и кардинал. Бой, который он ведет, — это сражение враждебных национальных эгоизмов, не больше и не меньше. Он не хочет признавать никаких страстей в политике, этот человек сказал однажды: «Государства — это холодные чудовища»; учитывается только рациональный анализ, реалистический подход к людям и

обстоятельствам.

Основой личной философии Марии Медичи стало подчеркнутое стремление отвлечься от действительности, но только не в том, что касается людей: она не строит иллюзий по поводу клятв верности и торжественных обязательств. Но в отношениях государств для нее существует только одно кредо: Испания всегда права. Потому что Испания — это щит папы, меч католического мира. Сопротивляться Испании — значит, сопротивляться папе и Богу. Ришелье не может ждать от нее никакого отказа, никакого отречения от ее фундаментальных обязательств. Тем более что королева-мать действует в зависимости от своих страстей. Ее друзья имеют все права, но не дай им Бог упасть однажды с пьедестала: мошенники могут ожидать только неумолимой мести от бывшей благодетельницы. Тюрьма, бесчестье, смерть для них станет слишком мягким наказанием. Мария Медичи еще больше презирает предателей, чем явных врагов, потому что они злоупотребили ее доверием и добротой. Мстительность королевы-матери стала поистине легендарной. Врожденная скрытность флорентийки обманчиво скрывает ее намерения.

Борьба Марии Медичи и Ришелье могла быть только беспощадной, и в этой смертельной схватке Мария потерпела поражение, потому что не могла победить.

История сурова к королеве-матери. Она не заслуживала таких чрезмерных оскорблений. Семейная жизнь с Генрихом IV не была увеселительной прогулкой. Во время регентства она столкнулась с мятежными группировками, пытаясь то купить общественное спокойствие, то уничтожить мятежников. Генрих IV дорого заплатил за повиновение лиги. Людовик XIII в течение десяти лет вел войны с протестантами и уже накануне смерти подавлял крестьянские бунты и передавал заговорщиков палачу. Мария Медичи потратила меньше, чем Генрих IV, воевала и свирепствовала меньше, чем Людовик XIII; более счастливая, чем Екатерина Медичи, она передала своему сыну сохраненное королевство. Всегда хочется большего, но факт остается фактом: королева-регентша не блистала ни верностью своих суждений, ни настойчивостью в своих начинаниях. Но это не может считаться преступлением.

Она была продана — другого слова не подберешь — как королева Франции ради присоединения к Испании; дочь эрцгерцогини из Австрийского дома, принцесса Тосканская милостью императоров, которые узаконили захват власти семьей

Медичи, признав за ними титул Великих герцогов, разве она не могла не быть горячо предана Габсбургам? В 1629 году после падения Ла-Рошели Ришелье окончательно понял позицию Испании. Людовик XIII последовал за ним, Мария Медичи отказалась принять поворот в политике вместе с ними. Людовику было 28 лет, Ришелье — 44. Ей 57 лет: в этом возрасте уже не меняют убеждения, на которых до сих пор строилась жизнь. Она полагала, что новая французская политика втягивает страну в бесконечные конфликты. Признаем, что события подтвердили ее мнение: только Пиренейский договор положил конец в 1659 году — *тридцать лет спустя!* — борьбе против Испании.

Мария Медичи не могла добиться успеха.

Потому что бывали времена в истории Франции, когда она спокойно относилась к тем роковым обстоятельствам, которые увлекали ее на путь блестящих эпопей, дававшим возможность нескольким людям вписывать новые страницы в великую книгу нашей военной истории: эпоха Людовика XIII и Ришелье как раз из таких.

Потому что блокада королевства Австрийским домом — реальность: Франция могла бы, конечно, согласиться на роль второразрядной европейской страны, но это не в ее характере. С убийством Генриха IV Габсбурги получили драгоценную передышку, но в один прекрасный день Ришелье и Людовик XIII отказываются от политики смирения.

Рождается французская нация. Никогда еще столько не говорили о родине. Все хотят быть в лагере добрых французов, превозносят галльского петуха — символ нации храброй и несколько тщеславной, сознающей и свои достоинства и свои недостатки, желающей, чтобы ее король, выполняющий исключительно волю Божью, был целиком и полностью «императором в своем королевстве».

Потому что мнение, обмен аргументами, споры полемистов и газет становятся все более важным фактором в политической жизни. Французы хотят знать и понимать: «Любой образованный француз рассуждает в 1640 году лучше, чем в 1600-м …и то, что он думает, излагает более точно и тонко» (Антуан Адам).

Французы гордятся своей страной и независимостью, больше всего заботясь о спокойствии королевства. Но с каждой военной кампанией к Ришелье присоединяется все больше сторонников его политики. Когда опасность будет стоять у ворот Парижа, будут собраны все имеющиеся в наличии ресурсы. И, может быть, не случайно, 1636 год — год *Сида* является вместе с тем годом Корби? Смерть Людовика XIII 14 мая 1643 года всего на пять дней

опередила победу при Рокруа, положившую конец вековой непобедимости испанских армий.

Началось становление новой страны, все больше и больше удалявшейся от средневековой восприимчивости, пропитанной феодализмом, к которой обращается королева-мать в своей ссоре с сыном. Мария Медичи принимала участие в этом движении, из которого появилась современная Франция. Она помогла становлению иезуитов и урсулинок, которые сделают все для того, чтобы выковать дух новой цивилизации — классической. Предоставив возможность Соломону де Броссу построить Люксембургский дворец, и Рубенсу, дав заказ на полотна из истории ее жизни, она оказала значительное влияние на развитие французской архитектуры и живописи. Из итало-испанской Франции родилась Франция классическая.

Но вот в чем дело: Мария Медичи больше зритель, чем действующее лицо, и дает изменениям увлечь себя, а не руководит ими. В один прекрасный день изменения начнут происходить быстрее, чем она сможет их понять, и тогда королева начнет изо всех сил сопротивляться, упрямиться, обвинять, бушевать и в конце концов хлопнет дверью с поистине королевской яростью.

Мария Медичи способствовала становлению литературного языка, защитив Малерба. Но сама никогда правильно не говорила по-французски.

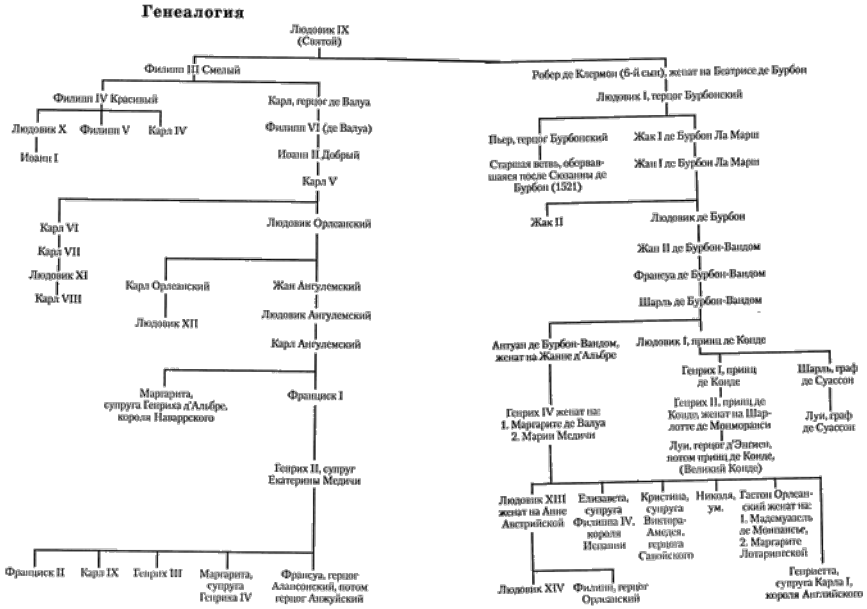
Приглашая итальянских актеров в Париж, она помогла французскому театру осознать самое себя и дала возможность Мольеру отточить свой талант. Но самой не нравилось ничего, кроме шутовства Арлекина и Скарамуша.

Мария Медичи жила во времена наступающей Контрреформации и, насколько возможно, поощряла все инициативы католической партии. Но набожность ее всегда была неглубокой и формальной.

Мария Медичи была в ссылке, когда в 1635 году Ришелье создал Французскую Академию. В 1636-м Корнель давал *Сида,* а королева-мать из Брюсселя аплодировала поражению Франции. Мария Медичи умерла первый раз, когда ускользнула из Компьенского замка в ночь с 18 на 19 июля 1631 года, второй — когда разбитый при Кастельнодари Гастон Орлеанский подписал 29 сентября 1632 года договор в Безье. Та, которая, наконец, угасла в Кельне 3 июля 1642 года — легкая тень королевы, исчезнувшей еще десять лет назад со сцены Истории, украдкой покидала в этот день мир, рождению которого она

способствовала, но в котором ей уже очень давно не было места.

ПРИЛОЖЕНИЯ


Генеалогия
Людовик IX (Святой)
Филипп III Смелый
Робер де Клермон (6-й сын), женат на Беатрисе де Бурбон
Филипп IV Красивый
Карл, герцог де Валуа
Людовик I, герцог Бурбонский
Людовик X
Филипп V
Карл IV
Филипп VI (де Валуа)
Пьер, герцог Бурбонский
Жак I де Бурбон Ла Марш
Иоанн I
Иоанн II Добрый
Старшая ветвь, оборвавшаяся после Сюзанны де Бурбон (1521)
Жан I де Бурбон Ла Марш
Карл V
Жак II
Карл VI
Людовик Орлеанский
Людовик де Бурбон
Карл VII
Жан II де Бурбон-Вандом
Людовик XI
Карл Орлеанский
Жан Ангулемский
Франсуа де Бурбон-Вандом
Карл VIII
Людовик XII
Людовик Ангулемский
Шарль де Бурбон-Вандом
Карл Ангулемский
Антуан де Бурбон-Вандом, женат на Жанне д'Альбре
Людовик I, принц де Конде
Маргарита, супруга Генриха д'Альбре, короля Наваррского
Франциск I
Генрих I, принц де Конде
Шарль, граф де Суассон
Генрих IV женат на: 1. Маргарите де Валуа 2. Марии Медичи
Генрих II, принц де Конде, женат на Шарлотте де Монморанси
Луи, граф де Суассон
Луи, герцог д'Энгиен, потом принц де Конде, (Великий Конде)
Генрих II, супруг Екатерины Медичи
Людовик XIII женат на Анне Австрийской
Елизавета, супруга Филиппа IV, короля Испании
Кристина, супруга Виктора-Амедея, герцога Савойского
Никола, ум.
Гастон Орлеанский женат на: 1. Мадемуазель де Монпансье, 2. Маргарите Лотарингской
Франциск II
Карл IX
Генрих III
Маргарита, супруга Генриха IV
Франсуа, герцог Алансонский, потом герцог Анжуйский
Людовик XIV
Филипп, герцог Орлеанский
Генриетта, супруга Карла I, короля Английского

Дети Генриха IV и Марии Медичи

Людовик 1601–1643
Елизавета 1602–1644
Кристина 1606–1663
Николя 1607–1611
Гастон 1608–1660
Генриетта-Мария 1609–1669

Людовик XIII. Старший сын, родился 27 сентября 1601 года. Его крестным был римский папа, крестной — герцогиня Мантуанская Элеонора, старшая сестра Марии Медичи. Становится королем Франции 14 мая 1610 года. Умер 14 мая 1643 года.

Елизавета. Старшая дочь, родилась 22 ноября 1602 года. Ее крестная — Изабелла-Клара-Евгения, инфанта Испанская. В 1615 году вышла замуж за инфанта Филиппа, сына Филиппа III Испанского, который становится королем испанским после смерти отца в 1621 году. Умерла в 1644 году.

Кристина. Вторая дочь, родилась 10 февраля 1606 года. В 1620 году вышла замуж за князя Пьемонтского, сына герцога Савойского Карла-Эммануила I, который становится герцогом Савойским после смерти отца в 1630 году под именем Виктора-Амедея I. Овдовев в 1637 году, становится регентшей герцогства. Умерла в 1663 году.

Николя, второй сын, первый герцог Орлеанский, родился 13 апреля 1607 года. Умер в ночь с 16 на 17 ноября 1611 года.

Гастон, третий сын, герцог Анжуйский, потом герцог Орлеанский, родился 25 апреля 1608 года. Его крестный — кардинал де Жуайез, крестная — Маргарита де Валуа. Умер в 1660 году.

Генриетта-Мария, третья дочь, родилась 25 ноября 1609 года. Вступив в брак с королем Карлом I в 1625 году, стала королевой Англии. Умерла в 1669 году.

Хронология

1553

14 декабря Родился Генрих IV

1568

19 мая Родилась Леонора Галигаи

1572

11 апреля В Блуа подписан брачный контракт между Генрихом Наваррским и Маргаритой Французской

9 июня Умерла Жанна д'Альбре — мать Генриха Наваррского

18 августа Свадьба Генриха Наваррского и Маргариты Французской

24 августа Варфоломеевская ночь

1573

26 августа Родилась Мария Медичи

1584

10 июня Смерть герцога Анжуйского, бывшего герцога Алансонского, младшего брата Генриха III. Генрих Наваррский становится заранее назначенным наследником престола

1585

9 сентября Издание буллы об отлучении Генриха Наваррского и принца де Конде.

В Париже родился Арман Жан дю Плесси де Ришелье, будущий кардинал Ришелье

1588

23 декабря По приказу Генриха III в Блуа убит Генрих де Гиз «Меченый»

1589

5 января Смерть Екатерины Медичи

1 и 2 августа Генрих III убит монахом Жаном Клеманом в Сен-Клу. Генрих Наваррский становится королем Франции под именем Генриха IV

16–21 сентября Битва при Арке

1590

14 марта Битва при Иври

1593

25 июля Отречение Генриха IV от протестантизма в Сен-Дени

1594

27 февраля Коронация Генриха IV в Шартре

22 марта Генрих IV вступает в Париж

27 декабря Покушение Жана Шателя на Генриха IV

29 декабря Парижский парламент издает указ об изгнании иезуитов из королевства

1595

16 января Генрих IV объявляет войну Испании

5 июня Победа Генриха IV над испанцами при Фонтен-Франсез

17 сентября Генрих IV получает папское отпущение грехов

1598

13 апреля Нантский эдикт

2 мая Вервенский договор (мирный договор между Францией и Германией)

12 сентября Филипп III сменяет Филиппа II на испанском престоле

1599

10 апреля Смерть Габриэль д'Эстре

17 декабря Расторжение брака Генриха IV и Маргариты Французской

1600

25 апреля Во Флоренции подписан брачный контракт между Генрихом IV и Марией Медичи

11 августа Генрих IV объявляет войну Савойе

20 августа Покорение Шамбери

5 октября Заключение брака по доверенности между Генрихом IV и Марией Медичи во Флоренции

9 ноября Мария Медичи прибывает в Марсель

16 ноября Капитуляция цитадели Монмелиана

3 декабря Мария Медичи прибывает в Лион

9 декабря Встреча Генриха IV и Марии Медичи в Лионе

17 декабря Церемония в Лионском соборе по случаю свадьбы Генриха IV и Марии Медичи

1601

17 января Лионский договор между Францией и Савойей. Присоединение к Франции Бресса, Бюже, Жекса, Вальроме

9 февраля Мария Медичи прибывает в Париж

27 сентября Родился Людовик XIII

27 октября Родился Гастон-Генрих де Бурбон, маркиз де Верней — сын Анриетты д'Антраг и Генриха IV

1602

31 июля Казнь Бирона

22 ноября Родилась Елизавета — старшая дочь Марии Медичи и Генриха IV, будущая королева Испанская

1603

24 марта Смерть королевы Елизаветы I Английской

9 августа В Хэмптон-Корт подписан договор о союзе Генриха IV и Якова I Английского

1604

2 января Парижский парламент зарегистрировал эдикт о восстановлении в правах иезуитов

1605

1 февраля Суд над участниками заговора д'Антрага

1606

10 февраля Родилась Кристина — вторая дочь Марии Медичи и Генриха IV, будущая герцогиня Савойская

14 сентября Крестины Людовика XIII

1607

13 апреля Родился Николя — второй сын Марии Медичи и Генриха IV, первый герцог Орлеанский

1608

25 апреля Родился Гастон — третий сын Марии Медичи и Генриха IV, герцог Анжуйский, потом герцог Орлеанский (с 1626)

4 мая Образование Евангелической унии (федерации князей-протестантов Германии)

1609

7 февраля Умер Жан-Гийом, герцог Клевский и Жюлье

25 сентября «День окна». Мать Анжелика Арно, настоятельница Пор-Руайаль, отказывается открыть ворота монастыря для своего отца.

25 ноября Родилась Генриетта — третья дочь Марии Медичи и Генриха IV, будущая королева Английская

3 декабря Канонизация Игнатия Лойолы папой Павлом V

1610

10 февраля Союзнический договор между Генрихом IV и немецкими князьями-протестантами

13 мая Коронация Марии Медичи в Сен-Дени

14 мая Убийство Генриха IV

15 мая Регентство доверено Марии Медичи

27 мая Казнь Равальяка

3 сентября Захват Жюлье

16 сентября Леонора Галигаи покупает маркграфство Анкр за 330 000 ливров

17 октября Коронация Людовика XIII

1611

26 января Сюлли отстранен от должности суперинтенданта финансов

11 ноября Берюлл основал орден ораторианцев

1612

2 апреля Мария Медичи покупает особняк герцога Люксембургского

5–7 апреля Карусель на Королевской площади

22 августа В Мадриде подписан брачный контракт между Людовиком XIII и Анной Австрийской

25 августа В Париже подписан брачный контракт между инфантом Филиппом (будущим Филиппом IV Испанским) и Елизаветой

31 октября Смерть графа де Суассона

1613

17 июля Людовик XIII закладывает первый камень «Фонтанов Рунжиса»

19 ноября Кончини становится маршалом Франции

1614

февраль Герцог Невэрский захватывает цитадель Мезьер

15 мая Договор в Сен-Менеульд

2 октября Декларация большинства Людовика XIII

27 октября Открытие Генеральных штатов

1615

23 февраля Заключительное заседание Генеральных штатов. Выступление епископа Люсонского — будущего кардинала Ришелье

24 марта Последнее собрание депутатов Генеральных штатов в Лувре

27 марта Смерть Маргариты Французской — первой жены Генриха IV

2 апреля Мария Медичи закладывает первый камень Люксембургского дворца

13 мая Возобновление на три года продажи должностей и налога, выплачиваемого королю должностными лицами

7 октября Обмен принцессами на реке Бидассоа

28 ноября Заключение брака Людовика XIII и Анны Австрийской в Бордо

1616

3 и 8 мая Луденский договор между Марией Медичи и принцами

1 сентября Арест Конде

19 октября Люинь покупает должность главного сокольничего

24 ноября Три назначения в Совете короля: Манго — хранитель печатей, Клод Барбен — суперинтендант финансов, Ришелье — министр иностранных дел и военный министр

1617

24 апреля Убийство Кончини

30 апреля Восстановление в должности бывших министров Вильруа, Жаннена, дю Вэра, Брюлара де Сильери

3 мая Отъезд Марии Медичи в Блуа

19 мая Мария Медичи назначает Ришелье главой ее совета и ее дел, держателем и хранителем ее печати

15 июня Ришелье получает приказ короля не покидать своей епархии Люсон

25 июня Эдикт о возвращении католической церкви имущества, захваченного протестантами в Беарне

8 июля Вынесение смертного приговора и казнь Леоноры Галигаи

1618

15 февраля Иезуитам разрешено возобновить преподавание в Клермонской Коллегии

16 апреля Ришелье сослан в Авиньон

23 мая «Пражская дефенестрация»

30 августа Клод Барбен приговорен к ссылке за оскорбление величества

1619

22 февраля Побег Марии Медичи из Блуа. Первая война Матери и Сына

7 марта В Авиньоне Ришелье получает приказ ехать в Ангулем

30 апреля Ангулемский договор между Марией Медичи и Людовиком XIII. Окончание первой войны Матери и Сына

28 августа Фердинанд Штирийский избран императором под именем Фердинанда II

5 сентября Встреча в Кузьере Марии Медичи и Людовика XIII

20 октября Освобождение принца Конде

25 октября Канонизация Франциска Ксавье папой Павлом V

декабрь Людовик XIII обещает военную помощь Фердинанду II в борьбе против богемских протестантов

1620

июль-август Вторая война Матери и Сына

7 августа «Шалости в Пон-де-Се»

10 августа Анжерский договор между Марией Медичи и Людовиком XIII. Окончание второй войны Матери и Сына

октябрь Военная кампания против протестантов Беарна. Начало религиозных войн Людовика XIII

14 октября Вступление Людовика XIII в По

19 октября Объявление о присоединении Беарна и Нижней Наварры к Французской короне

8 ноября Битва у Белой Горы

1621

25 апреля Мадридский договор между Францией и Испанией по поводу Вальтелины

4 августа Капитуляция Клерака

август-ноябрь Неудачная осада Монтобана

12 декабря Взятие Монера

14 декабря Смерть Люиня

1622

22 января Мария Медичи делает заказ Рубенсу: 24 картины *Истории Марии Медичи*

10 июня Резня в Негрепелисс

5 сентября Ришелье становится кардиналом

18 октября Мир в Монпелье

1623

7 февраля Парижский договор (образование лиги Франции, Венеции и Савойи по поводу Вальтелины и Граубюндена)

1624

1 января Отставка канцлера Сильери

29 апреля Ришелье введен в состав Совета короля

13 августа Арест Ла Вьевиля. Ришелье — глава совета

ноябрь Маркиз де Кевр в Граубюндене и в Вальтелине

1625

11 мая Заключение брака по доверенности Генриетты и Карла I Английского в Париже.

В Люксембургском дворце открыта галерея, украшенная полотнами из *Истории Марии Медичи* Рубенса

7 июня Генриетта, Бэкингем, Анна Австрийская и Мария

Медичи в Амьене

29 сентября Чрезвычайный совет в Фонтенбло по поводу дела Вальтелины

1626

5 марта Монсонский договор с Испанией по поводу Вальтелины

5 августа Заключение брака Гастона Орлеанского и мадемуазель де Монпансье в Нанте

19 августа Казнь Шале в Нанте

1627

20 апреля Союзнический договор между Францией и Испанией

30 апреля Берюлл становится кардиналом

28 июня Мария Медичи дарит малый Люксембургский дворец Ришелье

20 июля Высадка англичан на острове Ре

10 сентября Жители Ла-Рошели открывают огонь по королевской армии

12 сентября Людовик XIII размещает свой штаб в Айтре. Начало осады Ла-Рошели

26 декабря Смерть Винченцо II, герцога Мантуанского. Герцог Невэрский назначен его наследником

1628

середина мая Прибытие, а потом уход английского флота для помощи Ла-Рошели

23 августа Убийство Бэкингема

30 сентября Прибытие, а потом уход второго английского флота для помощи Ла-Рошели

28 октября Капитуляция Ла-Рошели

1 ноября Вступление Людовика XIII в Ла-Рошель

26 декабря Заседание Совета короля по поводу дел Мантуи

1629

13 января «Уведомление королю» кардинала Ришелье о Мантуанском наследстве

6 марта Людовик XIII подчиняет Сузу

11 марта Договор в Сузе

сер. марта Испанцы снимают осаду Казаля

7 июня Мир в Любеке. Кристиан IV Датский отказывается начинать военные действия в Германии

28 июня «Эдикт милости» в Алесе. Окончание религиозных войн Людовика XIII

14 сентября Первая размолвка Марии Медичи и Ришелье в Фонтенбло. Начало ссоры между королевой-матерью и кардиналом Ришелье

2 октября Смерть Пьера де Берюлла

21 ноября Ришелье назначен «главным государственным министром»

29 декабря Ришелье, «королевский наместник и личный представитель короля в Италии», покидает Фонтенбло

1630

29 марта Французская армия захватывает Пиньероло

13 апреля «Уведомление королю» кардинала Ришелье по поводу итальянских дел

11 мая Ришелье заставляет Марию Медичи одобрить вторжение в Италию

18 июля Падение Мантуи, взятой имперскими войсками

26 июля Смерть герцога Савойского Карла-Эммануила I. Его наследником становится его сын Виктор-Амедей I, муж Кристины

22 сентября Болезнь Людовика XIII в Лионе

30 сентября Людовик XIII при смерти, потом выздоравливает

13 октября Регенсбургский договор

26 октября У стен Казаля Мазарини побуждает испанцев и французов подписать мирный договор

10–12 ноября «День одураченных»

1631

23 января Барвальдский договор между Францией и Швецией

30 января Гастон Орлеанский разрывает отношения с Ришелье и уезжает из Парижа в Орлеан

23 февраля Мария Медичи заключена в Компьенский замок

18–19 июля Побег Марии Медичи из Компьеня

19 июля Мария Медичи приезжает в Эстенг в Испанских Нидерландах

17 сентября Битва при Брейтенфельде около Лейпцига. Победа шведской армии Густава-Адольфа над имперской армией

1632

6 января Викский договор между Францией и Лотарингией. Герцог Лотарингский уступает Марсаль Франции

26 июня Договор в Ливердене между Францией и Лотарингией. Герцог Лотарингский уступает Стене и Жамец Франции

16 августа Де Эй де Курменен взят в плен Шарнасе около Майнца в Германии

24 августа Маастрихтская капитуляция

1 сентября Битва при Кастельнодари

29 сентября Гастон Орлеанский подписывает договор в Безье

30 октября Казнь герцога де Монморанси в Тулузе

6 ноября Побег Гастона Орлеанского и Пюилорана из Тура

16 ноября Битва при Лютцене. Поражение Валленштейна и смерть Густава-Адольфа, короля Шведского

1633

25 сентября Вступление Людовика XIII в Нанси

1634

25 февраля Убийство Валленштейна

12 мая Договор между Гастоном Орлеанским и Испанией

6 сентября Битва при Норлингене. Поражение шведов

1 октября Экуэнский договор между Людовиком XIII и Гастоном Орлеанским

8 октября Побег Гастона Орлеанского из Испанских Нидерландов

24 ноября Предварительное соглашение в Пирна (курфюрсты Саксонии и Бранденбурга заключают мир с императором)

1635

19 мая Франция объявляет войну Испании

30 мая Пражский мир (подтверждение предварительного соглашения в Пирне)

1636

30 марта Висмарский договор между Швецией и Францией

6 июня Волнения ярмарки Бланзака (бунт кроканов)

15 августа Потеря Корби

14 ноября Возвращение Корби

1637

19 мая Мадемуазель де Лафайет принята в монастырь ордена Пришествия в Париже

1 июня Поражение кроканов при Ла Совета-дю-Дропт

26 июля Кардинал де Ла Валет захватывает Ландреси

8 сентября Смерть Виктора-Амедея I, герцога Савойского

10 октября Принц Оранский возвращает Бреду

1638

2 марта Ян Верт разбит и взят в плен Бернардом Саксонским-Веймарским у Рейнфельдена

11 апреля Бернард Саксонский-Веймарский захватывает Фрибур

10 августа Мария Медичи уезжает из Брюсселя в Спа

14 августа Мария Медичи прибывает в Буа-де-Дюк в Голландии

5 сентября Родился Луи-Дьедонне (Богоданный), сын Людовика XIII и Анны Австрийской, будущий Людовик XIV

7 сентября Разгром в Фуэнтаррабии

5 ноября Торжественное прибытие Марии Медичи в Лондон

1639

16 июля Бунты в Авранше (восстание голытьбы)

20–23 августа Бунты в Руане

30 ноября Подавление восстания голытьбы в Авранше

1640

28 августа Карл I Английский разбит шотландскими мятежниками в Ньюбурне

1641

11 мая Палата Общин требует выслать Марию Медичи из Англии

9 июля Битва при Ла-Марфе. Победа и смерть графа де Суассона

12 октября Приезд Марии Медичи в Кельн

22 декабря Смерть Сюлли

1642

3 июля Смерть Марии Медичи в Кельне

4 декабря Смерть Ришелье

1643

4 марта Мария Медичи захоронена в Сен-Дени

14 марта Смерть Людовика XIII

Иллюстрации [9]

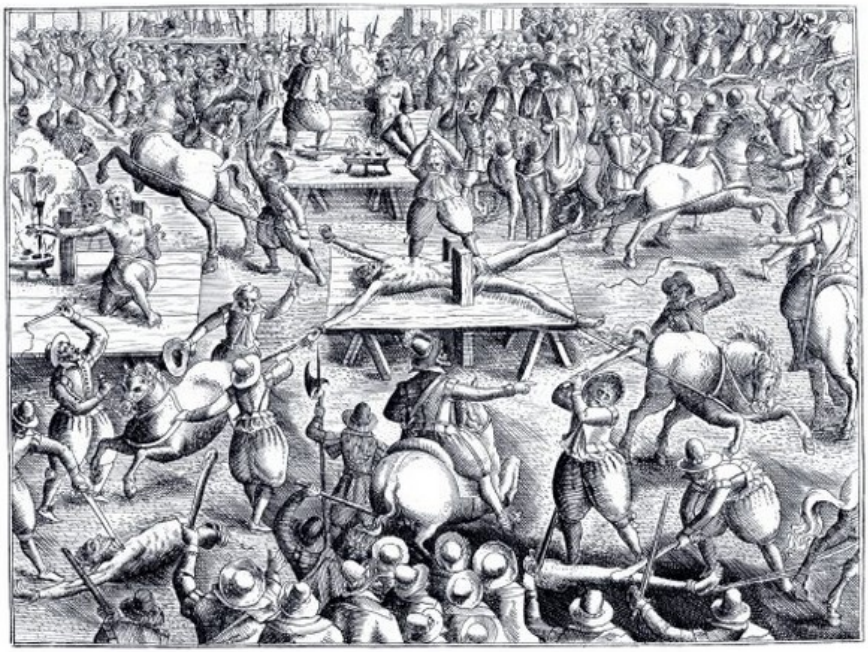
Мария Медичи. П. Рубенс (Музей Лувра)

Генриху IV показывают портрет Марии Медичи. П. Рубенс (Музей Лувра)

Кончино Кончини (Национальная Библиотека)

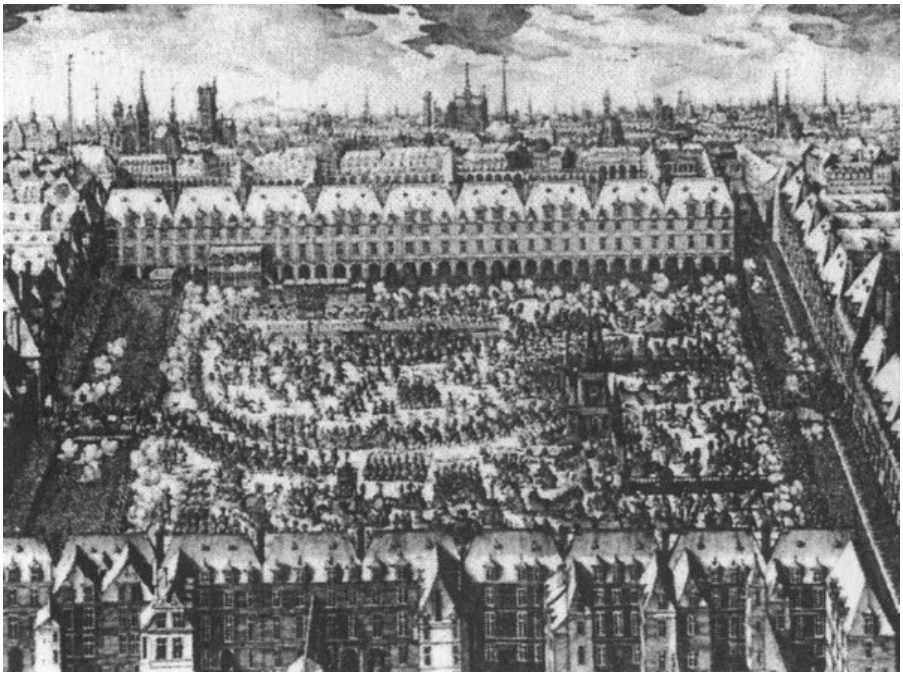
Леонора Галигаи

Убийство Генриха IV (Национальная Библиотека)



Казнь Равальяка (Национальная Библиотека)

Открытие Генеральных штатов 27 октября 1614 (Национальная Библиотека)



Конные состязания на Королевской площади — 5, 6, 7 апреля 1612 г. (Национальная Библиотека)

Испанские браки (Национальная Библиотека)

Людовик XIII (Национальная Библиотека)

Ришелье, уничтожающий ересь (Национальная Библиотека)

Гастон Орлеанский (Национальная Библиотека)

Смерть Марии Медичи в Кельне, июль 1642 г. (Национальная Библиотека)

notes

Примечания

1

Ультрамонтанство — направление в католицизме, отстаивающее идею неограниченной верховной власти римского папы. — *Прим. пер.*

Она была переплавлена во время революции, а потом в 1818 г. ее заменила ныне существующая статуя.

3

В 1800 году, чтобы отметить департамент, первым выплативший свои налоги.

4

Игра слов: «Анкр», по-французски encre — чернила.

Архиепископ Лионский до сих пор сохраняет этот титул. По своему рангу он является первым лицом в церкви Франции.

6

Игра слов: по-французски «якорь» и имя маршала «Анкр» пишутся и звучат одинаково — encre (*прим. пер.)*.

7

Рустика (арх.) — выступ стены из заостренных или закругленных камней — декоративный элемент.

8

См. главу VIII.

9

Часть черно-белых иллюстраций заменена на аналогичные цветные (прим. верстальщика).